

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет

220-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
И 70-ЛЕТИЕ НОВОЙ ИСТОРИИ
КАФЕДРЫ ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССА
юридического факультета
Московского университета

Сборник докладов
на Международной научной конференции

Москва, 7 февраля 2024 г.

Москва
Зерцало-М
2024

УДК 347.9
ББК 67.404
Д23

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора *В. В. Молчанова*

Составители сборника:
доктор юридических наук, профессор *Воронов А. Ф.*,
кандидат юридических наук, доцент *Моисеев С. В.*,
кандидат юридических наук, доцент *Зайченко Е. В.*

Д23   **220-летие образования и 70-летие новой истории кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского университета.** Москва, 7 февраля 2024 г. / под ред. В. В. Молчанова. — М., 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-94373-558-5

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-94373-558-5

© Колл. авторов, 2024
© ИКД «Зерцало-М», 2024

**МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
(МГУ)

119991 Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, д.1
Тел.: +7(495) 939-27-29, факс +7(495) 939-01-26

Кафедре гражданского процесса
юридического факультета
Московского университета

В преддверии 270-летнего юбилея Московского университета свой 220 – летний юбилей отмечает кафедра гражданского процесса юридического факультета. Согласно Уставу Московского Императорского Университета 1804 года в составе Отделения нравственных и политических наук была образована кафедра «профессора прав гражданского судопроизводства», которую занимал родоначальник отечественной процессуальной науки Захарий Аникеевич Горюшкин, ставший первым преподавателем курса практического судопроизводства, включающего «порядок дел гражданских и уголовных» в Московском университете. Впоследствии гражданское судопроизводство студентам юридического факультета преподавали многие выдающиеся российские правоведы и государственные деятели, среди которых, - Константин Петрович Победоносцев, Николай Павлович Боголепов, Сергей Андреевич Муромцев и другие.

Современная кафедра гражданского процесса – достойный продолжатель традиций университетского образования и юридической науки, вносящая свой вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов в области гражданского, арбитражного, административного процессуального права, обеспечение конкурентоспособности юридического образования, предоставляемого Московским университетом, и воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности юриста.

Поздравляю профессоров, преподавателей и сотрудников кафедры гражданского процесса юридического факультета с 220-летним юбилеем, желаю творческих успехов, дальнейшего поступательного и плодотворного развития на благо Московского университета.

**Ректор
Московского университета
академик**

В.А. Садовничай

**КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ
ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ И
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА
В МОСКОВСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

2024

Родоначальником отечественной науки гражданского процесса можно считать самого яркого представителя практического направления в российской юриспруденции конца XVIII – начала XIX в. **Захария Аникеевича ГОРЮШКИНА (1748–1821)**. Им написаны первые научные труды по судопроизводству – «Описание судебных действий, или Легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к отправлению должностей в судебных местах» (1807). Он, занимая «кафедру ординарного профессора прав гражданского судопроизводства», был первым преподавателем курса практического судопроизводства, включавшего «порядок дел гражданских и уголовных», на юридическом факультете Императорского Московского университета (1804–1811).

Сменил З. А. Горюшкина на этом поприще выпускник Московского университета (1787), статский советник **Николай Николаевич САНДУНОВ (1769–1832)**, юриспруденцию «так знающий, как мало есть людей ее знающих», который преподавал практическое судопроизводство до 1832 г., занимая при этом и должность декана факультета.

С 1832 по 1834 г. занятия по предмету для студентов 2 и 3-го курсов проводил **Семен Алексеевич СМИРНОВ (1779–1847)** в качестве экстраординарного профессора, а затем Советом факультета чтение лекций было поручено ординарному профессору **Николаю Семеновичу ВАСИЛЬЕВУ (конец 1790-х – после 1855)**, впоследствии ставшему деканом юридического факультета.

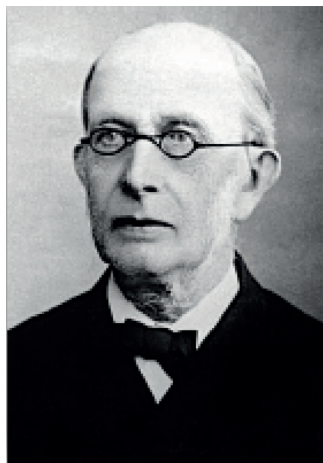
В период реорганизации императорских университетов в 1830–1850-х гг. в Московском университете не только продолжалось преподавание гражданского судопроизводства, но и возрос «удельный вес» этого предмета в общем факуль-

тетском учебном курсе. 7 января 1853 г. министр народного просвещения направил письмо Совету юридического факультета с настоятельной рекомендацией «читать больше противу прежнего объема на четвертом курсе гражданское судопроизводство — 2 лекции в неделю». С 1854 г. занятия

по теоретическому и практическому судопроизводству проводил ординарный профессор Московского университета, действительный статский советник **Федор Лукич МОРОШКИН (1804–1857)**.

В 1859–1865 гг. лекции по гражданскому судопроизводству читал правовед и крупный государственный деятель **Константин Петрович ПОБЕДНОСЦЕВ (1827–1907)**, защитивший в 1859 г. в Московском университете магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства». Он принимал самое деятельное участие в подготовке Устава гражданского судопроизводства 1864 г. Ему принадлежит ряд работ по гражданскому процессу — «О гражданском судопроизводстве» (1861), «Судебное руководство» (1872).

Затем какое-то время учебный курс преподавал выпускник Московского университета, экстраординарный профессор **Владимир Николаевич НИКОЛЬСКИЙ (1821–1872)**, а с 1868 по 1871 г. — выпускник Казанского университета, защитивший магистерскую диссертацию в Московском университете, докторскую — в Петербургском университете, бывший ординарный профессор этого университета **Александр Иванович ВИЦЫН (1833–1900)**. Им написано широко известное научное сочинение «Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое исследование».

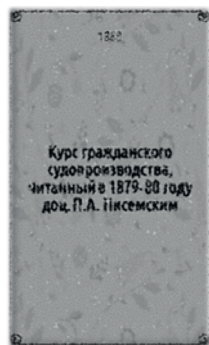

«Примерное судебное разбирательство» на юридическом факультете Московского университета (шестой слева – С. А. Муромцев) (1870-е гг.)

С 1872 по 1875 г. со студентами юридического факультета по предмету «Гражданское судопроизводство» занимался приват-доцент **Адам Михайлович ФАЛЬКОВСКИЙ (1822–1896)**, математик по образованию, имевший большой опыт практической работы в московских судебных учреждениях, присяжный поверенный, секретарь Московского юридического общества, редактор «Юридического вестника».

В 1879/80 учебном году лекции по гражданскому судопроизводству читал приват-доцент **Павел Алексеевич ПИСЕМСКИЙ (1850–?)**. Однако в 1880 г. он уведомил факультет о своей болезни, которая «не дает полной уверенности ему, что будет в силах читать лекции по гражданскому судопроизводству на 4-м курсе в следующем полугодии». В этой связи обсуждался вопрос о том, кто будет читать этот курс, и Совет пришел к выводу, что «в наличном составе факультета нет лица, которое могло бы быть обязано прочесть курс гражданского судопроизводства безденежно».

Поэтому занятия проводились приглашенными профессорами.

В 1880-х гг. курс лекций по гражданскому судопроизводству и судоустройству читался 3 часа каждую неделю на четвертом курсе, из них в качестве приглашенных профессоров 2 часа читали **Николай Павлович БОГОЛЕПОВ (1846–1901)**, ректор Московского университета в 1883–

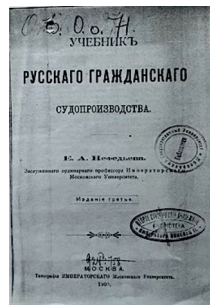

1887 и 1891–1893 гг. и министр народного просвещения в 1898–1901 гг., написавший для этого курса «Лекции русского гражданского судопроизводства» (1883), и 1 час – **Сергей Андреевич МУРОМЦЕВ (1850–1910)** – проректор Московского университета в 1881–1884 гг., председатель Первой Государственной Думы (1906), созревавший, по воспоминаниям современников, в «особенной слабости» к вопросам процессуальным и всегда просивший при распределении работы «отмежевать» эти вопросы ему.

С середины 1880-х гг. начал вести занятия по гражданскому судоустройству и судопроизводству экстраординарный профессор **Юрий Степанович ГАМБАРОВ (1850–1926)**. Сохранился машинописный текст его лекций в 1894/95 учебном году.

Позднее лекции читал ординарный профессор **Евгений Алексеевич НЕФЕДЬЕВ (1851–1910)**, защитивший в 1892 г. докторскую диссертацию «К учению о сущности гражданского процесса». Им написаны «Лекции по гражданскому процессу» (1896), «Учебник гражданского судопроизводства» (1900), выдержавший несколько изданий.

И. А. Кистяковский

В 1910/11 учебном году лекции по гражданскому судопроизводству на юридическом факультете читал в качестве приват-доцента **Василий Александрович КРАСНОКУТСКИЙ (1873–1948)**, он же вел практические занятия, часть из которых проводил приват-доцент **Игорь Александрович КИСТЯКОВСКИЙ (1876–1940)**.

В эти годы к преподаванию на юридическом факультете также привлекался **Тихон Михайлович ЯБЛОЧКОВ (1880–1926)**, написавший «Учебник русского гражданского судопроизводства» (1910).

С 1911 по 1917 г. лекционные и практические занятия со студентами по гражданскому судопроизводству проводил ординарный профессор, действительный статский советник **Алексей Михайлович ГУЛЯЕВ (1863–1923)**. До работы в Московском университете он был товарищем обер-прокурора гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената.

Василий Александрович КРАСНОКУТСКИЙ, к тому времени уже ординарный профессор кафедры, занимался со студентами гражданским процессом вплоть до реорганизации юридического факультета Московского университета в 1919 г. Впоследствии он участвовал в разработке первого Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г.

На созданном после реорганизации университета вместо юридического факультета политико-юридическом отделении факультета общественных наук (ФОН) гражданский процесс преподавал бывший присяжный поверенный, ставший впоследствии профессором судебного отделения и членом коллегии Верховного Суда РСФСР, **Семен Моисеевич ПРУШИЦКИЙ (1886–?)**. Какое-то время ему помогал проводить занятия в качестве внештатного сотрудника **Сергей Васильевич АЛЕКСАНДРОВСКИЙ (1889–1945)**, автор одного из первых, если не первого советского учебника по гражданскому процессу — «Гражданский процесс РСФСР» (1925). В 1925–1926 гг. гражданский процесс преподавал, также будучи внештатным сотрудником, **Василий Павлович ЧАПУРСКИЙ (1889–1970)**, впоследствии известный ученый, занимавшийся проблемой исполнения судебных решений.

Преподавание гражданского процесса на восстановленном в составе МГУ юридическом факультете в 1942 г. начал в качестве старшего преподавателя на ½ ставки **Василий Александрович КРАСНОКУТСКИЙ**.

В 1944 г. продолжил преподавание учебного курса пришедший на факультет профессор **Александр Филиппович КЛЕЙНМАН (1889–1983)**, который в 1954 г. после реорганизации юридического факультета МГУ в связи с вхождением в его состав Московского юридического института (МЮИ) возглавил кафедру гражданского процесса. Он — один из самых ярких представителей науки советского гражданского процессуального права, стоявший у ее истоков, первым в СССР защитил докторскую диссертацию по гражданскому про-

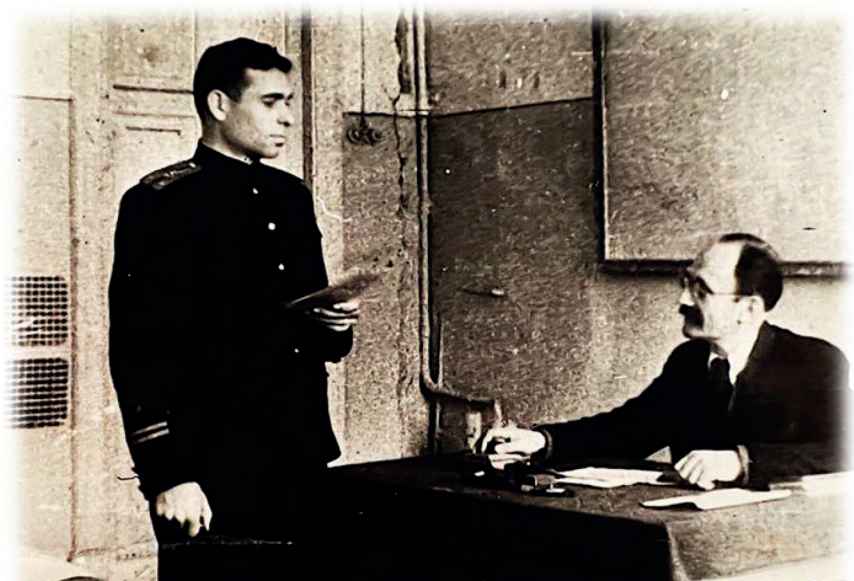

цессуальному праву — «Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности» (1940) и стал доктором юридических наук (1943). Ему принадлежат научные сочинения, ставшие классикой процессуальной науки: «Предмет науки советского гражданского процессуального права» (1940), «Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе» (1950), «Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессуальном праве» (1959), «Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права» (1967). Им написаны или изданы под его редакцией и непосредственном участии многочисленные учебники и учебные пособия (1934, 1936, 1937, 1940, 1954, 1958, 1964 и др.). Учениками профессора были ученые, составившие цвет науки гражданского процессуального права, — доктора юридических наук А. А. Добровольский, В. Н. Щеглов, П. В. Логинов, Д. И. Полумордвинов, В. Ф. Тараненко, Т. А. Лилуашвили, Я. Л. Штутин. Всего под его руководством защищено более 30 кандидатских диссертаций. А. Ф. Клейнман возглавлял комиссии по разработке Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также Гражданского процессуального кодекса РСФСР. Заслуженный деятель науки РСФСР.

А. Клейнман

А.Ф. Клейнман
(1930–1970 гг.)

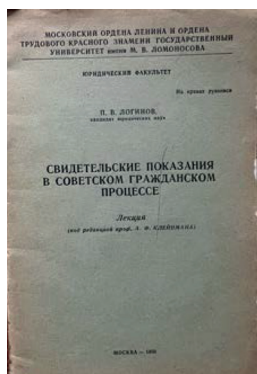

Профессор А.Ф. Клейнман в приемной комиссии юридического факультета (1954)

А.Ф. Клейнман принимает экзамен у студента из Монголии (1962)

Петр Васильевич ЛОГИНОВ (1922–1994) – человек сложной судьбы, в результате тяжелого ранения на фронте полностью потерявший зрение, но нашедший в себе силы вернуться к полноценной гражданской жизни. Он поступил в Московский юридический институт, который окончил в 1950 г. В 1953 г. под руководством профессора А. Ф. Клейнмана защитил кандидатскую диссертацию «Свидетельские показания в советском гражданском процессе» и в 1954 г. был зачислен ассистентом на кафедру гражданского процесса

юридического факультета МГУ. В 1973 г. защитил докторскую диссертацию «Сущность государственного арбитража и принципы применения его органами норм советского права при разрешении хозяйственных споров». С 1975 г. – профессор. Читал лекции по общему курсу гражданского процесса, спецкурсы «Арбитражный процесс в СССР» и «Принципы гражданского процессуального права». Под его руководством подготовлены 4 кандидатские диссертации. Им опубликованы «Свидетельские показания в советском гражданском процессе. Лекция» (1956), «Предварительная подготовка гражданских дел к слушанию в суде» (1960), «Третейские суды в СССР» (1963), «Решение государственного арбитража» (1964), «Сущность государственного арбитража» (1968) и др. – всего более 60 научных работ. Трудился на кафедре 40 лет. Кавалер ордена Красной Звезды и ордена Отечественной войны I степени.

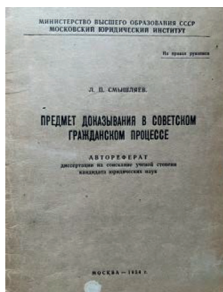
В 1954 г. начал работать на кафедре **Михаил Григорьевич АВДЮКОВ (1923–1975)**, поступивший на юридический факультет МГУ после демобилизации из рядов Советской армии и окончивший его с отличием (1950). Отучившись в аспирантуре, в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе» (научный руководитель – профессор А. Ф. Клейнман). В 1962 г. утвержден в звании доцента. Преподавал на дневном и вечернем отделениях факуль-

тета, читал курс гражданского процесса, спецкурсы по нотариату и арбитражу. Автор монографий «Судебное решение» (1959), «Исполнение судебных решений» (1960). Его самая известная и в наши дни работа — «Принцип законности в гражданском судопроизводстве» (1970). За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды (1944).

Леонид Петрович СМЫШЛЯЕВ защитил кандидатскую диссертацию «Предмет доказывания в советском гражданском процессе» в 1954 г. в Московском юридическом институте. Впоследствии много лет работал на кафедре гражданского процесса юридического факультета МГУ в должности доцента, а также исполнял обязанности заместителя проректора МГУ. Автор монографии «Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе» (1961). Ветеран войны.

Около 30 лет после защиты кандидатской диссертации «Судопроизводство по делам о расторжении брака в СССР» (1947), выполненной под руководством профессора А. Ф. Клейнмана, работала на кафедре **Евгения Николаевна КОВАЛЕВА**. Известна изданная в 1956 г. ее лекция «Судебное разбирательство гражданских дел в советском гражданском процессе».

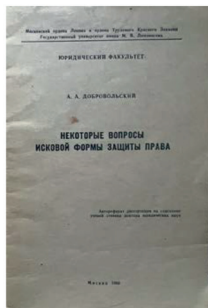
С 1968 по 1982 г. должность заведующего кафедрой гражданского процесса занимал **Аркадий Александрович ДОБРОВОЛЬСКИЙ** (1911–1982), пришедший работать на кафедру в 1954 г. после выхода в отставку с должности члена Верховного Суда СССР. Под руководством профессора А. Ф. Клейнмана в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию «Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе», а в 1966 г. — докторскую диссертацию «Некоторые вопросы исковой формы защиты права». В сферу его научных интересов

входили наиболее актуальные и фундаментальные проблемы науки советского гражданского процессуального права, гражданского процесса со-

циалистических стран — членов СЭВ, государственного арбитража. Им опубликована фундаментальная монография «Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске)» (1965), крупная работа «Гражданский процесс в социалистических странах — членах СЭВ» (в соавторстве с зарубежными учеными) (1977). Аркадий Александрович был одним из ответственных редакторов и автором семи глав двухтомного «Курса советского гражданского процессуального права», подготовленного к изданию Институтом государства и права Академии наук СССР (1981). Читал лекции по гражданскому процессу студентам 3-го курса, у студентов 4-го курса вел занятия по специальной дисциплине «Исковая форма защиты права».

Особое внимание уделял научной работе студентов, которую поощрял и поддерживал. Научную и педагогическую работу совмещал с общественной — был членом научно-консультативных советов при Верховном Суде СССР и Верховном Суде РСФСР, членом НКС при Государственном арбитраже СССР. Участвовал в разработке Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Гражданского процессуального кодекса РСФСР, кодексов других союзных республик.

Среди его учеников известные ученые — Э. Г. Мурадян, М. К. Треушников, В. М. Шерстюк, А. В. Усталова, В. Н. Аргунов, З. Т. Новичкова, Б. Т. Матюшин. Всего под руководством профессора подготовлено 16 кандидатских диссертаций. Ветеран Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями. Заслуженный юрист РСФСР.

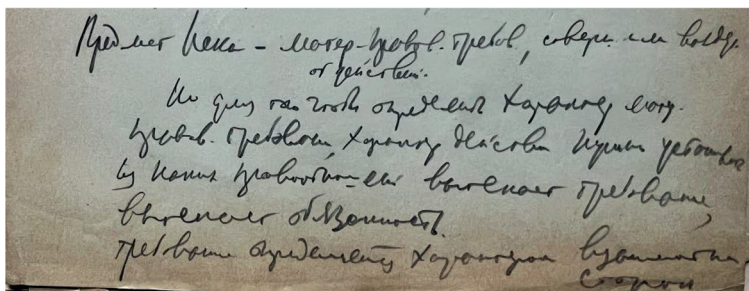

Автограф А.А. Добровольского на листке перекидного календаря с датой: 1955 г., 23 января, воскресенье: «Спросить, признает ли Смышляев деление: факты положительные и отрицательные? (да). Тогда почему он признает правопродуащие, но не признает правопрепятствующие?»

Спросить признает ли Смышляев деление: факты положительные и отрицательные? (да). Тогда почему он признает правопродуащие, но не признает правопрепятствующие?

А. А. Добровольский (1950-е гг.)

Автограф А.А. Добровольского (1955): «Предмет иска – материально-правовое требование, совершение или воздержание от действий. Но для того чтобы определить характер материально-правового требования, характер действий, нужно установить из каких правоотношений вытекает требование, вытекает обязанность, требование определяется характером взаимоотношений сторон»

А.А. Добровольский, М.К. Треушников, С.А. Иванова
на научной студенческой конференции (1981)

С 1970 г. в течение 43 лет работала на кафедре гражданского процесса **Серафима Александровна ИВАНОВА (1926–2014)**. Она с отличием окончила юридический факультет МГУ в 1949 г. До прихода в 1970 г. на кафедру гражданского процесса МГУ защитила в ВЮЗИ под руководством профессора М. А. Гурвича кандидатскую диссертацию «Некоторые процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей». Ей написаны такие работы, как

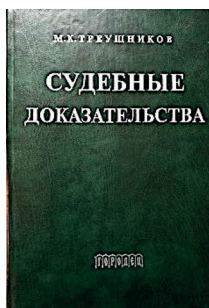
«Судебные споры о праве на воспитание детей» (1974), «Процессуальные особенности рассмотрения дел о взыскании алиментов» (1975), «Особенности судебного рассмотрения дел о расторжении брака» (1984). В 1973 г. присвоено ученое звание доцента. Серафима Александровна читала общий курс лекций по советскому, а затем российскому гражданскому про-

цессу, вела спецкурсы «Исковая форма защиты права» и «Лица, участвующие в деле». Под ее руководством защищены 3 кандидатские диссертации. Много лет входила в состав Научно-консультативного совета при Верховном Суде СССР, научно-экспертного совета по гражданскому законодательству и смежным с ним отраслям при председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. На протяжении 25 лет была ученым секретарем совета по защите кандидатских диссертаций.

Михаил Константинович ТРЕУШНИКОВ (1938–2021) возглавлял кафедру гражданского процесса с 1983 по апрель 2021 г. Окончил юридический факультет МГУ в 1965 г., работал народным судьей, а в 1973 г., после окончания аспирантуры и защиты под руководством профессора А. А. Добровольского кандидатской диссертации «Допустимость доказательств в гражданском процессе», был принят на должность ассистента кафедры. В 1984 г. защитил

докторскую диссертацию «Доказывание и доказательство в гражданском процессе». В 1988 г. ему присвоено ученое звание профессора. Основные направления научных исследований — теория доказывания и доказательств, методология науки гражданского процессуального права. Им написано значительное число научных и учебно-методических работ — это монографии, учебники, учебные пособия, научные статьи, рецензии, среди которых «Относимость и допустимость доказательств в гражданском процессе», «Доказательства и доказывание в советском гражданском

процессе» и др. Одно из самых известных его научных сочинений — монография «Судебные доказательства», выдержавшая несколько переизданий. Им подготовлено 25 кандидатов юридических наук. С 1993 по 2002 г. он являлся сопредседателем рабочей группы по подготовке Гражданского процессуального кодекса РФ. Был членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. Михаил Константинович с 1982 по 1991 г. был заместителем декана по учебно-воспитательной работе. Длительное время председательствовал в диссертационном совете по защите кандидатских диссертаций, возглавлял учебно-методическую комиссию факультета. В год 250-летия Московского государственного университета награжден орденом Почета. Заслуженный деятель науки РФ.

Вручение дипломов выпускникам юридического факультета.
Заместитель декана по учебной работе,
заведующий кафедрой гражданского процесса М.К. Треушников (1984)

М.К. Треушников

1990–2020 гг.

М. Треушников

Участники Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова
«Гражданский процесс: прошлое, настоящее и будущее»
(Юридический факультет МГУ, 2023)

М. К. Треушников, В. М. Шерстюк, В. Н. Аргунов
со студентами кафедры гражданского процесса (1985)

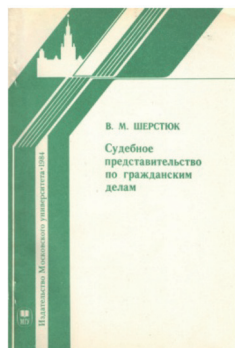
С. А. Иванова, В. М. Шерстюк, И. К. Пискарев, В. Н. Аргунов, В. В. Молчанов
со студентами-дипломниками кафедры гражданского процесса (1994)

В 1977 г. с практической работы (народный судья, член Московского областного суда) на должность старшего преподавателя кафедры пришел

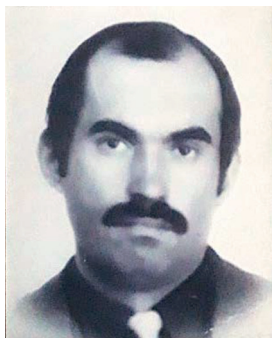

Владимир Михайлович ШЕРСТЮК. Кандидатскую диссертацию «Актуальные проблемы судебной защиты прав граждан по спорам с жилищно-строительными и дачно-строительными кооперативами» защитил в 1978 г. под руководством профессора А. А. Добровольского, докторскую диссертацию «Основные проблемы системы гражданского процессуального права» – в 1989 г. С 1992 г. – профессор кафедры гражданского процесса. Приоритет научных исследований: разработка теоретических и практических проблем

укрепления гарантий защиты прав граждан и организаций в арбитражном и гражданском судопроизводстве. В 1993–2002 гг. являлся членом рабочих групп по подготовке Арбитражного процессуального кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ, Закона РФ «Об исполнительном производстве». Под его руководством подготовлено 17 кандидатских диссертаций. Имеет 240 научных публикаций, из которых 5 монографий: «Судебное представительство по гражданским делам» (1984), «Система гражданского процессуального права» (1989), «Развитие принципов арбитражного процессуального права» (2004), «Теоретические проблемы развития гражданского, арбитражного процессуального права и исполнительного производства

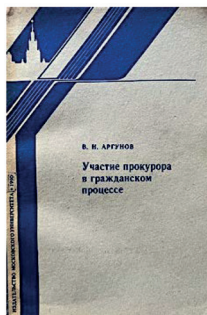

в Российской Федерации» (2021), «Категории диалектики в гражданском и арбитражном процессуальном праве» (2022).

Владимир Николаевич АРГУНОВ (1949–2001) окончил юридический факультет МГУ в 1976 г. В 1980 г. под руководством профессора А. А. Добровольского защитил кандидатскую диссертацию «Участие третьих лиц в советском гражданском процессе». В 1984 г. избран на должность доцента кафедры гражданского процесса МГУ, позже ему присвоено ученое звание доцента. Читал спецкурсы «Несудебные формы

разрешения гражданско-правовых споров» и «Нотариат в Российской Федерации». Им написаны научные работы о нотариате, приказном производстве, об участии третьих лиц, прокурора в гражданском процессе. Владимир Николаевич был одним из разработчиков Основ законодательства РФ о нотариате, активно поддерживал идею развития в России частного нотариата.

Большая часть профессиональной деятельности **Игоря Константиновича ПИСКАРЕВА (1937–2011)** была связана с судейской работой. После окончания в 1965 г. юридического факультета МГУ был судьей районного суда (1965–1973), Московского городского суда (1973–1976), членом Верховного Суда РСФСР (1976–1988), Верховного Суда СССР (1988–1991), Верховного Суда РФ (1991–1993). Участвовал в разработке Гражданского процессуального кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР и СССР. Кандидатскую диссертацию «Проблемы материальной ответственности рабочих и служащих» защитил в 1978 г. Свою педагогическую

деятельность начал в 1980 г., совмещая работу судьей с преподаванием на кафедре гражданского процесса юридического факультета МГУ, а после выхода в отставку в 1993 г. занял должность доцента кафедры. Читал общий курс лекций и спецкурс «Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел». Автор более 40 научных работ. Заслуженный юрист РФ, почетный судья Верховного Суда РФ.

Кафедра гражданского процесса в 2024 г. — это: кандидат наук, доцент, заслуженный юрист РФ Т. К. АНДРЕЕВА; кандидат наук, доцент В. В. АРГУНОВ; доктор наук, профессор Е. А. БОРИСОВА; кандидат наук, доцент Н. С. БОЧАРОВА; доктор наук, профессор, заслуженный юрист РФ А. Ф. ВОРОНОВ; кандидат наук, ассистент Ю. А. ЖУКОВА; кандидат наук, доцент Е. В. ЗАЙЧЕНКО; доктор наук, профессор Е. В. КУДРЯВЦЕВА; кандидат наук, доцент С. В. МОИСЕЕВ; доктор наук, профессор В. В. МОЛЧАНОВ (заведующий кафедрой); кандидат наук, доцент Е. В. САЛОГУБОВА; ассистент А. Т. ТАИРОВА; доктор наук, профессор, заслуженный профессор МГУ В. М. ШЕРСТЮК; ст. лаборант В. И. ФОКИНА; лаборант А. С. МАРЧЕНКОВА.

На кафедре преподаются общие учебные курсы: Гражданский процесс, Арбитражный процесс, Административное судопроизводство, спе-

циальные курсы для студентов бакалавриата и магистратуры. При кафедре работает научно-образовательный центр «Развитие институтов гражданского процессуального права», включающий Школу примирения, научные студенческие кружки.

Профессорами и преподавателями кафедры в ее нынешнем составе опубликовано свыше 1200 научных и учебно-методических работ, подготовлено 57 кандидатов юридических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Краткое описание истории преподавания и преподавателей гражданского процесса в Московском университете	4
<i>Августина И. Д.</i> Новый взгляд на вопрос о возмещении расходов на оплату услуг представителя в гражданском процессе.....	30
<i>Алехин Д. Е.</i> О пределах трансформации гражданской процессуальной формы.....	35
<i>Алиэскеров М. А.</i> Реализация функций права в состязательном гражданском процессе.....	40
<i>Андреева Т. К.</i> Концепция подведомственности коммерческих судов в трудах дореволюционных ученых юридического факультета Московского университета и ее значение для развития института судебной компетенции.....	45
<i>Аргунов В. В.</i> О задачах науки гражданского процессуального права на современном этапе.....	52
<i>Афанасьев С. Ф.</i> Об отдельных теоретико-прикладных аспектах процессуальной казуистики в делах о судебном санкционировании мер публичного принуждения.....	58
<i>Баймолдина З. Х.</i> К вопросу о судах проверочных инстанций в Казахстане.....	67
<i>Борисова В. Ф.</i> Распоряжение диспозитивными правами от имени несовершеннолетнего участника гражданского процесса	76
<i>Бочарова Н. С.</i> Процессуальное бездействие.....	80
<i>Бутнева М. Ю.</i> Отдельные проблемы реализации права на судебную защиту при обращении в суд с групповым иском.....	86
<i>Воронов А. Ф.</i> Нетрадиционные производства в цивилистическом процессе.....	90

<i>Гавриленко В. А.</i>	
Вопросы использования дистанционных технологий в процессе разбирательства споров третейскими судами	95
<i>Галковская Н. Г.</i>	
Пределы судебного усмотрения при выборе обеспечительных мер	99
<i>Ганичева Е. С.</i>	
К вопросу об элементах гражданско-правового иска	103
<i>Гончарова О. С.</i>	
Двойные косвенные иски в корпоративных спорах.....	112
<i>Давтян А. Г.</i>	
Сравнительно-правовой, исторический анализ гражданского процессуального законодательства Армении: проблемы действующего ГПК и возможности их решения.....	119
<i>Долотина Р. Р.</i>	
Судебная защита трудовых прав дистанционных работников	123
<i>Ермаков А. Н.</i>	
О развитии системы принципов цивилистического процессуального права в условиях трансформации законодательства	127
<i>Жукова О. В.</i>	
Особенности защиты законных интересов несовершеннолетних в гражданском процессе	132
<i>Жукова Ю. А.</i>	
О договорной подсудности в гражданском и арбитражном процессе	136
<i>Загидуллин М. Р.</i>	
Единство гражданского процесса – актуальная доктрина профессора Е. А. Нефедьева.....	141
<i>Зайченко Е. В.</i>	
«Бесспорные» доказательства в гражданском и арбитражном процессе	146
<i>Зарубина М. Н.</i>	
Современные критерии деления цивилистического процесса.....	151
<i>Исаенкова О. В.</i>	
Гражданское процессуальное право как учебная дисциплина: современные реалии	155
<i>Кашкарова И. Н.</i>	
Установление вины судьи приговором суда, вступившим в законную силу, как условие предъявления иска о возмещении вреда, причиненного при осуществлении правосудия	159

<i>Князев Д. В.</i>	
О необходимости законодательного регулирования внесудебных процедур окончания гражданских споров	165
<i>Князькин С. И.</i>	
Проблемы понимания принципа законности в цивилистическом процессе	170
<i>Кружалова А. В.</i>	
Веб-конференция в цивилистическом процессе	174
<i>Крымский Д. И.</i>	
К вопросу о ценовом пороге для дел упрощенного и приказного производства	178
<i>Кудрявцева Е. В.</i>	
Ученые кафедры о гражданском процессе зарубежных стран (к юбилею кафедры)	184
<i>Курочкин С. А.</i>	
Эффективное судопроизводство как новый стандарт гражданской юрисдикции	188
<i>Лазарев С. В.</i>	
От дифференциации процедуры рассмотрения дел к дифференциации рассмотрения заявлений внутри дела	193
<i>Любимова Е. В.</i>	
Нарушение условной подведомственности как основание отмены судебного акта	200
<i>Магомедова З. И.</i>	
О составе участвующих в деле лиц	203
<i>Михайлов С. М.</i>	
Неформализованные доказательства: путь к абсолютной свободе оценки или средства специализации судебного познания?	207
<i>Моисеев С. В.</i>	
Модели косвенного иска в отечественном законодательстве	212
<i>Молчанов В. В.</i>	
Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы?	218
<i>Морковская К. С.</i>	
Последствия введения процедуры банкротства для исполнительных производств должника	223
<i>Нахова Е. А.</i>	
К вопросу о частных правилах распределения обязанностей по доказыванию	227
<i>Никитин С. В.</i>	
Становление и развитие теории судебного нормоконтроля	231

<i>Нуриев А. Г.</i>	
Взаимосвязь московской и казанской научной школы гражданского процессуального права.....	237
<i>Петрова С. М.</i>	
Проблемы совершенствования альтернативных способов урегулирования споров и их значение для оптимизации судебной деятельности.....	242
<i>Подейко В. А.</i>	
Гражданский процесс как источник вдохновения для административного (на примере Австрии)	246
<i>Потапенко Е. Г.</i>	
К вопросу о пределах обновления цивилистического процессуального права	251
<i>Приходько И. А.</i>	
Перенос экономических споров в сферу уголовного судопроизводства: основные причины и пути их устранения	255
<i>Раздьяконов Е. С.</i>	
Примирение по корпоративным спорам: в поисках нерешенных вопросов	260
<i>Решетняк В. И.</i>	
Цифровая трансформация судопроизводства по гражданским делам	264
<i>Робышев В. О.</i>	
Заключение эксперта как доказательство в английском гражданском процессе.....	269
<i>Роднова О. М.</i>	
Подсудность дел об оспаривании решений о досрочном прекращении полномочий членов органов управления корпораций	273
<i>Салогубова Е. В.</i>	
Черты формальных доказательств в русском праве	278
<i>Саттарова З. З.</i>	
Доказательственное значение объяснений представителя сторон и третьих лиц	281
<i>Саченко А. Л.</i>	
Перспективы применения технологий искусственного интеллекта при рассмотрении гражданских дел бесспорного характера	284
<i>Ситдиков Р. Б.</i>	
Регистрирующий орган как третье лицо в арбитражном процессе (на примере Роспатента и дел об оспаривании правовой охраны товарного знака)	287
<i>Скобелев В. П.</i>	
К вопросу о нежелательности дублирования проверочной деятельности в гражданском судопроизводстве	290

<i>Смагина Е. С.</i>	
Последовательность (этапность) рассмотрения требований в цивилистическом процессе	295
<i>Султанов А. Р.</i>	
Мотивированность отказных определений Верховного Суда Российской Федерации	301
<i>Ткачева Н. Н.</i>	
Институт оставления без движения: превентивная гарантия или препятствие в реализации права на судебную защиту	307
<i>Трезубов Е. С.</i>	
О праве арбитражного суда истребовать от истца встречные обеспечительные меры по собственной инициативе	311
<i>Туманов Д. А.</i>	
Несколько слов о существе правосудия	315
<i>Уткина И. В.</i>	
Проблемы утверждения медиативного соглашения в качестве мирового и пути их решения (по материалам судебной практики)	318
<i>Фокина М. А.</i>	
О некоторых прикладных проблемах деятельности субъектов доказывания	323
<i>Черных И. И.</i>	
Социальная информация и гражданское судопроизводство: направления совершенствования коммуникации	328
<i>Шакирьянов Р. В.</i>	
Выполнение судами самоконтрольных полномочий: постановка проблемы	333
<i>Ярков В. В.</i>	
Восполнение пробелов в процессуальном праве с использованием понятий иных отраслей права	341

*И. Д. Августина,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказского института (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Махачкала),
судья Верховного Суда Республики Дагестан в отставке,
avgustina1664@mail.ru*

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОПРОС О ВОЗМЕЩЕНИИ РАСХОДОВ НА ОПЛАТУ УСЛУГ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Интерес к теме возмещения расходов на представителя в гражданском процессе предопределила законодательная инициатива Верховного Суда РФ о внесении изменений в ст. 49 ГПК РФ, согласно которым представлять интересы участвующих в деле лиц в судах всех уровней могут адвокаты, лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Предложенные изменения не коснулись ч. 4 ст. 49 ГПК РФ, в которой предусмотрены исключения из общих требований к представителям в суде. Законопроект Верховного Суда РФ № 235526-8 внесен в Государственную Думу 15 ноября 2022 г. и принят в первом чтении 19 июля 2023 г.¹ На сегодняшний день статус законопроекта не изменился.

Очевидно, что институт представительства устарел и его действующее правовое регулирование не учитывает изменений, которые произошли в нашем обществе за последние десятилетия. Существуют опасения относительно нововведений в институт представительства без его доктринальной разработки в комплексе с институтами судебных издержек, оказания бесплатной юридической помощи определенным категориям граждан².

Согласно ч. 1 ст. 100 ГПК РФ по письменному ходатайству стороны, в пользу которой состоялось судебное решение, суд присуждает с другой

---

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

² Августина И. Д. Профессиональное представительство в гражданском процессе: современное состояние и перспективы // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: Сборник докладов II Международной конференции памяти М. К. Треушников. М.: МГУ, 2023. С. 12–20.

стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах. Столь широкая дискреция суда в вопросе возмещения расходов на представителя перестала обеспечивать баланс процессуальных интересов сторон. На практике критерий «разумные пределы» оборачивается взысканием судом в пользу выигравшей дело стороны расходов на представителя отнюдь не разумных, далеких от фактически понесенных ею расходов, рыночной цены квалифицированной юридической помощи. Судебная практика пестрит примерами абсолютно необоснованного снижения суммы возмещения, что не соответствует общеправовому принципу правовой определенности¹.

«Разумные пределы» оставляют возможность проигравшей стороне избежать справедливой материальной ответственности, что, в свою очередь, ведет к неостребованности досудебного примирения, увеличению количества судебных дел и повышению нагрузки на судебную систему.

На наш взгляд, положительное влияние в целом на гражданский процесс окажет положение, при котором право на возмещение расходов на представителя с проигравшей стороны будет ограничено исключительно участием в суде адвоката. Только адвокат является юристом с высшим юридическим образованием, уровень подготовки которого подтверждается сданным квалификационным экзаменом. Кроме этого, адвокатура, являясь некоммерческой корпоративной организацией, а по сути — саморегулируемой общественной организацией, способна обеспечить контроль за деятельностью адвоката, соблюдение им адвокатской этики, регулировать правила оказания юридических услуг и их тарифы, финансовую отчетность и ведение строгой бухгалтерии. Все эти составляющие способны обеспечить качество оказываемых юридических услуг, пресечь злоупотребления.

Юристы с высшим юридическим образованием, не имеющие статуса адвоката, на наш взгляд, могут участвовать в суде, как и осуществлять досудебную подготовку дела, однако обязательным условием для взыскания расходов на такого представителя с проигравшей стороны должно быть включение лица в соответствующий реестр Министерства юстиции РФ и его территориальных подразделений, что может носить уведомительный характер, с обязательным введением формы финансовой отчетности, соблюдением стандартов оказания юридических услуг, примерных тарифов. В противном случае расходы на такого представителя с проигравшей стороны взыскиваться не должны ввиду их непрозрачности.

Непрофессиональное представительство, на наш взгляд, надо сохранить по всем гражданским делам, рассматриваемым в судах первой инстан-

---

¹ См., например: определение Верховного Суда РФ от 31 октября 2023 г. № 7-КГ23-7-К2.

ции, однако установить правило о том, что возмещение расходов за счет проигравшей стороны на такого рода представителей не распространяется.

Правовым способом, направленным против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя, должно быть установление на государственном уровне тарифов на оказание квалифицированной юридической помощи.

Квалифицированная юридическая помощь имеет рыночную цену, которая определяется свободным соглашением между адвокатом и доверителем, однако неразумно возлагать на стороннее лицо (проигравшую сторону) обязанность по полному возмещению таких расходов. В то же время и взыскание расходов на представителя в разумных пределах, очевидно, не может считаться справедливым. Поэтому право на возмещение расходов на представителя должно быть ограничено тарифами, чтобы избежать злоупотреблений.

В настоящее время тарифы в виде рекомендаций устанавливают адвокатские палаты субъектов РФ.

Регулирование тарифов на оказание юридической помощи – серьезная проблема.

Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов от 20 января 2020 г. «Об исследовании на предмет определения «рыночной стоимости» юридической помощи» заключается в том, что нет практического смысла проводить «оценку» «рыночной стоимости» юридической помощи...¹

Согласно ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Гонорар адвоката не обозначен в законе в качестве цели (ни основной, ни производной) адвокатской деятельности. Кроме этого, адвокатская деятельность не является предпринимательской. С учетом этих законоположений не усматривается препятствий к регулированию адвокатской деятельности с помощью установленных государством тарифов.

Интересно, что юридический статус адвокатских палат, образований определен в ГК РФ как некоммерческая корпоративная организация, наряду с потребительскими кооперативами, общественными организациями, ассоциациями и союзами, ТСЖ, казачьими обществами, общинами коренных малочисленных народов РФ, нотариальными палатами (гл. 4 «Юридические лица», § 6 части 1 ГК РФ).

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

В ряду указанных юридических лиц только адвокатские палаты, образования и нотариальные палаты занимаются сугубо юридической деятельностью. При этом размеры федерального тарифа за совершение нотариальных действий строго регламентированы ст. 22.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹, и различия в оплате нотариальных услуг в субъектах Российской Федерации возможны только в части услуг правового и технического характера².

Нам представляется, что нет никаких препятствий к определению тарифов на оказание квалифицированной юридической помощи, которые рассчитываются на основе экономических и иных показателей. В этом вопросе нельзя полагаться на корпоративную позицию фактического монополиста юридических услуг, оказываемых в судах, не желающего связывать себя рамками и даже обсуждать этот вопрос либо серьезно над ним работать.

Согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Договорное определение размера гонорара адвоката между последним и доверителем, очевидно, не должно нарушать права третьих лиц.

Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Существенным условием соглашения являются условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь либо указание на то, что юридическая помощь оказывается доверителю бесплатно (п. 3 ч. 4 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Свобода договора в части определения самими сторонами суммы гонорара адвоката не подвергается сомнению, но возможность возмещения расходов на оплату услуг адвоката с проигравшей дело стороны должно определяться только в рамках регулируемых тарифов, чтобы избежать злоупотреблений, в числе которых предъявление ко взысканию реально не понесенных стороной расходов на оплату услуг представителя.

Государственное регулирование размера гонорара адвоката как правовой способ, направленный против необоснованного завышения размера

---

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 24 июля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² На основании ст. 30 Основ законодательства о нотариате Федеральная нотариальная палата определяет предельные размеры региональных тарифов для каждого субъекта Российской Федерации и размещает на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информацию о предельных размерах тарифов, а также о размерах такой платы в каждом субъекте Российской Федерации.

оплаты услуг представителя, существует, к примеру, в Германии, где стоимость адвокатских услуг определяется на основании Закона о компенсации адвокатам (RVG) от 5 июня 2004 г. (Rechtsanwaltsvergütungsgesetz – RVG)¹.

В связи с этим предлагается наряду с принятием нормативного акта об установлении тарифов на оказание квалифицированной юридической помощи внести изменения в ч. 1 ст. 100 ГПК РФ: стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны документально подтвержденные расходы на оплату квалифицированной юридической помощи в пределах установленных тарифов.

В случае заявления стороны о злоупотреблении процессуальными правами стороной, в пользу которой состоялось решение суда, в присуждении расходов на оплату квалифицированной юридической помощи может быть частично либо полностью отказано.

Предлагаемые изменения, на наш взгляд, внесут определенность и предсказуемость в вопрос об оплате услуг представителя, в определенном смысле разгрузят судей, в целом будут способствовать реализации права на судебную защиту.

---

¹ URL: <https://www.rechtswörterbuch.de/recht/r/rechtsanwaltsverguetungsgesetz-rvg/>

*Д. Е. Алехин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
alekhin.de@skspsba.ru*

О ПРЕДЕЛАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Размышления над проблемами приказного производства¹ и авторитетными, но небесспорными, доводами в пользу невозможности сопоставления судебного приказа с традиционной гражданской процессуальной формой² предопределили для автора необходимость переосмыслить содержание понятия гражданской процессуальной формы и порассуждать над возможностью ее трансформации.

Углубляясь в историю понятия гражданской процессуальной формы, следует отметить, что это сравнительно новая категория, появившаяся в научной литературе по гражданскому процессуальному праву в XX в. благодаря материалистической диалектике, выступавшей основным методом научного познания отечественной академической науки того времени. Основатель и первый заведующий вновь воссозданной в 1954 г. кафедрой гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова³ профессор А. Ф. Клейнман писал «...Процессуальной формой осуществления правосудия является разбирательство и разрешение дела в судебном заседании. Этим судебная деятельность отличается от административной...»⁴ Иными словами, гражданская процессуальная форма выступала не сама по себе, а как естественное производное каче-

---

¹ Алехин Д. Е., Алехина Е. Е. О некоторых теоретических и практических проблемах приказного производства // Правда и Закон. 2022. № 4(22). С. 19–26.

² См. например: Громошина Н. А. Упрощение процесса: все ли сделано правильно? // Lex Russica (Русский закон). 2004. Т. 63. № 1. С. 181–186; Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.

³ Далее – Кафедра.

⁴ Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М., 1958. С. 3–4.

ство (свойство) правосудия, состоявшее (на тот момент исторического развития) в разрешении дела в судебном заседании.

Другой видный представитель Московской научной школы гражданского процессуального права, возглавлявший Кафедру с 1968 по 1982 г., профессор А. А. Добровольский отмечал: «Сущность советской процессуальной формы состоит в следующем: а) порядок рассмотрения и разрешения судебных дел заранее установлен процессуальным законом; б) лица, участвующие в деле, пользуются процессуальными правами и, в частности, правом участвовать в судебном заседании при разбирательстве дела; в) судебное решение должно быть основано на фактических данных, установленных при помощи доказательств, предусмотренных процессуальным законом»¹. То есть наметилась тенденция к расширению количества признаков сущности гражданской процессуальной формы с точки зрения предоставления сторонам возможности участия в судебном заседании и других процессуальных прав, а также определенность в законе (нормативность) порядка судебного разбирательства и средств доказывания.

Профессор М. К. Треушников, стоявший во главе Кафедры в 1983–2021 г., в учебнике, подготовленном коллективом Кафедры в 2020 г., указывал: «...Гражданский процесс представляет собой установленную законом форму защиты права в судах общей юрисдикции... вся деятельность суда, а также участвующих в процессе лиц протекает в особой форме, называемой процессуальной...»² В этой связи важно отметить, что особенностью гражданской процессуальной формы является то, что эта форма не существует сама по себе. С учетом позиции профессора М. К. Треушникова и положений ст. 2 ГПК, гражданская процессуальная форма есть форма защиты материального права (свободы и (или) законного интереса)³, особый характер которой придает то, что защита права осуществляется при активном участии особого субъекта – суда⁴, и в этой связи нормирована⁵.

Видный современный исследователь гражданской процессуальной формы Н. А. Рассахатская справедливо отмечает: «Ортодоксальная модель гражданской процессуальной формы в определенной степени из-

---

¹ Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. М., 1965. С. 49–54; Советский гражданский процесс / под ред. А. А. Добровольского и А. Ф. Клейнмана. М., 1970. С. 9.

² Гражданский процесс / под ред. М. К. Треушникова. М., 2021. С. 23, 25 (автор главы – М. К. Треушников).

³ По мнению автора настоящей статьи, это первая (из трех) черта гражданской процессуальной формы.

⁴ Вторая черта гражданской процессуальной формы.

⁵ То есть урегулирована (определена) правовыми нормами, изложенными в источниках гражданского процессуального права (третья черта гражданской процессуальной формы).

жила себя и уже не может применяться в полном объеме в действующих реалиях», делая при этом оговорку о том, что только «классическая модель... позволяет обеспечить соблюдение интересов участников процесса и реализацию цели гражданского судопроизводства в целом... и... должна составлять основу судопроизводства по гражданским делам, современной гражданской процессуальной формы...», указывая, что основными тенденциями в дальнейшем неизбежном реформировании гражданской процессуальной формы должны выступить современность, целесообразность, упрощение и оптимизация¹. Представляется, что в контексте выделенных выше черт современной гражданской процессуальной формы во главе угла при реформировании (трансформации) гражданской процессуальной формы незыблемо должно стоять качество² защиты материальных прав, свобод и законных интересов.

Потребность в защите прав, свобод и законных интересов неуклонно растет. Это происходит в том числе в связи с техническим и технологическим прогрессом, благодаря которому возникают и находят юридическое оформление новые материально-правовые отношения (например, цифровые права и другие). Объективно рост потребности в защите прав отражен в значительной степени в количестве гражданских дел в судах, окончательных вынесением судебного приказа, которое последние несколько лет неуклонно растет. Достаточно отметить, что в 2022 г. в рамках гражданского судопроизводства судебных приказов³ вынесено более 21 млн, а за 6 месяцев 2023 г. их число превысило 11 млн⁴. Процент судебных приказов в общем количестве вынесенных судебных актов по первой инстанции, увеличивавшийся до 2020 г. включительно, последние три года остается почти неизменным и составляет около 85%⁵. Таким образом, востребованность практикой института приказного производства не вызывает сомнений⁶. Вместе с тем исчисленная и существенно возросшая за послед-

---

¹ Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма: взгляд в будущее // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова. Москва, 9 февраля 2022 г. / под ред. В. В. Молчанова. М., 2022. С. 289–291.

² Повышение качества в широком смысле, то есть повышение качества правильности и качества своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел и, соответственно, защиты прав, свобод и законных интересов.

³ URL: http://www.cdep.ru/userimages/Sudebnaya_statistika_2022/F3-svod-vse_sudy-2022_27.10.2023.xls (дата обращения — 6 февраля 2024 г.).

⁴ URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_1_polugodie_2023/F3-svod-vse_sudy-1-2023.xls (дата обращения — 6 февраля 2024 г.).

⁵ См. подробнее — Приложение.

⁶ Алехин Д. Е., Алехина Е. Е. К вопросу об институционализации приказного производства // Правда и закон. 2023. № 4(26). С. 3–9.

ние 5 лет средняя нагрузка на одного мирового судью только в виде судебных приказов, которых требуется выдать ежедневно более 14 (!)¹ штук, свидетельствует о чрезвычайной необходимости поиска путей повышения эффективности приказного производства.

Представляется, что к выполнению достаточно однотипной (рутинной) работы по вынесению судебных приказов могут быть привлечены результаты достижений техники и технологий, в том числе искусственный интеллект (ИИ), легальное определение которого дано в подп. «а» п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. Указом Президента России от 10 октября 2019 г. № 490. Важными признаками ИИ по смыслу указанного нормативного правового акта является способность имитировать когнитивные функции человека и обеспечение результата деятельности, не уступающего результату интеллектуальной деятельности человека. Заранее ответим отрицательно на вопрос о том, не пострадает ли гражданская процессуальная форма от подобного использования искусственного интеллекта, поскольку предполагается, что он будет выполнять функцию суда.

С учетом изложенного предлагается выделить следующие предпосылки (они же – пределы) трансформации гражданской процессуальной формы:

1. Потребность в защите нарушенных прав, свобод и законных интересов.
2. Технический и технологический прогресс (современность).
3. Рационализм (целесообразность, оптимальность).

Приложение

Статистические данные за 2018–2022 гг.²

Год	Рассмотрено судами дел с вынесением решения (судебного приказа)	Вынесено судебных приказов	Доля судебных приказов в общем количестве рассмотренных дел, %
2022	24 914 563	21 187 589	85,04
2021	22 451 392	18 963 642	84,46
2020	20 615 945	17 683 137	85,77
2019	18 804 923	15 146 535	80,54
2018	16 469 840	12 652 773	76,82

¹ См. подробнее — Приложение.

² URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения – 6 февраля 2024 г.).

**Средняя нагрузка на 1 мирового судью в части рассмотрения дел
о вынесении судебных приказов**

Год	Количество дел с вынесением судебного приказа	Количество мировых судей¹	Количество дел о вынесении судебных приказов на 1 мирового судью в день (с учетом отпусков и выходных дней)
2022	21 187 589	7279	14,55
2018	12 652 773	7198	8,79

¹ На основании Федерального закона от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» (ручной подсчет).

*М. А. Алискеров,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Калужского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), судья,
председатель судебной коллегии по гражданским делам
Калужского областного суда,
alieskerov@yandex.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПРАВА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Одним из перспективных направлений научных исследований могут быть вопросы реализации функций права в гражданском процессе, которым в науке гражданского процессуального права посвящено лишь небольшое число работ, связанных с отдельными аспектами данной проблематики¹.

В одних случаях функции права могут быть основными ориентирами в совершенствовании норм гражданского процессуального законодательства, в других — одними из важных индикаторов, способствующих выявлению проблем в данной отрасли права и выработке путей их разрешения.

Функции права представляют собой единство двух моментов: а) социального назначения права; б) основных направлений его воздействия на общественные отношения². Реализация функций права в гражданском процессе включает следующие элементы: нормы гражданского процессуального права, процессуальные юридические факты, гражданские процессуальные правоотношения, правопорядок. Исключение составляют

---

¹ См., например: Зайцев И. М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства // Зайцев И. М. Научное наследие. В 3 т. Том 2: Монографии. Часть 2: 1982–1990 гг. / составитель А. И. Зайцев. Саратов, 2009; Ковин В. Ф. Функции советского гражданского процессуального права // Практика применения гражданского процессуального права (к двадцатилетию ГПК РСФСР): межвузовский сб. науч. трудов. Свердловск, 1984. С. 11–29; Чечина Н. А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права. Л., 1972; Чечот Д. М. Функции гражданского процессуального права // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: Межвузовский тематический сборник. Вып. 2 / под ред. П. Ф. Елисейкина. Ярославль, 1977. С. 82–89.

² См.: Радько Т. Н. Теория функций права: монография. М., 2014. С. 69–70.

функции права, реализуемые в рамках правоотношений общего типа либо вне правоотношений. В первом случае могут отсутствовать такие элементы, как юридические факты, а во втором — юридические факты и правоотношения¹. Правопорядок как итог реализации функций права в гражданском процессе включает в себя процессуально-правовую и материально-правовую составляющие.

Функции права реализуются в гражданском процессе в тесной связи с социальным назначением гражданского процессуального права, а также материальных отраслей права, нормы которых подлежат применению судом. При этом не может не учитываться, что социальное назначение отраслей материального права не предполагает существование в материальных правоотношениях прав и обязанностей, не основанных на фактах реальной действительности. Данное обстоятельство является одним из свидетельств неразрывной связи социального назначения гражданского процессуального права с установлением истины при осуществлении правосудия.

Социальное назначение гражданского процессуального права можно определить как соответствующую потребностям общества регламентацию юрисдикционной деятельности суда по осуществлению правосудия по гражданским делам и связанной с этим деятельности граждан и организаций.

Однако данное определение нельзя признать достаточно полным без указания основополагающих условий реализации социального назначения гражданского процессуального права, к которым в правовом социальном государстве, в частности, могут быть отнесены доступность правосудия, баланс процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле, ориентированность гражданского процессуального права на снижение уровня конфликтности в обществе и установление истины.

Состязательность гражданского процесса в современных условиях предполагает реализацию функций права в неразрывной связи с условиями реализации социального назначения гражданского процессуального права. Состязательный характер гражданского процесса придает реализации в нем функций права специфику, которая, в частности, выражается в следующем:

1) усложнение структуры социальной системы влечет усложнение системы функций ее элементов, а также усложнение реализации этих функций и их взаимодействия.

В состязательном гражданском процессе лица, участвующие в деле, становятся значительно более активными субъектами гражданского процесса, что требует более сложной системы правового регулирования, в том

---

¹ В общей теории права об этом см.: Радько Т. Н. Указ. соч. С. 31.

числе более сложной системы координирования нормами права процессуальных действий субъектов состязания.

Устанавливаемое в состязательном гражданском процессе ограничение процессуальной активности суда также приводит к усложнению системы правового регулирования гражданского процесса, требуя:

- достаточно определенной правовой дифференциации ситуаций, допускающих и не допускающих проявления активности суда;
- определения допустимых форм и степени такой активности, а также последствий их несоблюдения;
- включения в законодательство специальных компенсационных механизмов для отдельных категорий граждан, нуждающихся в особых средствах социальной защиты;

2) состязательный характер гражданского процесса порождает особенности проявления ряд функций права, реализуемых в гражданском процессе. В частности, стимулирующая и ограничительная функции права, непосредственно связанные с решением таких задач, как стимулирование процессуальной активности субъектов состязания, и, как следствие этого, обеспечение необходимой полноты совершаемых процессуальных действий и представленных в дело доказательств, обеспечение объективности и беспристрастности суда, обеспечение диспозитивных прав лиц, участвующих в деле, относятся к функциям, реализация которых в таком качестве свойственна именно состязательному гражданскому процессу. Конечно, в следственном гражданском процессе также используются стимулирующие и ограничительные правовые средства, однако в этом случае они в своей основе имеют иное содержание, поскольку применительно к указанным функциям в состязательном гражданском процессе речь идет о сущностно ином направлении правового воздействия на общественные отношения.

В состязательном гражданском процессе реализуются специально-юридические и социально-политические функции права¹, в том числе: основные специально-юридические функции права — регулятивная статическая, регулятивная динамическая, охранительная; основные социально-политические функции права — экономическая, идеологическая, политическая.

Реализуется также ряд специально-юридических функций права, которые производны от регулятивной статической и регулятивной динамической функций права. К числу таких производных функций могут быть отнесены стимулирующая, ограничительная, согласительная, компен-

---

¹ О специально-юридических (собственно юридических) и социально-политических (социальных) функциях права см., например: Алексеев С. С. Общая теория права. Том 1. М., 1981. С. 191–192; Радько Т. Н. Теория функций права: монография. С. 105–121.

сационная. Перечень и особенности этих функций предопределяются особенностями социального назначения гражданского процессуального права, а также тенденциями усиления социальной ориентированности состязательного гражданского процесса и находятся в тесной связи с принципом состязательности и иными принципами гражданского процесса. Производность указанных функций означает не второстепенность соответствующих направлений правового воздействия, а специальный характер решаемых задач и используемых правовых средств решения этих задач по сравнению с основными функциями права.

Производность указанных функций от основных функций права обусловлена: 1) объективной необходимостью решения специальных задач для достижения общих целей и решения общих задач, свойственных основным функциям права; 2) подчиненностью решаемых специальных задач общим задачам, на решение которых направлены основные функции права; 3) связью между основными и производными функциями, выражающейся в том, что основные функции конкретизируются и развиваются в производных функциях; 4) возможными препятствиями в реализации производных функций при ненадлежащей реализации основных функций права.

Производные функции права связаны с решением следующих задач:

- стимулирующая функция — побуждение субъектов состязания к активной процессуальной деятельности и, как следствие, обеспечение необходимой полноты процессуальных действий, совершаемых в гражданском процессе, и представленных в дело доказательств;
- ограничительная функция — обеспечение объективности и беспристрастности суда при рассмотрении гражданского дела; обеспечение диспозитивных прав лиц, участвующих в деле;
- согласительная функция — мирное урегулирование спора; реализация наиболее оптимальных и малозатратных способов решения процессуальных вопросов, возникающих в гражданском деле;
- компенсационная функция — обеспечение доступности правосудия для граждан, нуждающихся предоставлении льгот в гражданском процессе; уравнивание процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле, в случае участия в деле граждан, возможности которых в осуществлении процессуальных прав и исполнении процессуальных обязанностей ограничены по сравнению с другими субъектами состязания.

Следует отметить, что такое условие реализации социального назначения гражданского процессуального права, как направленность на снижение уровня конфликтности в обществе, не может сводиться к реализации только согласительной функции права. В решении указанной задачи задействуются все функции права, реализуемые в гражданском процессе.

Определение задач, которыми обусловлены указанные производные функции, позволяет правильно обозначить сферу и пределы действия этих функций, что имеет существенное значение при применении норм процессуального права и определении содержания правоотношений, в которых данные функции реализуются.

*Т. К. Андреева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова, судья,
заместитель председателя Высшего Арбитражного Суда
Российской Федерации в отставке,
заслуженный юрист Российской Федерации,
tkandreeva@yandex.ru*

КОНЦЕПЦИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ СУДОВ В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЕНЫХ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Реформа процессуального законодательства 2018 г., затронувшая в числе прочего положения Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ), регулирующие вопросы подведомственности и подсудности¹, вновь актуализировала эти вопросы и вызвала научный и практический интерес к их исследованию².

---

¹ См.: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523; Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Законопроект № 383208-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/383208-7> (дата обращения — 11 марта 2024 г.).

² См., например: Ярков В. В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и (или) новые решения? // Закон. 2019. № 4. С. 92—103; Воронов А. Ф. Есть ли подведомственность? Преподавание, наука, практика // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 13—46; Андреева Т. К. Разграничение судебной компетенции: проблемы и перспективы // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова. Москва, 9 февраля 2022 г. / под ред. В. В. Молчанова. М., 2022. С. 24—29; Ярков В. В. Подведомственность: последствия реформ и тенденции развития // Российские процессуалисты

До вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ в качестве механизма разграничения вопросов ведения между судами общей юрисдикции и арбитражными судами применялся процессуальный институт подведомственности. Названным Федеральным законом этот институт заменен подсудностью (ст. 22, 24 ГПК РФ) и компетенцией (ст. 27, 29, 30, 31, 32 АПК РФ). В Пояснительной записке к законопроекту, которым Верховный Суд РФ инициировал указанные изменения¹, в их обоснование указывается на то, что институт подведомственности вводился в систему правового регулирования в 60-е гг. XX в. с целью разграничения компетенции между судами и другими государственными органами, правомочными разрешать споры и иные юридические дела. Впоследствии, как отмечал Верховный Суд РФ, данный механизм был воспринят судебной системой России, которая, в силу автономности ее звеньев, существовавшей до вступления в действие Закона о поправке к Конституции Российской Федерации, унаследовала присущие этому механизму свойства. Однако «в условиях новых правовых реалий формирование предметов ведения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, объединенных конституционной компетенцией Верховного Суда Российской Федерации, должно производиться посредством института подсудности с использованием его отличительных особенностей»². В целях реализации этой новеллы в законопроекте было предложено исключить из процессуальных кодексов термин «подведомственность» применительно к разграничению полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов, что и было осуществлено с принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ.

Таким образом, Верховный Суд РФ связывает введение в правовую систему и использование термина «подведомственность» для разграничения вопросов ведения между судами различной юрисдикции с 60-ми гг. прошлого века, т.е. с советским периодом. И в «условиях новых правовых реалий» самое время от этого термина и института отказаться.

Можно согласиться с В. В. Аргуновым, отметившим, что институт подведомственности нельзя назвать новым для российской правовой науки и судебной практики, но и считать его традиционным и ставить

о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В. В. Молчанов. М., 2023. С. 464–479.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

в один ряд с другими институтами, например институтом иска, доказывания и доказательств, в гражданском процессуальном праве еще не пришла пора¹.

Однако нельзя не заметить, что понятие подведомственности как механизма разграничения судебной юрисдикции пришло в правовую систему России довольно давно. Посмотрим на проблемы определения вопросов ведения и их разграничение между судами различных юрисдикций в историческом контексте. При этом обратимся к более давней истории, нежели советский период, — к дореволюционному периоду, когда были созданы коммерческие суды в России, рассматриваемые исследователями в качестве прообраза современной системы арбитражных судов², и определены правила судопроизводства этих судов³.

В связи с этим представляют интерес труды дореволюционных ученых Московского университета, которые исследовали проблемы коммерческих судов и их компетенции.

Прежде всего, надо отметить, что существование коммерческих судов в России имеет давнюю историю (XII в.). Создавались они для разрешения споров, возникающих в сфере торговли, торгового оборота, на что обращали внимание ученые и подчеркивали в связи с этим их исключительность, специальную компетенцию⁴. Е. В. Васьковский⁵, например, относящий коммерческие суды к категории специальных судов, подчеркивал, что они отличаются от обыкновенных судов как по своему составу, так и по применяемым ими правилам производства: вместо Устава гражданского судопроизводства они руководствуются Уставом торгового судопроизводства. При этом он также указывал на ограничение ведомства коммерческих судов законом⁶. Такое назначение коммерческих судов требовало четкого определения круга дел, отнесенных к их ведению.

---

¹ Аргунов В. В. Ломка правовых устоев или рядовое устранение очередного правового пуризма в судебной практике? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13 апреля 2016 г. № 306-ЭС15-14024 // Вестник экономического правосудия. 2016. № 8. С. 4.

² См. подробнее об этом: Правосудие для экономики: государственные арбитражные суды России: Книга 1 / под ред. А. А. Иванова. М. 2011. С. 11–64.

³ Имеется в виду Устав судопроизводства торгового 1832 г.

⁴ См., например: Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М., 1908; Краснокутский В. А. Русский торговый процесс. М., 1915; Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913.

⁵ Васьковский Евгений Владимирович (1866–1939), профессор Московского университета (1912–1914).

⁶ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2003. С. 138–139.

Так, например, В. А. Краснокутский¹ писал, что «коммерческие суды являются судами исключительными. Следовательно, их компетенция строго ограничивается пределами, очерченными законом»². Таким законом явился Устав судопроизводства торгового 1832 г., в ст. 40 которого было предусмотрено, что к ведомству коммерческого суда относятся: 1) все споры и иски по торговым оборотам, договорам и обязательствам словесным и письменным, торговле свойственным, как между частными лицами всех состояний взаимно, так и по искам государственных кредитных установлений к частным лицам; 2) все дела о торговой несостоятельности, к какому бы званию ни принадлежали лица, в оную впадшие, и хотя бы эти дела сопряжены были с несостоятельностью и в дворянском того лица состоянии (а); 3) споры и иски по векселям, на сумму свыше пятисот рублей (б)³.

Казалось бы, в Уставе четко определены пределы компетенции коммерческих судов. Однако, как отмечается в науке, не все так просто. В частности, Г. Ф. Шершеневич⁴ подчеркивал, что первым условием для специальных судов является точное ограничение подсудности. Если возникает затруднение в определении подсудности, то немедленно создается основание к волоките. «Там, где вопрос идет о скором решении и исполнении, дело останавливается на первых же шагах»⁵. При этом профессор отмечал важность правильного определения компетенции именно для коммерческого суда, связывая решение этого вопроса со спецификой его деятельности, в том числе оперативностью рассмотрения споров в сфере торговых отношений: «Очевидно, определение понятия о торговой сделке имеет громадное практическое значение там, где существует особое торговое право и особая торговая юрисдикция. Чем яснее законодатель устанавливает круг торговых сделок, тем легче задача суда; напротив, неясное и сбивчивое постановление закона затрудняет суд в самом начале процесса, возбуждает пререкания о компетенции и нередко обращает правосудие, которое по своей природе и по воле законодателя должно бы быть ускоренным, в наиболее медленное и сомнительное. Вопросы о компетенции суда в области торговых отношений представ-

---

¹ Краснокутский Василий Александрович (1873–1948), приват-доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Московского университета (1904–1916).

² Краснокутский В. А. Русский торговый процесс. М., 1915 // Гражданский процесс. Хрестоматия: учебное пособие. 3-е изд. / под ред. М. К. Треушников. М., 2015. С. 783.

³ Устав судопроизводства торгового // А. И. Гуляев. Торговое судопроизводство. Типография В. М. Саблина. М., 1914. С. 125.

⁴ Шершеневич Габриэль Феликсович (1863–1912), профессор Московского университета (1906–1911).

⁵ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV. М., 1912. С. 25.

ляются, к сожалению, наиболее частыми как в западной, так и в нашей судебной практике»¹.

Как мы видим, в целях определения компетенции коммерческого суда в Уставе судопроизводства торгового используется понятие «ведомство» (ст. 40), что можно, по-видимому, понимать в том же значении, что и «подведомственность». Е. А. Нефедьев² по этому поводу пишет, что «подсудность или подведомственность дела может быть двоякого рода: подсудность объективная, т.е. подведомственность дел вообще коммерческим судам, и подсудность территориальная, т.е. подведомственность дела данному коммерческому суду»³. При этом очевидно, что он отождествляет используемое в ст. 40 Устава судопроизводства торгового понятие «ведомство» с понятием «подведомственность».

Однако в Уставе судопроизводства торгового различаются понятия «ведомство» (ст. 40–49) и «подсудность» (ст. 154–158). В. А. Краснокутский по этому поводу замечал, что в первом случае говорится о подведомственности коммерческим судам дел определенного рода, а во втором — о подсудности коммерческому суду по делу по месту жительства или пребывания тяжущихся. При этом он исходил из того, что «ведомством или компетенцией в широком смысле слова принято называть определенный круг дел, подлежащих ведению или рассмотрению известного учреждения. Юриспруденция при этом различает ведомство в собственном смысле, под которым понимает круг дел, подлежащих рассмотрению судов одной категории (например, коммерческих) в сопоставлении с судами другой (например, общими), и ведомство — подсудность, определяющее круг дел, подлежащих ведению одного из равных судов (например, Петроградского коммерческого суда). Первое иногда именуют объективной компетенцией или ведомством судов, а второе — субъективной компетенцией или подсудностью. Иными словами, юристы различают ведомство суда вообще или по роду дел и подсудность личную или территориальную»⁴.

Такого же понимания придерживался и Е. А. Нефедьев, с той лишь разницей, что использовал для определения подведомственности понятие «подсудность объективная»⁵.

---

¹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М., 2003. С. 103.

² Нефедьев Евгений Алексеевич (1851–1910), профессор Московского университета (1906–1910).

³ Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М., 1908 // Гражданский процесс. Хрестоматия: учебное пособие. 3-е изд. / под ред. М. К. Треушников. М., 2015. С. 792.

⁴ Краснокутский В. А. Указ. соч. С. 798.

⁵ Нефедьев Е. А. Указ. соч. С. 792.

Таким образом, в Уставе судопроизводства торгового для определения вопросов ведения коммерческих судов предусмотрены два института и используется различная терминология. Так, для обозначения подведомственности или объективной компетенции коммерческих судов применяется термин «ведомство» (раздел I, глава III «Предметы и пространства ведомства»), а для обозначения субъективной компетенции используется термин «подсудность» (раздел II, глава «О подсудности»).

Нетрудно заметить, что аналогичное понимание этих институтов и используемых терминов содержалось и в ГПК РФ и АПК РФ до вступления в силу Федерального закона от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ, что позволяло четко определять, идет ли речь о вопросах ведения суда определенной юрисдикции (например, арбитражного суда) или о ведении одного из судов, входящих в одну и ту же юрисдикцию. В связи с этим справедливым является замечание В. В. Яркова о том, что понятие подведомственности всегда представлялось одним из наиболее устойчивых и сложившихся в российской процессуальной доктрине и не подвергалось сомнению¹. При этом важно иметь в виду, что по содержанию и по сфере действия понятия подведомственности и подсудности различаются, на что обращал внимание Ю. К. Осипов в своем знаменитом исследовании, посвященном проблемам подведомственности юридических дел².

Анализ положений Устава гражданского судопроизводства и позиций дореволюционных ученых, труды которых стали классикой гражданского процессуального права, позволяет заключить, что как российское законодательство дореволюционного периода, так и доктрина исходили из концепции различного содержания и сферы действия понятий подведомственности и подсудности.

Иной подход к пониманию и применению институтов подведомственности и подсудности неизбежно вызывает ошибки в судебной практике и ненадлежащее обращение в суды. О необходимости избежания таких ошибок предостерегали еще классики. В частности, В. А. Краснокутский замечал, что не только терминологию, но даже сами понятия ведомства и подсудности нельзя признать в полной мере устоявшимися, говорил о постоянно встречающемся смешении этих понятий, что, в свою очередь, «ведет к крайне печальным ошибкам, недоразумениям и постоянным пререканиям о подсудности»³. Он особо подчеркивал специфику

---

¹ Ярков В. В. Подведомственность: последствия реформ и тенденции развития // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В. В. Молчанов. М., 2023. С. 464.

² Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 29.

³ Краснокутский В. А. Указ. соч. С. 798.

судов торговой юрисдикции как судов, созданных для быстроты процесса. Поэтому, полагал В. А. Краснокутский, всякое пререкание, замедляя дело, тем самым в корне подрывает основу торгового суда, для которого в высшей степени важно не только совершенное разграничение понятий, но и точное, не оставляющее места сомнениям определение как круга ведения суда по роду, так и территориальной подсудности его¹. Тем самым к определению содержания понятийного аппарата привлекалось особое внимание, имея в виду, что неверное понимание и применение терминов не только приводило к затягиванию процесса, но и нарушало право на надлежащий суд.

Таким образом, концепция подведомственности имеет давнюю историю и в трудах классиков гражданского процессуального права рассматривается в качестве традиционного механизма определения объективной компетенции коммерческих судов, позволяющего разграничить вопросы ведения между ними и общими судами.

Понятие подведомственности по содержанию и сфере действия отличается от понятия подсудности, рассматриваемого в качестве механизма разграничения вопросов ведения между судами одной юрисдикции. Институт подведомственности и институт подсудности – это различные правовые явления.

В связи с таким пониманием и значением концепции подведомственности, может быть, законодатель поспешил с отказом от института подведомственности, по существу приведшим к тому, что различные по содержанию и назначению правовые явления обозначаются одним термином?

---

¹ Краснокутский В. А. Указ. соч. С. 798–799.

*В. В. Аргунов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
argunov@mail.ru*

О ЗАДАЧАХ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вера в объективное право и научный прогресс, а также политическая воля на заре судебной реформы позволили создать в России достаточно эффективную систему правосудия по гражданским делам, доступную физическим лицам и организациям во всех смыслах.

Важно сейчас сохранить и удержать планку современного правосудия: еще не забыты достижения социалистического демократизма в судопроизводстве (гласность, непосредственность, участие личности в управлении государством, выборность судей), а действующие цивилистические процессуальные кодексы построены на надежном фундаменте советской модели правосудия 60-х гг. XX в. и воспроизводят в своей основе ее правила.

Неспроста большое число научных публикаций в последние 10 лет написаны не в реформаторском ключе (что было характерно для «периода романтизма» конца XX в. — начала XXI в.), а в консервативном духе, направленном на фиксацию имеющихся достижений и просчетов с требованием подробного анализа и глубокой рефлексии предыдущих 30 лет судебной реформы¹. С другой стороны, благоприятное влияние проводимых судебных и законодательных реформ на отечественную процессуальную науку констатировалось всегда, заставляя ученых держать себя в тонусе².

---

¹ Характерным в этом смысле является содержание очерков в последней коллективной монографии, посвященной 20-летию действия ГПК РФ. Подробнее см.: Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В. В. Молчанов. М.: Статут, 2023.

² Берендтс Э. Н. Связь судебной реформы с другими реформами Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. Петроград, 1915. С. 161–174; Великая реформа. К 150-летию судебных уставов. Т. 1 / под ред. Е. А. Борисовой. М., 2014. С. 439–507.

В науке гражданского процессуального права в прогностических целях давно принято периодически подводить итоги развития не только позитивного законодательства, но и доктрины. Такая традиция, заложенная еще с царских времен, призвана играть роль саморегулятора в научной среде, чтобы при исследовании частных вопросов судопроизводства всегда сохранялось понимание генерального направления в постановке и реализации целей и задач правосудия по гражданским делам.

1. Идентификация национальных и культурных особенностей судопроизводства по гражданским делам в эпоху глобализма.

Среди задач процессуальной науки, как до революции (начиная с исторической школы права), так и в советское время констатировалась необходимость выявления и объективации национальных основ судопроизводства, так как всегда существовала проблема увлечения идеями западной цивилизации.

В XIX в. проблема недостаточности знаний юриста и управленца о самом себе и своем народе решалась методом проб и ошибок по результатам разработки и введения в действие «передовых» по европейским лекалам законов. Основной и последний из них — устав гражданского судопроизводства 1864 г. Это отражено в ряде работ того времени¹. В Советской России острое критики западной традиции права было заложено в идеологической функции советского строя, когда недостатки буржуазной и достоинства отечественной системы правосудия выявлялись путем аналитики зарубежного законодательства и научных источников².

В настоящее время ученые пытаются выявить и объединить весь исторический опыт исследования и регулирования разрешения гражданско-правовых споров в России. Главное здесь — избежать эклектики, искусственных построений, сумев определиться с потребностями российского общества и власти.

Пожалуй, *это главная задача*, определяющая все остальные направления исследований. Причем, она — совсем не позитивистская. Деятельностный подход применительно к гражданскому судопроизводству был оправ-

---

¹ См. Вербловский Г. Вопросы гражданского права и процесса. М., 1896. С. 4; Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 1–104; 232–533; Боровиковский А. Л. Отчет судьи. В 3 т. СПб., 1909; Гасман А. Г. Устав гражданского судопроизводства за 50 лет // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 9. С. 32–101; Памяти А. В. Завадского. Сборник статей по гражданскому и торговому праву и гражданскому процессу. Казань, 1917. С. 33, 64, 156, 182.

² Клейнман А. Ф. Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1941–1942; Он же. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967; Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987.

дан всегда. О необходимости социологического подхода применительно к исследованиям гражданского процесса писалось давно¹.

Целью идентификации является гармоничное встраивание гражданской процессуальной системы России² в мировую юстицию, общенациональные правила рассмотрения и разрешения споров, включая понимание ЕСПЧ основ справедливого судебного разбирательства. Даже в современных политических условиях Россия не может изолироваться от мирового сообщества, и ученые-процессуалисты, как и в советское время, должны выявить «все ценное и полезное», что найдено зарубежными правовыми порядками для целей разрешения гражданско-правовых споров. Здесь формула практически не изменилась с советских времен. Теперь научное сообщество даже более сильное. За прошедшие 30 лет нам удалось подробно изучить зарубежные модели и подходы к гражданскому судопроизводству. Однако результаты и наших исследований должны быть известны всему мировому сообществу с той целью, чтобы в дальнейшем на международном (если таковой останется), межнациональном, общечеловеческом уровне закрепить и воспроизвести уникальность российской правовой культуры. В этом направлении еще предстоит определиться — какова существующая система гражданского процессуального права России.

2. Создание концептуальной основы современного судебного права и дальнейшее определение предмета гражданского процессуального права.

Как и в прошлые десятилетия, существует еще ряд магистральных направлений, по которым наука гражданского процессуального права не прекращает свои исследования. Мы их объединили под названием «Концептуальная основа судебного права и предмета гражданского процессуального права». Красной нитью в этих научных исследованиях проходит забота процессуалиста как практика и ученого о доступности правосудия в России.

Здесь множество нерешенных задач: определение объема правосудия по гражданским делам, выявление вопросов, «достойных» правосудия; определение гражданского процесса и его предмета с учетом новых концепций правопонимания (коммуникативная теория права, персонализированное право, понимающая социология, диалогический подход); внутриотраслевая систематика и воплощение гражданского процессуального права в доктрине и законодательстве; разработка дифференциации про-

---

¹ См.: Гамбаров Ю. С. Задачи современного правоведения. СПб., 1907. С. 7–8: «Судебная практика не чуждалась никогда широкого понимания источников права... она не переставала и не перестает до сих пор, под импульсом запросов жизни, идти гораздо далее писаного закона... постоянно создавая... новое право, — задолго до того, как это последнее получает законодательное освещение».

² Термин «гражданская процессуальная система России» мы используем по работам Д. Я. Малешина. Подробнее см.: Малешин Д. Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011.

цессуальной формы на основе объективно существующих предпосылок в социально-экономическом положении общества и страны; определение места цифровых технологий в судопроизводстве по гражданским делам, разработка стратегических информационных технологий в юриспруденции; характер и методы судебного познания и доказывания как основы процессуальной деятельности.

Как верно отмечала Н. А. Чечина, вопрос о предмете гражданского процессуального права — вечный¹. За последние 40 лет с момента проведенного ею обобщения накопилось много эмпирического материала, чтобы продолжить дискуссию не только о широком и узком понимании предмета гражданского процессуального права. Сегодня к нотариату, арбитражу, общественному правосудию, добавилась проблема медиации и переговоров, досудебного порядка урегулирования спора как предмета исследований в области юриспруденции и гражданского процессуального права².

Но самое главное — давно включены в орбиту процессуальных исследований философские понятия добра и справедливости, социологические и психологические понятия понимания и конфликта, коммуникации и восприятия. При работе над этой общенаучной в целом задачей цивилисты не могут отрываться от исследований, проводимых в иных науках (философия, социология, психология, этнография, биология), в смежных процессуальных отраслях права, в первую очередь — уголовного процесса. В современных условиях многополярного правопонимания в первую очередь следует мыслить интегративно, в конкретных исследованиях не забывать о различии методологических основ в различных концепциях права. Для процессуальных отраслей, «погрязших» сегодня в исследовании частных и незначительных процессуальных вопросов, главной задачей намечается создание общей концепции справедливости как объединяющего начала всех процессуальных отраслей права. Н. Н. Розанов писал 100 лет назад: «...высшая политика, которая может руководить судом в его деятельности, есть политика беспристрастия и справедливости, равно стоящая на страже и публичных интересов государства, и частных интересов личности...»³ О том же сейчас пишет Т. В. Сахнова: «Во времена нестабильные и сложные опору следует искать в том незыблемом и постоянном, что выдержало проверку столетий, в том, что самоценно и внементально»⁴.

¹ Чечина Н. А. Указ. соч. С. 34.

² Воронов А. Ф. Предмет науки гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2013. № 2. С. 50–59.

³ Розанов Н. Н. Процесс как юридическая наука (из лекций по судебному праву) // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 10. С. 43.

⁴ Сахнова Т. В. О современном значении гуманитарных ценностей цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 13.

С учетом двойного понимания справедливости как распределения и воздаяния, справедливости групповой (общественной) и индивидуальной, для науки гражданского процесса важно определиться, в каких случаях поиск справедливости требует подключения сил судебной системы, а когда можно обойтись и без суда. То есть главное, что придется заново создать современным юристам, — схема распределения труда по поиску и установлению справедливости между различными субъектами права. Во-первых, между публичной и частной сферами жизни (на полюсах которых с одной стороны стоит судебное решение, с другой — договор, т.е. государство и гражданин); во-вторых, четко определить основания включения судебной власти в публичный механизм поиска и установления справедливости (исходя из того, что суд познает в процессе не только факты, но и право, как объективное, так и субъективное).

Важнейшим философским вопросом является и участие искусственного интеллекта в познании и установлении справедливости. Дело в том, что цифровизация для России во многом означает добровольное принятие «правил игры» зарубежных создателей электронных устройств и программного обеспечения. Возможно ли отдать познание и установление справедливости в судебном процессе не человеку, а машине? Что должна учитывать такая машина при принятии решения? Тем более, если такая машина создана за рубежом, по «заморским» правилам? Допустимо ли «дешевое» компьютерное и «дорогое» человеческое правосудие?

В общем виде вопрос звучит так: является ли справедливость только гуманитарной ценностью или же есть общемировая справедливость, в познании и установлении которой помимо человека участвует вся окружающая его среда? Тем самым процессуальная наука должна дать ответ, насколько согласуются с поиском и установлением справедливости в суде постулаты и ценности глобализма, философии New Age, возможен ли ее поиск не только рациональным, но и иррациональными путем (как это делалось в древние времена), с подключением религии, оккультных учений и эзотерики. Только ответив на этот вопрос, по нашему мнению, ученый-процессуалист сможет гарантировать проверяемость и эффективность предлагаемых им методов социального управления при разрешении гражданско-правовых споров в будущем.

3. Научно-практическое сопровождение проводимой в России судебной реформы. Правовая поддержка духовно-нравственных ценностей, языка, сознания и культуры как основы консолидации российского общества.

Научные исследования должны принести практическую пользу, а не проводиться лишь с сомнительными целями получения грантов; поддержания той или иной системы мировоззрения. Укрепление законности в гражданском судопроизводстве, настоящее и будущее судебной реформы в России, развитие принципов гражданского процессуального права, те-

ория доказательств, сравнительное правоведение и другие направления должны быть материализованы в виде изданных монографий, статей, научно-практических комментариев законодательства. В особенности важно, чтобы результаты исследований нашли свое воплощение в действующем законодательстве и руководящих разъяснениях судебной практики.

Самостоятельным направлением исследований на стыке юриспруденции, социологии и педагогики можно обозначить разработку учебно-методических приемов работы со студентами-юристами, особенности преподавания юридических дисциплин, осмысление роли процессуального права в решении задач юридического образования. Все указанные направления – также забота ученого-процессуалиста, совмещающего исследовательскую работу с законодательной, судебной и педагогической практикой.

*С. Ф. Афанасьев,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
заведующий сектором теории и отраслевых проблем
правовой политики Саратовского филиала
Института государства и права РАН,
судья Саратовского областного суда в отставке,
af.73@mail.ru*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КАЗУИСТИКИ В ДЕЛАХ О СУДЕБНОМ САНКЦИОНИРОВАНИИ МЕР ПУБЛИЧНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Известно, что изначально Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) создавался под определенный предмет правового регулирования, который впоследствии законодателем был обозначен в ст. 1 КАС РФ как защита нарушенных или оспариваемых публичных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а равно осуществление судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации государственных или иных публичных полномочий.

В этой связи остановимся на отдельных аспектах процессуальной казуистики в сфере судебного контроля, в частности на примере дел, связанных с судебным санкционированием мер публичного принуждения. При этом отметим, что сегодня отмечается явный нормотворческий дрейф в сторону усиления внесудебной деятельности, так или иначе относящейся к юридическому санкционированию. Ярким образцом этому служат дела, касающиеся применения ст. 41 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантии прав граждан при ее оказании» (далее – Закон о психиатрической помощи), в которой описываются основания и порядок приема лиц в стационарные организации социального обслуживания, предназначенные для граждан, страдающих психическими расстройствами.

Напомним, что в свое время Конституционный Суд РФ в определении от 19 января 2011 г. № 114-О-П «По жалобе гражданина А. И. Ибрагимова на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 41

Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»» подчеркнул, что по соответствующим делам «федеральному законодателю надлежит установить процедуру судебной проверки необходимости и обоснованности помещения указанной категории лиц в специализированные (психоневрологические) учреждения для социального обеспечения»¹.

Позиция конституционных судей стала руководством к действию, поэтому суды общей юрисдикции начали принимать к своему производству требования о приеме граждан, страдающих психическими расстройствами, в стационарные организации социального обслуживания, полагая, что эта процедура аналогична процедуре недобровольной госпитализации таких лиц в психиатрический стационар².

Однако Закон о психиатрической помощи в этой части не был существенно трансформирован. Как и ранее, сегодня ст. 41 и ст. 42 в своей последней редакции детектируют исключительно внесудебный механизм: совершеннолетнее лицо, страдающее психическим расстройством (либо лицо, признанное недееспособным), принимается в стационарную организацию социального обслуживания по решению органа опеки и попечительства. В свою очередь, несовершеннолетнее лицо, страдающее таким расстройством, принимается в специализированную организацию по заявлению его родителей или иных законных представителей.

Более того, в 2023 г. отечественный законодатель значительно усилил внесудебную административно-правовую составляющую Закона о психиатрической помощи, среди прочего путем введения в действие с 1 сентября 2024 г. новой ст. 44.1, на основании которой на территории каждого субъекта Российской Федерации должны быть созданы внесудебные комиссии по рассмотрению вопросов о приеме в стационарную организацию социального обслуживания, предназначенную для лиц, страдающих психическими расстройствами, временном выбытии, переводе и выписке из нее³.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2011 г. № 114-О-П «По жалобе гражданина А. И. Ибрагимова на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 41 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Справка по результатам изучения практики рассмотрения дел об ограничении дееспособности граждан, признании гражданина недееспособным, о принудительной госпитализации в психиатрический стационар, принудительном психиатрическом освидетельствовании (подготовлена Саратовским областным судом в 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 465-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // СПС «КонсультантПлюс».

Почти синхронно, в феврале 2024 г., Минздрав России разработал и разместил для общественного обсуждения проект постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил принятия решения об ограничении прав пациента, выбора формы и продолжительности устанавливаемых ограничений прав пациента, а также извещения пациента о принятии такого решения»¹. Проект предполагает применение рестрикций юридического характера заведующим отделением или главным врачом медицинской организации на срок не более 15 дней без учета Международной классификации болезней 11-го пересмотра (МКБ-11). Это объясняется тем, что распоряжением Правительства РФ от 31 января 2024 г. № 200-р на территории страны приостановлено действие МКБ-11, которая детализирует и уточняет группу «Психические, поведенческие расстройства и нарушения развития нервной системы». Последнее позволяет врачам-психиатрам официально не диагностировать отдельные виды заболеваний или же наоборот — выявлять болезни, не считающиеся таковыми с точки зрения мировой медицинской практики (sic)².

Вместе с тем анализ дел, которые по-прежнему охватываются сферой судебного санкционирования, а следовательно, особой системой процессуальных гарантий, также побуждает к обсуждению некоторых принципиальных теоретико-прикладных аспектов процессуальной казуистики по таким делам.

Во-первых, как представляется, используемый законодателем в КАС РФ технико-юридический прием простого перечисления дел о судебном санкционировании мер публичного принуждения является экстенсивным, поскольку в материальном праве появляется все больше норм, описывающих случаи, вызывающие необходимость санкционирования со стороны органа правосудия. Механическим способом экстраполировать их в структуру КАС РФ, добавляя каждый раз в кодифицированный акт все новые главы, вряд ли рационально. К примеру, в силу ч. 2 ст. 57 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» судья дает разрешение на стерилизацию совершеннолетнего лица, признанного недееспособным, если оно по своему состоянию не способно выразить свою волю по поводу этой

---

¹ См.: Проект постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил принятия решения об ограничении прав пациента, выбора формы и продолжительности устанавливаемых ограничений прав пациента, а также извещения пациента о принятии такого решения» // СПС «КонсультантПлюс».

² По официальным данным Минздрава России, количество лиц, страдающих различными психическими расстройствами, в нашей стране составляет около 6 млн. пациентов, что не включает в себя невыявленных пациентов, т.е. лиц, у которых есть заболевание, но оно не было диагностировано // URL: <https://tass.ru/obschestvo/11380019> (дата обращения — 14 марта 2024 г.)

клинической манипуляции. Но в КАС РФ нет главы, которая бы называлась «Производство по административным делам о медицинской стерилизации совершеннолетнего лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным». Означает ли это, что должен быть разработан и принят очередной законопроект о внесении точечных изменений в кодекс? Неочевидно. Не проще ли пойти по пути создания некоего единого процессуального механизма, «пакующего» все имеющиеся и возможные в перспективе случаи в главу с условным названием «Судебное санкционирование мер публичного принуждения».

Во-вторых, в делах о судебном санкционировании мер публичного принуждения трудно обнаруживается классический спор о праве¹. С позиции объективного целеполагания они сфокусированы на охране права либо законного интереса граждан и организаций от гипотетического нарушения (превентивно-охранительная цель) и (или) на установлении фактов, имеющих юридическое значение, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение публичных правоотношений (установительная цель). Причем ныне все эти дела рассматриваются и разрешаются органами правосудия посредством искового производства – в подавляющем большинстве в рамках Раздела IV КАС РФ «Особенности производства по отдельным категориям административных дел».

Если говорить более предметно, то даже беглый взгляд на действующие правоположения КАС РФ показывает, что к quasi спорным делам, в которых государство или общество преследует превентивно-охранительную цель, например, допустимо отнести следующие: об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке; о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение; о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания органов МВД (для сравнения, по ГПК Республики Беларусь эти дела рассматриваются в особом производстве²) и др.

Симультанно с quasi спорными случаями в правовом поле имеют место бесспорные дела об установлении фактов, имеющих не частное, но публичное юридическое значение. Но нашему мнению, к ним могут быть причислены дела: о признании информации, запрещенной к распространению в Российской Федерации; об ограничении доступа к аудио-

---

¹ Подробно см.: Ханин С. В. Историко-правовой аспект юридической конструкции правовой спор // Юридическая техника. 2013. № 7. (ч. 2). С. 797–801.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238> (дата обращения – 15 марта 2024 г.).

визуальному сервису; о признании информационных материалов экстремистскими и др.

In toto в связи с большим количеством законодательных новаций публично-правового характера, а равно по причине последующей постепенно складывающейся судебной практики по рассмотрению и разрешению дел, в которых выявляется quasi спор, возникающий из публичных отношений, а равно дел, в коих спор о праве вообще не присутствует, представляется разумным поддержать идею о включении в КАС РФ раздела «Охранительное производство»¹. В данном разделе можно было бы закрепить открытый перечень дел охранительного производства (как quasi спорных, так и бесспорных), указав, что федеральными законами к рассмотрению в порядке охранительного производства могут быть отнесены и другие дела (так, как это сделано в ГПК РФ, а именно Подразделе IV «Особое производство»).

В-третьих, коль скоро дела о судебном санкционировании мер публичного принуждения до настоящего момента органами правосудия разбираются в свете административной исковой формы, то это вызывает к жизни ряд взаимосвязанных процессуальных казуистических вопросов, прежде всего относящихся к институализации правового положения лиц, участвующих в деле. Так, согласно ч. 1 ст. 275 КАС РФ правом на подачу административного искового заявления о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации обладает сама медицинская организация (учреждение) и прокурор, которые приобретают процессуальный статус административных истцов, гражданин же становится административным ответчиком.

Между тем по смыслу ст. 3 и 5 Закона о психиатрической помощи предметом судебной защиты выступают права и свободы гражданина, страдающего психическим расстройством. В силу ч. 2 ст. 38 КАС РФ под административным истцом понимается лицо, которое обратилось в суд в защиту своих прав, свобод, законных интересов, либо лицо, в интересах которого подано заявление прокурором, органом, осуществляющим публичные полномочия, должностным лицом.

Перефразируя, hoc est, если медицинская организация (учреждение) или прокурор обращаются с соответствующим административным иском в суд, то сам гражданин и будет обладать процессуальным статусом административного истца, ведь именно в защиту его прав и законных ин-

---

¹ Ради справедливости отметим, что саму по себе идею о возможности существования охранительного производства как отдельного вида производства в рамках административного судопроизводства поддерживают далеко не все теоретики и практики. Подробно см.: Опалев Р. О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве. М., 2023. С. 127–133.

тересов состоялось обращение¹. Иначе говоря, гражданин не может быть административным ответчиком, который нарушил или создал угрозу нарушения чьих-либо субъективных прав.

Ad notam некоторую ясность в вопрос внесло постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2019 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства РФ в связи с жалобой граждан Н. А. Баланюк, Н. В. Лаврентьева, И. В. Попова и В. А. Чернышева». В нем приведено базовое суждение, сообразно которому по общему правилу применительно к судебному производству по административным делам, возникающим из публичных правоотношений, истцами выступают:

- гражданин, организация, иные лица, обратившиеся в суд в защиту своих прав, свобод, законных интересов (или в интересах которых подано заявление прокурором, органом, осуществляющим публичные полномочия, должностным лицом);
- прокурор, орган, осуществляющие публичные полномочия, либо должностное лицо, иные органы, организации и лица, обратившиеся в суд, для реализации возложенных на них контрольных или прочих публичных функций (тогда в дело привлекаются заинтересованные лица «с учетом возможного в будущем спора между заинтересованным лицом и одной из сторон по административному делу»²).

Думается, по сути, это означает, что орган конституционного контроля если не прямо, то косвенно поддержал нетривиальную мысль о том, что в административном судопроизводстве есть группа *quasi* спорных и бесспорных дел, которые диссонируют с наличествующей административной исковой формой, закрепленной в КАС РФ как почти единственно допустимой к применению. К слову, к этому Конституционный Суд РФ подтолкнул сам законодатель, поскольку очертил в кодексе среди лиц, участвующих в деле, заинтересованных лиц (ст. 37 КАС РФ), имманентных правовой природе особого производства. Как справедливо отмечает Е. В. Силина, «заинтересованные лица — это лица, участвующие в делах особого производства, имеющие опосредованный юридический интерес

---

¹ В особенности, если иметь в виду п. 4 ст. 35 ГК РФ, согласно которому недееспособным гражданам, помещенным под надзор в медицинские организации, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на эти организации.

² Подробно см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2019 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства РФ в связи с жалобой граждан Н. А. Баланюк, Н. В. Лаврентьева, И. В. Попова и В. А. Чернышева» // СПС «КонсультантПлюс».

и участвующие в процессе в целях предотвращения возможного нарушения своих субъективных прав и охраняемых законом интересов»¹.

Далее, не менее важной является проблема конструирования архитектуры института законного представительства. Исходя из ст. 7 Закона о психиатрической помощи защиту прав, свобод и законных интересов лица, признанного недееспособным, осуществляет его опекун; лица, дееспособность которого ограничена вследствие психического расстройства, — его попечитель².

Если лицу, нуждающемуся в установлении над ним опеки или попечительства, своевременно не был назначен опекун либо попечитель, то надлежащие полномочия передаются медицинским организациям, оказывающим психиатрическую помощь в стационарных условиях, на которые законом возложено исполнение обязанностей опекуна или попечителя.

Несомненно, здесь возникает правовой эффект умножения процессуальных статусов: при обращении в суд с материально-правовым требованием стационарная медицинская организация *pro forma* становится административным истцом. При этом она же по действующему законодательству одновременно является представителем административного ответчика, т.е. недееспособного гражданина, страдающего психическим расстройством, что ставит под сомнение беспристрастность и эффективность состязательного механизма юрисдикционной защиты³, в том числе из-за того, что законный представитель фактически выступает инициатором недобровольной госпитализации гражданина.

Наряду с этим рационально обсудить вопросы процессуальной казуистики в сфере оказания бесплатной юридической помощи. В силу ст. 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Представляется, что по административным делам о судебном санкционировании почти всегда рационально назначать бесплатного адвоката в качестве представителя. Мотивируется это тем, что лицо, в отношении которого выдается судебная санкция, изначально находится в социально уязвимом или опасном положении. Причем его представители (в том числе законные), как было показано выше,

---

¹ Силина Е. В. Особое производство: природа, особенности // Право и управление. 2022. № 8. С. 140.

² Согласно п. 2 ст. 30 ГК РФ гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном ГПК РФ. Над ним устанавливается попечительство.

³ См.: Смагина Е. С., Чупилин Д. А. Проблемы обеспечения состязательности по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке // Администратор суда. 2021. № 3. С. 20–25; № 4. С. 20–23.

нередко выступают в роли административного истца, т.е. инициируют возбуждение судебного производства против представляемого лица.

Однако на основании ч. 4 ст. 54 КАС РФ адвокат назначается судом в качестве представителя, только если это прямо предусмотрено нормами данного кодекса, а также в других указанных федеральным законом случаях.

Ad exemplum продемонстрируем сказанное в контексте двух новых глав КАС РФ, а именно гл. 31.2 (производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел) и гл. 31.3 (производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа).

Согласно нормам означенных глав КАС РФ несовершеннолетнему, в отношении которого подано административное исковое заявление, назначается в качестве представителя адвокат, если у суда отсутствуют сведения о наличии у несовершеннолетнего представителя. Но такое назначение адвоката должно корреспондировать ст. 8 и ст. 27 Федерального закона 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в силу которых несовершеннолетнему гарантируется оказание бесплатной юридической помощи с участием адвоката, но до направления документов и материалов в суд. Тем не менее по вполне понятным причинам это должен быть один и тот же адвокат, который досконально знаком с существом административного дела, что называется, погружен в него.

И последнее, разумеется, в самостоятельном обсуждении нуждается проблематика, связанная с определением круга фактов, входящих в предмет доказывания по делу о судебном санкционировании мер публичного принуждения. Она является чрезвычайно сложной и объемной, тесно корреспондирующей теме доказывания и доказательств¹. Исходя из этого ограничимся лишь краткой тезой и позволим себе высказать свою солидарность с И. В. Решетниковой, которая правильно пишет, что перенос норм материального права в КАС РФ приводит к ненужному легальному дублированию, а малейшие модификации положений материального права провоцируют потребность изменений указанного кодекса. «Сложно представить, до каких размеров вырос бы ГПК, если бы в него переко-

---

¹ См.: Нахова Е. А. Особенности определения предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию по отдельным категориям административных дел в административном судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 216–227; Аргунов В. В. Судебное познание и доказывание по делам особого производства // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 307–348.

чевали нормы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по различным категориям гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных споров»¹.

Итак, подводя итог, следует подчеркнуть два ключевых момента. В частности, это наличие тенденции законодательного скольжения в направлении несудебного санкционирования мер публичного принуждения, а также имеющийся потенциал внедрения охранительного производства в КАС РФ (например, по аналогии с тем, как это бытует в ГПК РФ касательного особого производства). Последнее сняло бы большинство казуистических аспектов в описанной сфере административных процессуальных правоотношений, принимая во внимание, что исковая форма нацелена на решение других задач при рассмотрении и разрешении судами спорных материально-правовых требований, а потому использует соответствующий этим задачам специальный юридический инструментарий. При этом обособление охранительного производства в КАС РФ отчасти бы нивелировало нормотворческий дрейф в сторону усиления внесудебной санкционной деятельности, тем самым обеспечив всем заинтересованным лицам право на реализацию высоких процессуальных стандартов, связанных с отправлением правосудия по административным делам.

---

¹ Решетникова И. В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 38.

З. Х. Баймолдина,
кандидат юридических наук,
ректор Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан,
профессор Научно-образовательного центра
гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия
при Верховном Суде Республики Казахстан,
akadem.sud@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУДАХ ПРОВЕРОЧНЫХ ИНСТАНЦИЙ В КАЗАХСТАНЕ

В настоящее время в Казахстане функционирует трехуровневая судебная система: районные и приравненные к ним суды – суды первой инстанции; областные и приравненные к ним суды – суды апелляционной инстанции; Верховный Суд РК (судебные коллегии по гражданским, уголовным и административным делам) – суд кассационной инстанции. При этом имеет место жесткая корреляция территории деятельности судов первой и апелляционной инстанций с административно-территориальным устройством государства.

Несмотря на то что в Казахстане только один суд действует как суд кассационной инстанции, пересмотр вступивших в законную силу судебных актов по гражданским, уголовным и административным делам возможен дважды. Верховный Суд рассматривает дела в кассационном порядке в составе не менее трех судей, а затем вправе в исключительных случаях еще раз осуществить пересмотр в составе не менее семи судей. Это возможно на основании представления председателя данного суда или протеста Генерального прокурора РК на судебные акты по гражданским и административным делам¹ и на основании протеста Генерального прокурора РК на судебные акты по уголовным делам². Иначе урегулированы эти во-

---

¹ Речь идет о таких случаях, когда: 1) исполнение принятого постановления может привести к тяжким необратимым последствиям для жизни, здоровья людей либо для экономики и безопасности РК; 2) принятое постановление нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы; 3) принятое постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права (ч. 6 ст. 438 ГПК РК и ч. 6 ст. 169 Административного процедурно-процессуального кодекса РК).

² Это случаи, когда: 1) судебный акт затрагивает государственные или общественные интересы, безопасность государства либо может привести к тяжким необратимым последствиям для жизни, здоровья людей; 2) лицо отбывает пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 485 УПК РК).

просы в КоАП РК. Постановления по делам об административных правонарушениях не подлежат пересмотру в кассационном порядке, за исключением указанных в законе случаев (ч. 4 ст. 848 КоАП РК)¹. Пересмотр осуществляется Судебной коллегией Верховного Суда по уголовным делам в коллегиальном составе не менее трех судей по представлению председателя, председателя судебной коллегии Верховного Суда РК, протесту Генерального прокурора РК и его заместителей.

В настоящее время в Казахстане обсуждаются вопросы реформирования судебных инстанций в целях обеспечения справедливого правосудия, повышения качества судебных актов, усиления независимости судьи и суда при отправлении правосудия.

В сентябре 2023 года президент страны в ходе встречи с представителями отечественного бизнеса отметил, что назрела необходимость проведения консультаций с юридическим и предпринимательским сообществом по вопросу создания самостоятельных судов кассационной инстанции. При этом было подчеркнуто: «Судейский корпус утверждает, что данный шаг позволит обеспечить качественную защиту прав граждан. <...> Если будет достигнуто единое мнение по созданию кассационных судов, то мы не допустим увеличения бюджета судебной системы»².

Поддержка данного мнения повлечет необходимость изменения не только уровней судебной системы, но и компетенции судебных инстанций.

Основные параметры консолидированной позиции Верховного Суда РК были изложены его председателем 8 декабря 2023 г. в интервью газете «Казахстанская правда»³. Суть сводится к следующему: 1) поддержать создание кассационных судов с их дислокацией в столице (предлагается создать три кассационных суда: по гражданским, административным и уголовным делам⁴); 2) установить, что все судебные акты по существу спора

---

¹ Согласно ч. 5 ст. 851 КоАП РК основаниями к пересмотру являются случаи, когда: 1) исполнение принятого постановления может привести к тяжким необратимым последствиям для жизни, здоровья людей либо для экономики и безопасности РК; 2) принятое постановление нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы; 3) принятое постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами, уполномоченными органами (должностными лицами) норм права.

² Глава государства провел встречу с представителями отечественного бизнеса // URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-predstavitelnyami-otechestvennogo-biznesa-1283946> (дата обращения — 1 февраля 2024 г.).

³ Мерғалиев А. А. Судебная система в контексте реформ // URL: <https://kazpravda.kz/n/sudebnaya-sistema-v-kontekste-reform/> (дата обращения — 1 февраля 2024 г.).

⁴ Три новых кассационных суда могут появиться в Астане // URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/tri-novyh-kassacionnyh-suda-mogut-poyavitsya-v-astane> (дата обращения — 5 января 2024 г.).

вступают в законную силу после апелляционного пересмотра; 3) упразднить предварительное рассмотрение для решения вопроса о принятии дела к производству кассационного суда; 4) сохранить на первоначальном этапе действующие «фильтры» в кассации; 5) ввести надзорное производство, которое будет возбуждаться по инициативе судьи Верховного Суда, если суды нижестоящих уровней приняли решения вразрез с судебной практикой либо необходим пересмотр в интересах развития права.

Дискуссии по данному вопросу продолжаются. Естественно, размышления над ними побудили меня избрать тему своего выступления на данной конференции и высказать свои суждения по наиболее важным аспектам обсуждаемого сейчас в Казахстане вопроса.

1. О целесообразности создания кассационных судов. Мнение о создании таких судов поддерживается по ряду причин. *Во-первых*, их формирование по принципу экстерриториальности — один из способов реализации политических установок президента страны об обеспечении независимого, беспристрастного и справедливого отправления правосудия, построения справедливого общества¹. Это положительно повлияет на обеспечение независимости кассационных судов от регионального влияния. *Во-вторых*, это позволит освободить Верховный Суд от выполнения несвойственных высшему судебному органу функций вследствие передачи кассационным судам нынешней его нагрузки по пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу. Создание кассационных судов повлечет необходимость реформирования Верховного Суда путем значительного сокращения численности его судей и превращения его в «мозговой центр» судебной системы². За Верховным Судом можно сохранить полномочия по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов лишь в исключительных случаях. Он не должен заниматься исправлением судебных ошибок, за исключением узкого круга случаев. Его прерогатива — выработка правовых позиций и обеспечение единообразия судебной практики. Кроме того, разумно исключить компетенцию Верховного Суда по рассмотрению дел в качестве первой инстанции, сохранив лишь право по вынесению так называемого образцового решения. От рассмотрения дел Верховным Судом по первой инстанции давно надо было отказаться — это не его уровень, какое бы значение рассматриваемые дела ни имели.

---

¹ Послание Главы государства К. К. Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» // URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048> (дата обращения — 1 февраля 2024 г.).

² Подвижник права: Памяти Нагашбая Шайкенова. В 2 т. Изд. 2-е., перераб. и доп. Том 2 / авт.-сост.: Л. А. Шайкенова; подготовка текстов: И. В. Синельников. Астана, 2002. С. 198.

К тому же это подрывает авторитет местных судов, создается впечатление, что они не способны рассматривать дела определенных категорий по первой инстанции, вершить качественно правосудие. В результате такого реформирования Верховный Суд будет иметь возможности для проведения аналитической работы и выработки разъяснений по вопросам судебной практики, направленных на правильное толкование и применение норм права судами нижестоящих уровней. Сейчас принимаемых Верховным Судом нормативных постановлений явно недостаточно, более того, в них не содержатся необходимые судам разъяснения. *В-третьих*, построение вышестоящих судебных инстанций в соответствии со специально созданными судебными округами, а не на основе административно-территориальных единиц — оправдавшая себя практика во многих зарубежных странах. Так, в США, включающих 50 штатов и 1 федеральный округ, всего 11 судебных округов, где функционируют 13 апелляционных окружных судов, из которых 2 суда являются специализированными (кассации в США нет). В состав каждого судебного округа входит несколько штатов. Каждый такой округ состоит из различного количества штатов (от 3 до 10)¹. Во Франции 35 апелляционных судов, 5 из которых находятся за рубежом, в то время как страна разделена на 101 департамент, в том числе 5 зарубежных². В РФ с конца 2019 г. в системе судов общей юрисдикции применяется принцип экстерриториальности юрисдикции вышестоящих судебных инстанций. Созданы 9 кассационных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих кассационных судебных округов и 5 апелляционных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих апелляционных судебных округов³. Еще ранее судебные округа в РФ были введены в системе арбитражных судов.

2. Количество кассационных судов и места их нахождения. Целесообразно создать 5 кассационных судов в соответствии с кассационными судебными округами. Кассационный суд должен быть вышестоящей судебной инстанцией по отношению к судам апелляционной инстанции, действующим на территории соответствующего кассационного судебного округа. При определении количества кассационных судов необходимо

---

¹ Коршунов Ю. А. Зарубежный опыт создания апелляционных судов: на примере Соединенных Штатов Америки и Французской Республики // Юридическая наука. 2019. № 2. С. 46–48.

² Там же. С. 48.

³ См., например: Лебедев В. М. В России начинают действовать 14 окружных судов общей юрисдикции // URL: <https://tass.ru/obschestvo/6947138> (дата обращения — 17 января 2024 г.); Абдулвалиев А. Ф. География апелляционных судов общей юрисдикции в России: проблемы обеспечения доступа к правосудию при пересмотре уголовных дел // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32385 (дата обращения — 18 января 2024 г.).

создать условия для реализации ряда принципов и требований судопроизводства, например, доступа к правосудию, непосредственности и устойчивости. Для этого требуется учет ряда факторов. *Во-первых*, надо учитывать географический фактор. Кассационные суды должны быть равномерно расположены по регионам Казахстана с тем, чтобы обеспечить равноудаленность границ создаваемого кассационного судебного округа от места расположения кассационного суда¹. При этом места нахождения кассационных судов в созданных кассационных судебных округах должны быть смещены от центра к регионам. Это решит в определенной степени вопросы труднодоступности и удаленности некоторых районов от места нахождения кассационных судов. При выборе места расположения кассационного суда необходимо учитывать наличие транспортной инфраструктуры и развитость транспортного сообщения в конкретном кассационном судебном округе². *Во-вторых*, необходимо учитывать минусы концентрации судебных органов в столице — это может пойти во вред принципам судопроизводства в силу нахождения в одном месте Верховного Суда, новых кассационных судов и суда г. Астаны как суда апелляционной инстанции. К тому же желательно разгрузить Астану от избыточного числа судебных органов, создав кассационные суды в других городах Казахстана. *В-третьих*, рассредоточение высокопрофессиональных судей по регионам — кассационным судам, юрисдикция которых будет распространяться на территорию кассационного судебного округа, — положительно повлияет на качество отправления правосудия в целом по стране.

3. Об органах кассационного суда. Предлагается предусмотреть в качестве органов кассационного суда только пленарное и расширенное пленарное заседания. Председатель кассационного суда должен быть профессионалом по всем формам судопроизводства, только так может быть реализован принцип «председатель суда — первый среди равных ему судей суда». В кассационном суде необходимо создать три судебных состава (а не судебные коллегии): по гражданским делам; по административным делам; по уголовным делам. Наряду с этим при необходимости могут быть созданы другие специализированные составы. Судебные составы должны формироваться решением пленарного заседания кассационного суда. Это позволит судебным составам быть мобильными и гибкими соответственно потребностям и задачам определенного кассационного суда.

4. Численность судей кассационных судов. Целесообразно установить число судей в пределах от 6 до 17. Предлагаемая численность кассационных судов обосновывается следующим. *Во-первых*, в настоящее время численность судей Верховного Суда, являющегося единственной кассационной

---

¹ Абдулвалиев А. Ф. Указ. соч.

² Там же.

инстанцией в стране, составляет 65. При этом Верховный Суд выполняет и другие функции, в частности дает разъяснения судам по вопросам судебной практики и рассматривает дела по первой инстанции, отнесенные к его подсудности. С учетом этого количественный состав всех новых кассационных судов не должен превышать численность действующих судей Верховного Суда. Количество судей каждого из 5 кассационных судов будет различаться в зависимости от нагрузки, количества рассматриваемых в кассационном порядке дел и других факторов. *Во-вторых*, кассационному производству в Казахстане предшествует производство дела в суде апелляционной инстанции, где фактически заново рассматривается дело, по которому было вынесено решение суда первой инстанции. В соответствии с ГПК РК апелляционный суд не имеет полномочия направлять дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суды апелляционной инстанции самостоятельно исправляют допущенные судами первой инстанции ошибки, проверяя как законность, так и обоснованность судебных решений в полном объеме. *В-третьих*, небольшое количество судей вышестоящих судебных инстанций характерно даже для крупных государств, с численностью населения, многократно превышающую численность населения Казахстана. Это обусловлено тем, что кассационный суд проверяет только законность судебных решений (не устанавливает новые обстоятельства дела, не исследует новые доказательства); осуществляет проверку, как правило, в пределах доводов, приведенных в кассационной жалобе; рассматривает дела после повторного рассмотрения дела соответствующей инстанцией. Так, в США в каждом апелляционном суде работает несколько судей, число которых устанавливается статутом и может насчитывать от 10 до 25¹. В то же время население США почти в 17 раз превышает численность РК (по данным, опубликованным Interfax.ru/world, население США в 2022 г. составляло 333,2 млн чел.², в то время как в Казахстане — 20 млн чел.).

5. Принцип «исчерпания средств правовой защиты». Вполне обоснованной представляется позиция Верховного Суда РК о том, что для кассационного обжалования следует установить принцип «исчерпания средств правовой защиты». Правом оспаривания судебного акта в кассационном порядке должны обладать лица при условии, что ими были исчерпаны иные способы обжалования судебного акта, установленные процессуальным законом. Такое правило соответствует практике многих зарубежных стран. Применение данного правила к отечественному судопроизводству

¹ Аболонин Г. О. О судебной системе США // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 163.

² Население США в 2022 году увеличилось на 1,2 млн. человек // URL: <https://www.interfax.ru/world/878312> (дата обращения — 2 февраля 2024 г.).

означает, что лицо в обязательном порядке должно сначала обратиться с жалобой в суд апелляционной инстанции, в противном случае оно не вправе выразить несогласие с судебным актом в кассационном порядке. Исключения могут составлять случаи, когда решения суда первой инстанции не подлежат апелляционному контролю, поскольку вступают в законную силу сразу после его вынесения. В частности, Верховный Суд вправе рассмотреть дело по правилам первой инстанции и вынести по нему «обращенное решение».

6. Объект кассационного обжалования. Поддерживается позиция Верховного Суда о том, что объектом кассационного обжалования должен являться вступивший в законную силу акт суда апелляционной инстанции. При этом предлагается в исключительных случаях допустить пересмотр вступивших в законную силу тех актов суда первой инстанции, которые не были объектом апелляционного рассмотрения. Судебные системы современных государств имеют, как правило, две проверочные инстанции, соответствующие разным уровням судебной системы и проверяющие судебные решения в ординарном и экстраординарном порядке: нижестоящая в ординарном порядке, а вышестоящая – в экстраординарном. Этому соответствует система, установленная в Казахстане: у нас две проверочные инстанции – апелляция (ординарный порядок) и кассация (экстраординарный порядок). В Казахстане суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в полном объеме. Это обычный (ординарный) порядок, предусматривающий полномочия апелляционной инстанции по всестороннему, полному и объективному установлению всех обстоятельств дела. Поэтому вполне оправданными являются нормы процессуальных законов, устанавливающие вступление в силу актов суда апелляционной инстанции со дня их оглашения (ст. 431 ГПК РК и ч. 3 ст. 444 УПК РК). Учитывая вышеизложенное, необходимо во всех процессуальных законах установить единые правила о вступлении в законную силу актов суда апелляционной инстанции со дня их оглашения. С этой позиции необходимо пересмотреть нормы ч. 10 ст. 168 АПК РК, предусматривающие, что постановление суда апелляционной инстанции вступает в силу по истечении кассационного срока обжалования (одновременно следует исправить недостатки, имеющиеся во втором и третьем абзацах части 10 данной статьи).

7. Исключение института предварительного рассмотрения. Вполне аргументированной представляется позиция, высказанная Верховным Судом и представителями многих других структур, о введении так называемой «сплошной» кассации. «Сплошная» кассация означает, что принесение жалобы, ходатайства сторонами, другими лицами, участвующими в деле, непосредственно влечет возбуждение кассационного производства и рассмотрение дела судом кассационной инстанции с вызовом лиц и прове-

дением судебного заседания без какого-либо предварительного отбора, т.е. без рассмотрения обоснованности самой подачи жалобы, ходатайства.

8. Ограничения на кассационное обжалование. Позиция Верховного Суда по сохранению на первоначальном этапе ограничения на кассационное обжалование представляется разумной. Подобный подход опирается на сформированный в международно-правовой практике принцип правовой определенности, означающий с процессуальной точки зрения недопустимость пересмотра окончательного и вступившего в законную силу судебного акта, за исключением тех случаев, когда допущены нарушения чрезвычайного и непреодолимого характера. Как верно отмечено в юридической литературе, на международном уровне обязательность и, как следствие, общедоступность проверки судебных актов закреплены только в отношении суда второй инстанции (применительно к Казахстану – в отношении апелляционной инстанции). Последующие проверочные инстанции рассматриваются как основные инструменты развития права, а не как средство выявления и устранения типичных судебных ошибок.

9. Пересмотр количества и территории деятельности апелляционных судов. Предлагаемый в отношении кассационных судов принцип экстерриториальности логично приводит к необходимости внедрения этого же принципа применительно к судам апелляционной инстанции. Разумно создать 10 апелляционных судов со сферой юрисдикции в пределах 10 апелляционных судебных округов вместо действующих ныне 20 областных и приравненных к ним судов. В случае образования территориально более крупных апелляционных судебных округов по сравнению с административно-территориальными единицами (области, города республиканского значения и столица), возможно, потребуются открыть судебные присутствия в определенных местах в целях обеспечения доступа к правосудию¹. В целом создание апелляционных судов, юрисдикция которых по территориальному признаку будет больше, нежели у действующих областных и приравненных к ним судов, благоприятно скажется на достижении единообразия судебной практики. Это послужит также и тому, что в два раза сократится число должностных лиц в составе апелляционных судов. При этом структуру суда апелляционной инстанции предлагается сохранить прежнюю: пленарное и расширенное пленарное заседания; судебная коллегия по гражданским делам; судебная коллегия по административным делам; судебная коллегия по уголовным делам.

10. Институт примирительных процедур. Реформа судебного производства по гражданским делам во многих странах в последние три десятилетия

---

¹ Опыт РФ и других стран, где имеются судебные присутствия, показывает целесообразность их создания.

сопровождается расширением примирительных процедур и альтернативных форм разрешения гражданско-правовых споров. В процессуальной литературе подробно освещены аргументы в пользу такого подхода и преимущества завершения спора о праве между субъектами в порядке примирения. ГПК РК предусматривает несколько примирительных процедур, в то же время есть возможности для внедрения новых ее видов на основе опыта зарубежных стран. В частности, можно использовать опыт РФ, США, Японии и других стран. Так, ГПК РФ предусматривает институт судебного примирения, согласно нормам которого судебным примирителем может выступать только судья в отставке. В каждом суде имеются списки судебных примирителей. Из данного списка стороны определяют по взаимному согласию кандидатуру судебного примирителя, утверждаемую определением суда. Внедрение такого института позволит: 1) снизить нагрузку на судей по гражданским делам, освободив действующих судей от проведения примирительных процедур и исключив тем самым неоправданное подразделение их на две категории (все они будут заниматься рассмотрением и разрешением дел по существу); 2) увеличить количество разрешаемых гражданско-правовых споров мирным способом, поскольку эффективность примирения возрастет в силу осуществления его судьями в отставке, имеющими богатый профессиональный и жизненный опыт.

Изложенные суждения, конечно, требуют детального совместного обсуждения практиков и научного сообщества в целях наиболее правильного решения вопроса о судах проверочных инстанций в Казахстане.

*В. Ф. Борисова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
vfb2709@yandex.ru*

РАСПОРЯЖЕНИЕ ДИСПОЗИТИВНЫМИ ПРАВАМИ ОТ ИМЕНИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО УЧАСТНИКА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Согласно ст. 37 ГПК РФ гражданская процессуальная правоспособность в полном объеме наступает при достижении гражданами возраста 18 лет. Защиту прав, свобод и законных интересов от имени детей в возрасте до 14 лет в гражданском процессе обеспечивают законные представители (родители, усыновители, опекуны, попечители, иные лица, указанные в законе). По достижении 14 лет к участию в деле привлекаются сами несовершеннолетние. В отдельных случаях, предусмотренных законом, лица в возрастном диапазоне от 14 до 18 лет вправе самостоятельно представлять свои интересы в суде (ст. 1074 ГК РФ, ст. 56, 62 СК РФ и др.). Несовершеннолетний, вступивший в брак или признанный эмансипированным в судебном порядке, лично реализует свои процессуальные права и обязанности в суде. Следует заметить, что законные представители не всегда добросовестно осуществляют полномочия по защите прав ребенка, а нередко сами являются нарушителями прав детей. При конфликте интересов ребенка и законного представителя органы опеки и попечительства назначают представителя для защиты прав и законных интересов детей (ст. 64 СК РФ). В свою очередь, наличие у несовершеннолетнего ребенка законного представителя не препятствует участию прокурора в гражданских делах, инициированных с целью защиты «детских» прав и интересов¹. Субъекты, защищающие права и интересы несовершеннолетних в суде, наделены определенным объемом процессуальных прав, которыми они распоряжаются от имени детей без доверенности. Согласно ст. 35 ГПК РФ законному представителю несовершеннолетнего принадлежат общие права лица, участвующего в деле. Кроме того, он вправе распоряжаться от имени

---

¹ См.: Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

несовершеннолетнего ребенка диспозитивными процессуальными правами, закрепленными в ст. 39 ГПК РФ. Если в интересах несовершеннолетнего, чьи права нарушены, в суд обращается прокурор, который не уполномочен на заключение мирового соглашения от имени ребенка.

Гражданское процессуальное законодательство не устанавливает каких-либо ограничений в реализации процессуальных прав от имени несовершеннолетнего, в связи с чем можно было бы предположить, что законный представитель пользуется ими по своему усмотрению, а добросовестность его действий и соответствие их закону проверяет суд. Вместе с тем вопросы процессуального характера, касающиеся распоряжения правами от имени несовершеннолетнего, отражены в ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Согласно указанной норме опекуны или попечители обязаны получать предварительное разрешение органов опеки и попечительства на действия, потенциально направленные на уменьшение стоимости имущества подопечного. В частности, разрешение требуется в случае отказа законного представителя от иска, предъявленного в интересах подопечного, заключения мирового соглашения от его имени в судебном разбирательстве, а также в исполнительном производстве, где он занимает положение взыскателя. Судебная практика свидетельствует о том, что согласно данному положению суд обязан получить от органа опеки и попечительства согласие на отказ законного представителя от иска, поданного в интересах несовершеннолетнего, даже при наличии доверенности¹. При заключении мирового соглашения суды вышестоящих инстанций констатируют недостаточное внимание к вопросам соответствия мирового соглашения нормам материального и процессуального права в части соблюдения прав несовершеннолетних. Так, при проверке соблюдения материальных норм, применяемых для рассмотрения спора по существу, суд первой инстанции проигнорировал требование законодательства об опеке и попечительстве и не получил согласие на заключение мирового соглашения с участием законного представителя несовершеннолетнего ребенка, что привело к направлению дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции².

Соответственно, отсутствие разрешения органа опеки и попечительства в материалах дела влечет за собой отмену принятого по делу судебного акта и направление дела на новое рассмотрение, существенно влияя на процессуальный исход рассматриваемого гражданского дела в будущем, а также на диспозитивные права иных участников процесса. Кроме

---

¹ См.: постановление Президиума Тверского областного суда от 24 апреля 2017 г. № 44г-9/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2022 г. № 88-21138/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

того, следует учитывать, что орган опеки и попечительства вправе не выдать разрешение на отказ от иска и заключение мирового соглашения законным представителем, мотивировав свое мнение в письменном виде. Согласно п. 1.10 письма Минпросвещения России от 4 апреля 2023 г. № 07-1780 «О методических рекомендациях» отказ органа опеки и попечительства в выдаче разрешения на распоряжение диспозитивными правами от имени ребенка может быть обжалован в судебном порядке¹. Иными словами, из гражданско-правового спора, затрагивающего имущественные интересы несовершеннолетнего, возникает производное требование, рассматриваемое в рамках административного судопроизводства, в котором заявителю надлежит доказать обстоятельства, свидетельствующие о том, что отказом от иска или заключением мирового соглашения не нарушаются права ребенка. Надо полагать, что при разрешении административного дела производство по основному иску должно быть приостановлено до момента вынесения судебного решения об удовлетворении или об отказе в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании отказа органа опеки и попечительства в выдаче разрешения на распоряжение диспозитивными правами законным представителем. При отказе в удовлетворении заявленных административных требований суд по логике обязан заблокировать возможность отказа от иска или заключения мирового соглашения, волеизъявление на которые поступило от законного представителя несовершеннолетнего, и рассмотреть дело в пределах первоначальных притязаний.

Проанализированная коллизия ГПК РФ и Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» обуславливает конкуренцию нормативно-правовых актов в регулировании вопросов процессуального характера. По сути, устанавливается дополнительное условие реализации диспозитивных прав законного представителя в судебном разбирательстве, затрагивающем права несовершеннолетнего. Успешное выполнение указанного условия позволит завершить процесс вынесением определения о прекращении производства по делу в связи с принятием судом отказа истца (законного представителя) от иска либо утверждением мирового соглашения. В противном случае возможны два варианта развития событий: возникновение параллельного судебного разбирательства по административному иску законного представителя либо запрет на распоряжение диспозитивными правами всеми заинтересованными участниками процесса, включая законного представителя, если в выдаче

---

¹ См.: письмо Минпросвещения России от 4 апреля 2023 г. № 07-1780 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по вопросам выдачи органами опеки и попечительства предварительных разрешений на осуществление имущественных прав ребенка») // СПС «КонсультантПлюс».

распоряжения органами опеки или судом будет отказано. Описанные последствия оказывают неблагоприятное действие на своевременность и эффективность судебного разбирательства, усложняют получение судебной защиты, в том числе несовершеннолетними, от имени которых выступают законные представители. По сути, санкционирование действий законных представителей по распоряжению диспозитивными правами от имени несовершеннолетних в суде представляет собой двойной контроль от лица суда и публичного органа власти.

*Н. С. Бочарова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
nbocharova@mail.ru*

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ

В научной литературе наряду с процессуальными действиями и событиями¹ как основаниями возникновения, изменения, прекращения процессуальных отношений выделяют также бездействие². Так, Н. А. Чечина указывала, что гражданские процессуальные правоотношения могут возникать и в результате бездействия лиц, участвующих в деле, а не только фактов-действий в положительном значении этого слова. В. Н. Щеглов к содержанию гражданского процессуального отношения относил фактическое поведение, которое охватывает не только процессуальные действия, но и пассивное поведение, воздержание от активных действий, если оно предусмотрено законом³.

О. А. Красавчиков юридические действия определял как единство воли и ее изъявления. При этом действия лиц с точки зрения проявления могут быть положительными и отрицательными. Отрицательное волеизъявление — это бездействие, которое может быть неправомерным (упущение) и правомерным (молчание). Юридическая значимость правомерного молчания возникает только при наличии прямого указания норм права, которые предписывают в связи с ним известные юридические последствия. Молчание — отрицательное волеизъявление, при этом воля не отрицается, а предполагается⁴.

Нельзя не согласиться с В. А. Беловым, который увидел в этом делении фактов на положительные и отрицательные логическую ошибку. Ситуа-

---

¹ Возможность выделения событий как процессуальных фактов не поддерживается некоторыми авторами. См., например: Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. С. 47; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М., 2007. С. 166.

² Абрамов С. Н. Советский гражданский процесс. М., 1952. С. 85.

³ Щеглов В. Н. Гражданские процессуальные правоотношения. М., 1966. С. 89.

⁴ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 100.

ции, которые описываются как отрицательные факты (бездействие), — это положительные факты, которые либо не произошли, либо не доказаны. Юридическое значение связывается здесь не с отсутствием факта, а с наличием совершенно других фактических обстоятельств, которые и привели к определенному *юридическому состоянию (выделено мною. — Н. В.)* или положению¹. Отрицательные факты не признавал и Н. В. Зернин, который указывал, что правовые последствия не могут связываться с тем, чего нет².

При выделении бездействия как юридического факта, к его основным признакам относят: 1) прямое указание в законе на конкретные правовые последствия такого бездействия, 2) волевой характер бездействия (направленность на эти последствия).

Представляется, что бездействие может быть либо невыполнением возложенной обязанности (неправомерное бездействие), либо отказом от реализации права (правомерное бездействие), либо намеренным отказом от реализации права, направленным на нарушение интересов других участников отношения (злоупотребление правом).

Приведем некоторые процессуальные нормы, в которых содержится указание на «отсутствие действий» (несовершение действий), на примере ГПК РФ³: 1) несовершение действий судом: ч. 6 ст. 6, ст. 201, ст. 325, ч. 3 ст. 320 ГПК РФ; 2) несовершение действий лицами, участвующими в деле: ч. 2 ст. 56, ст. 167, ст. 233, абз. 2 ч. 2.1 ст. 113, ч. 3 ст. 57, ч. 7 ст. 67, ч. 1 ст. 68, ч. 6 ст. 98, ч. 2 ст. 109, ст. 130, ч. 7 ст. 144.1, ч. 2 ст. 150, ст. 209, ст. 322, ст. 324 ГПК РФ, ст. 379.6 ГПК РФ и др. Данный перечень не является исчерпывающим, и любое предусмотренное законом процессуальное действие можно рассмотреть в качестве бездействия, когда оно не совершается. Интересно, что в процессуальном законе присутствуют нормы, диспозицией которых закреплено несовершение действия судом⁴, а не только лицами, участвующими в деле.

Процессуальный закон определяет наличие возможных последствий совершения или *несовершения* процессуальных действий, о которых предупреждает суд при разъяснении прав лицам, участвующим в деле (ч. 2 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 14 КАС РФ, ч. 2 ст. 8 АПК РФ⁵).

---

¹ Белов В. А. Юридические факты в гражданском праве. М., 2020.

² Зернин Н. В. Юридические факты в советском авторском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. С. 14.

³ Аналогичные нормы содержатся и в АПК РФ, КАС РФ.

⁴ Подробнее о процессуальном бездействии суда см.: Нохрин Д. Г. Ответственность суда за неправомерное бездействие // Российская юстиция. 2007, № 1. С. 54–56.

⁵ См. подробнее: Решетникова И. В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117–122.

Формат тезисов доклада не позволяет углубиться в понятие процессуальных последствий, однако очевидно, что данная категория является определяющей для рассмотрения нашего вопроса, и, к сожалению, достаточно малоисследованной. Представляется, что необходимо исходить из того, что процессуальные последствия должны быть 1) прямо установлены процессуальным законом. Стоит согласиться с М. А. Рожковой, что такие последствия должны быть 2) неотвратимы (неизбежны) по своей правовой природе¹. 3) Последствия могут быть положительными и негативными с точки зрения удовлетворения процессуального интереса. 4) Не являются процессуальными правовыми последствиями — отсутствие последствий. Представляется, что 5) большинство процессуальных последствий процессуальных действий лиц, участвующих в деле, представляют собой действия суда, выражающееся в санкционировании или отказе в санкционировании этого действия. 6) Также необходимо отметить, что процессуальные действия могут приводить к процессуальным последствиям не только для субъекта, совершающего действие, но и для других участников процесса.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Является ли несовершение процессуального действия лицом, участвующим в деле, процессуальным юридическим фактом? Может ли бездействие привести к процессуальным последствиям? Может ли процессуальная норма (действующая или *de lege ferenda*) устанавливать процессуальные негативные последствия за несовершение действия лицом, участвующим в деле?

Е. В. Васьковский указывал, что процессуальные действия являются способами осуществления процессуальных прав². Любые субъективные права, в том числе процессуальные, обладают свойством свободы распоряжения. Совершение или несовершение процессуальных действий зависит исключительно от доброй воли сторон³.

В этой связи можно утверждать, что бездействие — это выражение воли субъекта права на отказ от распоряжения своим правом на определенный момент развития процесса. Такое бездействие не может быть неправомерным, и законом не может быть установлено негативных последствий отказа от реализации своего права, так как это противоречило бы принципу диспозитивности.

Отказ от реализации права может привести к отсутствию последствий (которые могли бы возникнуть при совершении действия), которое может вступать в противоречие с процессуальным интересом лица, участву-

---

¹ Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права. М., 2009. С. 9, 76.

² Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 184.

³ Там же. С. 185.

ющего в деле. Однако такое отсутствие последствий – это выбор этого лица. Конкретные последствия отказа от реализации права не могут устанавливаться законом как санкция или как мера принуждения к реализации права¹.

Также необходимо учитывать преклюзивность процессуальных прав². Несвоевременное осуществление прав может произойти по разным причинам: объективным, субъективным, включая злоупотребление правами³. Истечение установленного законом или судом срока реализации права, а не бездействие ведет к прекращению права.

В науке гражданского процессуального права спорным является вопрос о выделении процессуальных обязанностей и процессуальной ответственности. Данные вопросы являются взаимосвязанными, так как вывод об отсутствии процессуальных санкций⁴ ведет к заключению об отсутствии процессуальных обязанностей⁵.

Неправомерные бездействия, состоящие в невыполнении процессуальной обязанности, в гражданском процессуальном праве отсутствуют. Как и в отношении отказа от реализации процессуального права, закон не может устанавливать конкретные негативные последствия бездействия – неисполнения обязанности, так как таких обязанностей нет.

Еще одним доводом, который необходимо рассмотреть в связи с возможностью выделения бездействия как процессуального юридического факта, является категория процессуальной формы. Неотъемлемой характеристикой процессуального действия является его процессуальная форма, т.е. установленные законом правила осуществления этого действия. При нарушении процессуальной формы процессуальные последствия, на которые направлены действия лиц, участвующих в деле, не наступают⁶. Бездействие как отсутствие чего-либо, как «ничто», форму иметь не может. М. А. Рожкова указывает, что действие, совершенное участником процесса, является процессуальным фактом вне зависимости от содержания его процедурных последствий, если его правовая модель упомянута в про-

---

¹ Здесь необходимо сделать оговорку, что процессуальные последствия могут следовать при установлении судом злоупотребления правом (недобросовестном использовании права), но не за отказ от реализации права.

² См. например: Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1907. С. 140; Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса. М., 1913. С. 654.

³ Малахиров Б. М. Эстоппель и преклюзия в цивилистическом процессе: общее и особенное // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 3–7.

⁴ Молчанов В. В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве // Законодательство. 2015. № 2. С. 56–60.

⁵ Гурвич М. А. Избранные труды. Краснодар, 2006. С. 31.

⁶ См. например: Чечот Д. М. Иск и исковые формы защиты права // Правоведение. 1969. № 4. С. 76.

цессуальном законодательстве¹. Процессуальные факты должны полностью совпадать со своими абстрактными моделями, указанными в процессуальных нормах. В связи с такой формализацией процессуальных фактов представляется невозможным отнесение к последним бездействий.

В основном внимание современных исследователей в связи с рассматриваемым вопросом приковано к проблеме применения ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ², согласно которой обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены. То есть неоспаривание обстоятельств, на которые ссылается другая сторона, приводит к тому, что такие факты считаются установленными. Такое толкование нормы подверглось критике в научной литературе. В первую очередь признание рассматривалось как объяснение стороны наряду с утверждением о факте, т.е. доказательством³. Представление сведений о факте в молчаливой форме не допускается, поэтому и как признание (доказательство) такое молчание рассматриваться не должно⁴.

Еще один вопрос, который хотелось бы наметить в рамках данных тезисов, — это проблема квалификации таких юридических фактов, как «невяка», «отсутствие», «невыполнение», «непредставление» и т.п. Несмотря на негативное лингвистическое значение таких терминов, их сомнительно рассматривать как обычное бездействие. Скорее, такие процессуальные факты можно было бы рассмотреть с точки зрения теории состояний (фактов-состояний)⁵. Состояния в смысле определенного складывающегося во времени положения вещей⁶. Факты-состояния могут быть юридическими фактами, которые учитываются в юридическом составе,

---

¹ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 73.

² Глащенко В. Д. Институт молчаливого признания обстоятельств в арбитражном процессе (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ): результаты правоприменительной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 21–27; Решетникова И. В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1 // СПС «КонсультантПлюс»; Жуков А. А. Выводы суда о факте в пользу другой стороны в качестве санкции в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 117.

⁴ Молчанов В. В. Судебное доказывание в будущем едином Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 3. С. 35–41.

⁵ См., например: Пермяков А. В. Состояния в гражданском праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2013.

⁶ Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022. С. 324.

на основании которого возникают, изменяются и прекращаются процессуальные отношения.

Интересно выделение бездействия как процессуального факта в связи с возможным расширением диспозитивных начал в цивилистическом процессе. Так, в научной литературе и зарубежной практике рассматривается вопрос о возможности соглашением сторон отказаться от реализации отдельных процессуальных прав (отказ от предъявления иска, от представления доказательств, от доказывания факта, от обжалования судебных актов), т.е. обещание бездействия, или, наоборот, установление процессуальных обязанностей (направление заявления о возвращении искового заявления или апелляционной жалобы), и нарушением такого соглашения станет как раз бездействие стороны. Однако Н. Г. Елисеев указывает, что в немецкой литературе такие соглашения об обязанностях не имеют процессуального характера, так как их нарушение не влечет процессуальных последствий, а может стать основанием для взыскания убытков¹.

Допустимо ли, чтобы процессуальный закон включал бездействие в число юридических фактов, в том числе неправомερных, и устанавливал конкретные процессуальные последствия такого бездействия? *De lege ferenda* возможно, но в другой парадигме гражданской процессуальной формы, в которой прописаны обязанности сторон, установлен запрет определенного бездействия, определены санкции за невыполнение обязанностей, нормой закреплена возможность оценки судом процессуального поведения (в том числе негативного), определен порядок установления отрицательных процессуальных фактов, закреплены процессуальные презумпции, процессуальный эстопель. В отсутствие таких системных изменений процессуального законодательства нормы, подобные п. 3.1 ст. 70 АПК РФ, не вписываются в систему гражданских процессуальных норм, противоречат принципам диспозитивности, состязательности, сущности гражданской процессуальной формы.

---

¹ Елисеев Н. Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016.

*М. Ю. Бутнева,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета
Ярославского государственного университета
имени П. Г. Демидова,
mariyabutneva@yandex.ru*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД С ГРУППОВЫМ ИСКОМ

Как известно, производство о защите прав и законных интересов группы лиц с момента своего появления в АПК РФ¹ в 2009 г.² вызвало немало критики³ со стороны как научного, так и практического сообщества в связи несовершенством правового регулирования и проблемами применения данного вида судопроизводства.

Несмотря на это, законодатель не отказался от института группового иска. Наоборот, в настоящее время он введен и применяется также в гражданском процессе и административном судопроизводстве.

Конечно, за прошедшее время групповое производство претерпело серьезные изменения, призванные ликвидировать первоначальные недостатки правового регулирования, но некоторые противоречия и вопросы все же остались.

В частности, хотелось бы коснуться обсуждаемой в юридической литературе проблемы противоречий между нормами материального и про-

---

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ. 2002. № 30. Ст. 3012.

² Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ (ред. от 29 июня 2015 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3642.

³ Аболонин Г. О. Групповые иски в российском арбитражном процессуальном законодательстве – перспективы развития // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 43–47; Алехина С. А., Туманов Д. А. Проблемы защиты интересов группы лиц в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 1. С. 38–43; Стрельцова Е. Г. О некоторых сложностях практического применения гл. 28.2 АПК РФ // Право и политика. 2010. № 4. С. 718–733.

цессуального законодательства в части регулирования порядка обращения в суд с иском по ряду корпоративных споров.

Речь идет о положениях ст. 65.2 и 181.4 ГК РФ¹, устанавливающих обязанность для участника по заблаговременному уведомлению других участников и корпорации о намерении обратиться в суд с иском, а также предоставить иную информацию, имеющую отношение к делу, по требованиям о возмещении причиненных корпорации убытков, о признании недействительной заключенной корпорацией сделки и о применении последствий недействительности такой сделки или об оспаривании решений общих собраний.

Считаем, что нормами ГК РФ в данном случае вводится именно юридическая обязанность, так как за ее неисполнение установлена санкция в виде оставления искового заявления без движения при отсутствии доказательств уведомления других участников (абз. 2 п. 115 ППВС № 25²), т.е., по сути, ограничивается доступ к суду, создаются препятствия в реализации права на судебную защиту.

Введение дополнительной юридической обязанности вызывает сомнение, во-первых, в связи с разъяснениями ВС РФ, согласно которым исполнение указанной обязанности не следует отождествлять с досудебным порядком урегулирования спора. А во-вторых, в связи с отсутствием в процессуальном законодательстве норм, содержащих требование о заблаговременном извещении участников, предшествующем обращению в суд с иском, и приложении доказательств его направления к заявлению.

Наоборот, согласно ч. 3 ст. 225.4 АПК РФ определением о принятии заявления к производству арбитражный суд может возложить на юридическое лицо обязанность по уведомлению участников, органов управления организации, а также иных лиц, перечисленных в законе, о возбуждении производства по делу, предмете и остальных юридически значимых обстоятельствах спора. При этом санкция за неисполнение указанной обязанности в виде штрафа применяется к единоличному или коллегиальному органу управления организации, а не к участнику или корпорации.

Если же корпоративный спор рассматривается по правилам группового производства (глава 28.2 АПК РФ), то в определении о подготовке дела к судебному разбирательству также указывается на обязанность инициа-

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8 // URL: <https://www.vsrff.ru/files/14913/>

тора группового иска известить остальных участников о возможности присоединения к группе (ч. 2 ст. 224.26 ГПК РФ¹ и ч. 2 ст. 225.14 АПК РФ).

Таким образом, применительно к исследуемой ситуации можно констатировать следующее: во-первых, процессуальное законодательство предусматривает порядок доведения подробной информации о деле по корпоративному спору, находящемуся в его производстве, до всех заинтересованных лиц (через органы управления, через инициатора группового иска, через СМИ, через размещение информации на сайте суда), во-вторых, вопрос об информировании как можно большего числа заинтересованных лиц находится на постоянном контроле суда, поэтому, в-третьих, возложение дополнительной обязанности по заблаговременному уведомлению о намерении обратиться в суд с иском на участника юридического лица, который, возможно, не располагает всей необходимой информацией и возможностями, имеющимися у корпорации, да еще и в условиях сокращенного срока исковой давности по некоторым требованиям (например, об оспаривании решений общего собрания (п. 5 ст. 181.4 ГК РФ), кажется нам излишним, особенно в связи с дальнейшим ограничением права этого участника на обращение в суд.

Считаем, что тех норм, которые есть в АПК РФ и, надеемся, появятся в ГПК РФ, применительно к ситуации с доведением информации до заинтересованных лиц о содержании корпоративного спора вполне достаточно и в установлении дополнительных обязанностей на досудебной стадии необходимости нет.

Далее обратимся к положению абз. 2 п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, согласно которому участники корпорации, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к иску по упомянутым выше корпоративным спорам, в последующем не вправе обращаться в суд с тождественными требованиями, за исключением случаев, когда суд признает причины такого обращения уважительными. Аналогичное положение содержится и в п. 6 ст. 181.4 ГК РФ.

Анализ закрепленного в законе правила приводит нас к выводу о том, что и в этом случае нормами ГК РФ вводится обязанность, на этот раз по присоединению к иску по корпоративному спору в установленном законом процессуальном порядке. Юридический характер этой обязанности объясняется наличием санкции в виде лишения права на доступ к правосудию лица, не присоединившегося к иску.

Как известно, возможность присоединиться к требованию другого лица установлена только в рамках группового производства, которое на дан-

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г., с изм. от 25 января 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

ный момент предусмотрено как в арбитражном, так и в гражданском процессе. Однако нормы процессуального законодательства в силу принципа диспозитивности устанавливают право, а не обязанность присоединиться к групповому иску.

Это объясняется тем, что права членов группы весьма ограничены (большой частью своих процессуальных прав они наделяют инициатора группового иска), поэтому законодательно нельзя обязать присоединиться к групповому иску, а можно лишь предоставить право на присоединение.

Противоречие между нормами материального и процессуального законодательства в обозначенной части становится еще очевиднее в связи с тем, что процессуальное законодательство предусматривает возможность рассмотрения индивидуального иска участника организации в случае, если он отказывается присоединяться к группе (ст. 244.25 ГПК РФ и 225.16 АПК РФ). Кроме того, положение ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ наделяет участника корпорации при наличии в производстве суда группового иска по упомянутым корпоративным спорам правом не присоединяться к иску, а самостоятельно вступить в процесс на стороне истца со всеми процессуальными правами и обязанностями истца¹.

Получается, что нормы ГК РФ ограничивают способы обращения заинтересованного лица за судебной защитой по сравнению с нормами процессуального законодательства, более того, устанавливают санкцию в виде ограничения на доступ к суду за нереализацию права, а не юридической обязанности по присоединению к соответствующему иску.

Полагаем, соответствующее противоречие между нормами материального и процессуального законодательства должно быть ликвидировано, но таким образом, который не ущемляет (не ограничивает) право на судебную защиту заинтересованных лиц.

---

¹ К сожалению, положения ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ не были включены в ГПК РФ, хотя, безусловно, они необходимы и при рассмотрении судами общей юрисдикции корпоративных споров по правилам новой главы ГПК РФ о групповых исках.

*А. Ф. Воронов,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета,
evklid61@yandex.ru*

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В свое время А. Т. Боннер написал книги о нетрадиционных средствах доказывания¹ и о неисковых производствах (сборник)², причем под производством он понимал «особый процессуальный порядок рассмотрения определенной категории дел»³, а нетрадиционными источниками информации — «сравнительно новые» источники и источники, «процессуальный статус которых законодательно не вполне определен или не определен вовсе»⁴.

В настоящей статье предлагается обратить внимание на нетрадиционные производства в цивилистическом процессе, т.е. как на сравнительно новые виды производств, так и на виды производств, статус которых не вполне определен или не определен вовсе.

По нашему мнению, значительных комплексных исследований по теме видов производств явно недостаточно⁵. И это вряд ли можно считать пра-

---

¹ Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Проспект, 2013.

² Боннер А. Т. Неисковые производства в гражданском процессе: учебное пособие. М.: Проспект, 2011.

³ Там же. С. 123–124.

⁴ Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания. С. 7.

⁵ См., например: Виды гражданского судопроизводства: учеб. пособие под общ. ред. О. В. Баулина, Е. И. Носыревой. М.: Инфотропик Медиа, 2012; Воронов А. Ф. Виды производств в арбитражном процессе // Законодательство. 2010. № 4. С. 38–58; Исаенкова О. В. Виды гражданского судопроизводства в новом процессуальном законодательстве // Новеллы гражданского процессуального права: Материалы научно-практической конфе-

вильным, поскольку виды производств — это «второй уровень» порядка рассмотрения юридических дел, а первым является уровень видов судопроизводств, перечень которых установлен в Конституции РФ.

В учебниках по гражданскому и арбитражному процессу высказываются разные точки зрения на количество и классификацию видов и подвидов производств, в учебниках по административному судопроизводству этот вопрос зачастую не рассматривается.

Наблюдается эволюция взглядов на то, какие виды производств являются традиционными. Например, в пособии 2012 г.¹ традиционными видами производств в гражданском процессе названы исковое, особое, производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, и, с определенными оговорками, приказное производство.

В наше время, как представляется, список традиционных производств выглядит значительно шире.

Например, в рамках арбитражного судопроизводства традиционными уже следует считать производство о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (гл. 27¹ АПК РФ)²; производство по делам о несостоятельности (банкротстве) (гл. 28 АПК и законодательство о банкротстве); производства, в рамках которых суд не сам разрешает дела по существу, а оказывает содействие в защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов: по делам об оспаривании решений третейских судов (§1 гл. 30 АПК), о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов (§2 гл. 30), по делам, связанным с выполнением арбитражными судами функций содействия в отношении третейского суда (§3 гл. 30). Последние виды производств есть и в гражданском процессе.

Но появляются и другие виды. О них и идет речь.

Например, в ст. 168.2 Бюджетного кодекса РФ регламентированы два вида производства, которые нашли отражение и в других федеральных законах. Это производство по делам, возбуждаемым по «ходатайству» Правительства Российской Федерации о введении в субъекте Российской Федерации временной финансовой администрации (п. 3 ст. 26.9 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

рентии, посвященной 80-летию М. С. Шакарян. М., 2004. С. 130–133; Раджабова О. А. Виды арбитражного судопроизводства и проблемы их систематизации // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 177–179.

¹ См.: Виды гражданского судопроизводства: учеб. пособие. С. VI.

² Аналогичная категория дел в административном судопроизводстве рассматривается формально по правилам искового производства.

субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (закон утратил силу с 1 янв. 2023 г.); производство по делам, возбуждаемым по «ходатайству» высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и (или) представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования о введении временной финансовой администрации в муниципальном образовании (п. 4 ст. 75 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ).

Это производство по заявлениям о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, в соответствии со ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ. Примечательно, что ч. 10 ст. 248.2 АПК предусматривает, что арбитражный суд на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения по требованию заявителя вправе присудить в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с лица, в отношении которого вынесен запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, на случай неисполнения им судебного акта.

Статьей 5 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» установлен порядок рассмотрения дел по заявлениям о приостановлении осуществления иностранной холдинговой компанией корпоративных прав. Данный порядок вполне может претендовать на признание его самостоятельным видом производства в арбитражном суде (в данном случае — Арбитражном суде Московской области).

Как было сказано выше, не в каждом виде производства дело должно обязательно быть рассмотрено по существу. Поэтому признаками производства обладают, к примеру, процессуальные действия по заявлению о принятии предварительных обеспечительных мер. Интересно, что в Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)¹ установлено, что в случае поступления в суд заявления о принятии этих мер ему присваивается следующий по порядку номер дела, формируется судебное дело, даже если впоследствии исковое заявление по данному делу в суд не поступит и обеспечение иска судом будет отменено (п. 21.11).

---

¹ Утв. постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 100.

В Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде¹ кроме дел, по которым ведется то или иное судопроизводство, указаны и «материалы», которые также содержат признаки вида производства (см., например, п. 13.13), причем примечательно, что производства по некоторым материалам вследствие изменения законодательства последнего времени стали уже полноценными видами производства. Это относится, например, к «материалам о направлении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные и иные специализированные учреждения». Данные дела уже рассматриваются, по-видимому, по правилам глав 31.2 «Производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел» и 31.3 «Производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа» КАС РФ.

Имеются и иные категории дел, которые прямо не обозначены в Инструкции и которые трудно отнести к известным видам производства. Так, в соответствии со ст. 123.20-8 ГК РФ наследственный фонд может быть создан на основании решения суда по требованию душеприказчика или выгодоприобретателя наследственного фонда в случае неисполнения нотариусом обязанности по созданию наследственного фонда.

Стерлитамакский городской суд Республики Башкортостан рассмотрел данное дело в открытом судебном заседании дело по иску Силантьевой к нотариусу нотариального округа г. Стерлитамак Хомутовой о создании некоммерческой организации Наследственного фонда и исковые требования удовлетворил (дело № 2-6359/2023)².

Есть и иные дела, которые трудно «идентифицировать» с точки зрения вида производства. Например, п. 12 ст. 23.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что заявление органа по контролю (надзору) об исключении сведений о некоммерческой организации из единого государственного реестра саморегулируемых организаций арбитражных управляющих рассматривается арбитражным судом в коллегиальном составе в течение месяца с даты поступления этого заявления.

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 16 ноября 2018 г. по делу № А40-227015/2018 по иску Росреестра к Ассоциации «Первая СРО АУ» об исключении сведений об Ассоциации из реестра требования были удовлетворены³.

---

¹ Утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36.

² СПС «Гарант».

³ Там же.

Но отвечают ли производства по данным делам всем признакам искового производства?

Тут следовало бы перейти к классификации видов производств, к их признакам.

Достаточно ли, к примеру, охарактеризовать искомое производство как производство по делам о защите нарушенных или оспоренных [субъективных] частных и публичных¹ прав, свобод и охраняемых законом интересов при наличии спора об указанных праве, свободе, интересе, который разрешается по существу?

Но данные вопросы — тема для отдельных исследований, в которых должны быть проанализированы также понятие и сущность судопроизводства, его задачи, функции суда и другие вопросы в данном контексте.

---

¹ В административном судопроизводстве.

*В. А. Гавриленко,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета
государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий имени
героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого,
gv22@mail.ru*

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА СПОРОВ ТРЕТЕЙСКИМИ СУДАМИ

В данной публикации автор рассматривает применение дистанционных технологий в процедуре третейского разбирательства споров.

Использование различных онлайн-механизмов в современной юриспруденции стало особенно актуальным в связи с недавно прошедшей пандемией COVID-19. Согласимся, что «ограничения, возникшие в условиях пандемии, оказывают существенное влияние не только на материально-правовые отношения, но и затрагивают сферу разрешения споров»¹. Очевидно большое значение использования и развития дистанционных способов процессуального взаимодействия как в сфере государственного, так и третейского судопроизводства.

Напомним, что процедура третейского судопроизводства представляет собой «альтернативу государственной юстиции и осуществляется негосударственными независимыми организациями»².

---

¹ Севастьянов Г. В. Арбитраж и судопроизводство в условиях пандемии: к теории «процессуального форс-мажора». // Закон. 2020. № 5. С. 118.

² Anisimov A. Gavrilenco V. Modern problems of arbitration in land disputes // Conflict Studies Quarterly. CSQ. Accent Publisher. Cluj-Napoca. Romania, 2019. P. 3.

Рассмотрим институт дистанционного, или онлайн-арбитража. Можно определить, что «онлайн-арбитраж — это процесс разрешения спора арбитрами и последующего принятия третейским судом обязательного для сторон решения с применением современных способов передачи и хранения данных»¹.

Дистанционные технологии обеспечивают установление контактов между арбитрами и отсутствующими сторонами в режиме непосредственного общения онлайн, что не препятствует реализации принципов состязательности и равенства прав сторон спора в полном объеме. Также реализуется принцип оперативности третейского разбирательства споров и снижаются его финансовые издержки, связанные с командировками представителей сторон спора, арбитров, свидетелей и экспертов.

Необходимо обратить внимание, что имеет место коллизия между территориальным характером юрисдикции третейских судов и глобальным характером киберпространства, которая отмечается в научных работах². Настоящая коллизия разрешается следующим образом. Постоянно действующее арбитражное учреждение, так или иначе, зарегистрировано на определенной территории и имеет территориальную юрисдикцию. Если данное учреждение проводит дистанционное виртуальное разбирательство спора, это ничего не меняет по его юрисдикции. Арбитражи *ad hoc*, в свою очередь, организуются арбитражным соглашением, где может быть прописан любой вид разбирательства спора, в том числе и онлайн.

Объективно, что в современном юридическом мире отсутствуют непреодолимые препятствия, как технического, так и правового характера для дистанционного разбирательства споров третейскими судами. Безусловно, оно имеет свои плюсы и минусы, которые следует разобрать более подробно.

Рассмотрим подробное исследование, проведенное Школой международного арбитража Лондонского университета королевы Марии в партнерстве с другими исследовательскими организациями, которое называется Международное арбитражное исследование 2021 г. Были изучены последние тенденции в коммерческом арбитраже и особенно вопросы адаптации практики третейского разбирательства споров к глобальным переменам, вызванным пандемией COVID-19. Было письменно опрошено 1200 человек и взято 200 устных интервью с разными заинтересованными респондентами со всего мира. В результате обработки вышеу-

---

¹ Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: теоретические вопросы // Третейский суд. 2017. № 3. С. 149.

² Kaufmann-Kohler G., Schultz T. Online Dispute Resolution: Challenges for Contemporary Justice. Hague, 2004. P. 27.

казанного материала были получены следующие результаты¹, которые рассмотрим далее.

Рассматриваемое исследование выявило высокий рост использования виртуальных технологий для слушания дела, около 72% пользователей заявили о своем участии в виртуальных слушаниях.

Респонденты отметили плюсы и минусы виртуальных слушаний, которые приведем далее с указанием процентного числа респондентов их отметивших.

Плюсы виртуальных слушаний:

- возможность большей свободы назначения даты и времени для проведения слушаний (65%);
- повышение эффективности разбирательства спора за счет использования дистанционных технологий (58%);
- повышение процедурной и логистической гибкости (55%);
- меньшее негативное воздействие на окружающую среду, чем обычные слушания (34%);
- меньше отвлекающих факторов для представителей сторон и арбитров и возможность поощрения большего разнообразия в составе арбитражных учреждений (13%);
- лучше различимы лица людей, чем на личных слушаниях (12%).

Минусы виртуальных слушаний:

- трудность согласования нескольких различных часовых поясов, и имеется впечатление, что представителям и сторонам спора труднее общаться во время слушаний (40%);
- сложность контроля над свидетелями и оценки достоверности их информации (38%);
- технологические сбои и/или ограничения (включая неравенство доступа к конкретной и/или надежной технологии), затрудняющие участникам слушаний поддерживать концентрацию, в том числе из-за «усталости экрана» (35%);
- проблемы конфиденциальности и кибербезопасности (30%);
- сложно воспринимать арбитров и других удаленных участников (27%).

Вышеуказанный опрос показывает как преимущества, так и сложности дистанционного разбирательства споров. Тем не менее технический прогресс развивается. Полагаю, что дистанционное разбирательство споров займет свое место в сфере коммерческого арбитража и стороны, при желании и необходимости, смогут воспользоваться данной процедурой.

---

¹ URL: <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/2021-international-arbitration-survey-adapting-arbitration-to-a-changing-world/>

Отметим, что право выбора способов разрешения споров сторонами, в том числе и дистанционного разбирательства споров третейским судом, является составной частью принципа диспозитивности. «Принцип диспозитивности представляет собой основополагающий постулат, «выражающий свободу субъективно заинтересованного лица определять формы и способы защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса»¹.

Принцип диспозитивности в третейском разбирательстве споров также предусмотрен отечественным законодательством².

В окончании настоящей статьи следует указать о необходимости регламентации использования новых технологий, в том числе дистанционных, третейского разбирательства споров в действующем законодательстве и в регламентах институциональных третейских учреждений.

---

¹ Плешанов А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: НОРМА, 2002. С. 94.

² Гавриленко В. А. Особенности третейского разбирательства споров в современной России // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. 2018. № 2(39). С. 19.

Н. Г. Галковская
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процесса
Юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета,
ni13012003@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды применяют меры по обеспечению иска (обеспечительные меры) по подсудным им делам в порядке, предусмотренном соответственно гл. 13 ГПК РФ¹ и гл. 8 АПК РФ². Положения гражданского и арбитражного процессуального законодательства во многом похожим образом регулируют вопросы, связанные с порядком обеспечения предъявленного иска. В частности, принципиальным сходством характеризуется подход в решении вопроса об инициировании обеспечения иска. В соответствии с ч. 1, 3 ст. 139 ГПК РФ, ч. 1 ст. 90 АПК РФ в гражданском и арбитражном судопроизводстве меры по обеспечению иска / обеспечительные меры принимаются только по заявлению лиц, участвующих в деле, а в случаях, предусмотренных законом, и иных лиц. Аналогичное разъяснение содержится в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 15)³. «В условиях осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон судья не вправе по своей инициативе принимать меры по обеспечению заявленных сторонами требований»⁴.

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г., с изм. от 25 января 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Пункт 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс».

Современное регулирование данного вопроса принципиальным образом отличается от опыта прошлых лет. ГПК РСФСР 1964 г. (ст. 133)¹, как и АПК РФ 1992 г. (ст. 91)² допускали принятие обеспечительных мер по инициативе суда без ходатайства заявителя. Стоит отметить, что отдельные авторы «сожалеют о таком ограничении»³, предлагают вернуться к закреплению инициативы суда в принятии мер по обеспечению иска⁴, полагают, что прежний подход «в большей степени отвечал уровню правовой грамотности лиц, обращающихся в суд, и их представителей, способствовал реальному восстановлению прав граждан, обеспечивая исполнение вступившего в законную силу судебного решения»⁵. Другие авторы, наоборот, считают целесообразным изменить существующую редакцию ст. 139 ГПК РФ, закрепив в ней дополнительное условие для принятия обеспечительных мер в виде согласия истца на тот случай, когда заявление о принятии таких мер подают другие лица, участвующие в деле (например, прокурор, третье лицо и др.)⁶.

Поддерживая позицию законодателя в развитии состязательных и диспозитивных начал в отношении института обеспечительных мер, тем не менее считаем необходимым при наличии к тому особых, указанных в законе, обстоятельств только в исключительных случаях давать суду возможность проявлять мотивированную инициативу по вопросу принятия обеспечительных мер. В связи с этим стоит обратить внимание на содержащееся в п. 3 постановления Пленума ВС РФ № 15 общее указание на право суда принять обеспечительные меры по своей инициативе в случаях, предусмотренных законом. Правда, сам Пленум в качестве ориентира приводит примеры из положений КАС РФ (ч. 4 ст. 265.3, ст. 306), в рамках применения норм которого назначение подобных мер по инициативе самого суда действительно оправданно. В частности, если незамедлительно не обеспечить ограничение доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим запрещенную информацию, это может нанести значительный ущерб публичным и частным интересам. Дальнейшее развитие указанных положений можно увидеть в п. 20 Постановления, в котором

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) (ред. от 25 июля 2002 г., с изм. от 18 июля 2003 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 5 марта 1992 г. № 2447-1) (с изм. от 7 июля 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кнепман А. Н. Практические проблемы применения норм об обеспечении иска в гражданском процессе // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Ткачева Н. Н. Проблемы обеспечения иска в гражданском судопроизводстве (по материалам практики): дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 37.

⁵ Кнепман А. Н. Указ. соч.

⁶ Сапожников С. ГПК РФ: перспективы развития формальной диспозитивности // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 2.

прямо закреплено право суда при определенных условиях по делам административного судопроизводства применять меры предварительной защиты, не указанные в заявлении. Подобное право суда, безусловно, соответствует ярко выраженной тенденции по обеспечению активности суда в рассмотрении и разрешении административных дел.

Вместе с тем в том же п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 15 в отношении гражданского и арбитражного судопроизводства закреплена прямой запрет принимать иные обеспечительные меры, нежели указанные в заявлении. Это согласуется с ч. 1 ст. 139 ГПК РФ и п. 6 ч. 2 ст. 92 АПК РФ, в которых прописана обязанность заявителя по указанию конкретной обеспечительной меры или мер, которые он просит принять. Следовательно, право по определению подлежащей применению обеспечительной меры доступно лишь заявителю, который, в первую очередь должен опираться на перечень обеспечительных мер, содержащихся в ст. 140 ГПК РФ, ст. 91 АПК РФ. Более того, ходатайствуя о принятии обеспечительных мер, заявитель не вправе предоставлять арбитражному суду право выбора обеспечительной меры, а суд, в свою очередь, не может по своему усмотрению принять какую-либо из предлагаемых альтернативных мер. В заявлении о принятии обеспечительных мер необходимо указать, какая именно обеспечительная мера (или меры), по мнению заявителя, должна быть принята арбитражным судом. В частности, сама диспозиция процессуальной нормы п. 1 ч. 1 ст. 91 АПК РФ требует определенного волеизъявления заявителя. В данном случае инициатива на введение обеспечительных мер исходит от истца, поскольку направлена на защиту его интересов. В силу такой односторонности велика вероятность заявления необоснованного обеспечения, опирающегося на ничем не подтвержденные материально-правовые притязания. При этом следует учитывать, что именно на заявителе как инициаторе лежит обязанность по доказыванию наличия оснований для принятия испрашиваемой обеспечительной меры. По сути, вид испрашиваемой обеспечительной меры входит в локальный предмет доказывания при принятии обеспечительной меры¹. Заявителем должно быть доказано наличие связи испрашиваемой обеспечительной меры с предметом заявленного требования, ее соразмерность и способность обеспечить фактическую реализацию целей принятия обеспечительных мер (п. 14 Постановления Пленума ВС РФ № 15). Говорить о судебном усмотрении приходится лишь при оценивании обоснованности заявленного ходатайства, вероятности причинения значительного ущерба заявителю в случае неприменения обеспечительных мер. Значит, даже при наличии оснований для принятия обеспечительных мер суд не вправе по собственному усмотрению принять иную, более подхо-

¹ Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном праве России и Англии. М.: Статут, 2020. С. 93.

дующую обеспечительную меру, отличную от указанной в заявлении, изменить или дополнить испрашиваемые обеспечительные меры. Обратное приводило бы к выходу за пределы заявленного ходатайства¹, нарушению принципов состязательности, процессуального равноправия сторон, независимости судей. Суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон (ч. 3 ст. 8 АПК РФ). Избирая вид обеспечительной меры по собственной инициативе, суд ставит ответчика в невыгодное положение, нарушает баланс интересов сторон. Поэтому при отсутствии связи испрашиваемой обеспечительной меры с предметом заявленного требования суд должен отказывать в удовлетворении заявления о ее принятии (п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 15). На недопустимость принятия обеспечительных мер в случае, если заявитель не обосновал свое обращение и не представил доказательств, подтверждающих его доводы, указывал Пленум ВАС РФ еще в своем постановлении № 11 от 9 декабря 2002 г.²

Основанием для судебной дискреции является указанная в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 15 возможность суда удовлетворить заявление о принятии обеспечительных мер в части. Это может выражаться, например, в принятии одной из нескольких заявленных обеспечительных мер, в удовлетворении ходатайства о принятии обеспечительных мер в отношении одного из соответчиков и др. Вместе с тем представляется, что использование указанной возможности не должно допускать права суда «корректировать» заявленные истцом обеспечительные меры в целях сделать их соразмерными заявленным требованиям. В том случае, если истцом допущена неопределенность относительно вида подлежащей принятию обеспечительной меры, суд лишается возможности избрать испрашиваемую меру обеспечения иска с соблюдением требований, установленных законом для этого, поэтому должен отказывать в удовлетворении заявления. Важно, чтобы обеспечительные меры из инструмента защиты прав и интересов истца не превращались в некие охранительные меры, принимаемые судом в целях защиты интересов истца. В связи с этим необходим поиск баланса между активностью суда и состязательностью сторон.

---

¹ Примеры из судебной практики свидетельствуют об этом. См., например: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19 июля 2023 г. по делу № А45-16647/2018; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 18 июля 2023 г. по делу № А27-25621/2021; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 августа 2016 г. по делу № А53-559/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 декабря 2020 г. по делу № А41-99285/2017.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 (ред. от 17 ноября 2015 г.) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

*Е. С. Ганичева,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник Центра частного права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
ekaterina.ganicheva@gmail.com*

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ИСКА

В содержании субъективного гражданского права принято выделять несколько взаимосвязанных правомочий, в том числе правомочие на защиту. Оно представляет собой юридическую возможность обладателя субъективного права самостоятельно использовать предусмотренные законом меры защиты, а также инициировать применение принудительных мер защиты со стороны государства. Нарушение материального субъективного права влечет за собой возникновение материально-правового требования управомоченного лица к правонарушителю, которое становится содержанием права на иск в случаях, когда его реализация в соответствии с законом может быть осуществлена в исковой форме¹.

При использовании юрисдикционных форм защиты суд или иной государственный орган, реализуя свои полномочия в порядке, предусмотренном законодательством, может применить установленные законом способы воздействия на правонарушителя или на его имущество в целях пресечения правонарушения и устранения его последствий, если будут установлены обстоятельства, с которыми закон связывает применение соответствующих правоохранительных мер.

Иск как средство защиты права представляет собой материально-правовое притязание к ответчику и в то же время — требование к суду о защите права или охраняемого законом интереса².

Способы защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов подробно отражены в ст. 12 ГК РФ. Представленный в ней перечень правоохранительных мер носит открытый характер. Если правоотношение перерастает в юридический конфликт, то на основе норм, закрепля-

---

¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. 2000. С. 117.

² См.: Добровольский А. А. Исковая форма защиты прав. М., 1965. С. 188; Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954. С. 147.

ющих те или иные способы защиты и условия их реализации, могут возникнуть новые правомочия, позволяющие прекратить правонарушение, а также снизить или полностью устранить его негативные последствия.

В зависимости от характера применяемого способа защиты теория процессуального права выделяет иски о признании, иски о присуждении и преобразовательные иски. В первом случае защита права или охраняемого законом интереса достигается посредством установления и констатации в судебном решении определенных юридических связей, правового состояния, наличия субъективного права, обладателем которого признается истец. Удовлетворение иска о присуждении также предполагает установление судом такого рода обстоятельств, при этом они выступают предпосылкой применения предусмотренных законом способов защиты права, которые связаны с понуждением ответчика к совершению определенных действий или, напротив, с понуждением воздержаться от совершения действий, нарушающих права истца. Преобразовательные иски направлены на прекращение или изменение правоотношения, существующего между истцом и ответчиком.

Предмет и основание иска представляют собой его структурные элементы, практическое значение которых связано с индивидуализацией иска (наряду с субъектным составом).

При всем многообразии теоретических воззрений на предмет иска¹ наибольшее распространение получило представление о предмете иска как о конкретном материально-правовом требовании истца к ответчику, которое возникает из спорного правоотношения и направлено на устранение нарушения права и его восстановление, а также на устранение последствий нарушения.

Вторым элементом иска является его основание. В него входят фактические обстоятельства, на которых основаны исковые требования. Основание иска может состоять как из единичного обстоятельства (факта), так и из совокупности определенных обстоятельств (фактов)², с которыми закон связывает наступление определенных правовых последствий, в том числе возникновение, изменение или прекращение спорных правоотношений, прав и обязанностей их участников, применение правоохранительных мер и т.д. Данное понятие может использоваться в расширенной формулировке – фактическое основание иска (например, о фактических основаниях иска говорится в п. 2 ч. 1 ст. 149 ГПК РФ). Это уточнение дополнительно характеризует обстоятельства, лежащие в основе исковых требований.

---

¹ Подробнее о этом см.: Ивакин В. Н. Предмет иска как признак, индивидуализирующий иск // Lex Russica. 2021. № 74 (7). С. 61–72.

² Добровольский А. А. Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 39.

Иски признаются тождественными при совпадении трех составляющих: предмета, основания иска, а также сторон спора (истца и ответчика). Фактор тождества может иметь различные правовые последствия, влияющие на развитие процессуальных правоотношений, в том числе отказ в принятии искового заявления в случаях, когда имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ; п. 2 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ).

Содержание искового заявления, составленного с соблюдением правил ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, ч. 2 ст. 125 АПК РФ, позволяет индивидуализировать иск исходя из его предмета, основания и субъектного состава спора, для рассмотрения и разрешения которого истец обращается в суд. Так, нормы ч. 2 ст. 125 АПК РФ предписывают указать подробные сведения об истце и ответчике (п. 2 и 3), обозначить требование истца к ответчику со ссылкой на законы и иные нормативно-правовые акты (п. 4), а также обстоятельства, на которых основаны искомые требования, и подтверждающие эти обстоятельства доказательства (п. 5). Для лиц, обращающихся с иском в суд общей юрисдикции, ГПК РФ не устанавливает требование включать в него ссылки на законы и иные нормативно-правовые акты.

С учетом действующего законодательства и доктрины судебная практика к предмету иска относит «материально-правовое требование истца к ответчику», а в качестве основания иска рассматривает «обстоятельства, на которых истец основывает данное требование»¹.

Практика арбитражных судов демонстрирует примеры подробной и детализированной характеристики элементов иска. Так, в одном из кассационных определений Верховного Суда РФ обращалось внимание на то, что «предметом иска является конкретное материально-правовое требование истца к ответчику, возникающее из спорного правоотношения»²; в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа указано, что «предметом иска является материально-правовое требование истца к ответчику о совершении определенных действий, воздержании от них, признании наличия или отсутствия правоотношения, изменения или прекращения его»³.

---

¹ Пункт 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2023 г. № 307-ЭС23-15149 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 29 января 2024 г. по делу № А03-20600/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

В судебных актах арбитражных судов нередко подчеркивается, что основание иска составляют именно юридические факты. На эту особенность ранее обращал внимание Высший Арбитражный Суд РФ: «Под основанием иска понимаются фактические обстоятельства, из которых вытекает право требования истца и на которых истец их основывает. На такое понимание основания иска указано в п. 5 ч. 2 ст. 125 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также в абзаце втором п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»¹.

Иск в своем практическом выражении связан с предъявлением материально-правового требования к ответчику как участнику спорных правоотношений. Поскольку данные отношения являются правовыми, т.е. опосредованы правом, требования истца базируются на соответствующих материально-правовых нормах. В связи с этим в доктринальных источниках упоминается правовое основание иска, которое позволяет точно определить право, подлежащее защите, и юридическую основу его возникновения², что необходимо для осуществления правовой оценки требования, предъявленного истцом к ответчику, для установления правовых оснований его удовлетворения (или отказа в удовлетворении). Однако процессуальный закон (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ) не выделяет правовое основание иска в качестве его самостоятельного элемента.

В то же время п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ прямо предусматривает, что требование истца к ответчику должно сопровождаться ссылкой на законы. Тем самым законодатель подчеркивает, что предмет иска представляет собой требование, направленное на защиту, восстановление, принудительную реализацию субъективных прав, существующих в рамках конкретных правоотношений, урегулированных законом, который определяет в том числе способы защиты прав их участников. Все это позволяет индивидуализировать предмет иска и иск в целом.

В качестве примера разграничения предмета иска с учетом требований истца о применении к ответчику различных мер правового воздействия можно привести выводы, к которым пришел Арбитражный суд Московского округа в ходе кассационной проверки судебных актов, принятых судами первой и апелляционной инстанций. Сопоставляя материально-

---

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 октября 2012 г. № 5150/12 по делу № А10-4975/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

² Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 41; Осокина Г. Л. Гражданский процесс: Общая часть: учебник. М., 2013. С. 470–473.

правовые требования о взыскании убытков и о взыскании неустойки, которые истец последовательно предъявлял к ответчику в рамках двух гражданских дел, кассационный суд отметил, что, хотя они и возникли из одного и того же деликтного поведения ответчика, но по существу представляют собой разные меры ответственности, регулируемые различными нормами права. В связи с этим были признаны ошибочными выводы судов первой и апелляционной инстанций, полагавших, что истец повторно предъявил к ответчику требования, которые были рассмотрены ранее в другом гражданском деле¹.

На использование истцом различных способов защиты и восстановления нарушенных прав указал в своем кассационном постановлении Арбитражный суд Северо-Западного округа, не согласившись с выводами нижестоящих судов о тождестве предмета иска – материально-правовых требований, которые были заявлены по двум гражданским делам. Суды первой и апелляционной инстанций указали на совпадение исковых требований о применении последствий недействительности сделки в виде возврата выплаченных по ней денежных средств и заявленных в новом деле требований о взыскании той же денежной суммы в качестве неосновательного обогащения. Кассационный суд указал на ошибочность этой позиции², подтвердив тем самым возможность последовательной реализации права на судебную защиту путем предъявления исковых требований, направленных на применение альтернативных способов защиты, допускаемых материальным законом. Такой подход соответствует принципу диспозитивности, лежащему в основе регулирования гражданских правоотношений, а также порядка осуществления правосудия по гражданским делам.

Как указал в одном из своих решений Конституционный Суд РФ, в силу присущего гражданскому судопроизводству принципа диспозитивности только истец определяет, защищать ему или нет свое нарушенное или оспариваемое право (ч. 1 ст. 4 АПК РФ), какое исковое требование и в связи с чем предъявлять в суд (п.п. 4 и 5 ч. 2 ст. 125 АПК РФ), к кому предъявлять иск (п. 3 ч. 2 ст. 125 АПК РФ) и в каком объеме требовать от суда защиты (ч. 5 ст. 170 АПК РФ)³.

Юридическая сущность предмета иска, включая его нормативно-правовую основу, крайне важна – и для понимания задач, стоящих перед судом в связи с рассмотрением конкретного дела, и для обеспечения до-

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 декабря 2023 г. по делу № А40-284362/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 декабря 2022 г. по делу № А56-89584/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1119-О // СПС «КонсультантПлюс».

ступности судебной защиты. Не случайно в разное время в теории высказывались утверждения о том, что предметом иска является само субъективное право¹, подлежащее защите, восстановлению, а также вытекающий из содержания материального закона способ защиты² нарушенного или оспоренного права.

Что касается истребуемых от ответчика вещей, денежных средств и т.д., то они являются материальным объектом спора или материальным объектом иска³. Он может включаться в предмет иска, в частности, иска о присуждении, уточняя материально-правовые требования, предъявляемые к ответчику. Однако предмет иска в таких случаях не сводится к притязанию на имущественный объект как таковому, т.е. безотносительно к виду и содержанию спорных правоотношений, юридической сущности субъективного права, подлежащего защите, восстановлению, принудительной реализации и т.д. Иной поход можно было бы расценить не только как отрицание устоявшихся правовых категорий, совместно выработанных теорией, законодательством и судебной практикой, но и как умаление возможности индивидуализировать иск по его предмету.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 16-КГ23-1-К4 соотношение предмета иска и материального объекта спора раскрыто следующим образом: «Предметом иска является конкретное материально-правовое требование истца к ответчику, возникающее из спорного правоотношения, по поводу которого суд должен вынести решение. Помимо предмета иска, существует материальный объект спора, которым может быть конкретная вещь, предмет, денежная сумма, подлежащая передаче, взысканию»⁴.

Элементы иска проявляют себя в неразрывной связи друг с другом. Материально-правовое требование (предмет иска) должно соответствовать фактическим обстоятельствам, лежащим в основании иска. На них указывают нормы материального права, которые регулируют спорные правоотношения и закрепляют тот круг обстоятельств (юридических фактов), при наличии или отсутствии которых наступают определенные правовые

---

¹ Логинов П. В. Понятие иска и исковая форма защиты права // Сов. государство и право. 1983. № 2. С. 103.

² Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М.: Городец, 2000. С. 118.

³ См.: Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 38; Рожкова М. А. Предмет и основание иска в судебно-арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 2000. № 9. С. 107; Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушниковой. М., 2019. С. 310 (автор главы 16 – Н. С. Бочарова).

⁴ См. также: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2023 г. № 88-21231/2023; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 декабря 2023 г. № 88-41521/2023; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 декабря 2023 г. № 88-34441/2023 и др. // СПС «Консультант-Плюс».

последствия. Обращаясь в суд, истец добивается их принудительного применения (реализации), что, в свою очередь, отражено в предмете иска. Таким образом, взаимосвязанные правовые нормы, предусматривающие способ защиты нарушенного или оспоренного права, а также являющиеся правовой основой его возникновения, оказывают ключевое влияние как на предмет, так и на основание иска. И это всеобъемлющее проникновение правовой материи в целостную структуру иска вызывает сомнение в наличии объективных предпосылок к усложнению его доктринальной модели и поиска самостоятельного места в структуре иска для такой составляющей, как правовое основание или юридическая квалификация.

Эти взаимосвязанные понятия, несмотря на их смысловые нюансы, обозначают правовую основу иска в целом. Включение нормативно-правовой составляющей только в основание иска, т.е. признание его двухчастной формы (фактическое и правовое основание), обедняет восприятие предмета иска, рассматриваемого как равнозначный его элемент. Объем и содержание способа защиты, который находит свое практическое воплощение в предмете конкретного иска, базируются в той же мере, что и фактическое его основание, на предписаниях закона, подлежащего, как полагает истец, применению. Конкретизация предмета иска достигается его юридическим обоснованием — указанием тех правовых норм, диспозиции которых соответствуют обстоятельства спорных правоотношений, в связи с чем истец требует принудительной реализации предусмотренных этими нормами юридических последствий.

Правовое основание заявленных требований, наряду с субъектами спорных правоотношений (фигурирующими в качестве истца и ответчика), а также конкретными обстоятельствами, имеющими значение юридических фактов, индивидуализирует оба элемента иска в их неразрывном единстве. Правовое основание иска, т.е. подлежащие применению предписания закона, регулирующие спорные правоотношения и предопределяющие способы защиты при нарушении прав их участников, в равной мере является атрибутом и предмета иска, и его основания. Коль скоро правовая составляющая в равной мере важна для их юридического наполнения, представляется нелогичной ее «автономизация» в составе одного из двух равнозначных элементов иска. По той же причине выделение правового основания иска в качестве самостоятельного, т.е. третьего, элемента иска воспринимается как избыточное усложнение его идеальной модели.

К правовому основанию иска относят и само субъективное право, подлежащее защите (а равно охраняемый законом интерес)¹. Данное представление о структуре иска предполагает дифференциацию нарушенного субъективного права, лежащего в области основания иска (правового основания), и относящегося к предмету иска правомочия на реализацию

---

¹ Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). С. 116.

в судебном порядке того или иного способа защиты. Данное правомочие возникает в соответствии с предписаниями закона при нарушении субъективного права.

В такой схеме нарушенное субъективное право становится принадлежностью основания иска, а конкретный способ защиты определяет его предмет — материально-правовое требование. Однако в случае предъявления иска о признании (права) подлежащее защите субъективное право оказывается в области предмета иска¹. Потенциальная возможность его одновременного «присутствия» в содержательной структуре обоих элементов иска свидетельствует о небезупречности логических построений, относящих субъективное право к основанию (правовому основанию) иска.

Полагаем, что самостоятельная роль субъективного права в составе того или иного элемента иска переоценена, поскольку юридическая квалификация содержания спорных правоотношений и реализуемых в связи с ними прав, из которой исходит истец, может оказаться ошибочной. Исковое заявление далеко не всегда является источником адекватных представлений о том, какое субъективное право стремится защитить истец, настаивая на применении того или иного способа юридической защиты, и на какой именно норме (нормах) законодательства базируется предполагаемое право истца. Сопоставляя несколько исков (выявляя их внешнее тождество), суд в подобных ситуациях не может посредством творческого истолкования позиции заявителя придавать ей какой-то иной смысл по сравнению с той позицией, которой придерживается истец, реализуя право на судебную защиту и выстраивая ее стратегическую линию как наиболее оправданную и целесообразную. Кроме того, определение субъективного права, в защиту которого были предъявлены сопоставляемые иски, может оказаться проблематичным ввиду неоднозначности доктринальных представлений о субъективном праве как о феномене правовой реальности. В частности, сторонники выделения особых охранительных правоотношений и противопоставления их отношениям регулятивным склонны усматривать в материально-правовом требовании, направленном на защиту нарушенного субъективного права, притязание, которое также является субъективным правом, возникшим у истца в результате неправомерного поведения ответчика².

¹ В литературе отмечается, что в исках о признании «предметом иска будет требование истца к ответчику, состоящее в том, чтобы ответчик только признал право истца в том виде, как об этом утверждает истец, в том числе право истца на изменение или прекращение правоотношения» // См.: Добровольский А. А., Иванова С. А. Указ. соч. С. 37.

² Характеристика и критический анализ автономной юридической конструкции охранительного правоотношения применительно к защите права собственности посредством виндикационного иска представлены, например, в диссертационном исследовании С. А. Сеницына // См.: Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 395–406.

Не могут рассматриваться в качестве самостоятельного элемента иска и стороны спора или персонификация сторон, отраженная в содержании иска. Реальная связь между участниками спорных правоотношений и иском выстраивается по схеме «субъект — объект». Истец оперирует данным объектом как средством юридической защиты, а ответчик противопоставляет иску процессуальные средства, допускаемые законом для защиты от предъявленных требований. Истец и ответчик объективно находятся «вне иска», оказывая воздействие, с одной стороны, на его формирование, а с другой — на развитие процесса применения иска как средства притязания в гражданско-процессуальной или арбитражно-процессуальной форме. Персонификация сторон влияет на содержательную структуру обоих элементов иска. Указание на принадлежность правомочий и обязанностей их конкретным носителям — истцу и ответчику, как и указание на единственные в своем роде фактические обстоятельства, характеризующие правовые отношения между данными лицами, представляют собой важную содержательную составляющую и предмета, и основания иска. Тотальное внедрение этого индивидуализирующего фактора (предопределяемого юридической личностью и правовым положением участников спорных правоотношений) в содержание предмета и основания иска говорит о том, что его выделение в качестве самостоятельного элемента иска, равнозначного двум другим, было бы избыточным.

Таким образом, индивидуализирующие иск данные об участниках спора (истце и ответчике), о субъективном праве истца, нарушение которого обусловило обращение к судебной защите, а также юридические основания возникновения субъективного права, подлежащего защите, и предъявляемых в связи с этим исковых требований следует рассматривать не как структурные элементы иска, равнозначные предмету и основанию или соподчиненные одному из них, а как атрибуты логико-правового воплощения иска в предусмотренной законом процессуальной форме.

*О. С. Гончарова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права
Уральского государственного юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
goncharova.olga.s@gmail.com*

ДВОЙНЫЕ КОСВЕННЫЕ ИСКИ ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ

В российской процессуальной науке кафедра гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова играет ведущую роль. Богатое научное наследие кафедры — это фундаментальные труды, среди которых тема иска является одной из центральных. Добровольский А. А. «Исковая форма защиты права» (1965), Добровольский А. А., Иванова С. А. «Основные проблемы исковой формы защиты права» (1979) — с изучения этих работ должен начинать свой научный путь любой ученый в области цивилистического процессуального права.

Однако жизнь не стоит на месте, и те вопросы, которые сегодня требуют ответа, еще десять-двадцать лет назад не возникали перед процессуальной наукой и судебной практикой. К таким вопросам относится проблематика двойного косвенного иска. Ее сложность заключается в том, что ученые и практикующие юристы еще не конца разобрались с простыми косвенными исками, в частности, только-только завершилась дискуссия о процессуальном статусе лица, обратившегося с косвенным иском в интересах хозяйственного общества, победу в которой одержала материально-правовая концепция: акционер — законный представитель, а не процессуальный истец¹, — как возникает проблема защиты прав бенефициаров хозяйственных обществ. При этом сложные вопросы, которые существуют касательно косвенного иска, — процессуальный статус участника, заявившего иск, процессуальный статус самой корпорации, проблема законной силы решения суда, вопрос о судебных расходах — не только проецируются на конструкцию двойного косвенного иска, но и «удваиваются».

---

¹ Пункт 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Необходимо отметить, что двойные косвенные иски являются следствием усложнения корпоративных структур. Иными словами, это процессуальное средство защиты не является экстраординарным и внезапным явлением, возникновение потребности в нем — вполне закономерный процесс; когда усложняется конструкция организации бизнеса, формула «один бизнес — это одно юридическое лицо» не отвечает экономическим реалиям, появляются новые сложные холдинговые субъекты, а следом возникает необходимость в способах защиты прав участников этих пирамидальных корпоративных структур.

Прежде чем определиться с понятием двойного косвенного иска, необходимо учесть, в каких случаях возможно предъявление «простого» косвенного иска по корпоративным спорам. По материально-правовому основанию косвенный иск допускается в двух видах: 1) иск о взыскании участником хозяйственного общества убытков с органов управления; 2) иск о признании участником общества сделок, совершенных хозяйственным обществом, недействительными и применение последствий их недействительности. По иным корпоративным требованиям косвенный иск не допустим.

Следовательно, двойной косвенный иск — это иск бенефициара, как правило миноритарного, являющегося участником основного общества (материнской компании), в защиту интересов дочерней компании о взыскании убытков с органов управления дочерней компании либо о признании недействительными сделок, совершенных дочерней компанией, и применении последствий их недействительности.

Относительно требований бенефициара о взыскании убытков с органов управления дочернего общества позиция Верховного Суда РФ однозначна: с косвенным иском может обратиться лишь непосредственный участник корпорации, но не бенефициар, стоящий выше на несколько уровней корпоративной пирамиды (дело «Разрез «Аршановский»¹). Двойной косвенный иск недопустим, так как третьи лица без надлежащих оснований и в отсутствие законного интереса не вправе вмешиваться во внутрикорпоративные дела корпорации. Высшая судебная инстанция посчитала, что у бенефициара отсутствует юридический интерес в споре о взыскании убытков.

Примечательно, но ровно такое же обоснование можно встретить в судебных актах на ранней стадии зарождения простого косвенного иска, тогда суды также отказывали акционерам, когда последние обращались с требованием о защите прав акционерного общества в связи с недобросовестными действиями директоров. Суды отмечали, что у акционера от-

---

¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 декабря 2018 г. по делу № А74-3619/2018.

существует самостоятельный материально-правовой интерес в исходе дела¹. Тогда существовало опасение: если допустить косвенный иск участника корпорации, то это приведет к несогласованным действиям акционеров, каждый из них начнет предъявлять свои иски. Однако п. 2 ст. 65.2 Гражданского кодекса РФ и п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 этот вопрос решил: участники корпорации, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к иску о возмещении причиненных корпорации убытков либо к иску о признании недействительной совершенной корпорацией сделки или о применении последствий недействительности сделки, в последующем не вправе обращаться в суд с тождественными требованиями, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

С. В. Моисеев рассуждает, что при косвенном иске нельзя отождествлять личность юридического лица и личность участника, любой участник корпорации заинтересован в ее процветании, в том, чтобы ее права не нарушались, а нарушенные — немедленно восстанавливались, однако признать за таким интересом юридическое свойство, позволяющее участнику от собственного имени действовать в интересах корпорации, весьма сложно².

Вместе с тем в одном из обзоров судебной практики Верховный Суд РФ отмечает, что составной частью интереса общества являются в том числе интересы участников³. Со временем, допуская возможность предъявления обычного косвенного иска, было признано наличие у акционера собственного (пусть и косвенного) экономического и юридического интереса. Так почему у акционера материнской компании этот интерес отсутствует? Он является таким же инвестором в бизнес, он заинтересован в получении дивидендов, которые будут рассчитываться исходя из прибыли компании, наличие или отсутствие которой будет зависеть от действий не только менеджмента основного общества, но и от бизнес-решений дочерних компаний, входящих в структуру холдинга.

Миноритарные акционеры материнской компании отстранены от управления и контроля за дочерней компанией. Она полностью подотчетна органам управления основного (материнского) общества. При этом убытки на уровне дочерней компании отражаются на положении акци-

---

¹ Решение Арбитражного суда Орловской области от 24 июня 2013 г. по делу № А48-675/2013.

² Моисеев С. В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 66.

³ Пункт 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.).

онеров основного общества — на стоимости их акций, на размере дивидендов¹. Каким образом защитить им свои интересы, если менеджмент основного общества не подает косвенный иск о взыскании убытков с директоров дочерней компании?

Касательно второго основания косвенного иска — о признании сделок корпорации недействительными по требованию участника хозяйственного общества — судебная практика не столько категорична, и если требование о недействительности сделки, совершенной дочерней компанией, заявлено акционером основного общества по основаниям ничтожности (ст. 10, 168 ГК РФ), то предъявление такого иска в исключительных случаях допустимо (дело «Аспект-Финанс»)². Еще один случай допустимого двойного косвенного иска о признании сделки недействительной связан с 100%-ной долей участия в уставном капитале дочерней компании основного общества³.

Наконец, необходимо обратить внимание на предъявление иска участником основного общества к дочернему по неимущественным требованиям. Согласно п. 7 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами⁴ суды признают за бенефициарными владельцами юридического лица, осуществляющими опосредованное владение долями в его уставном капитале, право на предъявление косвенных исков, направленных на защиту прав юридического лица, если это необходимо для обеспечения эффективности судебной защиты. Стоит отметить, что это не «удвоенный» классический косвенный иск, так как он предъявлен не по требованию о взыскании убытков с органов управления или недействительности сделки обще-

---

¹ См.: Виленский Н. М. Двойные (множественные) косвенные иски в российской судебной практике: проблемы и противоречия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 10. С. 94–113.

² Определение Верховного Суда РФ от 27 мая 2016 г. № 305-ЭС15-16796. См. также: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 ноября 2018 г. по делу № А56-62239/2017 (дело «НеваМАЗсервис»). Хотя это экстраординарные случаи в судебной практике, даже когда налицо нарушения прав бенефициаров, но если есть малейшая возможность оправдать экономическую обоснованность сделок, то в двойном косвенном иске суд отказывает по причине отсутствия законного интереса у истца.

³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 6 июня 2023 г. по делу № А19-24607/2022. Несмотря на то, что в постановлении указано, что истец (бенефициар, стоящий на 3-м уровне корпоративной структуры) правом заявлять требования о признании сделки дочерней компании недействительной, не обладает, в тексте судебного акта отмечается, что данное право могло бы быть предоставлено непрямому участнику лишь в исключительных случаях, каким, например, является случай оспаривания сделки 100%-ным конечным бенефициаром общества, каковым компания-истец не является.

⁴ Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г. // СПС «Консультант-Плюс».

ства, а по иному — неимущественному требованию. Тем не менее истец «перепрыгивает» один уровень корпоративной структуры — то общество, где он непосредственно является участником, — и преследует в судебном порядке дочернее общество, где акционером не состоит. К тому же игнорируется то обстоятельство, что бенефициар не является непосредственным участником общества, о деятельности которого испрашиваются документы, а право на получение информации о корпорации принадлежит только ее участникам (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ).

Иными словами, несмотря на положения ГК РФ, коль скоро суд признает за участником иного юридического лица, входящего в ту же корпоративную структуру, право испрашивать информацию о деятельности иного хозяйственного общества, то юридическая заинтересованность в двойном косвенном неимущественном иске у бенефициара есть, так почему она отсутствует по двойному косвенному имущественному иску? Ведь вполне возможна ситуация, когда простой косвенный иск, в то время пока идет его рассмотрение в суде, в результате корпоративной процедуры, скажем реорганизации в форме присоединения, трансформируется в двойной. На момент предъявления косвенного иска участник корпорации имел на это право в силу п. 1 и п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, а после реорганизации — стал участником основного общества (материнской компании) в результате акционного свопа, хозяйственное общество, в котором прежде состоял участник, заявивший косвенный иск, становится дочерним. Учитывая, что в отличие от общества с ограниченной ответственностью, где решение о реорганизации принимается на общем собрании единогласно всеми участниками (п. 2 ст. 92 ГК РФ), в акционерном обществе данное решение принимается квалифицированным большинством в $\frac{3}{4}$ голосов от присутствующих на общем собрании акционеров (п. 4 ст. 49 ФЗ «Об акционерных обществах»), вполне вероятно, что акционер, ранее предъявивший косвенный иск, голосует против реорганизации, но его голос не является решающим и не влияет на результат голосования. Что в таком случае будет с иском?

Признавая необходимость в двойных косвенных исках как процессуальном средстве защиты прав бенефициаров, необходимо задуматься и о существовании механизма отграничения необоснованных косвенных исков. Допущение двойных косвенных исков повлечет массу процессуальных вопросов, но это свойственно появлению любой новой правовой конструкции в законодательстве. Ниже приведем некоторые вопросы, требующие более детального и взвешенного подхода, быть может, они найдут свое разрешение в научных работах коллег.

Итак, если мы допускаем наличие двойного косвенного иска, во-первых, по каким материально-правовым требованиям он возможен: только по основаниям классического косвенного иска (взыскание убыт-

ков с директора и недействительность сделок общества), или по иным (иск о признании решения общего собрания дочерней компании недействительным, иск о предоставлении информации), допустим ли прямой иск участника основного общества к участнику дочернего (например, иск об его исключении, иск о восстановлении корпоративного контроля, утраченного материнской компанией в результате действий менеджмента и/или акционеров дочернего общества)? Во-вторых, каков должен быть ценз владения акциями/долями участника, обращающегося с двойным косвенным иском, в уставном капитале основного общества и на каком уровне корпоративной структуры общество должно находиться по отношению к зависимой компании (допустимы ли множественные косвенные иски в отношении не только дочерней, но и «внучатой» компании)? В-третьих, какой должен быть размер доли материнской компании в уставном капитале дочернего общества? Это должно быть единоличное владение в размере 100% доли участия, либо допустимо понизить планку до преобладающего участия в уставном капитале, необходимого и достаточного для принятия решений на общем собрании участников дочерней компании? В-четвертых, кто будет лицами, участвующими в деле, по двойному косвенному иску и в каком процессуальном статусе? В частности, какой процессуальный статус будет у акционера основного общества, предъявившего двойной косвенный иск (очевидно, что назвать его законным представителем дочерней компании сложно)? В каком процессуальном статусе будут участвовать основное и дочернее общества? В-пятых, как считать срок исковой давности? С какого момента считается, что бенефициар знал или должен был узнать о сделке/убытках? И наконец, в-шестых, если наряду с двойным косвенным иском бенефициара будет заявлен и «простой» косвенный иск участника самой дочерней компании по схожим исковым требованиям, например о недействительности сделки, не будет ли здесь тождества исков? Какому из них отдать предпочтение: тому иску, который был заявлен непосредственным участником корпорации, или бенефициару, стоящему на несколько этажей выше в корпоративной структуре?

В заключение на примере косвенного иска о взыскании убытков с органов управления отметим, что косвенный иск как средство защиты прав акционеров существовал в специальных корпоративных законах с самого момента их принятия (ч. 5 ст. 44 Закона об ООО) в 1996 г. и (ч.5 ст. 71 Закона об АО) в 1995 г. Однако фактически участники общества были беззащитны, суды, как правило, отказывали в исках по тем или иным основаниям. Понадобилось в 2009 г. предусмотреть в АПК РФ специальную главу 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам», в 2013 г. принять постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», в 2014 г. внести поправки в Гражданский

кодекс РФ (ст. 53.1 ГК РФ), чтобы институт косвенного иска по взысканию убытков заработал надлежащим образом. До этого времени экономические интересы участников корпорации, особенно миноритарных, были лишены реальной возможности получить судебную защиту. В аналогичной ситуации сейчас находятся бенефициары корпораций, стоящие на верхних этажах холдинговой структуры, не имеющие возможности в судебном порядке получить защиту своих экономических интересов от деятельности дочерних компаний. Видимо, им также придется пройти этот сложный путь.

*А. Г. Давтян,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и гражданско-процессуального права
юридического факультета Института права и политики
Российско-Армянского университета,
drdavtyan@yahoo.com*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АРМЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ГПК И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Введение. Современное гражданское процессуальное законодательство Армении прошло два этапа формирования: социалистический и постсоциалистический, которые привели к созданию трех кодификаций, одна из которых была принята в эпоху социализма в 1964 г., две другие в постсоветский период в 1998 и 2018 гг.¹

Основу этих кодификаций составляет: 1) национальное гражданское процессуальное право, 2) римское право, рецепция которого в Армении еще в Средневековье привела к созданию судебных источников права, исторических национальных памятников права, судебных Мхитара Гоша (1184) и Смбата Спарапета Гундстабля (1265) как прототипов будущих кодексов, 3) гражданское процессуальное право России, 4) правовые институты и нормы гражданского процессуального права европейских и других развитых стран, принадлежащих к романо-германской

---

¹ Давтян А. Г. Эволюция источников гражданского процессуального права Республики Армения. Вопросы теории и практики. Сборник статей восьмой годичной научной конференции Российско-Армянского университета, Ереван, 2014. С. 104–110; Давтян А. Г. Гражданский процесс Армении: тенденции развития и пути совершенствования. Сборник материалов международной научно-практической конференции Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2012. С. 132–135; Давтян А. Г. Историко-юридический, судоустройственный и современные аспекты гарантий независимости судов и судей в концепциях актуальной гражданской процессуальной теории и контексте развития гражданского процессуального законодательства Республики Армения. Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции РАУ и РИНХ, Ростов-на-Дону, 2023. С. 27–34.

и англо-саксонской правовой системе (Германии, Франции, Великобритании, США).

Анализ норм гражданского процессуального законодательства Армении позволяет относить гражданский процесс к состязательному типу правосудия.

Основная часть. Последняя, третья кодификация, Гражданский процессуальный кодекс РА был принят в 09.02.2018 и вступил в силу в 09.02.2018, в результате судебной реформы 2012–2018 гг. Структуру и содержание нового кодекса составили перенятые из предыдущих кодификаций и обновленные в новой известные институты процессуального права, а также некоторые новеллы, что обусловило ее преимущество по отношению к предыдущим кодификациям.

Основными преимуществами нового ГПК РА являются: урегулирование по-новому и закрепление новых принципов правосудия (гл. 2, ст. 14 ГПК РА), введение новеллы о предмете доказывания (гл. 8, ст. 60 ГПК РА), об определении суда о распределении доказательств (ст. 169 ГПК РА), новых средств доказывания (ст. 67 ГПК РА), определение процессуального порядка рассмотрения корпоративных и групповых исков (гл. 25, 26), более подробное урегулирование процедур упрощенного судопроизводства (гл. 40–43 ГПК РА), введение процедур письменного производства на стадиях апелляционного и кассационного обжалования судебных актов (ст. 376, 403 ГПК РА) и др. нормы.

Однако, несмотря на совершенствование процессуальных норм, ГПК РА в настоящее время содержит некоторые несовершенства законодательных норм, пробелы, в том числе нормы-коллизии, противоречащие сущности гражданского правосудия.

Существующие недостатки гражданского процессуального законодательства, которых можно было избежать, обусловлены двумя причинами: 1) неверной позицией и подходами к юридической методике и технике обновления законодательства, в результате чего пробелы и несовершенства следствие того, что прошедшие испытание правосудием эффективные нормы предыдущей кодификации, по причине обновления всего ГПК, либо не получили законодательного закрепления в новом ГПК, либо сформулированы и отредактированы так, что вызывают проблемы на практике при их применении, 2) оставшая же часть законодательных недостатков связана с неполноценным по содержанию закреплению некоторых процессуальных норм — новелл.

Возможность законодательных решений наиболее существенных для гражданского правосудия проблемных норм в третьей кодификации ГПК РА рассмотрим подробнее на конкретных примерах.

ГПК РА 2018 г. в главе 2-й о принципах закрепил новый, процессуальный принцип — принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами (ст. 14 ГПК РА), с применением соразмерных судеб-

ных санкций при нарушении данного принципа (ст. 153 ГПК РА). Однако вопрос о правовых последствиях нарушения принципа самим судом статья не затрагивает, хотя ее содержание охватывает всех участников гражданского процесса.

Как свидетельствует международный опыт, принцип подобного содержания является, прежде всего, одним из основных гарантий защиты от судебного произвола в гражданском процессе, т.е. при несоблюдении процессуальных норм судом¹. Следовательно, ст. 14 ГПК РА должна содержать норму и о правовых последствиях в случае злоупотребления процессуальными правами и самим судом. Это дополнение важно для полного функционирования данного принципа в отношении всех участников и на всех стадиях гражданского судопроизводства, так как по смыслу статья не указывает каких-либо ограничений.

В процессуальное законодательство Армении введена новелла, содержание которой состоит в том, что судебное доказывание должно быть основано только на таких результатах исследования доказательств, относительно которых стороны и другие участвующие в деле лица могли ранее высказать либо изложить свое мнение в суде, т.е. имели право быть выслушанным в суде (ст. 63 ГПК).

Как известно, научные соображения о целесообразности внесения подобной новеллы в ГПК РА как процессуального принципа были высказаны еще в начале 2002 г.² Однако ГПК РА не предусматривает правовых последствий по обжалованию процессуальных действий суда при нарушении права быть выслушанным.

Закрепление этого права в качестве процессуального принципа, с конкретным указанием наступления правовых последствий обжалования процессуальных действий суда, позволит улучшить возможности права на судебную защиту, обеспечит его полноценное функционирование.

Пробелами в ГПК РА следует считать также отсутствие таких важных процессуальных принципов, как непосредственность судебного разбирательства, принципа независимости суда, которые содержали предыдущие ГПК РА.

Формирование в результате судебных реформ специализированных судов в Армении: административных судов в 2007 г., судов о банкротстве 2019 г., антикоррупционного суда в 2021–2022 гг. — создало про-

---

¹ Об этом подробнее: Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии (основные институты). М., 2000. С. 47.

² Давтян А. Г. Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве РА. В книге: Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве. М., 2004. С. 247–256; Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии (основные институты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ереван, 2002. С. 8, 16; Давтян А. Г. Гражданский процесс в Армении и в странах СНГ, Ереван, 2000. С. 86.

цессуально-правовые предпосылки для внесения изменений и дополнений в регулирование норм ГПК о подведомственности и подсудности (гл. 3, ст. 18–26 ГПК РА), которые привели к появлению в кодексе коллизионных норм, противоречащих процессуальной сущности правосудия, что вызывает трудности при их применении судами разных инстанций, в том числе и суда кассационной инстанции РА.

Главная причина этих коллизий вызвана отсутствием нормы о том, что дело, направленное по подсудности по постановлению из одного суда в другой, например из суда общей инстанции в специализированный суд либо из специализированного суда в суд общей инстанции, должно быть рассмотрено судом, который его получил. Подобная норма существовала во второй кодификации ГПК РА 1998 г., в ст. 86, ч. 4, которая не получила закрепление в действующем ГПК 2018 г. Ее отсутствие вызвало проблему при применении статьи о передаче дела из одного суда в другой суд и породила ненужную ст. 26 ГПК РА о регулировании споров о подведомственности и подсудности между судами в республике Кассационным Судом РА, который, как известно, подобных полномочий не имеет.

Таким образом, принятие отрицательной, не соответствующей конституционной сущности правосудия ст. 26 ГПК РА о спорах между судами о подведомственности и подсудности, которые, согласно дважды измененной новелле, подлежат рассмотрению и разрешению председателем Кассационного Суда с председателями соответствующих палат Кассационного Суда в судебном заседании (гл. 3, ст. 26 ГПК РА), не соответствуют гражданско-процессуальной и конституционной сущности отправления правосудия Кассационным Судом по гражданским делам, которая призвана рассматривать кассационные жалобы лиц, участвующих в деле.

Решением проблемы является: 1) изъятие ст. 26 о спорах судов о подсудности и подведомственности из ГПК РА как несоответствующей конституционной сущности гражданского правосудия, 2) закреплении нормы об обязательности рассмотрения гражданского дела судом, направленного ему по подсудности.

В качестве научной, дополнительной аргументации достаточно обратиться к международно-правовому опыту двух стран. Норму об обязательности постановления о неподсудности дела одного суда при направлении его другому суду содержит § 11 ГПК Федеративной Республики Германии, а ст. 33, ч. 4, ГПК Российской Федерации закрепляет норму о том, что дело, направленное из одного суда в другой, должно быть принято к рассмотрению судом, в который оно направлено. Споры о подсудности между судами в Российской Федерации не допускаются¹.

---

¹ Zivilprozessordnung v.30 Januar 1877 (RGLB. S. 83) i.d.F v.12 September 1950 (RG-BL. I. S.455,533). Zuletzt geändert durch Art. 6 G v. 8.10.2023 I Nr. 272; ГПК РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023).

*Р. Р. Долотина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового права
и права социального обеспечения
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
rdolotina@mail.ru*

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ

Мощным стимулом для развития новых видов организации труда стало развитие информационных технологий, увеличение количества профессий, не требующих постоянного нахождения на рабочем месте в пределах офиса, предприятия, учреждения. Указанные обстоятельства обусловили необходимость правового регулирования дистанционного труда и, как следствие, введение в Трудовой кодекс РФ главы, легализующей понятия «дистанционная работа», «дистанционный работник», формы электронного взаимодействия удаленного работника и работодателя, особенности организации и охраны труда дистанционных работников, основания прекращения трудового договора с дистанционным работником. Законодатель закрепил виды основной дистанционной работы: постоянная, временная, комбинированная удаленная работа, а также исключительные случаи дистанционной работы. Дополнительным толчком к расширению сфер применения удаленного труда стала пандемия, в условиях которой работодатели оперативно решали проблему обеспечения выполнения сотрудниками трудовых обязанностей из дома. Появление удаленной работы привело к возникновению новых смежных проблем, таких как дисбаланс между работой и личной жизнью работников и работодателей, неэффективное соотношение производительности труда и общения, отсутствие гибкого и одновременно контролируемого графика работы, невыполнение требований к организации и оснащению удаленного рабочего места, сложность контроля процесса осуществления трудовых обязанностей, нежелание удаленных работников возвращаться к работе в офисе и др.

В свою очередь, на реальные изменения условий труда и модернизацию законодательства отреагировала судебная практика: в судах получили широкое распространение споры, связанные с нарушением прав и обязанностей дистанционных работников. М. Дячуком систематизированы

наиболее характерные гражданские дела, касающиеся дистанционной работы. К ним автор относит: споры, обусловленные невозможностью дистанционного режима для конкретной работы, ненадлежащим оформлением трудовых отношений между работодателем и дистанционными работниками, ненадлежащим уведомлением работников о необходимости продолжения работы в офисе после окончания периода дистанционного формата исполнения обязанностей, немотивированным увольнением работника по инициативе работодателя, в том числе за прогул, и др.¹

Процессуальная специфика рассмотрения таких дел судами выражается в своеобразном предмете доказывания, ранее несвойственном трудовым спорам. Указанная особенность объясняется характером работы — будучи дистанционной, она предполагает удаленное оформление «трудовых» документов. Дополнительными факторами, актуализирующими виртуальный способ обмена информацией между работником и работодателем, выступает невозможность дистанционного сотрудника явиться по фактическому месту нахождения организации по состоянию здоровья, вследствие введенных ограничений, нахождения в другом городе, физического отсутствия помещения у работодателя. Таким образом, в отличие от классических юридических фактов, входящих в предмет доказывания по трудовым спорам, при рассмотрении спора, касающегося дистанционных трудовых отношений, суду необходимо установить значимые обстоятельства, существовавшие и оставившие свой след в виртуальном пространстве. Это обуславливает необходимость широкого применения электронных доказательств для подтверждения или опровержения юридически значимых обстоятельств по делу.

Например, подтверждением наличия трудовых отношений между работодателем и дистанционным работником является предоставление сотруднику удаленного доступа к выполнению работы (создание аккаунта, предоставление пароля, регистрация корпоративного электронного ящика, и др.), обеспечение его оборудованием и программно-техническими средствами, электронная переписка и обмен документами. При доказывании наличия или отсутствия дополнительных оснований прекращения трудового договора, а именно нарушения порядка взаимодействия работника с работодателем более двух дней с момента запроса работодателя, используется фиксация фактов, свидетельствующих об уважительности причин невыхода дистанционного работника на связь с работодателем либо об отсутствии вины работника в нарушении электронного взаимодействия. В качестве доказательств могут использоваться:

- скриншоты переписки, демонстрирующие отправку сообщений работодателю, которые он по какой-либо причине не получил (вслед-

---

¹ См.: Дячук М. Споры, связанные с дистанционной работой // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2022. № 7. С. 55–67.

ствии попадания сообщения в папку «Спам», направления письма на ошибочный электронный адрес и др.);

- доказательства выполнения сотрудником удаленной работы (скриншоты электронной переписки с работодателем; получение технических заданий; электронные приказы о включении работника в состав рабочей группы по проекту; документы, графики, планы, иные материалы, изготовленные в электронной форме в рамках выполнения работником трудовых функций; фотографии, видео и аудиозаписи, подтверждающие выполнение работы, и т.п.)¹;
- электронные отчеты (метрики) о времени, проведенном работником на определенном сайте (электронном ресурсе), соответствующие времени выполнения задания либо установленному графику «удаленного» рабочего времени;
- веб-трекинги как информация о том, какие страницы и контент просматривал работник, перенаправления, поиски и другие действия, совершаемые им в виртуальном пространстве, позволяющие установить целенаправленное использование электронных ресурсов в служебных целях;
- сведения от провайдера об отключении сети «Интернет» в определенные дни (периоды) как подтверждение уважительности причины невыполнения дистанционной работы или нарушения установленного порядка взаимодействия с работодателем.

Несмотря на достаточно обширный круг доказательств, необходимых для разрешения судами споров о трудовых правах дистанционных работников, ненадлежащее правовое регулирование электронных средств доказывания в гражданском процессуальном законодательстве снижает доказательственные возможности работника. Как справедливо указывает М. В. Чудиновских, практика признания переписки в мессенджерах допустимым доказательством в трудовых спорах носит противоречивый характер. Переписка принимается судом в качестве доказательства при условии, если она предусмотрена правилами дистанционной работы, ведется через официальные каналы, указанные в договоре или дополнительном соглашении, надлежащим образом удостоверена электронной цифровой подписью либо усиленной электронной цифровой подписью². Электрон-

---

¹ См.: пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

² См.: Чудиновских М. В. Защита прав дистанционных работников: пробелы, проблемы, судебная практика // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. 2022. № 27. С. 79–81.

ная переписка может также осуществляться путем обмена электронными образами (скан-копиями) бумажных документов с графическими подписями сторон. В противном случае допустимость скриншота переписки оценивается судьей исходя из общих правил доказывания и требований, предъявляемых законом к письменным доказательствам. Незаверенный скриншот переписки, произведенной посредством электронной почты, мессенджеров, социальных сетей, без удостоверения графической подписью, электронной цифровой подписью участников переписки ставится под сомнение как материал, не имеющий оригинала, вследствие чего нельзя установить его первоначальное содержание и внесение изменений. Как правило, такое доказательство не принимается во внимание при вынесении судебного решения.

Аудио- и видеозаписи также должны отвечать определенным требованиям, установленным законом (ст. 77 ГПК РФ). С. Ю. Чуча приводит условия легализации видеозаписи как доказательства в трудовых спорах (издание приказа о действии системы видеонаблюдения, наличие локального нормативного акта об организации видеонаблюдения, ознакомление и письменное согласие работников на съемку, и др.)¹. Однако они применимы к случаям проведения видеосъемки в отношении работников, находящихся на рабочих местах в очном формате. Проведение аудио- и видеозаписи при удаленном формате работы без согласия собеседника принимается судом в качестве допустимого доказательства, если известна информация о времени, месте, условиях записи; если она производилась участником события; если запись касается договорных отношений между сторонами; если стороны ее не оспаривают. Кроме того, запись не должна нарушать тайну частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя лиц, в отношении которых осуществлялась запись². Неосведомленность дистанционных работников о порядке принятия судом доказательств приводит к исключению важнейших средств доказывания из арсенала удаленного работника в споре с работодателем, что снижает гарантии успеха судебной защиты его нарушенных прав.

---

¹ См.: Чуча С. Ю. Правовой режим электронных доказательств в суде при рассмотрении трудовых споров // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 29–35.

² См.: Нижегородцев О. Аудио- и видеозаписи как доказательства в трудовом споре // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2018. № 7. С. 10–23.

*А. Н. Ермаков,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
aleks_law@mail.ru*

О РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Судебная защита немыслима без четко установленных базовых нормативных начал, пронизывающих весь механизм правового регулирования общественных отношений в сфере осуществления правосудия по гражданским и административным делам, экономическим спорам. Представляется, что принципы, будучи «несущими конструкциями» каркаса судебной защиты, содержат в концентрированном виде все ее ключевые гарантии.

Принципы обеспечивают не только и не столько саму возможность прибегнуть к помощи государства в вопросе разрешения правового спора, они воплощают в себе сакральный смысл самой судебной защиты, ее социальную функцию и ценность, объект особых ожиданий граждан, их надежд на справедливость. С учетом такого понимания система принципов видится глобальной, сложной и относительно незыблемой структурой, лишь иногда со временем подверженной некоторым количественным и качественным преобразованиям, но все же остающейся константной по своей сути, по своему предназначению. Как правильно отмечает А. Ф. Воронов, принципы права должны обладать повышенной стабильностью по сравнению с другими нормами, а возможные колебания могут касаться только количества и качества исключений из принципа, но не перехода одного принципа в противоположный¹.

Содержание отдельных принципов, которые традиционно занимают отдельное самостоятельное место во всяком научном знании, привлекает к себе повышенное внимание главным образом при внесении в законодательство каких-либо значимых новаций. Сказанное имеет особое

---

¹ См.: Воронов А. Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М., 2007. С. 26–41.

значение в условиях динамических изменений современного цивилистического процессуального законодательства, что объясняется целям рядом факторов. Причем в настоящее время одной из узловых детерминант, воздействующих на всю совокупность принципов, бесспорно, является цифровизация судебного производства, под которой в самых магистральных чертах принято понимать внедрение в судебную деятельность различных электронных средств и ресурсов, ориентированных на повышение доступности правосудия для заинтересованных лиц и его транспарентности, снижение общей нагрузки на судейский корпус, и в конечном итоге — обеспечение результативности принудительной юрисдикционной защиты¹.

В целом цифровизация направлена на упрощение реализации судебной защиты на всех ее этапах: от подачи искового заявления до исполнения судебных актов. Но поскольку использование электронных средств и ресурсов, как всякое материальное благо, сопровождается дополнительными финансовыми, организационными, образовательными, а также иными затратами и вложениями, цифровизация, по меньшей мере в обозримом будущем, будет являться лишь субсидиарным инструментом судебного процесса. Не случайно многие элементы электронного правосудия закреплены в законодательстве как вариативные: например, обращение в суд с документами возможно как на бумажном носителе, так и в электронном виде. Сама по себе цифровая технология не лишает и не ограничивает участников судебного производства в правах. Даже в случае частичной замены искусственным интеллектом судьи, без которого в настоящее время немыслимо отправление правосудия, должна обеспечиваться возможность проверки и обжалования сгенерированного программой судебного акта (этой цели служит начало пользовательского контроля²).

Вместе с тем цифровизация судебной деятельности, будучи основным, но все же не единственным вектором актуальной правовой политики в сфере осуществления правосудия, не исчерпывает всего многообразия факторов, обуславливающих трансформацию содержания принципов.

Так, одной из наиболее явных тенденций последних лет стало упрощение цивилистической процессуальной формы³, хотя эта линия реформирования проявляет себя далеко не единообразно в различных видах

---

¹ См.: Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 97–104.

² См.: Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях 2018 г. (принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП) // URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>.

³ См.: Фильченко И. Г. Упрощение гражданского судопроизводства: понятие и условия // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2018. № 3. С. 85–91.

судебных производств. В частности, ее видимым воплощением можно признать упрощенное производство, в котором отсутствует судебное заседание, что, как представляется, лишает заинтересованных лиц потенциала устно выступить в суде, дать пояснения, задать вопросы, а самое главное — убедиться в том, что орган правосудия правильно воспринял существо материально-правовых требований истца или возражений ответчика.

Синхронно отсутствие судебного заседания позволительно расценивать как частичную элиминацию из принципа «право быть заслушанным и быть услышанным», который с доктринальных позиций одним из первых обосновал В. М. Шерстюк¹. Упрощенное производство преобразует суть названного принципа, а также нивелирует начало сочетания устности и письменности (согласно ст. 232.3 ГПК РФ и ст. 228 АПК РФ разбираемость дела происходит без вызова сторон, при этом *de facto* они лишены права высказать собственное мнение и повлиять на выбор процессуальной формы в отличие от административного судопроизводства).

Впрочем, правило об исключительно письменном характере упрощенного производства, как отметил Верховный Суд РФ, все же имеет ряд изъятий. Так, при позитивном окончании примирительной процедуры судья должен назначить заседание, что сопровождается вызовом участвующих в деле лиц, для изучения допустимости утверждения мирового соглашения. Кроме того, возможностью вызвать стороны в судебное заседание отличается апелляционный пересмотр актов, не вступивших в законную силу, постановленных по итогам упрощенного производства².

В связи с этим зададимся одним значимым вопросом: есть ли основание полагать, что с введением упрощенного производства произошли кардинальные перемены в системе отраслевых принципов? Думается, да, в той части, в которой стороны не могут лично и непосредственно коммуницировать с судом — безразлично, идет ли речь о традиционном или дистанционном формате такой коммуникации, — что особенно важно в делах с участием физических лиц. При этом осложняет понимание логики законодателя его подход к определению критериев дел упрощенного производства (особенно в аспекте повышения порога сумм денежных требований). К примеру, если для бесспорных, или точнее сказать, квазибесспорных притязаний сам по себе письменный порядок довольно удачно

---

¹ См.: Шерстюк В. М. Право быть заслушанным и быть услышанным — принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М. К. Треушникова. М., 2004. С. 57–63.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ об упрощенном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

вписывается в существующую процессуальную форму, то денежный ценз спорных требований в отсутствие прочих условий *pro forma* является дискуссионным (по крайней мере для дел искового характера).

Думается, что целевая установка, достигаемая данными новациями, — не сбережение или повышение уровня процессуальных гарантий для сторон, а снижение нагрузки на судей, а также процессуальная экономия, которая нередко возводится в ранг принципа. Между тем отказ от реализации общепринятого спектра процессуальных гарантий участников процесса породил бы невозможность достижения иной, а именно важнейшей цели — полного и всестороннего рассмотрения дела *ad rem*. Ввиду этого в рамках упрощенного производства санкционируется не только проведение судебного заседания (ч. 5 ст. 228 АПК РФ¹ наделяет арбитражный суд, с учетом характера и сложности дела, правом по своей инициативе или по ходатайству лиц, участвующих в деле, провести судебное заседание с вызовом лиц, участвующих в деле, без перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам административного судопроизводства), но и сохраняется вероятность перехода к разрешению дела по общим правилам искового производства или по правилам административного судопроизводства при наличии определенных обстоятельств (ч. 5 ст. 227 АПК РФ, ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ, ч. 7 ст. 292 КАС РФ). Такая процессуальная транзитивность представляет собой дополнительную гарантию судебной защиты, поскольку имеет место синтезированное проявление состязательности и равноправия, диспозитивности и императивности, а равно ряда иных ключевых начал, что создает благоприятную почву для эффективного достижения целевых директив, зафиксированных в общей части кодифицированных нормативных правовых актов.

Таким образом, с учетом приведенных выше примеров можно констатировать, что сама по себе трансформация цивилистической процессуальной формы рассмотрения дела — будь то переход от одного вида судебного производства к другому или же использование элементов процессуальной формы, не свойственных тому порядку, в рамках которого орган правосудия рассматривает дело, — есть нечто большее, чем просто формальная юридическая конструкция, содержащая вариативные модели функционирования участников судебного процесса.

Все изложенное приводит к выводу о том, что любые законодательные изменения должны отталкиваться от наличествующей и давно апробированной системы принципов, которые представляют собой незыблемые прямо закрепленные в нормах права или по смыслу выводимые из них

---

¹ В ред. Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

установления, наиболее действенно обеспечивающие судебную защиту по конкретным гражданским и административным делам, экономическим спорам, что, в свою очередь, способствует поддержке общего социального порядка.

Данный вывод видится важным и своевременным, особенно в условиях быстро меняющихся общественных, экономических, идеологических и правовых основ государства, а также претворения в жизнь стержневых тенденций правотворческой деятельности, будь то цифровизация судопроизводства, его диверсификация за счет упрощения и ускорения, вариативность цивилистической процессуальной формы и многое другое.

*О. В. Жукова,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой судебной власти
и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета,
olesyazh@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Конституция РФ, закрепляющая положение о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38), предопределяет необходимость во всех правоотношениях признавать приоритет защиты интересов ребенка. Государство прежде всего заинтересовано в том, чтобы соблюдались права и законные интересы детей. С одной стороны, защита прав и законных интересов ребенка должна осуществляться совместно законными представителями, органом опеки и попечительства, прокурором и судом, поскольку несовершеннолетний самостоятельно не может защитить свои права в суде. С другой стороны, право на судебную защиту означает не только возможность обратиться в суд, но и воспользоваться самой процедурой рассмотрения дела, обеспечив тем самым защиту прав и интересов.

Интересы несовершеннолетних составляют не только самостоятельный предмет судебной защиты наряду с правами, но и входят составной частью в предмет защиты по многим категориям дел. В охраняемом законом интересе сливаются воедино законный интерес ребенка и право на его судебную защиту, реализуемое в случаях нарушения законных интересов¹. Поэтому важно определить, что представляет собой интерес как предмет судебной защиты.

Безусловно, защита интересов несовершеннолетних регулируется, прежде всего, нормами семейного законодательства. В ст. 1 СК РФ предусмотрено положение о том, что регулирование семейных отношений

---

¹ Идрышева С. К., Комиссарова Е. Г. Интерес ребенка, законный интерес ребенка и охраняемый законом интерес ребенка: теоретико-методологические подходы к исследованию // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 332–363.

осуществляется в соответствии с принципами обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних. Так, например, закреплено, что, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей в суде рассматриваются дела об определении их места жительства; об устранении препятствий к общению с ребенком; о восстановлении в родительских правах; об отобрании ребенка у родителей и др. Суд принимает меры к защите интересов ребенка при расторжении брака или, например, вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе, исходя из интересов их несовершеннолетних детей. В интересах ребенка орган опеки и попечительства вправе предъявить иск о лишении родителей (одного из них) родительских прав.

Следует согласиться с утверждением о том, что суд, рассматривая дела о защите прав и интересов несовершеннолетних, должен руководствоваться, прежде всего, интересами ребенка, его желаниями, привязанностью, возрастом, а также насколько свободно выражено его желание, не является ли оно вынужденным или внушенным¹. Вместе с тем обязательный учет мнения ребенка при рассмотрении любого спора, затрагивающего его права и законные интересы, не получил законодательного закрепления. Кроме того, не установлен единый перечень дел, по которым несовершеннолетний может вести дела лично, а закрепленные случаи не отражают весь объем подлежащих судебной защите прав и законных интересов ребенка. Поэтому представляется необходимым предусмотреть перечень дел, по которым несовершеннолетний может самостоятельно обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов.

С точки зрения приоритета защиты интересов ребенка не совсем логичным представляется закрепление права усыновленного ребенка, достигшего возраста 14 лет, обратиться в суд с требованием об отмене усыновления, но при этом не предусмотрена возможность обращения несовершеннолетнего по делам о лишении родительских прав или ограничении родительских прав, несмотря на то что в этих случаях затрагиваются непосредственно права и законные интересы ребенка.

С учетом интересов ребенка должен быть рассмотрен и спор между родителями при отсутствии соглашения о его месте жительства. Судебной практике известны случаи, когда каждый из родителей использует все имеющиеся возможности влияния, чтобы ребенок выразил согласие проживать с ним. К сожалению, встречаются и другие ситуации, когда каждый родитель настаивает на том, чтобы местом проживания ребенка было место жительства другого родителя. Во всех этих случаях интересы ребенка могут остаться в стороне, иметь лишь формальное значение, фактически же преобладают интересы законных представителей. Следова-

---

¹ Иванова С. А. Судебные споры о праве на воспитание детей. М., 1974. С. 21–22, 29.

тельно, суд, разрешая вопрос об определении места жительства ребенка, должен не только выяснить мнение, но и оценить его с точки зрения интересов несовершеннолетнего, а именно — нет ли противоречий. Иначе говоря, при рассмотрении спора об определении места жительства ребенка с одним из родителей суд вполне может отказать в удовлетворении требований каждого из родителей, исходя из интересов ребенка. При этом, если ребенок уже достиг возраста 14 лет, то он может самостоятельно определить место своего жительства¹.

Предусмотрев право ребенка, достигшего возраста 10 лет, выражать свое мнение и быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства (ст. 57 СК РФ), не получил законодательного закрепления статус самого несовершеннолетнего в процессе, если в суд в защиту его интересов обращается законный представитель. Судебная практика свидетельствует о том, что когда вопрос стоит о защите прав несовершеннолетних, они сами не попадают в число лиц, участвующих в деле. Это противоречит общепринятому понятию, что сторонами по делу выступают предполагаемые субъекты спорного материального правоотношения. Таким образом, происходит трансформация стороны в ее законного представителя.

В делах, затрагивающих права и интересы детей, родитель, с которым проживает ребенок, занимает в процессе двойственное положение: с одной стороны, как законный представитель защищает права и интересы ребенка, а с другой стороны, может иметь собственный юридический интерес, соответствующий положению стороны в процессе. Безусловно, несовершеннолетний должен иметь особый статус стороны в соответствии с его объемом процессуальной дееспособности, а его законный представитель должен получить самостоятельный статус — «истец-представитель» или «ответчик-представитель». Например, по делу о взыскании алиментов у родителя, на иждивении которого находится ребенок, есть юридический интерес, который основан на получении определенной имущественной выгоды, поскольку часть расходов на ребенка будет покрываться за счет алиментных платежей².

Следует отметить, что не всегда понимание родителями интереса ребенка соответствует его подлинному интересу³. Родители не вправе пред-

---

¹ Ильина О. Ю. О сложносочиненном и многоподчиненном конфликте интересов в спорах о детях при расторжении брака // Защита прав и охраняемых законом интересов граждан: сб. науч. ст. Тверь, 2021. С. 48–54.

² Туманова Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 73.

³ Долгов Ю. Г. Охраняемые законом интересы супругов, родителей и несовершеннолетних детей в семейном праве российской федерации: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

ставлять интересы своих детей, если будет установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В случае разногласий орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей. Представляется, что такого представителя должен назначать суд, а не органы опеки и попечительства. Кроме того, целесообразно, чтобы таким представителем стал именно адвокат, как это, например, предусмотрено по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания или в учебном учреждении закрытого типа.

В заключение необходимо отметить, что анализ охраняемых законом интересов свидетельствует о необходимости дальнейшего развития теории юридического интереса в целом и особенно как предмета судебной защиты в отношении несовершеннолетних.

*Ю. А. Жукова,
кандидат юридических наук,
ассистент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
zhukova-u@mail.ru*

О ДОГОВОРНОЙ ПОДСУДНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Законопроекты Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ, ВС РФ), которые были внесены на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации в ноябре 2022 г.¹, предусматривали в том числе фактически полный отказ от института договорной подсудности в арбитражном и гражданском процессе, за исключением дел с участием иностранных лиц.

Между тем еще в дореволюционный период в ст. 227 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. устанавливалось, что стороны при заключении договора могут определить тот суд, которому будет подсуден спор, вытекающий из этого договора и его исполнения, с соблюдением правил о родовой подсудности и по месту нахождения недвижимого имущества. В доктрине того периода она получила название добровольной подсудности в противопоставление иным видам подсудности, которые определялись законом (законная подсудность гражданских дел – *forum legale*)². В ГПК РСФСР 1923 г. отсутствовало легальное закрепление договорной подсудности при фактическом допущении ее применения³. Положения

---

¹ Законопроект № 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/235526-8> (дата обращения – 14 января 2024 г.); Законопроект № 237135-8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237135-8> (дата обращения – 14 января 2024 г.).

² Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Типография Московского Императорского университета, 1900. С. 108; Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1874. С. 175–177.

³ См. Дергачев С. А. Договорная подсудность в советский период истории России // История государства и права. 2011. № 1. С. 43–44.

о договорной подсудности устанавливались ст. 120 ГПК РСФСР 1964 г. и ст. 30 АПК РФ 1995 г. Во многих странах как англосаксонской, так и романо-германской правовых систем также успешно функционирует институт договорной подсудности.

В качестве обоснования упразднения данного правового института Верховный Суд РФ указывает на необходимость защитить права и законные интересы более слабых субъектов договорных отношений, которые практически полностью лишены возможности влиять на формирование условий договора, а также на стремление выравнивания судебной нагрузки из-за перераспределения дел в результате изменения территориальной подсудности по соглашению сторон, снижение споров участников правоотношений относительно подсудности конкретного дела.

Однако Комитетом по государственному строительству и законодательству (далее — Комитет) в своем Заключении на проект федерального закона № 237135-8 было отмечено, что исключение договорной подсудности по всем делам, кроме дел с участием иностранных лиц, требует дополнительной проработки на соответствие принципам диспозитивности, доступности правосудия, поскольку значительно ограничивает свободу автономии воли при осуществлении арбитражного судопроизводства. Аналогичная позиция по данному вопросу была изложена Комитетом в Заключении на проект федерального закона № 235526-8.

Предложение об исключении договорной подсудности не нашло отражения в Федеральном законе от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Что касается гражданского процесса, то законопроект на данный момент находится на стадии рассмотрения Государственной Думой РФ.

Следует отметить, что это не первая попытка Верховного Суда РФ упразднить институт договорной подсудности. Еще в 2017 г. председателем ВС РФ была озвучена идея исключить из процессуальных кодексов правило о договорной подсудности для равномерности распределения судебной нагрузки, а в 2018 г. Верховный Суд РФ выступил с соответствующей законодательной инициативой в рамках процессуальной реформы¹, однако вышеуказанное предложение было признано необоснованным и отклонено законодательным органом. При этом продолжительный период времени была достаточно распространена как среди арбитражных судов, так и среди судов общей юрисдикции Московского округа судебная практика об ограничительном толковании положений

---

¹ Законопроект № 383208-7 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о реформе процессуального законодательства) [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/383208-7> (дата обращения — 14 января 2024 г.).

ГПК РФ и АПК РФ о договорной подсудности¹, которая была основана на ошибочном понимании позиции ВС РФ, выраженной в определении от 6 мая 2014 г. № 83-КГ14-2².

Что касается аргументации Верховного Суда РФ в пояснительных записках к законопроектам 2022 г., то необходимо отметить следующее. Так, в частности, обосновывается, что отсутствие каких-либо ограничений использования института договорной подсудности приводит к возрастанию нагрузки на суды г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга, Ленинградской области и ряда других регионов России. Между тем статистика передачи дел по договорной подсудности свидетельствует о том, что их количество незначительно: например, в 2016–2018 гг. число дел, которые были переданы в Арбитражный суд города Москвы из арбитражных судов других регионов в связи с наличием условия о договорной подсудности, стабильно составляло менее 1% от совокупности всех рассмотренных этим судом споров³.

Очевидно, что более существенной причиной загруженности судов являются высокая деловая активность и концентрация бизнеса в вышеперечисленных субъектах РФ. В этой связи нельзя не согласиться с позицией К. И. Мальшева, которая актуальна и сейчас: если бы опасение о том, что тяжущиеся по взаимному соглашению оставят одни суды без дел, а другие – обременят делами, было бы верно, это указывало бы на неправильное распределение судебных учреждений по территории государства, на избыток их в местностях, где мало дел, и на недостаток в других местах, где в них чувствуется потребность⁴.

При этом нередко в судебной практике можно встретить случаи, когда недобросовестные участники процесса намеренно совершают фиктивную регистрацию по новому месту жительства в отдаленных и труднодоступных регионах⁵, заключают договоры цессии или поручительства с целью искусственного изменения территориальной подсудности для создания препятствий в защите прав другой стороны⁶, затягивания судебного раз-

---

¹ Например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 июня 2016 г. по делу № А40-92186/2015; апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2017 г. по делу № 33-23783.

² Определение Верховного Суда РФ от 06 мая 2014 г. № 83-КГ14-2 // СПС «КонсультантПлюс».

³ АСГМ для всех: как влияет договорная подсудность на судебскую нагрузку [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/210572/> (дата обращения – 14 января 2024 г.).

⁴ Мальшев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. С. 175.

⁵ Например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 марта 2019 г. № 308-ЭС18-25635 по делу № А63-9583/2018.

⁶ Пункт 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве»;

бирательства, усложнения исполнения решения, в то же время институт договорной подсудности позволяет в некоторых случаях избежать подобных ситуаций.

Одним из преимуществ договорной подсудности является то, что участники правоотношений могут согласовать рассмотрение споров в том суде, который в равной степени будет территориально наиболее удобным для сторон, тем самым сэкономить время и ресурсы, снизить судебные издержки на ведение дел.

Контраргументом можно считать позицию Верховного Суда РФ о том, что используемые на практике элементы электронного правосудия позволяют лицам, участвующим в деле, дистанционно принимать участие в судебных заседаниях, знакомиться с материалами дела, что могло бы нивелировать последствия отмены договорной подсудности. В последние годы активно развиваются и применяются информационные технологии в сфере осуществления правосудия: АПК РФ и ГПК РФ предусматривают возможность участия в судебном заседании путем видео-конференц-связи или веб-конференции, предоставление доступа к материалам дела посредством сервиса «Мой арбитр» или интернет-портала ГАС «Правосудие».

Однако фактическое осуществление подобных действий на практике не гарантировано, и не во всех судах до настоящего времени имеется техническая возможность для надлежащего функционирования указанных систем. При этом лишение права на выбор компетентного суда может создать существенные затруднения в реализации права на доступ к правосудию в таких условиях, и, в частности, это касается ситуаций, когда в некоторых субъектах РФ в текущий период невозможны авиаперелеты¹.

В качестве плюсов договорной подсудности в науке также отмечают гибкость, обеспечение равноправия сторон, возможность исключить сомнения в беспристрастности и независимости судей или выбрать суд с учетом сложности потенциального спора и наличия необходимой квалификации у судей. К проблемным аспектам данного института можно отнести потенциальный конфликт интересов сторон, сложность выбора суда, отсутствие специальных требований к соглашениям о подсудности, что порождает возникновение нередко противоречивых позиций судов о согласованности условий.

Таким образом, очевидно, институт договорной подсудности как имеет преимущества, так и не лишен определенных недостатков, но в то же

Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 6 сентября 2022 г. № 9-КГ22-6-К1.

¹ Вялых Е. Изменения в АПК РФ: подсудность, процессуальные сроки, приказное производство // Юридическая работа в кредитной организации. 2023. № 1. С. 62–67.

время соответствует сущности цивилистического процесса, в основу которого заложен дуализм императивных и диспозитивных начал. В связи с чем внесение каких-либо изменений в процессуальное законодательство должно представлять собой результат взвешенного и тщательно продуманного решения, основанного на балансе частных и публичных интересов.

*М. Р. Загидуллин,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
marat-z@mail.ru*

ЕДИНСТВО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА – АКТУАЛЬНАЯ ДОКТРИНА ПРОФЕССОРА Е. А. НЕФЕДЬЕВА

В юридической науке длительное время ведутся дискуссии относительно содержания понятия цивилистического процесса. При этом оно является часто используемым и, можно сказать, фундаментальным в юридической науке. Оно также используется в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 08.12.2014, но не раскрыто в ней¹. Примечательно, что поиск по тексту судебных актов все-таки выдает судебные акты, в тексте которых эта категория используется, но также не раскрывается².

Однако использование историко-правовых методов изучения раскрывает перед исследователями новые подходы к данному вопросу. В особенности интересной с научной точки зрения представляется доктрина единства гражданского процесса, которая была озвучена профессором Евгением Алексеевичем Нефедьевым в речи, произнесенной 9 февраля 1892 г. в публичном заседании юридического факультета Императорского Казанского университета перед защитой диссертации под заглавием «К учению

---

¹ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19 октября 2018 г. по делу № А33-10423/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Ивановского областного суда от 1 августа 2018 г. № 33-1648/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2014 г. по делу № А56-57325/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

о сущности гражданского процесса»¹, представленной для получения степени доктора гражданского права².

Е. А. Нефедьев родился в 1851 г. в дворянской семье Симбирской губернии, учился в Лазаревском институте и на юридическом факультете Московского Императорского университета; был мировым судьей на родине, присяжным поверенным окружной казанской судебной палаты, с 1881 г. (по приглашению декана юридического факультета А. М. Осипова) состоял приват-доцентом Императорского Казанского университета, защитил магистерскую диссертацию в 1887 г. на тему «Устранение судей в гражданском процессе», после защиты диссертации доктора права в апреле 1892 г. утвержден ординарным профессором кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства юридического факультета Казанского университета. В 1896 г. перешел в Московский университет на должность ординарного профессора кафедры торгового права и торгового судопроизводства юридического факультета. Читал лекции по гражданскому судопроизводству и являлся одним из ярких представителей процессуальной науки, творивших на кафедре гражданского процесса (в современном ее понимании). Наиболее важным трудом в процессуальной доктрине принято считать его «Учебник русского гражданского судопроизводства»³, который трижды переиздавался.

Однако некоторые научные положения Евгения Алексеевича были незаслуженно забыты и нуждаются в раскрытии. На современном этапе развития процессуальной науки представляется особенно актуальной его идея единства гражданского процесса. Более углубленного изучения требует данная доктрина в соотношении с такой правовой категорией, как «цивилистический процесс».

Важнейшим вопросом в деле выяснения сущности гражданского процесса является вопрос о его единстве, считал Е. А. Нефедьев: в единстве, целостности раскрывается его сущность. Только поэтому можно говорить об условиях его возникновения, прекращения, приостановления и существования. Единство выражается в ядре как неизвестном явлении, которое, обладая целостностью и единством, объединяет другие процессуальные явления.

---

¹ См.: Нефедьев Е. А. К учению о сущности гражданского процесса. Соучастие в гражданском процессе. Соучастие по немецкому и французскому праву. Исследование и.д. экстраординарного профессора Императорского Казанского университета Е. А. Нефедьева. Казань, типография Императорского университета, 1891.

² См.: Нефедьев Е. А. Единство гражданского процесса. Казань, типография Императорского университета, 1892.

³ См.: Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Издание третье. Москва, типография Императорского Московского университета, 1909.

Оскар фон Бюлов первым обратил внимание на то, что в основание разрешения весьма многих процессуальных вопросов должно быть положено представление о процессе как едином, целом явлении. В связи с чем считал подобным явлением, которое обладает единством, целостностью и передает данные свойства всему процессу и соответственно всем остальным процессуальным явлениям, юридическое отношение, складывающееся между судом и тяжущимися, назвав его — «процесс-отношение».

Е. А. Нефедьев, подвергнув критике теорию О. Бюлова и его последователей, приходит к следующим выводам. Процесс вообще не может быть юридическим отношением, вне зависимости от элементов. У него не может быть цели, как у отношения, цель может принадлежать только лицу, и достигаться она может только деятельностью лица. Процесс — это деятельность, т.е. проявление воли суда как органа государства. Воля суда облечена властью. Вследствие этого лица, в отношении которых должна происходить деятельность суда, становятся к нему в подчиненное положение. Стороны не имеют права на деятельность суда, но обращение к суду с заявлением является, в силу закона, побудительной причиной для его деятельности. Процесс возникает путем возбуждения воли суда и его деятельности. Стороны при этом становятся в подчиненное положение к суду. Между судом и тяжущимися устанавливаются отношения власти и подчинения. Но отношения не есть процесс, а условие для последнего, коим признается деятельность суда. Начинается он с момента принятия иска судом, так как с этого момента возбуждается процессуальная деятельность суда и, как следствие возбуждения воли суда, устанавливается властеотношение между ним и сторонами. Данное отношение возникает в строгом соответствии с законом.

Связующим началом для всех процессуальных явлений служит воля суда, а их центром — деятельность суда как ее проявление. Деятельность сторон объединяется деятельностью суда, направленной на определенную цель, и имеет условия возникновения и существования, а следовательно, и единство, и целостность. Отсюда воля суда и его деятельность и есть то явление, которое обуславливает целостность и единство в процессе.

Процесс имеет две стороны: внутреннюю и внешнюю. Первая — это ответственная деятельность суда, заключительным актом которой является решение. Вторая — это внешние формы выражения внутренней деятельности суда.

Выражаясь современным языком, концепция сущности и единства гражданского процесса Е. А. Нефедьева выражалась в следующем. Условия возникновения процесса должны быть относимы к воле суда и его деятельности, как ее проявлению. Последняя при этом нормирована законом и направлена на достижение определенной законом цели, поэтому

обладает единством и целостностью, все остальные процессуальные явления определяются волей и деятельностью суда.

Данная концепция носит универсальный характер и может быть применена не только к гражданскому судопроизводству, но к любым формам судопроизводства, которые носят цивилистический характер.

Стоит отметить, что вплоть до XVIII в. можно было говорить лишь о зачатках и предпосылках разделения судебного процесса на отрасли, причем речь могла идти о разделении на состязательный и розыскной процесс или на гражданский и уголовный. Первым значимым историческим моментом, разделившим российский судебный процесс на гражданский и уголовный, можно считать создание Палат уголовного суда и Палат гражданского суда в 1775 г. Дальнейшие нормативно-правовые акты Российской империи закрепляли разделение судопроизводства на гражданское и уголовное. Затем в ходе судебной реформы 1864 г., как известно, были приняты Уставы уголовного и гражданского судопроизводства соответственно. Административная юстиция в России развивалась в виде отдельных процедур рассмотрения жалоб на действия органов власти и должностных лиц, которые рассматривались вышестоящими органами. Если говорить об административном судопроизводстве, то оно до начала XX в. фактически в Российской империи не существовало, а соответствующие дела, если и рассматривались судами, то в рамках Устава гражданского судопроизводства, который содержал ряд статей, посвященных, можно сказать, процессуальным особенностям рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений. Такое историческое толкование дает основание говорить, что по природе происхождения гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство и административное судопроизводство носят цивилистический характер.

Концепция единства гражданского процесса, сформулированная еще профессором Е. А. Нефедьевым, была продолжена в исследованиях профессора В. А. Рязановского¹, С. В. Курылева² и др.³

---

¹ См.: Рязановский В. А. Единство процесса; Вступ. ст. Треушникова М. К.; Фонд «Междунар. ин-т развития правовой экономики». М.: Юрид. бюро «Городец», 1996. 75 с. (Классика русской юридической литературы). ISBN 5-89391-001-X. (впервые напечатана в 1920 г.).

² См.: Курылев С. В. Избранные труды / Курылев С. В. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. 607 с. (Наследие права).

³ См. подробнее: Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2022; Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в российском судебном цивилистическом процессе и альтернативных процедурах урегулирования юридических конфликтов. М.: Проспект, 2021. 216 с.; Загидуллин М. Р. О содержании понятия «цивилистический процесс» // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 120–130; Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в российском цивилистическом процессе: историко-правовое исследование. М.: Статут, 2019. 143 с.

В частности, верно отмечено Е. А. Талыкиным, «именно цивилистическая процессуальная форма является тем сущностным качеством и критерием, что позволяет квалифицировать то или иное процессуальное явление как цивилистическое»¹. Предмет процессуальной отрасли также имеет существенное значение. Цивилистический процесс по форме защиты права можно также классифицировать на судебный и внесудебный.

Судебный цивилистический процесс реализуется в форме гражданского, в том числе арбитражного и административного судопроизводства по смыслу ст. 118 Конституции Российской Федерации². Как известно, арбитражные суды при рассмотрении экономических (т.е. цивилистических) споров применяют раздел АПК РФ, посвященный производству, возникающему из публичных правоотношений, а также некоторые положения Кодекса об административных правонарушениях. Предметом административного судопроизводства в рамках КАС РФ являются дела, по своей природе в большинстве своем носящие цивилистический характер, ранее составлявшие предмет гражданского процесса. В то же время нельзя не отметить действительно публично-правовой (административный) характер некоторых категорий споров, рассматриваемых в рамках административного судопроизводства. Однако даже в отношении таких дел применяется та же самая по своей природе процессуальная форма, что и в гражданском или арбитражном процессах, основанная на принципах диспозитивности, равенства сторон и состязательности.

Таким образом, доктрина единства гражданского процесса явилась основанием для развития, начиная от трансформации гражданского процесса в цивилистический процесс в узком смысле, к эволюции последнего в широком его понимании с выделением соответствующих видов (судебный и внесудебный), до возникновения концепции единства процесса в целом как общеправового явления.

---

¹ См.: Талыкин Е. А. Цивилистический процесс как категория перспективного развития правовой системы // Современное право. 2016. № 4. С. 49–53 // СПС «Консультант-Плюс».

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

*Е. В. Зайченко,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
elena.zaichenko@list.ru*

«БЕССПОРНЫЕ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Действующее законодательство о гражданском и арбитражном судопроизводстве, а также теория цивилистического процесса применительно к институту судебных доказательств не используют категорию «беспорные доказательства».

Тем не менее нередко суды в тексте судебных актов для того, чтобы аргументировать несогласие с позицией той из сторон, не в пользу которой принимается судебный акт, приводят формулировку примерно следующего содержания: «Заявителем не представлено в материалы дела надлежащих и беспорных доказательств в обоснование своей позиции»¹. Довольно часто доводы об отсутствии «беспорных доказательств» включаются судами в определения об отказе в удовлетворении ходатайства об обеспечении иска.

В справочной правовой системе «КонсультантПлюс» в базе «Судебная практика» находится свыше 1200 судебных актов Верховного Суда РФ, принятых по конкретным делам в гражданском, арбитражном, уголовном, административном судопроизводстве, в которых упоминаются «беспорные доказательства»². При этом внятного разъяснения содержания этого понятия ни Верховным Судом РФ, ни нижестоящими судами не приводится.

---

¹ См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 марта 2024 г. по делу № А40-210000/2023 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c3b930ae-8132-49af-b14a-8c4c4463eeef/e74b68f7-c042-463d-b534-8b651a0da5bf/A40-210000-2023_20240319_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения — 30 марта 2023 г.).

² СПС «КонсультантПлюс».

В Толковом словаре В. И. Даля прилагательное «бесспорный» имеет следующее значение: о чем быть не может спора, или его нет доселе; опровержению, возражению не подлежащий; правый, верный, прямой, истинный¹.

По смыслу аргументации, которая содержится в судебных постановлениях по гражданским делам, рассуждая от противного, можно сделать вывод, что совокупность доказательств, исходящих от проигравшей стороны (которая как раз и не представила «бесспорных» доказательств), такова, что она не убедила суд в своей правоте, а вовсе не то, что эти доказательства, если бы они и были представлены, являлись предустановленными или неопровержимыми.

Первое, что вспоминается со словом «убедительность» касательно доказательств и доказывания, — это механизм стандартов доказывания в англосаксонском праве и, в частности, такая его разновидность, как «ясные и убедительные доказательства», хотя приводить такое сравнение с имеющимися в отечественном цивилистическом процессе правилами оценки доказательств было бы не вполне корректным². Кроме того, это могло бы привести нас к категорически неверному и даже опасному выводу, что во всех тех случаях, когда судьи пишут об отсутствии бесспорных доказательств, они подразумевают такой подход в оценке доказательств, который характерен для упомянутого повышенного стандарта доказывания, который может применяться не в любом деле, а в достаточном небольшом количестве категорий дел³.

В единичных актах указывается, какие доказательства принимаются или могут приниматься судом в качестве бесспорных. Так, в одном из определений Судебная коллегия Верховного Суда РФ по гражданским делам указала, что истцом, по мнению суда апелляционной инстанции, представлены бесспорные доказательства перечисления ответчику денежных средств (письменные доказательства, подтверждающие банковский перевод)⁴. Однако из дальнейшего анализа следовало, что это доказательство не было таким уж «бесспорным», поскольку спор как раз заключался

---

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/208918?ysclid=lul1lpkbj0744615180> (дата обращения — 4 апреля 2024 г.).

² Относительно целесообразности внедрения в отечественную практику инструмента «стандартов доказывания» подробнее см.: Аргунов В. В., Долова М. О. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 76–104.

³ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС16-18600(5-8) (СПС «КонсультантПлюс») в части выводов о применимости.

⁴ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 20-КГ15-5 // СПС «КонсультантПлюс».

не в факте перевода денежных средств (этот факт не оспаривался ответчиком), а в квалификации перечисленной суммы — было ли назначение у платежа, а также в качестве суммы займа или же неосновательного обогащения переводились денежные средства истцом ответчику. Данный пример иллюстрирует, что бесспорным мог бы являться факт (например, перевода денежных средств), да и то не потому, что он подтвержден определенным неопровержимым средством доказывания, а потому что стороны о нем не спорят (ответчик в указанном деле не опровергал, согласился с фактом получения денежных средств посредством банковского перевода).

Непосредственно в законе предусмотрено, что доказательства должны удовлетворять требованиям относимости (ст. 59 ГПК РФ, ст. 67 АПК РФ), допустимости (ст. 69 ГПК РФ, ст. 68 АПК РФ) и быть получены в установленном законом порядке (ч. 3 ст. 55 ГПК РФ, ч. 3 ст. 64 АПК РФ).

Законодательно установленные правила оценки доказательств также не предполагают наличия категории бесспорных средств доказывания. Так, доказательства оцениваются судом, арбитражным судом по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Суд, арбитражный суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ).

Следует обратить внимание на то, что в разъяснениях высших судебных инстанций такой эпитет, как «бесспорные» в отношении доказательств совершенно обоснованно не используется.

Например, в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» предусматривается ситуация, когда суд может установить, что представленные доказательства недостаточно подтверждают требования истца или возражения ответчика либо не содержат достаточных данных. Очевидно, в данном положении речь идет о количественной характеристике — достаточно/недостаточно.

Согласно пп. 3, 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 23) решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов; недопустимо основываться на доказательствах, которые не были исследованы судом в соответствии

с нормами ГПК РФ, а также на доказательствах, полученных с нарушением норм федеральных законов.

Таким образом, обоснованность решения вовсе не связывается высшей судебной инстанцией с бесспорностью доказательств, которые суд положил в подтверждение выводов об установленных им обстоятельствах дела, однако анализ некоторых положений отдельных разъяснений высших судебных инстанций свидетельствует о том, что формулировки о спорности [не о бесспорности] могут относиться к обстоятельствам дела, фактам.

Например, в п. 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» говорится, что судья в стадии подготовки может выяснить, какие обстоятельства дела являются спорными.

Статьи 61 ГПК РФ и 69 АПК РФ содержат положения об освобождении от доказывания преюдициальных фактов и, как следствие, невозможности их оспаривания лицами, в отношении которых они установлены в ранее разрешенном деле. В этом смысле такие факты именно в отношении указанных лиц являются бесспорными, хотя и для них не исключается возможность их опровергнуть — путем отмены вступившего в законную силу решения в порядке проверки судебного акта либо в порядке пересмотра по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Для лиц, не участвовавших в ранее рассмотренном деле, эти факты изначально не будут носить характер бесспорных, и гипотетически они могут быть опровергнуты. Можно встретить рассуждения о бесспорности общеизвестных фактов, признаний и др.¹

Истории отечественного гражданского процесса известна конструкция «законных доказательств» — официальных документов, которые обладали большей юридической силой по сравнению с другими доказательствами, но даже и они могли быть оспорены (их юридическая сила)².

Следует также иметь в виду, что существование категории «бесспорных фактов» также является в некоторой степени условным, поскольку нет таких фактов, которые гипотетически не могли бы быть оспорены (так, до известных научных открытий считалось, что солнце вращается вокруг земли). В качестве бесспорных они могут существовать некоторое время, но ровно до тех пор, пока они не будут опровергнуты. Может быть, никто

---

¹ Дегтярев С. Л. Влияние преюдиции на судебное доказывание в современном арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1 // СПС «КонсультантПлюс»

² См.: Молчанова В. В. Доказательства не имеют заранее установленной силы?.. // 220-летие образования и 70-летие новой истории кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского университета. Москва, 7 февраля 2024 г. / под ред. В. В. Молчанова. М.: Зерцало-М, 2024. С. 218–222.

никогда и не захочет их опровергать, но это не означает, что опровержение невозможно в принципе.

Вероятно, именно по этой причине в законодательстве отсутствует как феномен бесспорных фактов, так и категория бесспорных доказательств, но как факт, подлежащий установлению в конкретном деле, так и доказательство, его подтверждающее, могут быть признаны спорными в конкретном деле, и в зависимости от этого суд может предложить соответствующей стороне представить дополнительные доказательства, чтобы спор о факте разрешился.

От суда по итогам анализа и оценки судебных доказательств в завершении рассмотрения дела с точки зрения закона не требуется делать вывод о бесспорности представленных доказательств. Можно предположить, что наличие такого вывода – собственная, ничем не предусмотренная и при этом не самая удачная инициатива судов. Однако поддержана она быть не должна, поскольку ничего нового эта характеристика доказательств не добавляет, а способна только запутать как участвующих в деле лиц и их представителей, так и широкий круг представителей юридического сообщества, которые данную практику анализируют в различных целях. При рассмотрении конкретных дел необходимо руководствоваться выработанной в науке, закрепленной в законодательстве и нашедшей отражение в разъяснениях высших судов системой оценки доказательств в отечественном цивилистическом процессе. Только это может гарантировать вынесение судебных актов, удовлетворяющих требованиям обоснованности и, как следствие в этой части, законности.

*М. Н. Зарубина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Санкт-Петербург),
17mz84@mail.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ДЕЛЕНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Оптимизация процессуальной формы постепенно стала ключевым направлением развития всего цивилистического процесса. Отталкиваясь от изменений законодательства последнего десятилетия, напрашиваются два независимых друг от друга вывода:

1 — произошла заметная унификация процессуальных норм и институтов, и этому взаимопроникновению способствовала в первую очередь Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹;

2 — одновременно возвращена необходимость дифференциации и специализации процессуальной материи, что стало причиной появления КАС РФ и некоторых видов производств в АПК РФ и ГПК РФ.

Подобная дихотомия сопряжена с определенными последствиями не всегда положительного свойства, на что обращают внимание некоторые авторы. Так, Е. Г. Потапенко разработал целую концепцию специализации и унификации цивилистического процессуального права на элементарном уровне отраслевой системы, а также предложил основу для совершенствования действующего законодательства с учетом универсальной доктрины парности процессуальных норм². Данные попытки заслуживают одобрения и препятствуют появлению дефектных конструкций и неэффективных механизмов правового регулирования.

---

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). Документ опубликован не был.

² См.: Потапенко Е. Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2023. 43 с.

Как показало время, для российской правовой системы характерно расширение предмета правового регулирования, которое выражается не только в появлении новых отраслей права, но и заметной специализации норм права без возможности расширительного или ограничительного толкования соответствующих положений самостоятельно судами. Такое правовое явление следует считать естественным, но требующим значительных общетеоретических проработок.

Действительно, правоинтерпретационная активность судов значительно снизилась, а любого рода выход за пределы нормативного базиса закрепляется исключительно на уровне позиций Конституционного Суда РФ или Пленума Верховного Суда РФ. На то имеются несколько причин, в том числе формирование единообразной судебной практики и сосредоточенность толкования нормы права на отдельную категорию дел посредством конкретизации или детализации, а иногда с целью восполнения пробела в законе. В нашем понимании конкретизация нормы процессуального права в судебной практике – это способ ее адаптации к сложившейся процессуальной среде при рассмотрении конкретного спора (вид производства, выбранный способ защиты нарушенного права, предмет спора, субъектный состав и т.д.). Детализация же, в свою очередь, преследует цель выявления непосредственного или опосредованного влияния материального права, регулирующего спорные правоотношения, на процессуальный порядок, благодаря чему суд уже в меньшей степени зависит от своего внутреннего убеждения и руководствуется декларативными специальными правилами. В последнем случае высока вероятность дифференциации процессуальной формы, благодаря которой рождается новый вид производства.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров.

В ч. 1 ст. 150 ГПК РФ определяется круг общих вопросов для суда при проведении подготовки гражданского дела к судебному разбирательству. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11¹ раскрывается содержание таких действий в сфере доказывания, определения субъектного состава именно на данной стадии гражданского процесса, выявляются предпосылки для окончания судопроизводства без вынесения судебного решения и т.д. Таким образом, общие процессуальные институты обрастают важнейшими уточнениями и требованиями соблюдения формы осуществления правосудия. Например, в абз. 2 п. 23 указанного документа новация субъектного состава ограничивается принципом диспозитивности, в связи с чем суд не вправе привлечь к процессу

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // БВС РФ. 2008. № 9.

соистцов, но при этом должен известить их об имеющемся в суде деле. Круг привлекаемых субъектов может раскрываться в других многочисленных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, сообразно тому, какова правовая природа рассматриваемого гражданского дела. В частности, в п. 6 постановления от 26 декабря 2017 г. № 56 указано на необходимость на стадии подготовки к судебному разбирательству по искам о взыскании алиментов привлекать взыскателей алиментов по иному судебному решению к участию в рассматриваемом деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований¹.

В приведенном примере явно прослеживаются оба способа специализации нормы через ее толкование — и конкретизация для стадии производства, и детализация в рамках выбранной категории дела.

Другой пример связан с необходимостью специальную норму-изъятие толковать в качестве общей нормы из-за возникновения каких-либо чрезвычайных обстоятельств. В силу ч. 4 ст. 23 КАС РФ административное исковое заявление о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке подается в суд по адресу медицинской противотуберкулезной организации, в которой гражданин находится под диспансерным наблюдением (исключительная подсудность). Однако в абз. 2 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 50² конкретизация происходит с удвоенной силой. Во-первых, путем дополнения условий обращения в суд в случае, если гражданин не находится под диспансерным наблюдением, и, во-вторых, посредством предоставления права подачи иска не только в суд по месту жительства гражданина, как это предусмотрено для общей территориальной подсудности, но и по месту его пребывания или фактического проживания.

Если дальше анализировать и углубляться в развитие специальных процессуальных норм в интерпретационных актах, то можно найти еще массу примеров их конкретизации и детализации. Это говорит лишь об одном — деление цивилистического процесса неизбежно, но идет ли оно по правильному пути или обходится оговорками, пояснениями, неоправданным дублированием — вопрос к современной юридической науке. Для решения задачи требуется выявить критерии такого деления. И здесь безызн-

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // БВС РФ. 2018. № 4.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» // БВС РФ. 2020. № 1.

тересно обратиться к историческим корням зарождения судебного процесса, к первоначальной зависимости его вида от категории иска как универсального средства обращения в суд (процесс-пари, наложение руки, взятие залога, назначение третейского судьи, кондикция как виды легисакционного процесса или различные формулы в формулярном частном процессе в римском праве¹).

В дореволюционных трудах также можно встретить позиции ученых о простоте гражданского процесса и элементах, его усложняющих или, наоборот, упрощающих².

Современное деление процесса обязано сохранением его системности, усложняющейся по мере появления новых видов производств. Между тем некоторые авторы подвергают сомнению какое-либо деление ввиду отсутствия правильных критериев для разграничения самой процессуальной деятельности и ее особенностей³. Другие придерживаются очень осторожного подхода к поиску основного (материального) и дополнительных критериев⁴. Третья группа ученых ратует за единый наиболее близкий к судебной деятельности подход, а именно характер защищаемых интересов (личный, публичный, государственный и др.)⁵. Поиск критериев и их противоречивость, тем не менее, приводят к обозначению внутренних и внешних предпосылок для дифференциации судопроизводства⁶ либо внутренней и внешней специализации процессуальной формы⁷.

Вышеизложенное позволяет констатировать нерешенность обозначенной проблемы, стремление на уровне актов официального толкования специализировать процессуальную норму под конкретную категорию дел или обстоятельства, нивелируя юридическую достаточность законных средств и механизмов осуществления эффективного правосудия.

---

¹ См.: Астапенко П. Н. Римское право: учебник / П. Н. Астапенко; под ред. Н. В. Михайловой. М., 2023. С. 140–147.

² См.: Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1914. С. VII–VIII.

³ См.: Дегтярев С. Л. Виды производств в современном гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 8.

⁴ См.: Соколов Т. В. Единство и дифференциация видов судопроизводства в российской правовой системе: основания и пределы // *Advances in Law Studies*. 2021. Том 8. № 4.

⁵ См.: Чугурова Т. В., Скачкова О. С., Бордакова А. Г. К вопросу о критериях деления видов производства в гражданском судопроизводстве // *Вопросы экономики и права*. 2018. № 6 (120). С. 8.

⁶ Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблема единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012. 484 с.

⁷ См.: Ефимова Ю. В. Специализация гражданско-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 26 с.

*О. В. Исаенкова,
доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
oisaenkova@mail.ru*

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В связи с грядущим реформированием сложившейся подготовки юристов в настоящее время возникает насущная необходимость серьезной переработки основных образовательных программ. Казалось, мы только привыкли к двухуровневой системе «бакалавриат—магистратура» и нескольким профильным специальностям типа «40.05.02. Правоохранительная деятельность» и «40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность», а опять грядет перестройка. Реформа высшего образования предполагает внедрение трех уровней высшего образования: базового — со сроком обучения от четырех до шести лет; специализированного — один или два года после завершения базового курса; аспирантуры — отдельного уровня, предназначенного для подготовки научных кадров. Новую национальную систему высшего образования внедрят в вузах России с 1 сентября 2025 г., к этому моменту должны будут утвердить новые образовательные стандарты. Об этом в ходе заседания Комитета Госдумы по науке и высшему образованию 4 октября прошлого года заявил замглавы Минобрнауки Дмитрий Афанасьев¹.

Как известно, отношение к Федеральным государственным образовательным стандартам так называемого «третьего поколения (введенным поэтапно вплоть до 2012 г.) плюс», обновленным в 2013—2016 гг., изначально было критически негативное², и их применение не добавило

---

¹ Новую систему высшего образования внедрят в вузах РФ с 1 сентября 2025 г. // Парламентская газета. 2023. 4 октября // URL: <https://www.pnp.ru/politics/novuyu-sistemuy-vysshego-obrazovaniya-v-vnedryat-v-vuzakh-rf-s-1-sentyabrya-2025-goda.html>

² См., например: Киселев А. К. К вопросу о разработке государственных образовательных стандартов нового поколения // Право и образование. 2009. № 3. С. 28—34; Бердашкевич А. О федеральных государственных стандартах третьего поколения // Российское образование. 2008. № 3. С. 43—49 и др.

нам оптимизма. Представляется, что в современных стандартах, если стремиться их представить в качестве единой методологической базы подготовки специалистов, должны учитываться не только пресловутые профессиональные компетенции, а именно научный подход к изучаемой отрасли права.

Так, помимо основного курса гражданского процессуального права в нескольких институтах (далеко не всех) академии силами кафедры гражданского процесса преподаются дисциплины «Исполнительное производство», «Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел», «Альтернативные процедуры урегулирования правовых споров» (по которому в настоящее время создан онлайн-курс доцентом нашей кафедры М. Ю. Лебедевым). Замечу, что даже «Исполнительное производство» входит в учебные планы только части институтов, и соответственно студенты бакалавриата и те, кто далее поступает в магистратуру по другим программам («Гражданское исполнительное право» преподается только на двух программах – «Судебная защита гражданских прав и исполнительное производство» и «Юрист в гражданском судопроизводстве»), не получают представления о деятельности по исполнению судебных актов (за исключением приговоров суда) и иных юрисдикционных актов, подлежащих принудительному исполнению.

В какой-то степени это является следствием дискуссии (страшно вспомнить) более чем уже 20-летней давности о соотношении гражданского процесса, гражданского судопроизводства, исполнительного производства и т.п. элементарных составляющих предмета гражданского процессуального права.

Принимая во внимание, что цель учебной дисциплины не может быть достигнута без ясно сложившегося восприятия предмета дисциплины, основу которого составляет соответствующая отрасль права, а классическое вузовское преподавание непосредственно связано еще и с научными изысканиями в соответствующей отрасли, следует четко определять и саму цель, и саму отрасль.

Не буду подробно останавливаться на новых способах и приемах преподавания, идущих в направлении повышения самостоятельности обучающихся, интерактивности, создания современных онлайн-моделей обучения, но не сказать пару слов о своем опыте не могу. У нас на образовательном портале размещены различные (в том числе и мои) лекционные курсы с сопровождающим материалом, но вопросы, которые мы изучаем со студентами в личном, очном режиме, всегда на экзамене отвечают лучше, чем вопросы, отнесенные к просмотру, последующей самопроверке по тестам и т.п. (при этом темы режима онлайн меняются, и это дает основание полагать, что дело не в сложности темы, а в типе ее преподавания).

Но вернемся к цели преподавания. Классическая гражданская процессуальная школа (в частности, учебник МГЮА) называет в качестве последствий (думается, идеальных. — *О. И.*) изучения студентами гражданского процессуального права следующие: 1) умение применять теоретические знания на практике, составлять документы, 2) наличие представления о субъектах процесса, 3) способность самостоятельно выполнять любую работу, связанную с рассмотрением и разрешением гражданских дел на основе строжайшего соблюдения законности. Заметим, что только вторая цель может быть достигнута (возможно, чуть менее успешно) без опытно-имитационной совместной деятельности преподавателя и обучаемого.

Нам же хотелось определить несколько иной, общий вариант определения целей преподавания, применимый с теми или иными нюансами к любой процессуальной дисциплине, а именно: знание изучаемого предмета; умение применять полученные знания на практике; приобретение навыков действий в спорных ситуациях и при решении возникающих проблем как научного, так и практического характера; способность критически анализировать и систематизировать знания; способность к собственной разработке оптимальных перспектив развития (в нашем случае — развития законодательства и судебной практики).

Достижение приведенных в предыдущем абзаце целей должно происходить не иначе, как в указанной последовательности, так как умение должно быть основано на знании, опыт проистекать из умения, а определение перспектив происходит на основе систематизации знаний и критического их анализа.

Уже на первом занятии нам приходится сталкиваться с различным пониманием гражданского процессуального права, исходящего из разного отношения к соотношению гражданского судопроизводства и гражданского процесса. В отдельных учебниках они идентифицируются, у нас же гражданское судопроизводство и гражданский процесс соотносятся как частное и общее, при этом гражданское судопроизводство является составной частью гражданского процесса, который в широком смысле помимо гражданского судопроизводства включает в себя исполнительное производство, далее (опять спорный момент) третейское производство и (еще более спорное суждение) арбитражное судопроизводство и нотариат.

Полузабытая разработка единого кодекса гражданского судопроизводства, действие параллельно ГПК РФ и АПК РФ, а теперь еще и КАС РФ, но при этом ликвидация ВАС РФ, заставляют уже на первом занятии расставлять акценты в предмете гражданского процессуального права (не претендуя на их исключительную правоту), что отрицательно для классических методов преподавания (с которых, наверное, правильнее начинать знакомство с любой дисциплиной), но положительно в смысле «критического» интерактива, который впоследствии может помочь в достиже-

нии высшей цели преподавания процессуальных дисциплин — «законопроектной».

В этом плане выгодно отличается от других дисциплин «Исполнительное производство», кодификации которого так и осталась в проекте. Проект Исполнительного кодекса РФ имеется в открытом доступе, что позволяет использовать его в качестве базового материала (конечно, жаль, что только так, а не в реальном правоприменении), но зато есть возможность предложить обучающимся в качестве самостоятельной работы «законотворчество» по формулированию отдельных его норм. Как правило, удастся заинтересовать студентов (хотя бы и в игровой форме) в совершенствовании законодательства, восприятию его в динамике, хотя, конечно, хотелось бы с возможностью собственного влияния на ситуацию.

Но будучи оптимистом, внутренне постоянно надеюсь, что в сознании обучаемого негативная критика (найти в чужом, но действующем, отрицательное), преобразуясь в позитивную (разработать собственное положительное), позволит наиболее оптимальным способом достигнуть высшей цели обучения, а затем стать лучше нас в опытном правоприменении и, возможно, в законотворчестве.

И. Н. Кашкарова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета,
i.kashkarova@spbu.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНЫ СУДЬИ ПРИГОВОРОМ СУДА, ВСТУПИВШИМ В ЗАКОННУЮ СИЛУ, КАК УСЛОВИЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ИСКА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Школа гражданского процесса МГУ имени М. В. Ломоносова заложила фундамент для последующих исследований, проведение которых не было бы полным и состоятельным без опоры на те идеи, которые были высказаны виднейшими представителями кафедры, без научной дискуссии и полемики с ними. В их числе, несомненно, и профессор, доктор юридических наук Аркадий Александрович Добровольский, который более десятилетия заведовал кафедрой гражданского процесса юридического факультета МГУ.

Аргументы, высказанные А. А. Добровольским в известной дискуссии с М. А. Гурвичем относительно понимания права на иск¹, особым образом преломляются и при обсуждении привлечения государства (и судьи в конечном итоге) к ответственности за вред, причиненный при осуществлении правосудия. Согласно концепции права на иск, предложенной А. А. Добровольским, «предъявить иск может каждый и в любое время, но право на предъявление иска имеет не каждый и не в любое время.

---

¹ Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. М., 1965. С. 62–90. По мысли А. А. Добровольского, право на иск – это не само субъективное право, годное к немедленному принудительному осуществлению (как полагал М. А. Гурвич), и не любое требование о принудительном осуществлении права с помощью государства. Важно установить, при каких условиях истец будет иметь право на процесс, право на разрешение спора в определенном процессуальном порядке. Если правомочие истца на защиту своего требования окажется несостоятельным с его процессуальной стороны, истцу будет отказано в проверке обоснованности его требования к ответчику и процесс либо не возникнет, либо будет прекращен без вынесения решения по делу.

Рассматриваться по существу в судебном или ином процессуальном порядке будет не каждый иск, а только иск, заявленный управомоченным на то лицом и при соблюдении определенных условий, иначе это будет не право, а простая фактическая возможность, и право на иск будет полностью сливаться с правоспособностью»¹.

В силу п. 2 ст. 1070 и п. 3 ст. 1081 ГК РФ вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается государством, а возместившее вред государство имеет право регресса к судье, принявшему незаконный акт. И для привлечения к ответственности государства, и для регрессной ответственности судьи необходимо условие: вина судьи должна быть установлена приговором суда, вступившим в законную силу². Однако на сегодняшний день необходимость установления вины судьи вступившим в законную силу приговором суда является практически непреодолимым препятствием для потерпевшего³. Существование п. 2 ст. 1070 ГК РФ в его действующей редакции фактически означает иммунитет государства от от-

¹ Добровольский А. А. Указ. соч. С. 108.

² Конституционный Суд при истолковании словосочетания «акты правосудия», содержащегося в п. 2 ст. 1070 ГК РФ, подразделил судебные акты на два вида: судебные акты, разрешающие дело по существу, где суд определяет действительное материально-правовое положение сторон, т.е. применяет нормы права к тому или иному конкретному случаю в споре о праве, и судебные акты, которыми дела не разрешаются по существу и материально-правовое положение сторон не определяется, т.е. акты, решающие процессуальные вопросы. Лишь к актам правосудия должно применяться правило, сформулированное в п. 2 ст. 1070 ГК РФ, согласно которому государство возмещает вред во всех случаях, когда он причинен преступным деянием судьи при установлении его вины вступившим в законную силу приговором суда. Что касается актов, разрешающих сугубо процессуальные вопросы, то применительно к ним вина судьи может быть установлена не только приговором суда, но и иным судебным решением, однако при этом не действует положение о презумпции вины причинителя вреда, предусмотренное п. 2 ст. 1064 ГК РФ. Однако, несмотря на указание Конституционного Суда о необходимости законодательного урегулирования порядка возмещения вреда, причиняемого во всех таких случаях, этот механизм до настоящего времени в законе отсутствует. См.: постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 ГК РФ в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова».

См.: Афанасьев С. Ф. Призрачность доступности правосудия по искам о возмещении государством вреда в порядке п. 2 ст. 1070 ГК РФ // Российский судья. 2014. № 11. С. 42; Шварц М. З. К вопросу о правовом режиме ответственности арбитра (первые размышления) // Третьейский суд. 2017. № 2. С. 147.

³ В 2022 г. в связи с вступлением в законную силу обвинительного приговора суда в отношении судьи прекращены полномочия всего 1 арбитражного судьи. Обзор результатов деятельности ВККС РФ за 2022 год // URL: <http://vkks.ru/publication/92622/?ysclid=loww3npawk521550861> (дата обращения — 5 февраля 2024 г.). В 2023 г. ВККС РФ дано согласие на возбуждение уголовных дел в отношении 22 судей (20 судей судов общей юрисдикции и 2 судей арбитражных судов), в отношении 2 судей судов общей юрисдикции дано

ответственности за вред, причиненный отправлением правосудия по гражданским и административным делам¹.

Привлечение судьи к уголовной ответственности в контексте п. 2 ст. 1070 ГК РФ может рассматриваться как особое правило позитивной допустимости доказательств (ст. 68 АПК РФ, ст. 60 ГПК РФ), в силу которого для целей привлечения государства к ответственности вина судьи, как один из элементов состава гражданско-правового деликта, может быть доказана исключительно приговором суда². Следовательно, при отсутствии приговора иски к государству о возмещении вреда не должны подлежать удовлетворению ввиду недоказанности вины. Следуя такому подходу, арбитражные суды принимают к производству соответствующие исковые заявления и рассматривают их по существу, отказывая в удовлетворении исковых требований³. Согласно другой точке зрения, наличие вступившего в законную силу приговора по уголовному делу представляет собой «институциональное препятствие» для возбуждения производства по гражданскому делу против государства и судьи⁴. В русле этой концепции суды

согласие на привлечение в качестве обвиняемых. Обзор результатов деятельности ВККС РФ за 2023 год // URL: <http://vkks.ru/publication/99314/> (дата обращения – 5 февраля 2024 г.).

¹ Шварц М. З. К вопросу об ответственности государства за вред, причиненный при осуществлении правосудия / Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы: коллективная монография / под ред. Т. Е. Абовой, Т. К. Андреевой, В. В. Зайцева, О. В. Зайцева, Г. Д. Улетовой. М.: Статут, 2020. С. 93.

² Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. С. 532. Обоснованием первого подхода в определенной степени служит допущенное Конституционным Судом РФ в приведенном постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П высказывание: «...участник процесса, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом именно по вине судьи. В этих условиях обычное для деликтных обязательств решение вопроса о распределении бремени доказывания и о допустимости доказательств вины причинителя вреда могло бы парализовать всякий контроль и надзор за осуществлением правосудия из-за опасения породить споры о возмещении причиненного вреда». При буквальном прочтении этого тезиса пришлось бы признать, что п. 2 ст. 1070 ГК РФ устанавливает «необычное» правило о допустимости доказательств: вступивший в законную силу приговор в отношении судьи есть единственное допустимое (в позитивном смысле) доказательство вины судьи.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 февраля 2015 г. по делу № А66-2695/2014; определение ВАС РФ от 19 октября 2007 г. № 12597/07; определение ВАС РФ от 3 декабря 2009 г. № ВАС-15336/09; определение ВАС РФ от 6 мая 2011 г. № ВАС-5801/11; постановление ФАС Уральского округа от 10 июня 2003 г. по делу № А47-201/02; постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 16 февраля 2010 г. по делу № А15-1173/2009; постановление ФАС Северо-Западного округа от 6 июня 2014 г. по делу № А56-73025/201; определение ВАС РФ от 19 мая 2011 г. № ВАС-5778/11.

⁴ Чибинев Д. В. К вопросу об институциональных препятствиях на пути привлечения судей, арбитров, государства к гражданской ответственности // Право и политика. 2021. № 6. С. 24.

общей юрисдикции отказывают в принятии соответствующих исковых заявлений, ссылаясь на п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ¹.

В силу положений ст. 15, 16, 1064, 1069 ГК РФ для привлечения к ответственности необходимо наличие состава правонарушения, включающего наступление вреда, вину причинителя вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившими для истца неблагоприятными последствиями, доказанный размер ущерба. Указанные элементы могут наличествовать до привлечения судьи к уголовной ответственности: противоправное поведение судьи имеет место еще до возбуждения уголовного дела, неблагоприятные последствия для участника судебного разбирательства также уже наступили, причинно-следственная связь также не появляется после начала уголовного преследования судьи. Иными словами, деликт в наличии во всем единстве элементов его состава, тогда как вина причинителя вреда лишь в будущем может быть подтверждена в соответствующем уголовно-процессуальном порядке. Соответственно, если рассматривать приговор как допустимое доказательство, устанавливающее вину судьи, то право обратиться с иском о возмещении вреда возникает у потерпевшего независимо от его вынесения.

Однако, как справедливо отмечается, последствия реализации такого подхода в действительности не обеспечивают реализацию потерпевшим права на судебную защиту, а напротив, способны заблокировать ее². Потерпевшие зачастую обращаются с исковыми заявлениями о возмещении вреда к государству или непосредственно к судье в отсутствие приговора и в арбитражных судах закономерным образом получают неблагоприятное для них решение. Если же после такого отказа все-таки будет инициирована и доведена до конца процедура привлечения судьи к уголовной ответственности, то правила внешнего тождества исков будут служить препятствием для повторного обращения в суд с иском о возмещении вреда, поскольку вступление в силу приговора не изменяет факты, составляющие основание иска.

Другим аргументом против данного подхода служит то, что в этом случае на истца необоснованно возлагается риск пропуска срока исковой давности. А. А. Добровольский отмечал, что «как в иске процессуальная сторона тесно связана с материальной, так и в институте исковой давности»

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 67-Г10-10; определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2010 г. № 5-Г10-63; определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2010 г. № 5-Г10-62; определение Верховного Суда РФ от 19 мая 2010 г. № 16-Г10-10; определение Верховного Суда РФ от 18 мая 2010 г. № 5-Г10-61; определение Верховного Суда РФ от 18 мая 2010 г. № 5-Г10-49 и др.

² Чибинов Д. С. Указ. соч. С. 22.

сти имеются две стороны, тесно связанные друг с другом... Институт исковой давности нельзя рассматривать в отрыве от иска как средства процессуальной защиты права¹. Если считать приговор лишь особым доказательством вины судьи, наличествующей еще до его вынесения, то срок исковой давности по иску о возмещении вреда уже начал свое течение, но потерпевший не может эффективно защитить свое нарушенное право, так как при отсутствии приговора уголовного суда его обращение в суд будет заведомо обречено².

В поддержку второго подхода стоит привести постановление Европейского суда по правам человека по делу «Сергей Зубарев против Российской Федерации»³, из которого следует, что право на доступ к суду не является абсолютным и может подвергаться ограничениям: они косвенно допускаются, поскольку право доступа в силу самой его природы требует регулирования государством. Иммунитет от ответственности, предоставленный судье в связи с действиями в профессиональном качестве, может считаться имеющим законную цель, а именно преследующую интересы осуществления правосудия. Иск о возмещении вреда может быть предъявлен, если судебные акты вынесены умышленно или в коррупционных целях и вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Данное ограничение не может рассматриваться как произвольное выведение из-под юрисдикции судов всего набора гражданско-правовых требований. Между судебским иммунитетом при осуществлении правосудия и законной целью, преследуемой в публичном интересе, может устанавливаться разумная связь пропорциональности.

В числе общих предпосылок права на предъявление иска принято называть подведомственность дела суду. Применительно к рассматриваемому случаю такая предпосылка отсутствует: в силу ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в принятии искового заявления должно быть отказано, ибо заявление не подлежит рассмотрению в судах. Процессуальное право на предъявление иска у истца отсутствует. Такой подход не допускает до завершения уголовного преследования даже привлечения судьи в качестве участника процесса по соответствующему иску, что соответствует принципу независимости судей. Одновременно это позволяет избежать обозначенной проблемы

¹ Добровольский А. А. Указ. соч. С. 96–97.

² Чибинов Д. С. Указ. соч. С. 23.

³ Заявитель (адвокат) предъявил иск о защите чести и достоинства и взыскании компенсации морального вреда непосредственно к судье, которая в своем обращении просила адвокатскую палату возбудить против него дисциплинарное производство вследствие его поведения в гражданском разбирательстве. Российские суды отказали в принятии искового заявления к рассмотрению со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ. Постановление Европейского суда по правам человека от 5 февраля 2015 г. по делу «Сергей Зубарев (Sergey Zubarev) против Российской Федерации» (жалоба № 5682/06).

с исковой давностью: она не может начать своего течения до момента преодоления институциональных препятствий, юридически не дающих потерпевшему возможности предъявить свои требования о возмещении вреда до окончания уголовного дела.

Нельзя при этом, однако, согласиться с тем, что приговор в принципе не есть единственно возможное доказательство вины судьи или арбитра, но только лишь институциональное препятствие для возбуждения производства по гражданскому делу против них¹. Доказательство вины судьи в совершении преступления имеет единственную предусмотренную законом процессуальную форму — вступивший в законную силу приговор суда. В этом смысле исключительно приговор будет являться допустимым доказательством указанного факта, который не может быть подтвержден никакими иными средствами доказывания. Однако следует признать, что значение правил о допустимости доказательств при рассмотрении исследуемого вопроса вторично. Пункт 2 ст. 1070 ГК РФ означает в первую очередь иммунитет от предъявления в суд требований о взыскании с казны вреда, причиненного отправлением правосудия.

---

¹ Чибинов Д. С. Указ. соч. С. 23.

*Д. В. Князев,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета,
заведующий кафедрой гражданского процессуального права
Западно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Томск),
kdv1979@inbox.ru*

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕСУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ СПОРОВ

Круг споров, по которым в силу закона обязателен досудебный порядок урегулирования спора уже сейчас, – внушительный (удалось насчитать более 20 случаев). Список этот существенно расширился за последние пять лет и, видимо, продолжит расти, учитывая внимание Верховного Суда РФ и законодателя к повышенной судебной нагрузке. Вместе с тем, отношения по досудебному урегулированию (или разрешению) гражданско-правовых споров в значительной степени остаются неурегулированными. На множество пробелов в этой сфере указывает сам факт появления постановления Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

Однако столь важные общественные отношения и с таким уровнем «проблемности» должны регулироваться на законодательном уровне. Как писал М. Г. Авдюков, «право и законность — различные понятия, но они тесно связаны между собой. Положение об обязательности и исполнимости законов должно обеспечиваться содержанием и построением действующего права»¹. Поэтому в этой сфере назрел системный законодательный подход, по мнению автора, необходим законодательный акт,

---

¹ Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970 / Цит. по: Гражданский процесс. Хрестоматия: учебное пособие. 3-е изд. / под ред. проф. М. К. Треушникова. М., 2015. С. 172.

который устанавливал бы единые основы досудебного урегулирования (разрешения) гражданских споров. Выношу на суд коллег наброски аргументов в поддержку этого тезиса.

Структура предлагаемого акта видится классической — с традиционным для отечественного права делением на общую и особенную части.

Что предлагается включить в **общую часть**.

1. Определить, на какие отношения распространяются нормы закона. Установить, что нормы закона носят дополнительный характер, т.е. действуют лишь в тех случаях, когда специальное законодательство не устанавливает иного. Указать, что закон не распространяется, в частности, на сообщения информационного характера (например, извещение участников долевой собственности о намерении продать свою долю постороннему лицу, ст. 250 ГК РФ и т.п.).

Предложить понятийный аппарат и классификацию процедур досудебного урегулирования. Во-первых, рассматриваемые процедуры должны быть поделены на предусмотренные законом и установленные соглашением сторон. Во-вторых, на процедуры урегулирования спора и процедуры досудебного разрешения споров. К первой группе необходимо отнести процедуры, в ходе которых стороны самостоятельно или с помощью посредника пытаются урегулировать конфликт, т.е. прийти к некому соглашению, это переговоры, претензионный порядок, посреднические и иные не предусмотренные в настоящий момент законодательством процедуры. Во вторую группу включить процедуры, в ходе которых третье нейтральное лицо имеет юрисдикционные полномочия, т.е. выносит обязательное для сторон решение. Это процедуры разрешения спора уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг (далее по тексту — финуполномоченный), комиссией по трудовым спорам (далее по тексту — КТС), в административном порядке, иные процедуры, возникновение которых потенциально возможно (например, за рубежом получило распространение экспертное определение (expert determination)).

2. Сформулировать цель и задачи досудебного урегулирования и разрешения. Цель есть предвиденный, желаемый результат деятельности или процесса, к которому стремятся субъекты действия. Целеполагание является неотъемлемой частью сознательной деятельности человека, оно направляет его действия, придает им смысл и позволяет оценивать результаты. Необходимо сформулировать, для чего, собственно, эти процедуры существуют, каков идеальный результат.

Если цель обозначает конечное состояние или результат, к которому стремится деятельность, то задачи представляют собой конкретные шаги или действия, необходимые для достижения этой цели. Важность задач объясняется, среди прочего, тем, что они создают четкую направленность

деятельности и способствуют более осмысленному и целенаправленному подходу к деятельности, разбиение цели на более мелкие и управляемые задачи позволяет структурировать процесс ее достижения. В качестве задач досудебного урегулирования могут быть предложены следующие: 1) способствовать максимально более раннему и полному обмену между сторонами информацией о существовании разногласий; 2) способствовать более раннему и полному установлению обстоятельств конфликтной ситуации; 3) дать сторонам возможность избежать судебного разбирательства, договорившись об урегулировании спора до обращения в суд; 4) сузить круг спорных вопросов до обращения в суд

3. Сформулировать принципы, в том числе с практической целью — преодоления пробелов в законодательстве.

4. Важный раздел — порядок обмена сообщениями (предложениями, заявлениями, уведомлениями, извещениями, требованиями), сейчас здесь многое на уровне ППВС. В частности, определить порядок направления сообщений, использования современных средств, каналов связи, форму, чем и как доказывать, порядок распределения обязанности по доказыванию факта направления обращения, когда оно считается доставленным (полученным) лицом, сформулировать фикции получения, определить субъектов надлежащего извещения. Здесь многое может быть взято из процессуального законодательства.

5. Сроки досудебных процедур. Срок для обращения к процедуре, ожидания ответа на сообщение, проведения процедуры, обращения в суд в случае использования процедуры.

Важно определиться с правовой природой срока для обращения в суд после использования досудебной процедуры, так как от этого прямо зависят последствия его пропуска. В отношении всех этих сроков установить порядок их исчисления — применять гражданское законодательство или установить собственные правила, соотносить с исковой давностью (!!!). Особые проблемы возникают при применении сроков оспаривания решений квазисудебных органов (финуполномоченный, КТС), наблюдается непоследовательность ВС РФ в этих вопросах¹.

Необходимо урегулировать вопросы правопреемства, представительства на этапе досудебного урегулирования, расходов сторон, связанных с досудебным урегулированием, так как процедуры разные, регулируются разными отраслями права.

Преждевременным пока видится регулирование в законе вопросов, связанных с соглашениями (договорами) о досудебном урегулировании,

---

¹ См.: Срок для защиты права потребителем финансовых услуг: Гражданский кодекс не действует? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3 (152). С. 162–171.

учитывая неутраченные в доктрине споры относительно правовой природы этих отношений.

В особенной части стоит закрепить нормы, касающиеся отдельных видов процедур: переговоров, посреднических процедур, претензионного порядка урегулирования, процедуры в квазисудебных юрисдикционных органах, гибридных процедур.

1. Переговоры. Сформулировать понятие, определить возможность заключения соглашения о переговорах (его существенные условия), порядок их проведения, возможный результат, фиксацию результата, последствия для последующего судебного процесса.

2. Посреднические процедуры. Требуются более общие нормы по сравнению со специальными нормами существующего сейчас ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», так как потенциал посреднических процедур далеко не исчерпывается медиативной процедурой.

3. Претензионный порядок. Сформулировать его понятие, определить возможность заключения соглашения о претензионном порядке, его существенные условия, порядок проведения (общие подходы, если иное не урегулировано специальным законодательством).

Определить содержание претензии (возможно, разное для коммерческих отношений и для потребительских): существо требований; перечень фактов (обстоятельств); применимое право. Определить содержание ответа на претензию: оспаривает ли контрагент требование, если да, то полностью или в части; какие факты оспариваются; оспаривается ли применимое право.

Определить, в какой момент считать порядок соблюденным, его результат, порядок фиксации, последствия для последующего судебного процесса. Качественное, «более осмысленное» регулирование претензионных отношений уже доказало свою эффективность в других странах, в частности в Великобритании (pre-action protocols).

4. Квазисудебные юрисдикционные органы (финуполномоченный, КТС, административный порядок). Необходимо установить, что это именно досудебные процедуры, не замена правосудию. Сделать привязку к положениям гражданского и процессуального законодательства. В литературе неоднократно отмечались нестыковки действующего закона о финуполномоченном и процессуального законодательства¹.

5. Предусмотреть возможность заключения многоступенчатых, гибридных соглашений (оговорок) о досудебном урегулировании (разре-

---

¹ См., в частности: Князев Д. В. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг: некоторые проблемы правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449.

шении) спора. Хотя бы определить их контуры, показать, что они есть, так как о возможности их заключения широкой публике фактически ничего неизвестно.

Подводя итог: создание законодательной базы, хотя бы неких контуров, каркаса позволит, как представляется, повысить эффективность досудебных процедур в несколько раз и в итоге повлиять на судебную нагрузку.

*С. И. Князькин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия,
knyazkin-sergei@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Принцип законности является самым традиционным и привычным в цивилистическом процессе¹. Представляется возможным сосредоточиться на методологической и идеологической проблемах понимания принципа законности.

Методологическая проблема заключается в подходе к поиску принципов и норм права, подлежащих применению в рассматриваемом судом споре. В последние несколько десятилетий методология применения и толкования судом законов в самом широком смысле слова получила определенное развитие. Развитие проявилось в эволюции понимания правильного применения судом позитивного права от буквального толкования только тех норм права, которые внешне совпадают с фактическим составом спорного правоотношения, до обязанности суда осуществлять поиск применимых норм права, восходя вверх по иерархии нормативного массива.

При этом законодатель требует от судов общей и арбитражной юрисдикции в случае противоречия регионального и федерального подзаконного и законодательного массива отечественной Конституции обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

Иерархический подход обладает несомненным достоинством. Он заключается в том, что побуждает суд не ограничиваться нормами права специального характера, а продолжать их поиск вплоть до тех пор, пока не будет отыскан наиболее адекватный регулятор заявленных требований и спорного правоотношения.

---

¹ Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970. С. 144–146; Основные принципы гражданского процесса / под ред. М. К. Треушниковой, З. Чешки. М., 1991. С. 10–15 (авторы главы – П. В. Логинов, О. Плундр).

Специальные нормы права наиболее часто применяются в рамках известного судебного силлогизма, и на них суд обращает свое внимание в первую очередь. Все объясняется тем, что внешне подобные регуляторы совпадают с заявленным требованием максимально точно. Однако реальное совпадение бывает очень редко. Прослеживается обратная связь: чем уже норма права, тем меньше вероятности, что она полностью совпадет с заявленным требованием и удовлетворит потребности участников судебного разбирательства в восстановлении и защите нарушенного права.

И напротив, универсальные регуляторы правоотношений, включая принципы права, предоставляют суду обширные возможности определения той меры, которая требуется по конкретному заявленному требованию. Легко провести параллель с протоколом лечения, утвержденным профессиональным медицинским сообществом, и уникальными особенностями организма каждого человека, которые выходят за пределы установленного протокола.

Как медицинский работник определяет индивидуальный подход к лечению, беря от протокола только то, что применимо без ущерба для здоровья пациента, так и суд обладает правом определить индивидуальную меру распределения прав и обязанностей между сторонами спора.

Идеологическая проблема ставит вопрос о том, является ли законность исчерпывающим критерием правомерности судебного решения. В парадигме только юридического позитивизма ответ будет положительным. В системе ценностей, исповедующей все школы правопонимания, с приоритетом естественного подхода к правам человека, ответ будет не столь однозначным.

Естественный подход к правам человека характеризуется здравым смыслом, который, в свою очередь, определяется системой ценностей, господствующих на современном этапе развития общества. Эти ценности вполне конкретны и универсальны, обусловлены потребностью общества в самосохранении и выживании, что позволяет избежать двоякого понимания общественной идеологии и подлежащих судебной защите прав. Суд обладает полномочием оценить нарушенные права на предмет соответствия господствующим ценностям социума.

Естественное понимание прав человека наряду с традиционным юридическим позитивизмом удачно дополняют историческая и социологическая школы правопонимания. Первая побуждает правоприменителя учитывать исторический контекст, в котором была выработана применимая норма права. Социологическая школа призывает исследовать динамику, характер и иные существенные характеристики общественных отношений, регулируемых позитивным правом.

Позитивацию нарушенного субъективного права можно условно разделить на три уровня. На первом уровне и нарушенное право, и меры по его

восстановлению и защите закреплены в позитивных регуляторах правоотношений. В этом случае идеология юридического позитивизма не препятствует судебной защите права, а вписывается в нее. Однако судебная практика свидетельствует о крайне редких случаях полного совпадения нормы права и фактуры спора.

На втором уровне субъективное право закреплено, а меры по его защите либо отсутствуют, либо неадекватны ему. В этом случае суд призван отыскивать меры, которые в наибольшей степени применимы к нарушенному субъективному праву, в других регуляторах правоотношений.

На третьем уровне и само право, и меры по его защите могут отсутствовать в позитивном праве. Речь идет о таких спорах, в отношении которых профессиональное сообщество утверждает об отсутствии правоприменительной практики. В последние десятилетия подобные проблемы решаются преимущественно высшими судебными органами в лице Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации¹. В то же время не остаются без их внимания ситуации меньшей определенности нарушенных прав, когда меры по их защите, закрепленные в позитивном праве, неадекватны или отсутствуют².

Но и на третьем уровне формализации прав и свобод речь идет не о каких-либо экзотических правах, которые противоречат традиционным устоям общества или грубо импортированы в попытке быть культивируемыми на отечественную почву без их адаптации, а о правах, производных от фундаментальных прав и свобод, давно получивших свое конституционное и международное закрепление.

Применительно к международному уровню отдельно следует отметить отсутствие идеологического противоречия между Конституцией Российской Федерации и Всеобщей декларацией прав человека 1948 г.

Суду остается по результатам анализа заявленного требования и спорного правоотношения определить связь специального права с правами основными и фундаментальными. В этом случае искомая мера распределения прав и обязанностей между участниками спора будет определяться не столько законом, сколько судом на основе основополагающих правовых актов в лице, прежде всего, отечественной Конституции. Местный, региональный и федеральный нормативные массивы могут являться источниками правовой меры судебного решения в случае применения судом закрепленных в них межотраслевых и отраслевых принципов права.

---

¹ Например, постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 2023 г. № 47-П // СПС «КонсультантПлюс».

² Например, постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2023 г. № 10-П; постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2023 г. № 37-П // СПС «КонсультантПлюс».

С точки зрения методологии судебного толкования позитивного права суд не только вправе, но и обязан раскрывать смысл конституционных и международных принципов права, сопоставляя их с отраслевыми аналогами.

Еще одним аргументом в пользу подобного вывода является приоритет фактов перед вопросами позитивного права. Так было последние несколько веков¹. Об этом приоритете свидетельствует и современная отечественная судебная практика. Она говорит о том, что оценка фактуры спора является необходимой предпосылкой применения судом адекватных мер защиты нарушенного субъективного права. Именно по этой причине в некоторых случаях нет оснований утверждать о наличии в примененных судами нормах права пробелов и противоречий Конституции Российской Федерации, а определение искомой меры регулирования спора возлагается на суд².

Правовая мера судебного решения состоит в ее адекватности нарушенным субъективным правам и объективным потребностям в их защите и восстановлении. В этом смысле принцип законности способствует правильности судебного решения в понимании его справедливости только на первом, самом определенном уровне позитивации нарушенного субъективного права. На двух оставшихся уровнях его формальной определенности суд вынужден самостоятельно определять характер спора и самого нарушенного права, его принадлежность к фундаментальным правам и свободам, а также меры по его защите и восстановлению.

---

¹ Аргунов А. В. Принципы гражданского процесса Франции: между прошлым и будущим. М., 2023. С. 35–36.

² Например, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 2023 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».

*А. В. Кружалова,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
a.kruzhalova@mail.ru*

ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Веб-конференция в процессуальном законодательстве регламентирована в ст. 153.2 АПК РФ, а также в ст. 155.2 ГПК РФ. Наличие собственного оборудования не единственное требование для проведения судебного заседания онлайн.

Существует мнение, что «судебные заседания посредством веб-конференций не должны носить повсеместный характер, а должны использоваться в особых обстоятельствах, например, в период пандемии, иначе правосудие явит собой некую упрощенную государственную услугу¹, негативно влияющую на фундаментальные процессуальные принципы»². Одной из претензий является «посягательство» на принцип непосредственности исследования доказательств судом, а также внедрение искусственного интеллекта через полноценное³ использование единой биометрической системы для идентификации и аутентификации лиц, заинтересованных в участии в судебном заседании онлайн.

Какие изменения были внесены в аккаунты пользователей портала «Госуслуги» для выполнения условий участия в онлайн-заседании арбитражного суда через систему «МойАрбитр»⁴, основываясь на возможности идентификации по биометрическим данным? В профиле лица во вкладке «Биометрия» можно с ноября 2023 г. увидеть указание на 3 вида исследуемых данных:

---

¹ Правосудие превращается в государственную услугу. Адвокаты против перекалфикации онлайн-процессов из исключений в правило // Независимая газета // URL: https://www.ng.ru/politics/2024-03-10/1_3_8965_lawyers.html (дата обращения — 10 марта 2024 г.).

² Филиппов С. А. Веб-конференции сквозь призму цифровых технологий в арбитражном судопроизводстве // Вестник российской правовой науки. 2022. № 2. С. 88.

³ В РФ запустят сервис дистанционного участия в судебных заседаниях через биометрию // ТАСС // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20140679> (дата обращения — 10 марта 2024 г.).

⁴ МойАрбитр. Как получить доступ к судебному онлайн-заседанию? // URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/55> (дата обращения — 10 марта 2024 г.).

1. Упрощенная — позволяет получать услуги в организации, где была зарегистрирована биометрия. Данный вид, например, появился в профиле у пользователей, являющихся клиентами ПАО «Сбербанк», который предварительно в августе месяце 2023 г. оповестил о передаче таких данных в систему обработки персональных данных, с чем каждый из пользователей мог не согласиться и написать отказ, а также уже в аккаунте пользователя портала «Госуслуги» имеет возможность удалить данные из своего профиля. Срок действия таких биометрических данных установлен организацией, которая их получила.

2. Стандартная — позволяет безопасно входить на портал «Госуслуги»; получать услуги, где необходимо подтверждение личности; оформить ЭЦП; оплачивать товары до 5000, проезд; доступны некоторые дистанционные сервисы. Действует 3 года. Оформляется посредством мобильного приложения «Госуслуги Биометрия», притом необходимым условием является наличие загранпаспорта нового образца и смартфона с NFC-модулем.

3. Подтвержденная — позволяет совершать идентичные действия, указанные для стандартной биометрии, но срок действия ее составляет 5 лет, а оформляется она через Центр обслуживания, а конкретно через отделения банка при физическом их посещении¹.

Соответственно для целей правосудия можно использовать только два последних вида, так как функционал упрощенной биометрии не позволяет пройти идентификацию на платформах подачи заявления об участии в судебном заседании онлайн.

Не секрет, что, например, в Московском городском суде достаточно давно проводится эксперимент по внедрению искусственного интеллекта в судебный процесс по анализу физических параметров лиц, участвующих в судебном процессе онлайн, с их биометрическими данными, в целях подтверждения в режиме реального времени личности лица, дающего объяснения по рассматриваемому делу². Соответственно сам факт таких действий говорит нам о том, что работы с такими системами ведутся, в том числе и по причине наличия Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.³ Но так ли страшно внедрение биометрии в цивилистическое производство на постоянной основе или в обязательном порядке?

---

¹ Единая биометрическая система. Биометрия на госуслугах // URL: https://ebs.ru/verification_gosuslugi/ (дата обращения - 10 марта 2024 г.).

² КРОК помог Мосгорсуду провести дистанционное заседание с распознаванием лиц // КРОК. Цифровая трансформация // URL: <https://www.croc.ru/media-center-ru/news-ru/justice-online-croc-delivers-facial-recognition-for-moscow-city-court/> (дата обращения — 10 марта 2024 г.).

³ Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интел-

Во-первых, необходимо обратиться к нормам ст. 153.2 АПК РФ и ст. 155.2 ГПК РФ, где указано, что «установление личности... осуществляется с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия (единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), единой биометрической системы)». Это значит, что аккаунт пользователя портала «Госуслуги» не обязан быть с биометрическими данными, система используется как альтернатива ЕСИА для удобства заинтересованных лиц, но не ограничивает их в доступе к правосудию.

Во-вторых, использование биометрических данных для входа на портал «Госуслуги» может осложнить доступ к правосудию заинтересованных лиц технически. Как известно, на сегодняшний день увеличилось требование к безопасности при входе на портал «Госуслуги», а именно необходимость выбора способа входа в систему между: по подтверждению (присылается смс-код по номеру телефона, привязанного к профилю); по электронной подписи (используется специальное приложение); по биометрии. Сложность же состоит в том, что использование мобильных средств связи позволяет пройти идентификацию по отпечатку пальца «собственнику» аккаунта, изображению лица, но вот представителю либо иному лицу, который «помогает» первому с освоением технической составляющей связи с судом, будет невозможно сделать подобные действия от имени доверяемого лица с других технических устройств. В том числе сложность состоит в доступе к системе «МойАрбитр» через компьютеры, которые не имеют защищенного входа через данные биометрии. Прикрепление документов в форму отправки заявлений (ходатайств) в электронном виде через мобильные устройства не всегда возможно технически, так как письменные доказательства необходимо сохранить сначала в необходимом формате, разрешении и размере, а лишь потом загрузить на сервис. В связи с чем не все устройства подходят для электронного взаимодействия с судом. Также необходимо учесть, что вход на портал «Госуслуги» через мобильные средства связи, не имеющие последних обновлений системы, часто невозможен вследствие ошибки доступа из-за несоответствия технических параметров.

В-третьих, остается вопрос идентификации субъектов правоотношений по голосу как одному из параметров биометрических данных. Изменение характеристик голоса из-за болезни, травмы, в том числе внешних факторов, нельзя исключать. В связи с чем доступ к правосудию ставится в зависимость от здоровья заинтересованного лица, если с момента подачи заявления о желании участвовать в судебном заседании онлайн

до времени его начала произошли модификации исследуемого биометрического параметра.

В качестве вывода хотелось бы рассмотреть возможность «обязательности» участия субъектов правоотношений в цивилистическом производстве посредством использования веб-конференции. Диспозитивность не предполагает какого-либо «давления» на выбор способа взаимодействия с судом. Притом санкции за изменение формы участия в судебном заседании с онлайн на офлайн без предупреждения суда не предусмотрены, что также подтверждает свободу в поведении и средствах защиты лиц, участвующих в деле. Возможно, со временем будут внесены изменения, которые позволят суду по своей инициативе обязать определенных субъектов цивилистических процессуальных правоотношений присоединиться через веб-конференцию. Но даже это предположение кажется нелогичным, так как существует еще один способ дистанционного участия в судебном разбирательстве – видео-конференц-связь. Это подтверждает тот факт, что лица, участвующие в деле, ограничены законом, который не запрещает выбрать форму участия в судебном заседании, где с учетом разных обстоятельств рассматриваемого гражданского дела могут отдаваться предпочтения дистанционному участию в судебном разбирательстве либо физическому нахождению в здании суда.

*Д. И. Крымский,
кандидат юридических наук,
доцент Департамента частного права факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
dkrymskiy@hse.ru*

К ВОПРОСУ О ЦЕНОВОМ ПОРОГЕ ДЛЯ ДЕЛ УПРОЩЕННОГО И ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Одним из устойчивых современных мировых трендов в области процессуального права является дифференциация судопроизводства — поиск наиболее оптимальных и эффективных способов рассмотрения и разрешения дел, учитывая характер спора, типичность дела, правовую и фактическую сложность и другие факторы, способные предопределить необходимость полноценного судебного разбирательства в каждом конкретном случае. Активно развиваются упрощенные производства, представляющие собой такие формы отправления правосудия, которые характеризуются отступлением от базовых, традиционных моделей (действие принципов судопроизводства сужается; устанавливаются сокращенные сроки рассмотрения дел, подачи процессуальных документов; не проводятся судебные заседания и т.д.). Едва ли можно найти государства, правосудие в которых не предусматривало бы облегченного порядка рассмотрения малозначительных или бесспорных дел, осуществляемого либо в обычных (ординарных) судах, либо в специально созданных судах по делам с малой ценой иска (small claims court).

Определяя то, какие требования могут быть рассмотрены в упрощенном порядке, одним из ключевых вопросов является цена иска (требования): предполагается, что «малозначительность» и «простота» дела соответствуют некоей сумме, т.е. ее можно «измерить», «посчитать». Опасения, однако, вызывает наблюдаемое практически повсеместно увеличение ценового порога (цены иска) для дел упрощенного производства, которое дает основания полагать, что фактически смысл ранее выбранных законодателями сумм, служивших основанием для применения упрощенного судопроизводства и критерием «малозначительности», приобретает все более иллюзорный характер: при текущих пороговых значениях «малозначительные дела» предполагают уже весьма ощутимые суммы.

Видится, что в целом в регулировании этого вопроса законодателем должны учитываться как минимум три аспекта: (1) какой порог следует задать, (2) как его корректировать (индексировать), т.е. заложить механизмы по его изменению, и (3) какими средствами можно обеспечить защиту от злоупотреблений при применении упрощенных производств, недобросовестного использования таких процедур.

Анализ зарубежной законодательной практики показывает, что способы установления ценового порога варьируются: это могут быть как указание определенной (фиксированной) суммы, так и некой «расчетной» (плавающей) величины, привязанной к каким-либо показателям, требующим калькуляции (годовой доход в регионе, базовый индекс / МРОТ). Разнообразен может быть и подход в вопросе о том, кто именно формирует эту сумму: делает ли это законодатель самостоятельно, устанавливая эти суммы законом каждый раз, или ревизия фактически производится (на основании отсылочных норм в процессуальном законе) органами исполнительной власти, государственной статистики и т.п.

Преимуществом плоской (фиксированной) суммы является ее однозначность и потому понятность участникам-заявителям без каких-либо дополнительных разъяснений. Основным недостатком установления фиксированной суммы является то, что рано или поздно ввиду экономических изменений ценовой порог придется пересматривать, что, в свою очередь, создаст поле для дискуссий о новом размере пороговых сумм, их обосновании. В отличие от этого, привязка величины к расчетным показателям дает большую гибкость и означает, по сути, автоматический пересчет суммы при обновлении соответствующих исходных показателей, однако такое регулирование создает некоторые трудности для заявителей, которые непосредственно в процессуальном законе не увидят конкретную цифру, а вынуждены будут ее калькулировать или обращаться к справочным системам.

Такого рода система «плавающей» цены иска для упрощенного производства нередко встречается в совершенно разных уголках мира.

Так, в Казахстане, по общему правилу, в порядке упрощенного (письменного) производства подлежат рассмотрению дела по искам о взыскании денег, если цена иска не превышает для юридических лиц двух тысяч месячных расчетных показателей, для индивидуальных предпринимателей, граждан — одной тысячи месячных расчетных показателей (ст. 267-2 ГПК)¹.

В ст. 297 ГПК Армении указано, что «суд первой инстанции выносит определение о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства,

---

¹ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053 (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

если представлено требование о взыскании суммы, не превышающей двухтысячекратный размер минимальной заработной платы»¹.

Статья 279.2 ГПК Узбекистана предусматривает, что «в порядке упрощенного производства подлежат рассмотрению дела по исковым заявлениям, если цена иска в отношении юридических лиц не превышает двадцати, в отношении индивидуальных предпринимателей — десяти, а в отношении физических лиц — пяти базовых расчетных величин»².

В ст. 162 ГПК КНР для упрощенного производства установлена цена иска «до 30% от средней заработной платы работающего населения за предшествующий год в провинции, автономном районе, городе центрального подчинения»³. С 1 января 2022 г. внесены изменения, приведшие к увеличению этого порога до 50% и установлению возможности применения упрощенного производства по инициативе самих сторон, если пороговое значение выше 50%, но ниже 200%, но сам подход о соразмерности со среднегодовыми доходами населения был сохранен⁴.

В Швеции ценовой порог привязан к базовой сумме, которая ежегодно индексируется правительством⁵.

В ГПК Квебека (Канада) применительно к малоценным искам (small claims) предусмотрено, что денежный лимит на взыскание по этой процедуре увеличивается на 1000 долларов 1 сентября календарного года, следующего за тем календарным годом, в котором ежегодная корректировка индекса потребительских цен, определяемая Статистическим управлением Канады, была равна или превысила 1000 долларов. При этом уведомление с указанием денежного лимита, вытекающего из этого расчета, публикуется в официальной газете Квебека министром юстиции не позднее 1 августа года, в котором новый лимит вступает в силу. В отношении исков, поданных до 1 сентября того же года, продолжают действовать правила, по которым они были поданы (ст. 539.1)⁶.

---

¹ URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus#43a> (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

² URL: <https://lex.uz/docs/3517334> (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

³ Гражданский процессуальный кодекс КНР: пер. с кит. / под ред. С. А. Халатова. М., 2014. С. 81; Thomas K. Dynamism in China's Civil Procedure Law: Civil Justice with Chinese Characteristics. In: *The Dynamism of Civil Procedure — Global Trends and Developments*. Colin V. Picker, Guy I. Seidman ed. Springer, 2016. P. 130–131.

⁴ См.: New Amendments to the PRC Civil Procedure Law // CMS Legal, 02.01.2022 // URL: <https://cms.law/en/chn/publication/new-amendments-to-the-prc-civil-procedure-law> (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

⁵ Jensen C. Small Claims Procedures in the Scandinavian Countries. In: Ervo L., Letto-Vanamo P., Nylund A. (eds) *Rethinking Nordic Courts. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*, vol 90. Springer, Cham, 2021. P. 273.

⁶ URL: <https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/en/document/cs/C-25.01> (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

Схожий подход об изменении суммы иска по малозначительным делам, основанный на изменении потребительского индекса, используется и в Израиле. Например, в связи с изменением индекса, опубликованного в декабре 2023 г., по сравнению с индексом, опубликованным в декабре 2022 г., с 1 января 2024 г. была увеличена до 37 700 шекелей цена иска, которую уполномочен рассматривать Суд мелких тяжб¹.

В отдельных штатах США тоже используется подход, при котором установлен регулярный пересмотр цены «мелких» исков. Например, в штате Небраска предусмотрено, что сумма корректируется каждые пять лет на основе индекса потребительских цен, на сегодняшний день такая сумма составляет 3900 долларов США, которая действует с 1 июля 2020 г. по 30 июня 2025 г.

При этом надо понимать, что изначально весьма велик разброс тех сумм, которые разных странах (и, более того, даже внутри федеративных государств²) отнесены к мелким искам, даже в тех моделях, где выбрана «плоская» шкала. В качестве примера можно указать доклад, предшествовавший выработке единого европейского регулирования о приказном производстве (которое впоследствии было принято), в котором рассматривался вопрос о ценовом пороге с учетом разнообразия подходов к этому вопросу в странах — членах ЕС³.

Учитывая повсеместное повышение ценового порога, следует позитивно оценить те примеры, которые свидетельствуют о наличии обсуждений, критического осмысления инициатив о конкретном уровне такого повышения, его обосновании⁴, отражении этих дискуссий в официальных документах⁵, привлечении к обсуждению отраслевых специалистов, нали-

---

¹ URL: https://www.gov.il/en/Departments/General/fees_3 (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

² 50-State Chart of Small Claims Court Dollar Limits. Find the small claims court dollar limits for any state. Updated October 23, 2023 by Cara O'Neill, Attorney, University of the Pacific McGeorge School of Law // URL: <https://www.nolo.com/legal-encyclopedia/small-claims-suits-how-much-30031.html> (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

³ Green Paper on a European order for payment procedure and on measures to simplify and speed up small claims litigation 2002 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/CS/ALL/?uri=CELEX:52002DC0746> (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

⁴ European Commission, Directorate-General for Justice. Assessment of the socio-economic impacts of the policy options for the future of the European Small Claims Regulation — Final report, Publications Office, 2013 // URL; <https://data.europa.eu/doi/10.2838/84527> (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

⁵ Extending the Small Claims Court Limit for PI Claims. Civil Justice Council. Note of Workshop 7 July 2016. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2011/03/note-of-extending-the-small-claims-court-workshop-20161206.pdf> (дата обращения — 30 марта 2024 г.); House of Commons Justice Committee. Small claims limit for personal injury Seventh Report of Session 2017-19. Report, together with formal minutes relating to the report. Ordered by the

чии доктринального анализа¹, чем, к сожалению, не может похвастаться отечественная система, которая фактически лишена этого дискурса. Однако оговоримся, что в отличие от относительно легко обнаруживаемых и доступных материалов обсуждений, связанных с изменениями ценового порога, материалы о наличии таких дискуссий при изначальном установлении конкретного ценового порога для малозначительных дел, найти затруднительно, если не невозможно. Поэтому остается непонятным, чем руководствовался законодатель, по какому принципу он установил этот порог, на что опирался, каковы были возможные варианты регулирования.

Наконец, немаловажной и волнующей законодателя независимо от установленного лимита пороговых значений и подходов к его расчету сохраняется проблема воспрепятствования злоупотреблениям при использовании таких упрощенных производств². Учитывая, что облегченный порядок судопроизводства мыслится как некое благо, привилегия, то достаточно простым и используемом в целом ряде стран способом является установление количественных ограничений для заявителей по пользованию данным порядком рассмотрения дел.

В частности, такое правило сформулировано в Японии, где использование упрощенной процедуры допускается не более десяти раз в течение года (когда заявитель обращается в суд, в обязательном порядке подлежит указанию информация о количестве обращений данного лица в рамках упрощенной процедуры за прошедший год). При этом данный подсчет

House of Commons to be printed 15 May 2018. HC 659. Published on 17 May 2018 by authority of the House of Commons // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmjust/659/65902.htm> (дата обращения – 30 марта 2024 г.); Government Response to the Justice Select Committee’s Seventh Report of Session 2017–19: Small Claims Limit for Personal Injury Presented to Parliament by the Lord Chancellor and Secretary of State for Justice by Command of Her Majesty July 2018. Cm 9649 // URL: <https://committees.parliament.uk/committee/102/justice-committee/publications/reports-responses/> (дата обращения – 30 марта 2024 г.); Government reduces increase in small claims limit for non-RTA cases. 27 April 2021, posted by Neil Rose. Legal Futures Publishing Limited. URL: <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/government-reduces-increase-in-small-claims-limit-for-non-whiplash-cases> (дата обращения – 30 марта 2024 г.).

¹ Dariescu, Cosmin, EXTINDEREA PRAGULUI VALORIC AL PROCEDURII ROMĂNEȘTI A CERERILOR CU VALOARE REDUSĂ (Extension of the Value Threshold of the Romanian Small Claims Procedure) (February 1, 2022). *Analele Universității ”Al. I. Cuza” din Iași, Seria Științe Juridice*, Tom LXVIII, Issue 1 (2022), Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4023153> (дата обращения – 30 марта 2024 г.).

² Например, проблема «скупки» требований (см.: Holland P. A. The One Hundred Billion Dollar Problem in Small Claims Court: Robo-Signing and Lack of Proof in Debt Buyer Cases. *Journal of Business & Technology Law*. 2011. Vol. 6. p. 259. University of Maryland Legal Studies Research Paper No. 2011-32. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1875727>, дата обращения – 30 марта 2024 г.).

включает собственно количество поданных заявлений, а не фактическое использование процедуры¹.

В правилах, регулирующих процедуру в Суде мелких тяжб Израиля, указано, что судья этого суда вправе не рассматривать поданный иск и передать его в магистратский суд в случае, если истец подал в течение текущего календарного года более пяти исков в Суд мелких тяжб².

В Калифорнии сформулировано, что, по общему правилу, ценовой порог для мелких исков составляет 10 000 долларов США для физических лиц, однако истец не может подавать иск на сумму более 2500 долларов США более двух раз в год.

На борьбу с «дроблением исков», используемым для преодоления ценового порога, направлено положение ст. 538 ГПК Квебека. В ней в качестве общего правила указано, что истец может добровольно уменьшить заявленную сумму до 15 000 долларов (что составляет ценовой порог для small claims) или менее, но не может разделить требование, превышающее эту сумму, на два или более мелких требования, которые по отдельности не превышают сумму 15 000 долларов, под страхом отклонения заявления как необоснованного.

Расширение сферы применения упрощенных производств за счет повышения ценового порога — общемировая практика. Однако избираемые законодателем пороговые значения должны быть обоснованы, базироваться на адекватной экономической оценке и реальных потребностях общественных отношений, быть предметом конструктивного диалога между законодателем, правоприменителями, представителями науки и отраслевыми специалистами. В ином случае в стремлении любыми способами облегчить судопроизводство для участников разбирательства, весьма велики риски негативных и нежелательных явлений, деградации в реализации задач судопроизводства и функционирования судебной системы в целом, дальнейшего снижения ее авторитета в глазах общества.

---

¹ Kono T. Recent Trends in Japanese Civil Procedure Reform of the Code of Civil Procedure. *European Journal of Law Reform*, Vol. 2, No. 1. Kluwer Law International, 2000. P. 155–164.

² URL: https://www.gov.il/en/Departments/Guides/small_claims_courts_guide (дата обращения — 30 марта 2024 г.).

*Е. В. Кудрявцева,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
evkud@yandex.ru*

УЧЕННЫЕ КАФЕДРЫ О ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (к юбилею кафедры)

Преподаватели кафедры гражданского процесса помимо своей основной работы по обучению студентов, магистрантов, руководству аспирантами всегда вели и ведут активную научную жизнь, выступают на конференциях, пишут монографии, статьи, освещая различные проблемы цивилистического процесса и науки гражданского процессуального права. Одним из направлений на протяжении новой истории развития кафедры, т.е. в течение последних 70 лет, было и остается изучение зарубежного законодательства и опыта его применения. На это направление развития науки оказывает влияние политическая ситуация в стране и в мире, поэтому в какие-то годы это направление развивалось больше, в какие-то меньше, в какие-то годы было больше критики зарубежного процесса, а в какие-то речь шла о возможных заимствованиях прогрессивных институтов зарубежного процесса с учетом традиций отечественного цивилистического процесса, но главное, что изучение гражданского процесса зарубежных стран никогда не пропадало из сферы интересов ученых кафедры.

Среди ученых кафедры, исследовавших процесс зарубежных стран, на первое место надо поставить первого ее заведующего с момента реорганизации юридического факультета доктора юридических наук, профессора Александра Филипповича Клейнмана. В учебнике, вышедшем в 1954 г., Александр Филиппович постоянно проводил небольшие сравнения институтов советского и зарубежного гражданского процессуального права. Именно на эти недостатки указали авторы рецензии на учебник 1954 г., написав, что нет почти ни одной темы курса, которую автор бы ни начинал с освещения различных точек зрения буржуазных юри-

стов¹. Эта критика вполне объяснима, вспомнив, в какое время издан учебник.

В то же время нельзя не отметить, что в учебнике 1954 г. была глава XXIII «Краткий очерк гражданского процесса стран народной демократии», в которой А. Ф. Клейнман анализировал три гражданских процессуальных кодекса, переведенных к тому времени на русский язык. Речь шла о Чехословацком ГПК от 25 октября 1950 г., Болгарском ГПК от 8 февраля 1952 г. и Польском ГПК от 30 сентября 1950 г. А в 1960 г. появился первый учебник по гражданскому процессу европейских стран народной демократии «Гражданский процесс европейских стран народной демократии», написанный А. Ф. Клейнманом.

А. Ф. Клейнман, зная несколько иностранных языков, на протяжении жизни проводил исследование институтов зарубежного гражданского процесса. Так, рукопись, посвященная теории доказательств в зарубежных странах, вошла в книгу «Основные черты буржуазного гражданского процессуального права», вышедшую в 1978 г. в соавторстве с М. Г. Авдюковым и М. К. Треушниковым.

Все ученые, в настоящее время работающие на кафедре гражданского процесса, в той или иной степени, кто-то больше, кто-то меньше, освещают в своих монографиях, статьях различные вопросы зарубежного гражданского процесса. Е. В. Кудрявцева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Судебное решение в английском гражданском процессе» в 1986 г., а в 2008 г. докторскую диссертацию «Современная реформа английского гражданского процесса». Е. В. Салогубова в 1995 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Основные гражданские процессуальные институты римского права», а Н. С. Бочарова на тему «Основные черты гражданского процесса Канады: судебная система, источники, принципы» в 2006 г.

Среди монографий ученых кафедры, посвященных зарубежному гражданскому процессу и отражающих это в названии, следует назвать «Судебное решение в английском гражданском процессе» (1998) и «Гражданское судопроизводство Англии» (2008), написанные Е. В. Кудрявцевой, «Римский гражданский процесс» Е. В. Салогубовой (1997, 2018). Коллективом авторов, среди которых есть и члены кафедры, были подготовлены два учебных пособия под редакцией Е. А. Борисовой: «Гражданский процесс: проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ» (2007, 2012) и «Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: российский и зарубежный опыт» (2018).

---

¹ См.: Треушников М. К. Научное и педагогическое наследие А. Ф. Клейнмана / Гражданский процесс: наука и преподавание / под ред. М. К. Треушникова, Е. А. Борисовой. М., 2005. С. 16.

Следует отметить, что и в тех монографиях, которые в названии не содержат отсылки к зарубежному гражданскому процессу, всегда есть иногда небольшие¹, иногда достаточно объемные сравнения с аналогичными институтами в гражданском процессе зарубежных стран². Это могут быть сравнения и с гражданским процессом континентальных стран, например ФРГ, Франции, и со странами англосаксонского права – Англией и США.

Вспомним диссертации, защищенные аспирантами под руководством ученых кафедры, посвященные гражданскому процессу зарубежных стран и отражающие это в названии исследования: «Принцип диспозитивности в апелляционном производстве России и Австрии (опыт сравнительного правоповедения)» (**Будак Е. В.**), «Доказательства в гражданском процессе Эфиопии» (**Деста Зевду Вебенгида**), «Международный коммерческий арбитраж в Швейцарии» (**Дубровина М. А.**), «Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран» (**Крымский Д. И.**), «Теоретические проблемы апелляционного производства в судах Англии и Уэльса» (**Кузовков И. А.**), «Раскрытие доказательств в гражданском процессе Англии» (**Лозовицкая А. Д.**), «Исполнительное производство Германии» (**Полдейко В. А.**), «Оценка доказательств в английском гражданском процессе» (**Робышев В. О.**), «Судебные доказательства в гражданском процессе (опыт сравнительного правоповедения на примере России и Китая)» (**Хуан Сян**). Но следует отметить, что в диссертациях аспирантов кафедры, посвященных российскому гражданскому процессу, всегда можно найти сравнение с аналогичными институтами зарубежного гражданского процесса.

К сожалению, следует констатировать, что в настоящее время учеными кафедры мало исследуются и анализируются институты гражданского процесса бывших стран народной демократии, то, что в свое время вызвало интерес у А. Ф. Клейнмана и им был даже подготовлен учебник, о котором уже упоминалось.

Среди черт научных исследований российской науки гражданского процессуального права в конце XX — начале XXI в. отмечалось обращение к опыту зарубежного права, учет международных стандартов осуществления правосудия и прецедентов Европейского Суда по правам человека; распространение сравнительно-правовых исследований³. И даже несмотря

---

¹ См., например: Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2016; Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009; Молчанов В. В. Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. М., 2009.

² См., например: Аргунов В. В. Вызывное производство в гражданском процессе. М., 2006; Кудрявцева Е. В., Прокудина Л. А. Как написать судебное решение. М., 2016; Борисова Е. А. Кассация по гражданским делам. М., 2020.

³ См.: Долова М. О. Развитие российской науки гражданского процессуального права. М., 2018. С. 209.

на то что с 16 сентября 2022 г. Россия вышла из Совета Европы, ученые продолжают учитывать положительный опыт, сформированный практикой ЕСПЧ по толкованию ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Будем надеяться, что изучение гражданского процесса зарубежных стран будет оставаться одним из направлений науки гражданского процессуального права для ученых кафедры, что еще много диссертационных исследований будет посвящено различным институтам зарубежного процесса, тем более что такие темы уже утверждены аспирантам кафедры, а затем на базе проведенного серьезного исследования институтов зарубежного гражданского процесса появятся новые интересные монографии.

С. А. Курочкин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
s.a.kurochkin@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК НОВЫЙ СТАНДАРТ ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Развитие практики социальной коммуникации в современном динамичном мире неизбежно сопровождается ростом количества правовых конфликтов, требующих разрешения в короткие сроки и с минимальными издержками. Очевидно, что запрос общества должен быть удовлетворен системой гражданской юрисдикции, и основную роль в этом продолжает играть правосудие по гражданским делам, реализуемое в формах гражданского и арбитражного судопроизводства. Станет ли эффективность разрешения споров стандартом гражданской юрисдикции в новых условиях?

Объединяющая ведущие государства мира Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет эффективность одним из базовых критериев построения новой модели правосудия — «человеко-ориентированного правосудия» (*People-Centred Justice*), — которая находится сегодня на повестке дня мировых экспертов¹. На европейском пространстве с 2002 г. реализуются инициативы по анализу эффективности судебной деятельности. При Совете Европы действует специальная Комиссия по эффективности правосудия, которая раз в два года публикует результаты своей работы². Инструментом для ежегодного сравнительного анализа индикаторов эффективности судебных систем стран Евросоюза стал проект «Табло правосудия» (*EU Justice Scoreboard*)³. Большую работу по анализу эффективности судебной деятельности проводят Всемирный банк, организация «World Justice Project», другие международные организации.

---

¹ См., например: OECD Framework and Good Practice Principles for People-Centred Justice. Paris, 2021.

² См., например: European judicial systems CEPEJ Evaluation Report. Strasbourg, 2022.

³ См. подробнее: EU Justice Scoreboard. Luxembourg, 2021. P. 2 ff.

Верховный Суд Российской Федерации также настойчиво говорит о важности достижения целей эффективного правосудия¹, напоминает о «принципе эффективности судопроизводства»², применяет конструкцию эффективности для оценки действий нижестоящих судов в ходе проверки законности и обоснованности судебных актов³. И это направление развития, как представляется, выбрано отнюдь не случайно. Советские праведы были убеждены, что защита прав и свобод граждан в суде более эффективна, нежели в другом, несудебном порядке⁴. А. Т. Боннер отмечал высокую эффективность судебной формы защиты субъективных прав⁵. Как представляется, судебная защита по определению действенна, а ее эффективность может стать новым стандартом для гражданского и арбитражного судопроизводства.

Историко-правовые исследования убеждают, что развитие системы гражданской юрисдикции сопровождается судебными реформами. Многие из них были нацелены на упрощение процессуальных конструкций и правил, снижение издержек судебной защиты. Еще реформы XIX в., такие, например, как реформа 1848 г. в США, или реформа 1875 года в Англии, упростили процессуальные правила, рационализировали и унифицировали полномочия судов. XX в. отмечен реформами гражданского процесса во многих странах, в подавляющем большинстве они были призваны упростить, оптимизировать, а в ряде случаев унифицировать процессуальные правила при высоком качестве итогового решения и справедливом разрешении дела⁶. Масштабные, передовые для своего времени реформы (такие как реформа австрийского гражданского процесса конца XIX в., реформа английского гражданского процесса 90-х гг. XX в., и др.) становятся важными вехами на пути развития гражданского судопроизводства, ориентиром для многих стран, средством оптимизации гражданской юрисдикции в ее взаимодействии с иными элементами социальной системы. Не случайно во всем мире исследования эффективности пра-

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2023 г. № 303-ЭС23-4030 по делу № А51-9494/2022; Определение Верховного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 305-ЭС22-28223 по делу № А40-45496/2022 и др.

² Определение Верховного Суда РФ от 18 июля 2019 г. по делу № А63-16127/2018 и др.

³ См., например: определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 сентября 2018 г. № 11-КГ18-21, от 27 февраля 2018 г. № 46-КГ17-46 и др.

⁴ Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В. М. Савицкого. М., 1981. С. 269.

⁵ Боннер А. Т. Правосудие как вид государственной деятельности // Избранные труды: в 7 т. Т. 1. М., 2017. С. 177.

⁶ См. подробнее: Menkel-Meadow C., Garth B. Process, People, Power and Policy: Empirical Studies of Civil Procedure and Courts // Oxford Handbook of Empirical Legal Research / Ed. by P. Cane, H. Kritzer. New York, 2010. P. 6.

вокрой деятельности вышли далеко за рамки правоведения и позитивистского правопонимания.

Стоит признать, что реформы судебных систем не останавливаются и в настоящее время. На европейском пространстве важную роль сыграли Модельные правила гражданского процесса УНИДРУА 2021 г. Европейские эксперты указывают на комплекс законодательных и управленческих мер, реализованных странами Европы и нацеленных на совершенствование правосудия по гражданским делам. Среди них: совершенствование процессуального законодательства, дальнейшее внедрение альтернативных методов разрешения споров, меры по управлению делами, реструктуризация судебных систем, меры по обеспечению специализации судов, внедрению технологий искусственного интеллекта в судопроизводство, укрепление системы оказания правовой помощи и многое другое¹. Особое место в этом ряду занимают меры, направленные на укрепление сотрудничества сторон и пропорциональности процесса² и, как следствие, на повышение эффективности гражданской юрисдикции.

Как известно, «с 2014 г. в Российской Федерации последовательно реализуется третья судебная реформа, задачи которой – обеспечить дальнейшее развитие правосудия, его модернизацию, повысить его качество и эффективность, обеспечить высокий уровень правовой защищенности граждан и организаций, доверия гражданского общества к суду... На третьем этапе судебной реформы необходимо модернизировать судопроизводство, с тем чтобы оно стало более эффективным»³. Десять лет, прошедших с начала этой реформы, позволяют сделать вывод о том, что эффективность судопроизводства стала новым ориентиром судебной деятельности, стандартом, играющим все более важную роль в построении системы гражданской юрисдикции. И стандарт этот задан Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 46), Всеобщей декларацией прав человека (ст. 8), Международным пактом о гражданских и политических правах (п. 1 ст. 14), которые гарантируют каждому эффективную судебную защиту, эффективное восстановление в правах судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных законом.

Нетрудно заметить, что именно повышение эффективности гражданского процесса заявляется целью современных знаковых судебных

¹ См. подробнее: The 2021 EU Justice Scoreboard. P. 5.

² См. подробнее: Caponi R. Processo civile: modelli europei, riforma Cartabia, interessi corporativi, politica // *Questione Giustizia*. 2023. P. 16–17.

³ См. подробнее: Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // *Журнал российского права*. 2018. № 10. С. 136.

реформ. Вместе с тем некоторые из реализованных мер достигают этой цели, другие нет. Так, например, в странах Южной и Юго-Восточной Европы, напротив, судебные реформы анонсируются каждые несколько месяцев или лет, обычной их целью заявляется снижение расходов, задержек и повышение эффективности судебных разбирательств. Однако только очень малая часть таких реформ достигла убедительных позитивных результатов¹. Напротив, например, в Гонконге в результате реформы произошел качественный сдвиг в системе гражданского судопроизводства от «справедливости по существу» к «трехмерной концепции справедливости», при которой эффективность и процедура рассмотрения так же важны, как и корректность результата². Российская практика последних лет свидетельствует о том, что не только, а может быть, и не столько масштабные, сколько фрагментарные, а иногда и точечные корректировки в целом стабильной системы гражданской юрисдикции могут стать действенным средством обеспечения эффективности правосудия по гражданским делам.

Изменения второй половины XX в. также заставили правоведов задуматься о точке отсчета эффективности судопроизводства. Изменение подходов к оценке социальной роли гражданского судопроизводства сместило угол зрения на проблемы его эффективности. Определяющей становится не позиция органов государства, обеспечивающих судебную защиту, а интересы частных лиц, обладающих правом на такую защиту и реализующих это право в порядке гражданского судопроизводства. Реальная защита прав и законных интересов — вот результат, определяющий эффективность судебной деятельности и удовлетворенность ее итогами. Согласие с результатами рассмотрения дела судом, удовлетворенность судопроизводством и его итогами определяют социальный эффект правосудия по гражданским делам. Именно он должен приниматься во внимание при оценке эффективности правосудия, его процессуальной формы, равно как и эффективности судебной защиты в целом. Мерилом такой эффективности становятся не традиционные показатели судебной нагрузки или остатков нерассмотренных дел, но полная реализация прав и интересов человека, общества.

Результативность правосудия по гражданским делам и восстановления в правах определяется реальным достижением определенных законом целей судебной защиты прав и законных интересов с минимально необ-

---

¹ Uzelac A. Reforming Mediterranean civil procedure: Is there a need for shock therapy // Civil Justice between Efficiency and Quality: From Ius Commune to the CEPEJ. Antwerpen, 2008. P. 75.

² Чан П. Реформа гражданского процесса в Гонконге: критический взгляд на применение реформы на практике // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 195.

ходимыми (оптимальными) издержками. Именно такой стандарт может, на наш взгляд, стать ориентиром рационализации судебной деятельности, содержательной платформой, позволяющей обеспечивать справедливость судебного разбирательства, предопределить социальный и экономический эффект судебной защиты субъективных прав и законных интересов государства, граждан и организаций.

*С. В. Лазарев,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
судья Арбитражного суда Уральского округа,
f09.slazarev@arbitr.ru*

ОТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ ВНУТРИ ДЕЛА

Последние десятилетия характеризуются отчетливым трендом на унификацию цивилистического процесса. На это не раз обращалось внимание в литературе¹. Принята Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ². Какое-то время казалось, что вот-вот все будет унифицировано. Однако вместо принятия единого процессуального кодекса 8 марта 2015 г. принят Кодекс административного судопроизводства РФ, а вскоре и вовсе работа по принятию единого процессуального закона была прекращена. Несмотря на то что унификационный потенциал в реформировании процессуальных отраслей права исчерпан далеко не полностью, дифференциация судопроизводства не только никуда не делась, но и усиливается. Примером являются положения Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее по тексту — Закон

---

¹ См.: Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. М.: Проспект, 2010; Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство. Проблемы единства и дифференциации. СПб., 2011; Решетникова И. В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52; Потапенко Е. Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 70–108; Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49 и др.

² Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1). См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М.: Статут, 2015.

№ 667), которыми, в частности, внесены существенные изменения в порядок рассмотрения заявлений по вопросу о судебных расходах.

Теперь согласно положениям абз. 3 ст. 112 АПК РФ заявление по вопросу о судебных расходах рассматривается по правилам, предусмотренным ст. 159 АПК, с учетом особенностей, установленных гл. 29 АПК.

Соответственно, на практике возник ряд вопросов относительно порядка рассмотрения указанных выше заявлений: 1) могут ли в порядке упрощенного производства быть рассмотрены заявления о распределении судебных расходов по делам, указанным в ч.ч. 4–5 ст. 227 АПК РФ, а также п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»; 2) могут ли в упрощенном порядке быть рассмотрены заявления о взыскании судебных расходов в отношении судебных расходов, превышающих суммы требований, рассматриваемых в порядке упрощенного производства (п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ); 3) применяются ли правила о протоколировании (ст. 155 АПК РФ), об отложении судебного разбирательства (ст. 158 АПК РФ), о перерыве в судебном заседании (ст. 163 АПК РФ) в случае проведения судебного заседания по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, с вызовом лиц, участвующих в деле?¹

Ответы на указанные и множество других вопросов относительно законодательных новелл невозможно найти путем обращения к телеологическому или буквальному толкованию. Так, обращение к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 36 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» или пояснительной записке к Проекту Федерального закона № 237135-8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», а также к буквальному толкованию обновленных норм не способно ответить на подобные вопросы, поскольку в силу скудного правового регулирования и несовершенства законодательной техники толкование получается произвольным — можно успешно аргументировать прямо противоположные позиции.

В связи с этим для ответа на подобные вопросы следует обратиться к доктринальному толкованию.

---

¹ Разумеется, этими вопросами не ограничивается сложность применения обновленных норм АПК РФ.

Ранее в литературе было высказано мнение, что упрощенная процедура рассмотрения дела поглощает иные правила рассмотрения дел¹. Такой подход закреплен и в п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», согласно которому исходя из смысла упрощенного производства определения суда первой инстанции, которые могут выступать предметом самостоятельного обжалования, подлежат пересмотру по правилам, установленным ГПК РФ, АПК РФ для обжалования решений судов по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства (ч. 1 ст. 331, ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ, ч. 1 ст. 188, ч. 4 ст. 229 АПК РФ)². Иными словами, суть этого подхода заключается в том, что после вынесения итогового судебного акта отдельные заявления и жалобы рассматриваются в том же порядке, что и основное дело.

Полагаем, что положения Закона № 667 отходят от этой позиции в направлении возможности использования правил иного производства, отличающихся от правил того производства, в котором рассмотрено дело по существу.

Поясним свою мысль. В доктрине производство понимается как процедура рассмотрения и разрешения дела, представляющая собой совокупность последовательно осуществляемых в определенном порядке процессуальных действий, объединенных одной процессуальной целью, оканчивающаяся вынесением юрисдикционного акта суда³. В процессуальном законодательстве и науке термин «производство» употребляется в нескольких значениях: 1) вид судопроизводства (конституционное, гражданское, уголовное, административное); 2) стадия рассмотрения дела (производство в суде первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанций и исполнительное производство); 3) частное производство (производство по обеспечению иска, по решению вопроса об отводе, по привлечению третьих лиц, по первоначальному и встречному иску, объединение требований в одно производство и т.п.); 4) процедура или порядок рассмотрения дела (исковое производство, приказное производство, упрощенное произ-

---

¹ Решетникова И. В. Упрощенное производство: концептуальный подход // Закон. 2013. № 4. С. 97.

² Аналогичный вывод о поглощении можно сделать и в отношении приказного производства и рассмотрения дел о несостоятельности. См.: Уксусова Е. Е. Специфика правового регулирования сферы судопроизводства по делам о банкротстве в России: прошлое и настоящее // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 55–62.

³ См.: Жеруолис И. А. Сущность советского гражданского процесса // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5. С. 507–528.

водство и т.д.). В рамках настоящей статьи производство рассматривается в последнем значении, как процедура рассмотрения дела.

Несмотря на закрепление в ГПК РСФСР и других союзных ГПК трех видов производств¹, советскому гражданскому процессуальному праву была присуща одна универсальная процедура рассмотрения всех дел. Так, В. П. Воложанин обоснованно отмечал, что «все виды производств — публичное, исковое, особое — представляют единый гражданский процесс»². П. П. Гуреев также отмечал, что типичными для советского гражданского процессуального права являются нормы, устанавливающие порядок производства по исковым делам, которые представляют собой общие правила гражданского судопроизводства. Отдельные изъятия из общих правил предусмотрены для дел, возникающих из административных отношений, и дел особого производства»³.

Однако наличие единственной и универсальной процедуры рассмотрения всех дел в конце XX в. перестало удовлетворять потребностям времени. Расширение судебной компетенции в начале 90-х гг. прошлого века, а также появление новых категорий дел поставили в повестку дня вопрос о необходимости дифференциации процедур, в частности, в пользу упрощения. Так, стало очевидно, что единственная и универсальная процедура не способна обеспечить потребности гражданского оборота, поскольку обеспечение участников споров полным спектром процессуальных прав и гарантий при рассмотрении абсолютно всех дел не является оправданным⁴. Процедура рассмотрения и разрешения дел стала разли-

---

¹ В ГПК РСФСР они назывались видами судопроизводства. После принятия Конституции РФ принято различать виды судопроизводства, предусмотренные в ст. 118 Конституции РФ, и виды производства, предусмотренные в процессуальных кодексах.

² Воложанин В. П. Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, и его соотношение с исковым и особым производством // Российский юридический журнал. 2008. № 5. С. 112.

³ Курс советского гражданского процессуального права. М.: Наука, 1981. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. С. 76 (автор главы — П. П. Гуреев). Справедливости ради следует заметить, что как и в советский период истории, так и в настоящее время нормативно наиболее детально урегулировано исковое производство. Иные производства, как правило, регламентируются через соответствующие процессуальные особенности и исключения из общей процедуры. В частности, применительно к арбитражному процессу особенности установлены в ч. 1 ст. 189, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 197, ч. 1 ст. 202, ч. 1 ст. 207, ч. 1 ст. 212 ч. 1 ст. 217, ч. 1 ст. 222.8 АПК РФ и т.д. Однако использование отдельных приемов законодательной техники отнюдь не означает, что иные виды производств (процедур рассмотрения споров) не существуют.

⁴ В. В. Ярков в связи с этим отмечает, что использование классической исковой формы защиты права (единой процедуры) по всем категориям дел является нецелесообразным и экономически неэффективным. См.: Ярков В. В. Развитие российской судебной системы в ближайшей и отдаленной перспективе (краткие тезисы) // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 58—64.

чатся по объему и содержанию процессуальных действий, которые допускается совершить в зависимости от категории дел.

Соответственно, полагаем, что исторически в нашей стране сложилось несколько базовых процедур рассмотрения дела: 1) приказная; 2) упрощенная; 3) общая (общие правила искового или административного судопроизводства); 4) групповая (по защите прав и законных интересов группы лиц и неопределенного круга лиц)¹. Каждая из процедур регламентирована правилами соответствующего вида производства (приказная — приказного производства, упрощенная — упрощенного производства, общая — искового и производства по делам, возникающим из публичных отношений², групповая — производства по защите прав и законных интересов группы лиц и правилами рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве)³.

В рамках приказной процедуры нет спора, нет сторон, нет судебного заседания, нет исследования возражений сторон. При рассмотрении дел в упрощенной процедуре есть стороны, есть спор, рассмотрение дела осуществляется без вызова сторон в судебном заседании, в котором исследуются доказательства, обосновывающие требования и возражения сторон. Особенности упрощенной процедуры являются дистанционность (стороны не присутствуют при рассмотрении дела), разновременность (участие сторон по представлению доказательств и обоснованию своих позиций происходит до судебного заседания и не совпадает по времени с непосредственным рассмотрением дела), письменность (суд основывает свои выводы исключительно на письменных доказательствах). В общей процедуре дела рассматриваются в судебном заседании, в котором могут непосредственно принимать участие все заинтересованные лица. Наконец, дела о защите прав и законных интересов группы лиц и неопределенного круга лиц, дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются в усложненной процедуре.

---

¹ Последняя процедура в отличие от первых трех появилась относительно недавно, как ответ на необходимость защиты прав и законных интересов множества лиц, находящихся в схожей юридико-фактической ситуации.

² Производство по делам, возникающим из публичных отношений, по своей сути в процедурном плане повторяет процедуру искового производства, предусматривая ряд особенностей.

³ Более подробно о выделении указанных процедур см.: Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. М.: Статут, 2022. С. 290–311; Лазарев С. В. Базовые процедуры рассмотрения и разрешения гражданских дел судами // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: Сборник докладов на II Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова. Москва, 9 февраля 2023 г. / под ред. В. В. Молчанова. М., 2023. С. 163–167; Лазарев С. В. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 338–352.

Любое дело может быть рассмотрено по одной из указанных выше базовых процедур. Кроме того, в соответствии с Законом № 667 в настоящее время стало возможным при рассмотрении заявлений, рассматриваемых после разрешения основного дела, использовать правила иных производств (базовых процедур). Примером является упоминавшееся выше заявление о распределении судебных расходов. Однако это не означает, что такое заявление становится заявлением в рамках дела, рассматриваемого в порядке упрощенного производства.

Так, дела, указанные в ч.ч. 4–5 ст. 227 АПК РФ, не могут быть рассмотрены в порядке упрощенного производства. Однако это вовсе не означает, что все заявления о распределении судебных расходов таким делам не могут быть рассмотрены по правилам упрощенной процедуры. Если порядок упрощенного производства может привести к разглашению государственной тайны, то заявление о распределении судебных расходов не может быть рассмотрено в таком порядке. В то же время особых препятствий для рассмотрения заявлений о распределении судебных расходов в упрощенном порядке по делам, относящимся к подсудности Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции, делам о несостоятельности (банкротстве), делам по корпоративным спорам и прочим делам, мы не видим.

Также не видим препятствий к рассмотрению заявлений о распределении судебных расходов, превышающих суммы требований, рассматриваемых в порядке упрощенного производства (п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ).

Таким образом, в настоящее время помимо дифференциации процедур для рассмотрения дел появилась возможность выбора процедуры для рассмотрения отдельного заявления, рассматриваемого после разрешения основного дела. При этом такая процедура может отличаться от процедуры рассмотрения основного дела.

Полагаем, что такой подход отвечает требованию о пропорциональном распределении судебных ресурсов, когда каждому делу и заявлению со стороны суда уделяется столько времени, внимания и сил, сколько они требуют.

При этом применение правил упрощенного производства в отношении заявлений о распределении судебных расходов — это только один пример дальнейшей дифференциации. Тем же Законом № 667 была изменена ч. 2 ст. 183 АПК РФ, согласно которой заявление об индексации присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда рассматривается арбитражным судом в десятидневный срок со дня его поступления без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле. В случае необходимости арбитражный суд может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание, известив их о времени и месте его проведения.

В отношении обновленных положений о рассмотрении заявлений об индексации присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения также появилось много вопросов: 1) следует ли суду выносить определение о принятии к производству заявления об индексации присужденных денежных сумм; 2) если да, то следует ли его направлять лицам, участвующим в деле; 3) может ли быть оставлено без движения заявление об индексации присужденных денежных сумм, если к нему не приложены документы, подтверждающие направление копии указанного заявления иным лицам, участвующим в деле?

Ответы на эти вопросы можно было бы найти достаточно просто, если признать, что независимо от производства, в котором рассмотрено основное дело, такие заявления в силу бесспорности и несложности¹ рассматриваются по правилам приказного производства.

Иными словами, дальнейшая дифференциация, дифференциация вглубь дела, представляет определенный потенциал, который в доктрине пока еще не осознается. В частности, не только заявление после разрешения основного дела может рассматриваться по другой процедуре. Так, часть основного дела может рассматриваться по одной базовой процедуре, а другая часть – по другой. В частности, если по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, проводится судебное заседание, то никаких оснований для игнорирования правил о протоколировании (ст. 155 АПК РФ), об отложении судебного разбирательства (ст. 158 АПК РФ), о перерыве в судебном заседании (ст. 163 АПК РФ) нет, т.е. правила искового производства должны применяться, несмотря на то что дело по-прежнему остается рассматриваемым в порядке упрощенного производства. Если обстоятельства, требующие открытого судебного заседания, установлены, остальную часть дела можно рассматривать в порядке упрощенного или гипотетически даже в порядке приказного производства.

Разумеется, обоснование идеи о применении правил одного производства внутри рассмотрения дела по правилам другого производства требует серьезного обоснования и обсуждения, выходящего за пределы статьи.

---

¹ Институт индексации присужденных денежных сумм в судебной практике рассматривается в качестве предусмотренного процессуальным законодательством упрощенного порядка возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда (постановление Конституционного Суда РФ от 23 июля 2018 г. № 35-П, определения Верховного Суда РФ от 30 июня 2022 г. № 305-ЭС21-24614, от 21 января 2020 г. № 18-КГ19-147).

*Е. В. Любимова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
юридического факультета
Пермского государственного
национального исследовательского университета,
Lubimova.evgenya@gmail.com*

НАРУШЕНИЕ УСЛОВНОЙ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО АКТА

В современных научных публикациях, посвященных подведомственности, представлены разнообразные точки зрения относительно места условной подведомственности в системе норм, регулирующих распределение юридических дел между различными юрисдикционными органами: от отрицания данного вида подведомственности до его признания в качестве самостоятельного. Кроме того, некоторые авторы отождествляют императивную и условную подведомственность¹ (либо используют это как синонимичные понятия²), а в других публикациях условную подведомственность рассматривают как разновидность императивной.

Императивная подведомственность, означающая последовательное обращение в юрисдикционные органы с целью разрешения правового конфликта, где первый орган является основным³, относится к классификации, построенной профессором Ю. К. Осиповым в зависимости от количества уполномоченных юрисдикционных органов (специальная, альтернативная, договорная и императивная подведомственность).

Претензионный порядок не относится ни к одному из указанных видов подведомственности ввиду отсутствия юрисдикционного органа, упол-

---

¹ См.: Конова Ф. Р. Влияние доктрины на трансформацию понятия «компетенция суда» в контексте реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 127–157.

² См.: Воронов А. Ф. Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 13–46.

³ Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: учебное пособие. Свердловск. 1973. С. 46–47.

номоченного разрешить дело на основании направленной претензии¹, что абсолютно верно с точки зрения выбранного классификационного признака. Полагаем, что почвой для отождествления претензионного порядка и императивной подведомственности явились такие формулировки, использованные в АПК РФ, как «претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком» (п. 5 ч. 1 ст. 129, п. 2 ч. 1 ст. 148). Тем не менее одинаковые последствия в виде возвращения искового заявления (ст. 129 РФ) и оставления искового заявления без рассмотрения (ст. 148 АПК РФ) не являются достаточным поводом для расширения института подведомственности путем включения в него претензионного порядка.

Вместе с тем нельзя игнорировать отдельные примеры действующих правовых норм, которые **регулируют** не количество юрисдикционных органов или способ их определения, а **время, по истечении которого можно обратиться за совершением юридически значимого действия**. В частности, претензионный порядок (ст. 4 АПК); требование о расторжении или изменении договора (ч. 2 ст. 452 ГК РФ); публикация на ЕФРСБ до обращения с заявлением о банкротстве. Данные примеры объединены тем, что законом предусмотрен период, отведенный на раскрытие информации о планируемом юридическом действии с целью оповещения об этом заинтересованных лиц.

Такой предварительный этап не образует самостоятельного вида подведомственности, а является временным ограничением, которое необходимо выдержать до обращения в юрисдикционный орган, поскольку это позволяет заинтересованным лицам (адресатам сообщения) предпринять меры для защиты своих прав. Направление претензии (опубликования сообщения) — это обязанность лица, планирующего обращение в суд, схожая по своей природе с обязанностью направить копии искового заявления иным участникам процесса.

Претензионный порядок, предусмотренный законом или договором, в сущности направлен не столько на урегулирование спора, сколько, на наш взгляд, на предотвращение подачи явно не обоснованных исков в суд. По крайней мере у адресата, получившего претензию, есть прямой интерес сообщить отправителю о явной несостоятельности предъявляемых требований, а также предпринять меры для фиксации доказательств, необходимых для защиты права в суде в случае возбуждения производства по делу. В свою очередь, у отправителя претензии нет обязанности сообщить основание будущего иска, раскрыть аргументы и доказательства,

---

¹ См.: Осипов Ю.К. Указ. соч. С. 50; Стрелкова И.И. Императивная подведомственность дел арбитражным судам // Альманах современной науки и образования. 2009. № 1 (20). Часть 1. С. 157.

а достаточно лишь заявить формальное требование, которое впоследствии обретет форму искового заявления и будет опираться на право и факты. Таким образом, функция претензионного порядка схожа с публикациями на ЕФРСБ, а отличие в способе раскрытия информации объясняется невозможностью определения круга заинтересованных лиц на момент публикации и, наоборот, в наличии соответствующей возможности в преддверии искового производства.

Переходя к основаниям отмены судебного акта в случае нарушения императивной подведомственности (в том толковании, в котором этот вид был обоснован профессором Ю. К. Осиповым и кратко изложен в начале данного текста), отметим, что нарушение очередности юрисдикционных органов при рассмотрении дела должно являться безусловным основанием отмены судебного акта ввиду следующего. Во-первых, нарушается компетенция юрисдикционных органов, выступающих первым звеном, а значит, до обращения в суд не совершены обязательные действия по рассмотрению конфликта, сбору информации и доказательств относительно предъявленных требований. Во-вторых, в ряде случаев нарушение императивной подведомственности влечет ошибочное определение объекта обжалования, например, при оспаривании кадастровой стоимости объектом обжалования будет решение комиссии об отказе в установлении рыночной стоимости объекта недвижимости (а не правовой акт, которым первоначально установлена кадастровая стоимость)¹.

В свою очередь, нарушение истцом претензионного порядка, обнаруженное лишь в суде апелляционной или кассационной инстанции, не может выступать самостоятельным основанием отмены судебного акта, поскольку претензионный порядок не образует каких-либо процессуальных особенностей при рассмотрении дела. Между тем за неисполнение обязанности должна быть ответственность, поэтому нельзя не поддержать высказываемое в научной литературе предложение о возложении судебных расходов на истца, не исполнившего в полном объеме обязанности, предусмотренные до обращения в суд. Предлагаемая санкция окажет стимулирующее воздействие на истцов, а также позволит потенциальному ответчику совершить действия, направленные на защиту против потенциального иска.

---

¹ См.: Дьяконова М. О., Печегина П. Д. Процессуальные вопросы, возникающие в судебной практике по делам о взыскании арендной платы, определяемой с применением кадастровой стоимости объекта недвижимости / Комментарий судебной практики (выпуск 28) отв. ред. К. Б. Ярошенко. 2023. С. 128–141.

*З. И. Магомедова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административной деятельности
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В. Я. Кукотя,
magomedova.zi@yandex.ru*

О СОСТАВЕ УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ ЛИЦ

Участвующие в деле лица являются, как известно, субъектами гражданских процессуальных правоотношений.

Состав участвующих в деле лиц определен в ст. 34 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

В соответствии со ст. 34 ГПК РФ лицами, участвующими в деле, являются стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства.

Многими авторами отмечалась проблема неполноты ст. 34 ГПК РФ. Так, например, Л. Н. Ракитина отмечает, что при определении состава участвующих в деле лиц не учтен публично-правовой статус нотариуса¹. Н. А. Артебякина полагает нетождественным интерес к исходу дела у сторон и у, например, прокурора, соответственно, отнесение и тех и других к числу участвующих в деле лиц представляется неоправданным². Неизменно исследователи подчеркивают отсутствие в числе участвующих в деле лиц процессуальной фигуры представителя, притом что также дискуссионным является вопрос об отнесении представителя к составу суда или к лицам, способствующим осуществлению правосудия³.

Хотелось бы отметить, что изменение законодательства, изменение судебной практики, разъяснения Верховного Суда Российской Федера-

---

¹ Ракитина Л. Н. Процессуальный статус нотариуса в гражданском судопроизводстве // Нотариус. 2021. № 7. С. 12–15.

² Артебякина Н. А. Участники гражданского судопроизводства: краткий обзор неразрешенных проблем // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 9. С. 6–8.

³ Потапова Л. В. Особенности института судебного представительства в гражданском процессе // Администратор суда. 2021. № 1. С. 30–33.

ции, да и просто буквальное толкование действующего закона подтверждают тезис о неполноте ст. 34 ГПК РФ о составе лиц, участвующих в деле.

Для начала зададим себе вопрос о том, а имеет ли какое-либо практическое значение определение того, кто из участников процесса может быть отнесен к участвующим в деле лицам? Анализ ГПК РФ дает на это однозначный положительный ответ.

Так, например, на основании ч. 2 ст. 9 ГПК РФ только лицам, участвующим в деле и не владеющим языком, на котором ведется гражданское судопроизводство, разъясняется и обеспечивается право давать объяснения, заключения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке или на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика. То есть правопреемник должника, обращающийся в суд за приостановлением исполнения решения, не владеющий языком, на котором ведется гражданское судопроизводства, правами, предусмотренными ст. 9 ГПК РФ, пользоваться не может.

Или другой пример. Согласно ч. 2 ст. 10 ГПК РФ, разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается и при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина. Отсюда следует, что подобное ходатайство представителя, не являющегося участвующим в деле лицом, удовлетворено быть не может.

Также по смыслу ст. 12 ГПК РФ суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. То есть не участвующим в деле лицам (например, нотариусу), содействие в реализации его прав оказано не будет.

Остановимся на примерах. Возвращаясь к составу участвующих в деле лиц, обратимся к ч. 3 ст. 37 ГПК РФ, которая гласит, что права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности, защищают в процессе их законные представители. Однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, а также граждан, ограниченных в дееспособности.

Т. Т. Алиев указывает на неопределенность статуса этих несовершеннолетних лиц и предлагает определять дееспособность таких несовершеннолетних, исходя из их дееспособности в рамках определенной отрасли материального права, из которой вытекает гражданский спор¹. Здесь возникает, на наш взгляд, вопрос о том, что до конца судебного разбирательства суд не может сделать окончательный вывод о правовой природе рассматриваемого спора. Если субъективная оценка истцом характера спорных правоотношений не подтвердится, то возникнет вопрос об активной легитимации (если речь идет о несовершеннолетних истцах), что, возможно, повлечет отмену судебного постановления.

Как называют в судебном постановлении привлеченного к участию в деле несовершеннолетнего? Ввиду неразмещения судебных актов, затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних, на официальных сайтах судов в сети «Интернет» трудно сделать соответствующую выборку судебных постановлений. Чаще всего несовершеннолетний так и фигурирует в деле как «несовершеннолетний». Сам факт привлечения несовершеннолетнего к участию в деле не делает его автоматически участвующим в деле лицом, поскольку круг этих лиц указан в ст. 34 ГПК РФ и несовершеннолетние в ней не фигурируют. Таким образом, правовой статус несовершеннолетнего в гражданском деле окончательно не определен.

Теперь перейдем к другим лицам, которые являются участниками процесса, но не включены в число участвующих в деле лиц.

Так, Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» указывает на процессуальную фигуру потерпевшего.

В ст. 1 вышеуказанного закона определено, что потерпевший — лицо, жизни, здоровью или имуществу которого был причинен вред при использовании транспортного средства иным лицом, в том числе пешеход, водитель транспортного средства, которым причинен вред, и пассажир транспортного средства — участник дорожно-транспортного происшествия.

В ч. 3 ст. 16.1 вышеуказанного закона регламентировано, что при удовлетворении судом требований потерпевшего — физического лица об осуществлении страховой выплаты суд взыскивает со страховщика за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего штраф в размере пятидесяти процентов от разницы между совокупным размером страховой выплаты, определенной судом, и размером страховой выплаты, осуществленной страховщиком в добровольном порядке. Буквально тол-

---

¹ Алиев Т. Т. Актуальные вопросы правового положения участников гражданского процесса // Современное право. 2020. № 10. С. 86–90.

кую положения статьи, истец имеет «равнозначный» правовой статус потерпевшего.

Возьмем еще один «родственный» закон — Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг».

На основании ч. 1 ст. 26 вышеуказанного закона в случае несогласия с решением финансового уполномоченного финансовая организация вправе обратиться в суд в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации, с заявлением об оспаривании решения финансового уполномоченного полностью либо в части. Итак, у нас есть финансовая организация, которая обращается в суд с заявлением об оспаривании решения финансового уполномоченного, т.е. это не иск, но и не дело особого производства, а потому заявитель — финансовая организация (впрочем, как и финансовый уполномоченный) также не относится к числу участвующих в деле лиц. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 18 марта 2020 г.) о процессуальном статусе вышеуказанных лиц однозначного ответа не дают.

Мы привели лишь некоторые примеры, свидетельствующие о том, что не все фактически участвующие в деле лица включены в число участвующих в деле лиц, обозначенных в ст. 34 ГПК РФ.

Представляется, что возможно несколько вариантов разрешения поднимающейся в докладе проблемы:

1. Внести дополнение в ст. 34 ГПК РФ, включив в число лиц, участвующих в деле, субъектов, полагающих, что их права и законные интересы затронуты спорным материальным правоотношением, а также субъектов, не являющихся стороной спорных материальных правоотношений, а защищающих интересы другого лица (за исключением случаев, предусмотренных ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ);
2. В случае различий материальной и процессуальной правосубъектности обеспечить обязательное участие в процессе прокурора и представителя;
3. Убрать из ст. 34 ГПК РФ перечисление лиц, участвующих в деле, ограничившись указанием на то, что в деле участвуют лица, имеющие прямую, личную или косвенную заинтересованность в исходе дела, или предполагающие наличие такой заинтересованности.

*С. М. Михайлов,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского
и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
smmikhajlov@msal.ru*

НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПУТЬ К АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЕ ОЦЕНКИ ИЛИ СРЕДСТВА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ПОЗНАНИЯ?

1. Неформализованные¹ доказательства следует признать объективно существовавшим и существующим правовым явлением. Безусловно, в качестве средств установления искомых фактов их появление в процессуальном законодательстве можно связывать со ст. 89 АПК РФ. Вместе с тем источники информации об обстоятельствах, имеющих значение для дела, не облеченные законом в форму судебных доказательств, и до включения в АПК РФ норм об иных документах и материалах использовались в практике судов².

Отношение к такого рода доказательствам можно встретить диаметрально противоположное. Например, Н. И. Борискина отстаивает положение о декларативном характере процессуальной формы «иные документы

---

¹ Деление судебных доказательств на формализованные и неформализованные подерживается, в частности, М. А. Фокиной, которая указывает, что в отличие от формализованных доказательств последние имеют более мягкую процессуальную регламентацию. См.: Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2019. С. 291. Ранее А. Т. Боннер писал об источниках информации с не вполне определенным или неопределенным процессуальным статусом. См.: Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. Москва: Проспект, 2013. С. 7.

² Речь идет, например, об электронных документах. См.: Письмо ВАС РФ от 19 августа 1994 г. № С1-7/ОП-587 (ред. от 12 сентября 1996 г.) «Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебной-арбитражной практике» // Вестник ВАС РФ. 1994. № 11. До принятия в 2002 г. действующих ГПК РФ и АПК РФ не были формализованы в качестве судебных доказательств аудио- или видеозаписи.

и материалы»¹, а в п. 6.1 Концепции Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² отмечается, что «при введении в законодательство неисчерпывающего перечня доказательств происходит размывание видов доказательств, а как следствие, отсутствие единого подхода в оценке достоверности доказательств».

С другой стороны, возможность деформализации источников доказательственной информации в цивилистическом процессе поддерживается рядом авторов³, указывающих в том числе на объективную необходимость этого.

Действительно, исчерпывающий перечень средств доказывания играл и играет положительную роль, делая определенным для судьи решение вопроса о том, какие источники информации допустимы в процессе в качестве доказательств. Полагаем, что для дореволюционного и частично советского гражданского процесса было достаточно так называемых традиционных средств доказывания. Вместе с тем появление новых источников сведений о фактах не может по объективным причинам вызвать мгновенную реакцию законодателя в виде введения их в цивилистическое процессуальное законодательство в качестве средств доказывания. Вспомним, например, долгий путь к «легализации» аудио- или видеозаписей или аккуратный подход к регламентации в качестве разновидности письменных доказательств документов в электронном виде. Имеются ли достаточные основания ограничивать возможность познания судьей обстоятельств дела с помощью источников информации, которые не прошли формализацию? Есть ли причины, по которым лица, участвующие в деле, должны быть лишены возможности обоснования своих требований и возражений с использованием таких источников? Думается, что нет.

2. Свобода оценки доказательств судьей как одна из основ доказательственной деятельности закреплена в ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 84 КАС РФ. Ключевыми положениями, характеризующими эту основу, являются оценка доказательств по внутреннему убеждению и отсутствие у них заранее установленной силы.

Вместе с тем утверждать о полной свободе внутреннего судейского убеждения при оценке доказательств нельзя, поскольку оно ограничивается законом при определении свойства допустимости.

---

¹ См.: Борискина Н. И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 8.

² Одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 8 декабря 2014 г. № 124(1) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство. С. 298–300; Боннер А. Т. Указ. соч. С. 8.

Поддерживая точку зрения А. Т. Боннера¹ и ряда других авторов о включении в содержание допустимости доказательств трех частей: ограничения законом возможных источников информации о юридически значимых для дела обстоятельствах; еще большего ограничения, когда речь идет о так называемых частных правилах допустимости; и недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, — отметим, что, на наш взгляд, внутреннее убеждение судьи *относительно свободно* только тогда, когда речь идет об отнесении представленного доказательства к числу регламентированных цивилистическими процессуальными кодексами доказательств, а также при отборе иных, нежели прямо предусмотренные законом, средств доказывания для установления искомого факта (в последнем случае — если допустимость ограничена частными правилами).

Другая ситуация складывается с определением допустимости неформализованных доказательств, поскольку убеждение судьи *свободно* при отнесении сведений о юридически значимых обстоятельствах к числу иных документов и материалов, и, кроме того, в силу неформализованного характера информации частные правила допустимости здесь неприменимы. Суду остается проверить только отсутствие нарушений закона при получении доказательства.

В этой связи заслуживает поддержки позиция авторов коллективной монографии «Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы», которые предлагают закрепить в законе право суда «признавать информацию, полученную при помощи информационных технологий, в качестве судебного доказательства на основе *собственной оценки* (курсив наш. — С. М.) в случаях, когда сведения о фактах отражены в таких новейших технологических информационных источниках, в отношении которых законодатель не успел предусмотреть их использование в качестве судебных доказательств на уровне конкретизации»².

Таким образом, говорить об абсолютной свободе суда при оценке неформализованных доказательств, безусловно, нельзя, поскольку ограни-

---

¹ См.: Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Москва: Проспект, 2017. С. 235–236. Справедливости ради отметим, что существуют более узкие или более широкие подходы к содержанию допустимости. См., например: Молчанов В. В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: учебное пособие. М., 2012. С. 162–188; Гражданское процессуальное право: учебник / под ред. М. С. Шакарян. М., 2004. С. 176 (автор главы — А. К. Сергун); Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие для магистров. М., 2013. С. 81–82.

² Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М.: Инфортропик Медиа, 2022. С. 326.

чение в виде недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, сохраняет здесь свое значение. Кроме того, установлению подлежат и все иные свойства доказательств, предусмотренные процессуальными кодексами.

Заметим также, что появление категории «иные документы и материалы» в АПК РФ не привело к тому, что арбитражные суды стали допускать в процесс любую информацию. Изученная нами практика показывает, что к решению этого вопроса судьи подходят достаточно осторожно. Очень часто на основании ст. 89 АПК РФ в процессе используются заключения экспертов, полученные во внесудебном порядке. Причина, как представляется, кроется в том, что в свое время Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 13 постановления от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»¹ допустил такие заключения в качестве иных документов, что, как представляется, выступает своеобразным *способом ускоренной формализации доказательственной информации на уровне судебной практики*.

3. Если исходить из того, что правило допустимости доказательств содействует достижению истины в процессе², является гарантией достоверности имеющей значение для дела информации, то возникает закономерный вопрос: как проверить эту достоверность в отношении неформализованных доказательств, применительно к которым допустимость, как отмечалось выше, фактически «размыта»?

Безусловно, судья, не владея специальными знаниями, будет испытывать затруднения при исследовании и оценке новых источников информации, например, таких продуктов искусственного интеллекта, как deepfake (фото, аудио- и видеозаписи); гиперссылки на информационные порталы и др.³ Допустима потребность в справочно-консультационной помощи при представлении лицом, участвующим в деле, в суд заключения внесудебной экспертизы. Соответствующую помощь в процессе исследования и оценки неформализованных доказательств суду могут оказать сведущие лица, прежде всего специалисты и эксперты.

Следовательно, появление в цивилистическом процессе неформализованных доказательств способствует специализации судебного познания, вызывая необходимость использования специальных знаний сведущих лиц при их исследовании и оценке.

---

¹ Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

² См., например, рассуждения по этому вопросу М. К. Треушникова: Судебные доказательства. 5-е изд. доп. М.: Издательский дом «Городец», 2018. С. 157–161.

³ Об этих продуктах искусственного интеллекта см.: Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 180–186.

4. Подводя итог вышеизложенному, можно заключить следующее:

- неформализованные доказательства расширяют возможности суда по установлению юридически значимых для дела обстоятельств;
- их оценка не является абсолютно свободной;
- они требуют усиления специализации судебного познания.

*С. В. Мусеев,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
legist@bk.ru*

МОДЕЛИ КОСВЕННОГО ИСКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

На первый взгляд сама постановка вынесенного в заглавие статьи вопроса могла бы показаться удивительной, поскольку под косвенным иском в литературе обычно понимают требование участника (акционера) юридического лица о защите нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса юридического лица, а зачастую также охраняемого законом интереса самого участника, однако анализ отечественного законодательства, не говоря уже про доктринальные воззрения, показывает его право на существование.

В данной статье мы сознательно ограничимся рассмотрением преимущественно круга лиц, наделенных отдельными нормативными правовыми актами правом на обращение в суд с иском о взыскании причиненных юридическому лицу убытков, в гораздо меньшей степени уделяя внимание потенциальным ответчикам.

В отечественной доктрине закрепление косвенного иска обычно связывают с п. 3 ст. 53 ГК РФ¹, в первоначальной редакции которого была закреплена обязанность субъекта, выступающего от имени юридического лица в силу закона или учредительных документов, возместить убытки, причиненные им юридическому лицу, по требованию учредителей (участников) юридического лица, если иное не предусмотрено законом или договором.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ² норма исключена из п. 3 ст. 53 ГК РФ, однако закреплена в п. 1 ст. 53.1 и п. 1 ст. 65.2 ГК РФ.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ (далее – СЗ РФ). 1994. № 32. Ст. 3301.

² Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

В ряде нормативных правовых актов о юридических лицах отдельных организационно-правовых форм данная норма повторяется без дальнейшей конкретизации¹, а в некоторых — реализация права обставлена обладанием определенным количеством акций² или предусматривает минимальное количество обращающихся в суд членов³.

Кроме того, п. 3 ст. 105 ГК РФ (в первоначальной редакции)⁴, касающимся, правда, только хозяйственных обществ, участники (акционеры) дочернего общества получили право требовать возмещения основным обществом (товариществом) убытков, причиненных по его вине дочернему обществу (абз. 4 п. 3 ст. 6 Закона об АО, абз. 4 п. 3 ст. 6 Закона об ООО), что также в отечественной доктрине отнесено к производным искам⁵. В настоящее время норма закреплена в п. 3 ст. 67.3 ГК РФ.

¹ См.: п. 2 и 5 ст. 44 Федерального закона РФ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785; п. 2 и 5 ст. 22 Федерального закона РФ от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058; п. 6 ст. 6 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4169.

² В п. 5 ст. 71 Федерального закона РФ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» нижний порог определен в один процент // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

³ В п. 4 ст. 46 Федерального закона РФ от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» правом на обращение в суд наделяются члены кооператива, составляющие не менее одного процента от общего числа членов кооператива // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 41.

Поскольку членом кооператива может быть гражданин, достигший возраста шестнадцати лет, а число членов кооператива не может быть менее пятидесяти и более пяти тысяч человек (ст. 5), получается, что при превышении членами кооператива числа 100 даже на единицу реализовать свое право на обращение в суд член кооператива единолично уже не в силах, ему нужно с кем-то объединиться. Причем в отличие от АО или ООО, где определенный процент акций или долей в уставном капитале может принадлежать одному лицу, в жилищных накопительных кооперативах такая ситуация исключается.

⁴ Ст. 105 ГК РФ утратила силу с 1 сентября 2014 г. См.: п. 3 ст. 1 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ.

⁵ Вялых Е. И. Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2018. С. 193; Гончарова Е. В. Косвенный иск как эффективный способ судебной защиты // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2007. № 1 // СПС «Гарант»; Корпоративное право: учебник / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинская, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М: КНОРУС, 2015 (авторы главы — Д. И. Дедов, А. Е. Молотников) // СПС «КонсультантПлюс»; Шапкина Г. Как применять акционерное законодательство // Хозяйство и право. 2004. № 1 // СПС «КонсультантПлюс»; Ярков В. В. Защита прав акционеров по Закону «Об акционерных обществах» с помощью косвенных исков // Хозяйство и право. 1997. № 11, 12 // СПС «КонсультантПлюс»; Его же. Методика доказывания

Интересны положения ст. 25 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»¹, п. 2 которой (в первоначальной редакции) предусматривал право учредителей (участников) кредитной организации, владеющих в совокупности не менее чем одним процентом уставного капитала кредитной организации, потребовать от руководителя временной администрации возмещения кредитной организации реального ущерба, причиненного виновными действиями временной администрации², а п. 3 — право учредителей (участников) кредитной организации, владеющих в совокупности не менее чем одним процентом уставного капитала кредитной организации, требовать от Банка России возмещения кредитной организации реального ущерба, нанесенного в результате необоснованного назначения временной администрации³.

Общим для всех приведенных случаев является наделение правом на обращение в суд участников (акционеров, членов) юридического лица, в отличие от, например, унитарных предприятий, где правом предъявить иск о возмещении причиненных унитарному предприятию убытков к руководителю последнего наделен собственник имущества унитарного предприятия⁴ — РФ, субъект РФ (от имени которых права собственника осуществляют соответствующие органы государственной власти в рамках их компетенции) или муниципальное образование (п. 1 ст. 2)⁵.

по косвенным искам // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

Отсутствие в законе упоминания среди управомоченных требовать возмещения убытков самого дочернего общества в ряде случаев приводило к отрицанию судами его права на обращение в суд, в результате чего складывалась парадоксальная ситуация, когда возмещение убытков дочернего общества могло иметь место только посредством производного иска. См.: постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21 декабря 2000 г. № Ф08-3624/2000 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1097.

² Норма исключена Федеральным законом от 19 июня 2001 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (СЗ РФ. 2001. № 26. Ст. 2590), и п. 3 стал п. 2.

³ См.: Аболонин Г. О. Массовые иски. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 291; Кавелина Н. Ю. Возмещение убытков, причиненных кредитной организации необоснованным назначением временной администрации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 7. С. 9-16 // СПС «КонсультантПлюс»; Чугунова Е. И. Указ. соч. С. 28-30.

В настоящее время последняя норма закреплена в п. 2 ст. 189.37 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁴ См.: п. 3 ст. 25 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

⁵ Чугунова Е. И. Указ. соч. С. 30.

Иная модель закреплена Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»¹, предусматривающим отнесение вопроса о привлечении к ответственности членов правления и (или) председателя, членов наблюдательного совета к исключительной компетенции общего собрания членов кооператива (подп. 15 п. 2 ст. 20), причем при предъявлении в соответствии с решением общего собрания иска к членам правления, председателю или исполнительному директору представление интересов кооператива в суде возложено на наблюдательный совет (п. 7 ст. 30), а в случае предъявления иска к членам наблюдательного совета — на уполномоченных лиц, избранных общим собранием (п. 9 ст. 30), что позволяет провести определенные параллели с § 147 германского Aktiengesetz² и проектом Гражданского уложения³.

Непростая структура органов потребительского общества представлена общим собранием, советом и правлением, где совет — представительный орган, осуществляющий управление в период между общими собраниями, а правление — исполнительный орган, создаваемый для руководства хозяйственной деятельностью, назначаемый советом и подотчетный совету (п. 2—4 ст. 15 Закона РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской

¹ СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

² В § 147 Закона об акционерных обществах (Aktiengesetz) в ред. 2005 г. сохранен ранее закрепленный порядок обращения в суд с иском против членов правления или наблюдательного совета по решению общего собрания акционеров, принятому простым большинством голосов (1), с назначением специального представителя общим собранием или иного представителя судом по требованию акционеров, обладающих в совокупности десятой частью уставного капитала или стоимостью акций не менее 1 000 000 евро (2) // URL: https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&start=//%5b@attr_id=%27bgb1105s2802.pdf%27%5d#__bgb1__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgb1105s2802.pdf%27%5D__1687774887522 (дата обращения — 26 июня 2023 г.).

См. также: Кузнецов А. А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. 2020. № 11 // СПС «Гарант».

³ В проекте Гражданского уложения предусматривалась возможность предъявления исков о возмещении причиненных акционерному товариществу убытков к учредителям, директорам и членам ревизионной комиссии по решению общего собрания акционеров или по заявленному в том же собрании требованию меньшинства акционеров, обладающих не менее 1/10 частью уставного капитала (ст. 2361, ч. 1 и 3 ст. 2366), и возложения представительства в суде такого меньшинства акционеров на лиц, избираемых меньшинством из их среды, или на посторонних лиц, а также, что принципиально, об удовлетворении иска в пользу акционерного общества (ч. 2 и 4 ст. 2362). См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной Думой) / под ред. И. М. Тютрюмова. Сост. А. Л. Саатчиан. Т. 2. С.-Петербург: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. С. 994—998.

Федерации»¹). Поскольку п. 1 ст. 19 на совет потребительского общества как орган управления возложена функция представления интересов пайщиков и защиты их прав, п. 2 председатель совета уполномочен действовать от имени потребительского общества без доверенности, в том числе представлять его интересы, издавать распоряжения и давать указания, обязательные для исполнения всеми работниками потребительского общества, а п. 12 правом действовать от имени потребительского общества, издавать распоряжения и давать указания в пределах своей компетенции наделен также председатель правления, напрашивается предположение о возможности перекрестного предъявления исков председателем совета при взыскании убытков с председателя и членов правления и председателем правления при взыскании убытков с председателя и членов совета, что аналогично закрепленной уже в законодательстве КНР модели².

Две последние модели, как наделяющие полномочиями на судебную защиту прав и интересов органы юридического лица, хотя и не уполномоченные по общему правилу на представление его интересов вовне, не всеми авторами относятся к примерам косвенного иска³.

Далее, правом требовать возмещения причиненных корпорации убытков в настоящее время наделены члены коллегиального органа управления корпорации (абз. 2 п. 4 ст. 65.3 ГК РФ), а в публично-правовой компании — члены наблюдательного совета (п. 6 ст. 9 Федерального закона

---

¹ Российская газета. 1992. 19 июня.

² В соответствии со ст. 150 Закона КНР о компаниях по требованию наблюдательного совета или общего собрания директор, руководитель или старшие должностные лица должны присутствовать на соответствующем собрании в качестве участника без права голоса и принять запросы акционеров, предоставляя соответствующую информацию и материалы и не препятствуя наблюдательному совету или наблюдателю в осуществлении их полномочий, участники общества с ограниченной ответственностью или акционеры, владеющие независимо или в совокупности 1% или более акций общества в течение более 180 дней подряд, могут в письменной форме потребовать от наблюдательного совета или (в случае общества с ограниченной ответственностью без наблюдательного совета) от наблюдателя возбудить дело в народном суде; если наблюдатели сами подпадают под обстоятельства, изложенные в ст. 150, вышеуказанные участники и акционеры могут в письменной форме потребовать от совета директоров или (в случае общества с ограниченной ответственностью без совета директоров) от исполнительного директора возбудить дело в народном суде (ст. 151 Закона).

Таким образом, в КНР действует правило перекрестных требований, выражающееся в наделении наблюдательного совета, являющегося в Китае специальным контролирующим органом корпорации, находящимся на одном уровне с советом директоров, не имеющим с ним отношений подчинения, так же как и самого совета директоров, правом на предъявление косвенного иска друг в отношении друга. См.: Ян Т. Правовой механизм косвенного иска в России и Китае: сравнительное исследование // Вестник арбитражной практики. 2021. № 5. С. 91–97 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Чугунова Е. И. Указ. соч. С. 27, 213.

от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ), что обуславливает встречающийся в литературе тезис о необходимости рассматривать иски таких лиц как минимум в связи с темой косвенных исков, а как максимум считать эти иски их разновидностью¹, пусть и без какого-либо доктринального обоснования.

Наконец, в литературе в последнее время всерьез обсуждается проблематика взыскания причиненных юридическому лицу убытков по искам учредителей (участников) материнских юридических лиц², заслуживающая, думается, отдельного рассмотрения и не позволяющая по причине ограниченного объема настоящей работы сколь-нибудь серьезно ее коснуться.

---

¹ Кузнецов А. А. Указ. соч. См. также: Захарова М. В. О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров об ответственности органов юридических лиц перед самими юридическими лицами // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2019. № 4. С. 49–88 // СПС «КонсультантПлюс».

² Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журнал Российской школы частного права. 2019. № 2. С. 92–103; Величко В. Е. Правовое регулирование косвенного иска в российском праве и зарубежных правовых системах. Мультикосвенный иск // URL: <https://studfile.net/preview/16846023/> (дата обращения — 2 апреля 2024 г.); Виленский Н. М. Двойные (множественные) косвенные иски в российской судебной практике: проблемы и противоречия // Вестник экономического правосудия. 2023. № 10 // СПС «Гарант»; Вутын В. Е., Хлебников А. В. «Мультикосвенные иски»: зарубежный опыт и предпосылки появления в практике арбитражных судов РФ // «Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки»: Электронный сборник статей по материалам XLVIII студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК». 2016. № 11 (47) / [Электронный ресурс]. С. 92–101 // URL: [https://sibac.info/archive/social/11\(47\).pdf](https://sibac.info/archive/social/11(47).pdf); Егоров А. В. Пределы проникновения за корпоративную вуаль в пользу участников многоуровневой корпоративной структуры // Анализ дела Постригайло v. «Разрез Аршановский» // Журнал Российской школы частного права. 2019. № 2. С. 104–122.

*В. В. Молчанов,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
vm-msu@mail.ru*

НИКАКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕ ИМЕЮТ ЗАРАНЕЕ УСТАНОВЛЕННОЙ СИЛЫ?..

В последние годы внимание ученых и юристов-практиков привлекает проблема, возникшая после дополнения статей ГПК РФ и АПК РФ об освобождении от доказывания положениями о том, что не требуют доказывания обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута или если нотариальный акт не был отменен (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ).

Появившаяся в законе нормативная конструкция первоначально вызывает ассоциации с классической дореволюционной конструкцией «законных» доказательств — официальных (формальных) документов. К числу таких официальных документов относились и «акты, явленные в нотариальных учреждениях или записанные в нотариальные книги»¹. Официальный характер документов «предустанавливал» их большую юридическую силу по сравнению с другими доказательствами и, как следствие, большую силу доказательственную, поскольку официальность документа априори сообщала ему свойство подлинности и достоверности содержания. Оспариванию подлежала юридическая сила (законность документа), но не содержание, определяющее доказательственную силу, и соответственно, не обстоятельства, которые подтверждались данным доказательством.

Порядок совершения нотариальных действий устанавливался Положением о нотариальной части (ст. 84–87, 92–95, 104–112 и др.). Право выбора порядка совершения и засвидетельствования разного рода актов,

---

¹ См.: Боровиковский А. Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. Изд. 4-е. СПб., 1899. С. 412.

за немногими исключениями, предоставлялось самим заинтересованным лицам. Акты, первоначально совершенные в ином, нежели нотариальном, порядке, впоследствии могли быть представлены к нотариальному засвидетельствованию. Не признавались актами, засвидетельствованными в установленном порядке, документы, в которых нотариусом удостоверялась лишь подлинность подписи лиц, участвующих в сделке, хотя бы впоследствии по их требованию документ и был внесен в актовую (нотариальную) книгу.

Первая реакция на появление в законе норм ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ была, скорее, недоуменной, поскольку данные нововведения очевидно не соотносились со смыслом классической «советской» нормы, воспринятой современным российским законодательством, — «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ, ч. 5 ст. 71 АПК РФ)¹. Действительно, нотариальные документы всегда имели повышенную убедительность как доказательства фактов в суде, но формально юридически не имели преимущественной доказательственной силы, что не только не исключало, но и предполагало их оценку судом наряду с иными доказательствами по делу. В этой связи суд обязан принимать от лиц, участвующих в деле, в том числе доказательства, опровергающие обстоятельства, подтвержденные нотариально. Из этого ученые делают вывод о том, что речь может идти лишь о «предпочтительности» нотариальных актов как доказательств определенных фактов, но не об их привилегированности².

Вместе с тем многие процессуалисты иначе оценивают законодательные новшества, высказывая мнение о том, что в настоящее время доказательственное значение нотариальных актов радикально обновилось, а правило равной оценки доказательств, в соответствии с которым «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы», претерпело изменение, и в настоящее время нотариальные документы имеют для суда заранее установленную, большую доказательственную силу и бесспорность³.

---

¹ См., например: Боннер А. Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 34.

² См., например: Аргунов В. В. Нотариальный акт равносителен судебному решению? // Законодательство. 2016. № 6. С. 41–49.

³ См., например: Бегичев А. В. Судейская осведомленность об обстоятельствах, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия // Нотариус. 2016. № 5. С. 3–6; Нуриев А. Г. Доказательственная сила нотариальных актов в гражданском судопроизводстве Российской Федерации и перспективы реализации доказательственной силы нотариальных актов в государствах — участниках СНГ // Нотариус. 2018. № 6. С. 23–26; Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Нотариально удостоверенные доказательства в судебном процессе: теория и правоприменительная практика // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 79–99.

Казалось, ответ на вопрос о значении нотариальных документов дал Конституционный Суд РФ, указав, что нормы, конкретизирующие предусмотренные законодательством о нотариате положения о юридической силе и публичном признании нотариально оформленных документов, применительно судопроизводству не освобождают суд от возложенной на него обязанности оценить все имеющиеся в деле доказательства, определить, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены¹. На первый взгляд позиция Конституционного Суда РФ находится в русле традиционных представлений о содержании принципа свободной оценки доказательств. Но тогда возникает вопрос: в чем смысл появления в законе рассматриваемых нововведений, если они ничего не меняют?

Иной подход к проблеме показал Верховный Суд РФ, который положения ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, ч. 5 ст. 69 АПК РФ формально выводит за пределы оценки доказательств, рассматривая их в плоскости преюдициального значения обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия, т.е. в качестве бесспорных, не подлежащих доказыванию². Это совершенно иной подход к проблеме.

Сегодня сложилась ситуация, которая, несмотря на то что со времени появления новел прошло уже относительно много времени, остается весьма неопределенной. «Нотариальная преюдиция» связывается с юридической силой и публичным признанием нотариальных актов. При этом собственно понятие «нотариальный акт» в законодательстве отсутствует. В законе используется понятие «нотариально оформленные документы при совершении нотариального действия». Значит, преюдициальное значение имеют обстоятельства, установленные этими документами?

Нотариальные действия, завершающиеся составлением документов, в которых находят отражения те или иные обстоятельства, многочисленны и разнообразны по своему характеру (ст. 35 Основ законодательства РФ о нотариате, далее — Основ). Лишь применительно к одному из нотариальных действий — свидетельствование верности копий документов и выписок из них — содержится указание на то, что при этом нотариус не подтверждает законность содержания документа и соответствие изложенных в нем фактов действительности (ст. 77 Основ).

---

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 3360-О // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» (п. 30) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

В науке предпринимались и предпринимаются попытки выявить «действительную мысль законодателя» и соответствующим образом интерпретировать положения закона. Высказывается суждение о том, что рассматриваемые нормы не имеют абсолютного характера и не все обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия и нашедшие отражение в нотариальных документах, не требуют доказывания¹. Трудно не согласиться с таким суждением и в целом, и в частности, например, с тем, что доказательства, полученные нотариусом в порядке их обеспечения (гл. XX Основ), не получают особого доказательственного значения и могут быть опровергнуты другими доказательствами.

Такой вывод вытекает из самого смысла обеспечения доказательств. Действия по обеспечению доказательств нотариусом или судом имеют одинаковую цель — сохранение содержания доказательства, которое может быть утрачено, что позволяет в будущем судебном разбирательстве на основании этого доказательства установить факты (обстоятельства), имеющие значение для дела; придание доказательству свойства юридической силы. Нотариус и судья при обеспечении доказательств руководствуются нормами ГПК РФ и АПК РФ. Если доказательства, полученные судьей в порядке обеспечения, преимущественного значения не имеют, то прямолинейная логика приводит в выводу о том, что такого значения не могут иметь и доказательства, обеспеченные нотариусом.

Вместе с тем Верховный Суд РФ в обзоре практики рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации высказал позицию, из которой следует, что доказательства, полученные нотариусом в порядке их обеспечения, подпадают под действие норм ч. 5 ст. 61 ГПК РФ и ч. 5 ст. 69 АПК РФ². Согласно этому подходу складывается и судебная практика³. В науке данное разъяснение зачастую толкуется расширительно и распространяется и на другие обеспечительные меры⁴.

---

¹ См., например: Рехтина И. В. Обстоятельства, подтвержденные нотариусом, как факты, не подлежащие доказыванию: спорные вопросы // Современное право. 2023. № 6. С. 63–68.

² См.: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

³ См., например: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2016 г. по делу № А65-16693/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 4 мая 2018 г. № 33-18587/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: Гройсберг А. И. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 55–75; Прошальгин Р. А. Обеспечение доказательств нотариусом при рассмотрении дел в судах // Нотариус. 2019. № 3. С. 34–37.

В связи с этим возникает много вопросов. В частности, «что», установленное нотариусом при обеспечении доказательств, не подлежит доказыванию (оспариванию): факт размещения информации на интернет-странице, подтвержденный протоколом осмотра, и/или обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу, информация о которых нашла отражение в таком протоколе? Те же вопросы относятся и к другим обеспечительным мерам.

Какую цель преследовал законодатель, внося изменения в ГПК РФ и АПК РФ: вернуть в судопроизводство «законные» доказательства или создать, не имеющую аналогов в истории процессуального права, «нотариальную преюдицию»? На эту тему можно рассуждать сколь угодно долго. Ответ на вопрос о действительных намерениях может дать только сам законодатель «уставами» Верховного Суда РФ путем дачи разъяснений по вопросам судебной практики (ст. 126 Конституции РФ), в чем в настоящее время существует настоятельная необходимость.

*К. С. Морковская,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
kristink-m@yandex.ru*

ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ДЛЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ ДОЛЖНИКА

Неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам в подавляющем большинстве случаев влечет признание такого должника несостоятельным (банкротом). Количество банкротств ежегодно растет (как судебных, так и внесудебных)¹. Аналогичная тенденция прослеживается и относительно исполнительных производств².

Т. Саарма отметил, что «как исполнительное производство, так и банкротное производство являются производством по неплатежеспособности (банкротное производство является особым видом принудительного исполнения) и тем самым в какой-то мере являются конкурирующими и в определенной мере дополняющими друг друга производствами и, таким образом, связаны между собой»³.

Проявление ряда институтов исполнительного производства в рамках процедур банкротства специфично и подчинено целям этих процедур⁴.

---

¹ См.: Число граждан-банкротов в России превысило 1 млн // URL: <https://www.rbc.ru/finances/06/10/2023/651ea3689a79474452525d87?ysclid=lrqirqlsc7339860083&from=copy> (дата обращения – 24 января 2024 г.).

² См. подробнее: Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов / Сайт ФССП России // URL: <https://old.fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения – 24 января 2024 г.).

³ Саарма Т. От исполнительного производства до банкротного производства – актуальные проблемы в процессуальном праве Эстонской Республики // Принудительное исполнение актов судов и иных органов в отношении юридических лиц (организаций и предпринимателей). Проблемные аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции, 4–8 июня 2012 г., г. Воронеж / З. М. оглы Али-заде, Д. Б. Симон, Л. В. Бутько и др.; отв. ред. А. О. Парфенчиков, Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ В то же время изучению вопросов соотношения исполнительного производства и процедур банкротства посвящено необоснованно мало исследований. См., например: На-

Именно целям, так как для каждой определена своя. Так, например, в рамках финансового оздоровления и внешнего управления стремятся достичь восстановления платежеспособности должника, а в конкурсном производстве – соразмерного удовлетворения требований кредиторов должника.

Одни из первых проявлений взаимодействия исполнительного производства с процедурами несостоятельности появляются в момент вынесения судебного акта о введении соответствующей процедуры банкротства, в зависимости от специфики которой ранее возбужденные исполнительные производства могут претерпевать определенные видоизменения (от продолжения принудительного исполнения до окончания и направления исполнительных документов арбитражному управляющему).

Конструкция Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве, 127-ФЗ) в принципе сложна и несовершенна, что подтверждают в том числе многочисленные ежегодные изменения, а также разъяснения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Когда наряду с уже специфическими нормами сплетаются нормы, регулирующие принудительное исполнение, необходимо понимать сущность и правовую природу институтов последнего, чтобы не противоречить целям процедур банкротства и достичь реальной защиты прав и нарушенных интересов.

Появляются два главных активных субъекта (помимо должника и кредиторов) – арбитражный управляющий, который обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, и судебный пристав-исполнитель, который принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов.

Проанализировав последствия введения всех возможных процедур банкротства, предусмотренных действующим законодательством (включая внесудебное банкротство), для исполнительных производств, мы пришли к выводу, что принудительное исполнение может развиваться по следующим сценариям:

- 1) продолжение исполнения (без изъятий либо с запретом на наложение новых арестов на имущество должника и иных ограничений);
- 2) приостановление исполнительного производства;
- 3) окончание исполнительного производства.

Указанные последствия можно проследить в нормах разделов Закона о банкротстве по процедурам и в то же время в ФЗ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве, 229-ФЗ). Нормы Закона о банкротстве выступают специальными по отношению к процессуальным (ГПК РФ, АПК РФ,

УПК РФ), а также гражданским правовым (ГК РФ). Однако настолько уверенно можно говорить об общих и специальных нормах применительно к исполнительному производству и конкурсному процессу?

Как справедливо отмечено в Обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2022 г.), «для разрешения вопросов, связанных с несостоятельностью (банкротством), но являющихся предметом иного отраслевого законодательства, указанная норма должна применяться во взаимосвязи с требованиями такого законодательства».

К аналогичному выводу пришел А. М. Безруков¹, комментируя ст. 96 Закона 229-ФЗ, которая в ч. 1 содержит перечень исполнительных документов, исполнение которых не подлежит приостановлению при введении процедур банкротства. В то же время Закон 127-ФЗ содержит большой объем исключений (ст. 63, 81, 94). Так как нормы двух законов должны взаимодополнять друг друга и применяться во взаимосвязи, а не противоречить, согласимся с необходимостью использования нормы с большим объемом исключений. Но и здесь мы не можем ее назвать специальной нормой по отношению к ст. 96 Закона 229-ФЗ.

В связи с возникающими на практике спорными ситуациями для судебных приставов-исполнителей были разработаны «Методические рекомендации по исполнению исполнительных документов при введении в отношении должника процедур банкротства»², утвержденные 30 июня 2010 г. с последующими изменениями от 1 января 2012 г. В то же время Глава X «Банкротство гражданина» в Законе о банкротстве в привычном уже нам виде заработала с 1 октября 2015 г., предусмотрев реструктуризацию долгов гражданина и реализацию имущества гражданина (мировое соглашение также может быть утверждено). Таким образом, методические рекомендации не охватывают банкротное производство в отношении физических лиц. Насколько это критично и необходимы ли в настоящее время дополнения?

После введения судом реструктуризации долгов гражданина судебный пристав-исполнитель приостанавливает исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям (ч. 1 ст. 69.1 229-ФЗ), снимает аресты и иные ограничения (ч. 2 ст. 69.1 229-ФЗ). Ровно то же самое происходит после вынесения судебного акта о введении наблюдения, финансового оздоровления и временного управления (ч. 1 ст. 96 Закона 229-ФЗ).

---

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / под ред. В. В. Яркова, Д. Б. Абушенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 562–563.

² См.: Методические рекомендации по исполнению исполнительных документов при введении в отношении должника процедур банкротства (ред. от 1 января 2012 г.) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2010. № 9; 2012. № 1.

Повторяются и положения относительно возможности наложения новых арестов и ограничений (помимо наблюдения), а также права не снимать уже существующие аресты с имущества определенной стоимости.

При реализации имущества должника исполнительные производства подлежат окончанию, ранее наложенные аресты снятию (ч. 4 ст. 69.1 Закона 229-ФЗ). Указанные последствия справедливы для конкурсного производства (ч. 4 ст. 96 Закона 229-ФЗ).

Однако в обоих случаях предусмотрены исключения – исполнительные документы, исполнительные производства по которым не подлежат приостановлению или окончанию. И уже эти исключения не в полной мере совпадают в коррелирующих процедурах банкротства юридических лиц. В указанной части целесообразно дополнить действующие методические рекомендации для судебных приставов-исполнителей.

Относительно каждого представленного законом сценария развития принудительного исполнения в связи с введением процедуры банкротства имеется ряд интересных, зачастую неразрешенных вопросов. Так, требует детального анализа перечень исключений исполнительных документов, по которым продолжается принудительное исполнение, насколько он обеспечивает баланс гарантий кредиторов в исполнительном производстве и в банкротстве одного и того же должника. Институт приостановления исполнительного производства может стать эффективным средством, позволяющим сохранить имущество должника для последующего пропорционального распределения между кредиторами, и в то же время несет опасность злоупотребления со стороны должника (затягивание процедуры, попытка вывода активов после снятия арестов и др.). Для окончания исполнительных производств судебному приставу-исполнителю как минимум необходимо достоверно и оперативно узнать об открытии конкурсного производства либо вынесении решения о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества. Механизм своевременного уведомления до настоящего времени не проработан¹.

Обозначенные вопросы являются только началом пути исследования институтов принудительного исполнения, реализация которых проходит в процедурах банкротства должника.

---

¹ Самостоятельное уведомление судебного пристава-исполнителя о введении в отношении должника процедуры банкротства и последствий признания его банкротом является доказательством разумности и добросовестности арбитражного управляющего, принявшего меры по предотвращению возможных необоснованных списаний с должника денежных средств по исполнительным производствам. См., например: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 декабря 2022 г. по делу № А55-19233/2021.

*Е. А. Нахова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Санкт-Петербург),
nahova.elena@yandex.ru*

К ВОПРОСУ О ЧАСТНЫХ ПРАВИЛАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ДОКАЗЫВАНИЮ

Правовая природа обязанностей по доказыванию фундаментально исследована М. К. Треушниковым¹. Под доказыванием автор понимал право и обязанность. Право доказывания гарантировано правами, составляющими содержание принципа состязательности. «Обязанность доказывания есть необходимость совершения комплекса действий по доказыванию, определяемая угрозой наступления неблагоприятных последствий...»² К таким неблагоприятным последствиям им относились: например, отказ суда признать существование факта, утверждаемого стороной, в случае невыполнения обязанности по его доказыванию³. Правовая природа обязанностей по доказыванию была разъяснена исследователем в неразрывном единстве действия принципов равноправия сторон и принципа состязательности⁴. М. К. Треушников разделял точку зрения Т. А. Лилуашвили о наличии у обязанности доказывания материально-правового и процессуального содержания⁵. М. К. Треушников поддерживал взгляды М. Г. Авдюкова о сочетании в гражданском процессе общих и частных правил распределения обязанностей по доказыванию⁶, к последним относил до-

---

¹ Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский дом «Городец», 2016. С. 66–87.

² Там же. С. 66.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 68; Лилуашвили Т. А. Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. С. 13.

⁶ Авдюков М. Г. Распределение обязанностей по доказыванию в гражданском процессе // Советское государство и право. 1972. № 5. С. 50.

казательственные презумпции, устанавливаемые нормами материального и процессуального права¹. Нами доказывание рассматривается как обязанность, обеспеченная своеобразными процессуальными санкциями, в том числе получением неблагоприятного решения². Подынститут обязанностей по доказыванию имеет огромное теоретико-прикладное значение, поскольку вступает во взаимодействие с подынститутом доказательственного права предметом доказывания и при недостаточности доказательств для подтверждения фактов предмета доказывания действуют правила о последствиях неисполнения обязанности по доказыванию. На связь предмета доказывания с распределением обязанностей по доказыванию справедливо указывалось в процессуальной доктрине М. К. Треушниковым³.

В настоящее время можно выделить ряд проблем в части законодательного регулирования предмета доказывания в гражданском процессе, к которым относятся отсутствие общего и частного механизма определения предмета доказывания в гражданском процессе; законодательного закрепления правила определения предмета доказывания с учетом не только норм материального, но и процессуального права; а также с учетом применения относительно-определенных (ситуационных) как материально-правовых, так и процессуально-правовых норм⁴. Доктринальные положения о предмете доказывания в гражданском процессе также являются дискуссионными. Суд познает большую совокупность обстоятельств, нежели доказывают лица, участвующие в деле. В предмет познания суда входят как факты предмета доказывания, так и факты, не подлежащие доказыванию (общеизвестные, преюдициально установленные, признанные обстоятельства, факты, установленные нотариальным актом и не опровергнутые в установленном порядке). В целом к классификации фактов предмета доказывания применяются известные классификации юридических фактов, разработанные в правоведении.

Предмет доказывания вступает во взаимодействие с институтом распределения обязанностей по доказыванию в случае отсутствия достаточного количества доказательств для достоверного установления обстоятельств предмета доказывания, действуют правила о последствиях неисполнения обязанностей по доказыванию, поскольку суд не может уклониться от вы-

---

¹ Треушников М. К. Указ. соч. С. 78.

² Гурвич М. А. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. 1975. № 5. С. 17.

³ Треушников М. К. Указ. соч. С. 68.

⁴ Нахова Е. А. Теоретические и прикладные проблемы учения о предмете доказывания в гражданском судопроизводстве: монография. СПб.: Издательство «ВВМ», 2023. 439 с.

несения решения¹. Представляется правильным выделить общий и частный механизм распределения обязанностей по доказыванию. Основу общих и специальных правил распределения обязанностей по доказыванию составляет предмет доказывания по делу в целом. При выполнении общей обязанности по доказыванию в исковом производстве доказываются материально-правовые и процессуально-правовые факты правопроизводящего, правоизменяющего, правопрепятствующего и правопрекращающего характера. Частные правила обусловлены локальностью, основу частных правил распределения обязанностей по доказыванию составляет локальный предмет доказывания. По справедливому утверждению И. В. Решетниковой, обстоятельства локального предмета доказывания обычно перечислены в процессуальном законодательстве, бремя доказывания всегда лежит на заявителе ходатайства².

Предметом правового регулирования цивилистического процессуального права являются процессуальные правоотношения и процессуальные действия. На факультативность процессуальных действий, их строгое совершение в рамках процессуальной формы указывалось в науке цивилистического процессуального права, в частности, на указанные обстоятельства обращает внимание М. А. Куликова³. При выполнении локальной обязанности по доказыванию доказываются процессуально-правовые факты правопроизводящего, правоизменяющего, правопрепятствующего и правопрекращающего характера. Обязанность по доказыванию обстоятельств локального предмета доказывания проявляется в нескольких аспектах: 1) если разрешение того или иного частного процессуального вопроса осуществляется судом в рамках судебного заседания с извещением и участием лиц, участвующих в деле, то обязанность доказывания возлагается на заявителя, иные лица, участвующие в деле, выполняют обязанность по доказыванию путем представления возражений; 2) если разрешение того или иного частного процессуального вопроса осуществляется судом в рамках судебного заседания без извещения и участия лиц, участвующих в деле, то обязанность доказывания возлагается на заявителя. С учетом предложенной классификации фактов локального предмета доказывания: а) по функции факта в фактическом составе (правопроизводящие,

---

¹ Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 394 с.

² Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022 (автор главы – И. В. Решетникова).

³ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022; Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021 (автор главы – М. А. Куликова).

правоизменяющее, правопрекращающие, правопрепятствующие факты); б) по характеру связи с требованием (факты основания совершения процессуального действия и факты основания возражений для совершения процессуального действия); в) по степени конкретизации (определенные, относительно-определенные, индивидуально-определяемые юридические факты (требующие конкретизации; допускающие конкретизацию; факты, конкретизация которых недопустима). Частные правила обязанностей по доказыванию распределяются следующим образом: 1) при участии в судебном заседании заинтересованное лицо доказывает факты основания совершения процессуального требования (правопорождающие факты — факты, предоставляющие право заинтересованному лицу для удовлетворения ходатайства (заявления) о совершении процессуального действия), иные заинтересованные лица доказывают факты отсутствия основания совершения процессуального требования, факты наличия процессуальных возражений (правопрепятствующие факты — факты, препятствующие заинтересованному лицу для удовлетворения ходатайства (заявления) о совершении процессуального действия), доказывание осуществляется с соблюдением принципов устности и письменности процесса; 2) при разрешении судом ходатайства без участия лиц, участвующих в деле, заинтересованное лицо доказывает факты основания совершения процессуального требования (правопорождающие факты — факты, предоставляющие право заинтересованному лицу для удовлетворения ходатайства (заявления) о совершении процессуального действия) путем предоставления ходатайства и доказательств, его обосновывающих, только в письменной форме. При этом суд устанавливает относительно-определенные и индивидуально-определяемые факты локального предмета доказывания с учетом конкретизации права, прав и обязанностей субъектов процессуальных правоотношений.

Таким образом, при выполнении общей обязанности по доказыванию в исковом производстве доказываются материально-правовые и процессуально-правовые факты правопроизводящего, правоизменяющего, правопрепятствующего и правопрекращающего характера. При выполнении локальной обязанности по доказыванию доказываются процессуально-правовые факты правопроизводящего, правоизменяющего, правопрепятствующего и правопрекращающего характера. В первом случае указанные факты входят в общий предмет доказывания, во втором — в локальный предмет доказывания. В обоих случаях суд может осуществлять конкретизирующую деятельность при применении им относительно-определенных (ситуационных) норма права.

*С. В. Никитин,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия, civilrap@ya.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ

В российской юридической науке проблемы судебного контроля за законностью нормативных правовых актов стали предметом исследования только в середине 90-х гг. прошлого века. Во многом это было связано с тем, что в советский период и в первые годы после восстановления российской государственности проверка законности нормативных предписаний не относилась к компетенции судебной власти. Возможность судебного оспаривания нормативных правовых актов возникла лишь с принятием Закона РФ от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан».

На наш взгляд, можно выделить три основных этапа развития теории судебного нормоконтроля.

Этапы развития теории судебного нормоконтроля

1 этап (1993-2000 гг.)

Первые шаги в становлении теории

Научные публикации в периодических изданиях по проблемам оспаривания нормативных предписаний: *Жилин Г.А., Изварина А.Ф., Свищевой В.А., Укусова Е.Е. и др.*

2 этап (2001-2010 гг.)

Формирование концепции судебного нормоконтроля

Монографические издания: *Гаджиев Г.А., Гаджиев А.Г.* Общие принципы судебного нормоконтроля (2006), *Бек О.А.* Производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов (2009), *Никитин С.В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе (2010).

Кандидатские диссертации по проблемам судебного оспаривания НПА: *Карсанов В.А.* (2001), *Носенко М.С.* (2001), *Филановский В.А.* (2002), *Автонов И.В.* (2007), *Бек О.А.* (2007), *Гусев А.А.* (2007).

Докторская диссертация по теоретическим и практическим проблемам судебного нормоконтроля: *Никитин С (2010).*
 Многочисленные научные статьи

3 этап (2011 - н. в.)

Дальнейшее развитие концепции судебного нормоконтроля

Монографии:

Терехова Л.А. Рассмотрение судами дел о признании нормативных актов недействующими (2011), *Никитин С. В.* Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов (2018).

Кандидатские диссертации:

Шмельев А.Н. Судебная нуллификация нормативно-правового акта (2018),
Усольцева З.А. Судебный нормоконтроль в сфере тарифного регулирования (2021).
 Многочисленные научные статьи

До принятия ГПК РФ 2003 г. и АПК 2002 г. вопросы судебного нормоконтроля не были объектом пристального внимания авторов. Было опубликовано несколько научных статей¹, а также проведено три диссертационных исследования², посвященных процессуальным проблемам судопроизводства по делам об оспаривании нормативных правовых актов. При этом теоретические аспекты судебного нормоконтроля оставались во многом за пределами научных дискуссий.

Примечательно, что даже термин «нормоконтроль» как вид судебной деятельности по проверке законности нормативных предписаний был введен в научный оборот не доктриной, а Конституционным Судом РФ³.

В первое десятилетие после принятия новых процессуальных кодексов и существенного роста количества дел, рассматриваемых судами в рамках производства об оспаривании нормативных правовых актов, значительно большее внимание стало уделяться теоретическим и практическим вопросам организации и осуществления судебного нормоконтроля. Появился ряд монографических, в том числе диссертационных исследований, а также достаточно большое число научных статей, посвященных тем или иным проблемам реализации судебного нормоконтроля в гражданском и арбитражном процессе⁴, а также в конституционном судопроизводстве⁵.

¹ Жилин Г. А. Признание нормативных актов недействительными // Российская юстиция. 1998. № 7; Изварина А. Ф. Специфика судебных решений по делам об оспаривании законности нормативных правовых актов // Юридический вестник. 1999. № 3; Лазарев Л. Проблемы судебного нормоконтроля в решениях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2001. № 2; Сивицкий В. А. Оспаривание нормативных и ненормативных правовых актов // Юридический мир. 1999. № 1; Уксусова Е. Процессуальные особенности рассмотрения дел об оспаривании нормативных актов // Российская юстиция. 1999. № 1; и др.

² Кирсанов В. А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2001; Носенко М. С. Оспаривание нормативных правовых актов в судах общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2001; Филановский В. А. Подведомственность дел об оспаривании нормативных правовых актов: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.

³ См.: Постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 5.

⁴ Антонов И. В. Рассмотрение арбитражными судами дел об оспаривании правовых актов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Бек О. А. Производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Гусев А. А. Проблемы рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007; Гаджиев Г. А., Гаджиев А. Г. Общие принципы судебного нормоконтроля. М., 2006.

⁵ Молотов А. В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003; Замотаева Е. К. Судебный нормоконтроль как способ разрешения конституционно-правовых споров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Вместе с тем проблемы общетеоретического характера, включая вопрос о правовой природе судебного контроля в сфере нормотворчества, требовали дальнейшего научного анализа.

Авторы, рассматривающие те или иные аспекты судебного контроля за нормативными правовыми актами, специально не останавливались на раскрытии понятия и правовой природы судебного нормоконтроля, ограничиваясь, как правило, его кратким определением.

Анализ приведенных в литературе определений судебного нормоконтроля показывает, что большинство авторов акцентировали основное внимание на деятельности суда по проверке законности соответствия спорного нормативного правового акта нормативному предписанию, обладающему большей юридической силой¹.

В последующие годы теоретическим вопросам судебного нормоконтроля стало уделяться значительно больше внимания. Были защищены докторские и кандидатские диссертации, опубликованы монографические работы по проблемам нормоконтроля в конституционном судопроизводстве, а также гражданском и арбитражном процессе².

Авторами был проведен научный анализ закономерностей организации и функционирования системы судебного нормоконтроля. Исследование правовой природы, функций, основных признаков и предмета судебного нормоконтроля позволило достаточно объективно оценить проблемы построения и реализации законодательной модели судебного нормоконтроля, процессуальную форму рассмотрения в судах дел об оспаривании нормативных правовых актов, внести предложения по их оптимизации и т.д.

Важно также отметить, что целый ряд высказанных в доктрине предложений по совершенствованию правового регулирования прямого судебного нормоконтроля нашли определенное отражение в процессуальном законодательстве, а также разъяснениях высших судебных органов.

---

¹ Бурков А. Л. Судебная защита прав граждан от незаконных нормативных актов. Екатеринбург, 2005. С. 12; Яценко В. Н. Некоторые особенности рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 4. С. 21–22 и др.

² Никитин С. В. Теоретические и практические проблемы судебного нормоконтроля в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010; Терехова Л. А., Терехов В. В. Рассмотрение судами дел о признании нормативных актов недействующими. Омск, 2011; Никитин С. В. Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов: учебное пособие. М., 2018; Тарибо Е. В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта. М., 2018; Шмелев А. Н. Судебная нуллификация нормативно-правового акта: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики», 2018; Усольцева З. А. Судебный нормоконтроль в сфере тарифного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021 и др.

Так, в КАС РФ были введены нормы, устанавливающие объективные критерии определения наличия у административного истца права на оспаривание нормативного предписания, урегулирован порядок проверки отмененных или утративших силу актов, введена процедура пересмотра судебного решения, основанного на нормативном предписании, впоследствии признанном судом незаконным (ст. 350 КАС РФ) и др.¹

Отдельные выводы и предложения, сформулированные по результатам анализа правовой природы и последствий косвенного нормоконтроля нашли отражение в ряде постановлений Конституционного Суда РФ².

В настоящее время можно говорить о формировании основных концептуальных положений теории судебного нормоконтроля. Проведенный анализ правовой природы судебного контроля в сфере нормотворческой деятельности показал, что он имеет специфические цели, задачи и предмет, что позволяет говорить о наркочетном контроле как о самостоятельном направлении реализации функций судебной власти.

Судебный нормоконтроль рассматривается как деятельность суда по проверке правомерности (конституционности, законности) нормативного предписания, осуществляемая в рамках правосудия.

В результате проверки нормативного правового акта суд своим решением либо подтверждает законность (правомерность), что исключает его повторное оспаривание, либо признает этот акт незаконным и подвергает его дисквалификации: лишает акт юридической силы или прекращает в целом его действие на общественные отношения (при прямом контроле); либо исключает его применение в конкретном деле (при косвенном контроле). Решением суда, таким образом, изменяются юридические свойства нормативного предписания.

Конституционное и административное судопроизводство рассматривается в качестве оптимальных процессуальных форм прямого судебного нормоконтроля.

---

¹ Подробнее см.: Никитин С. В. Проблемы правового регулирования судебного нормоконтроля в административном судопроизводстве // Судья. 2018. № 11. С. 12–17.

² См.: Никитин С. В. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 88–101. Ряд предложений и выводов автора нашли отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2017 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 и пункта 1.1 части 1 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Г. Жукова»; постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 2018 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Альбатрос» // СПС «КонсультантПлюс».

В настоящее время актуальными направлениями научных исследований в сфере судебного нормоконтроля представляются вопросы судебного контроля за законностью отдельных видов нормативных предписаний, в том числе интерпретационных актов, актов территориального планирования, актов в сфере тарифного регулирования, локальных нормативных правовых актов¹.

Внимание авторов также привлекают проблемы реализации судебных постановлений, принятых по делам об оспаривании нормативных правовых актов, вопросы контроля в отношении правовых актов, содержащих разъяснения судебной практики², и др. По-прежнему актуальным остается анализ проблем судебной защиты прав и законных интересов, нарушенных действием незаконных нормативных предписаний.

---

¹ Никитин С. В. Интерпретационные акты как предмет судебного нормоконтроля // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 43–51; Жеребкина Е. В. Локальные правовые акты как предмет судебного нормоконтроля // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 11. С. 26–29; Усольцева З. А. Косвенный судебный нормоконтроль за актами, устанавливающими тарифы (цены) // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 28–31.

² Султанов А. Р. Возможно ли оспаривание пленумов... (на примере оспаривания одного постановления Пленума ВАС РФ) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 88–111.

*А. Г. Нуриев,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель директора Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия,
anasnuriev@yandex.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОСКОВСКОЙ И КАЗАНСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Развитие научной школы гражданского процессуального права, как и любой научной школы, предполагает наличие динамики, подчиненной определенному вектору развития. Развитие предполагает временной хронотраж, имеющий начало как исходную точку, и выявление обстоятельств, определяющих динамику движения.

Московскому государственному университету как одному из старейших классических университетов, учрежденных в России (1755 г.), принадлежит пальма первенства как основоположнику российских научных школ, и, соответственно, начало научных школ в академическом смысле берут в Москве. Казанский университет (1804 г.), являющийся одним из трех старейших российских университетов, безусловно, развивался в орбите Московского университета. Не случайно первый набор студентов в Казанский университет осуществлялся из Казанской гимназии, являющейся на тот момент частью Московского университета. Отрадно, что с момента учреждения Казанского университета одним из четырех отделений было нравственно-политическое, в котором присутствовала кафедра — право гражданское и уголовное и судопроизводство Российской империи (по Уставу от 5 ноября 1804 г.).

Безусловно, взаимосвязь двух научных школ строилась на личном взаимоотношении выдающихся ученых, определивших на долгие столетия развитие отечественной науки гражданского процессуального права. Особо следует выделить тесную связь двух научных школ в императорский период развития нашего государства.

Яркий представитель казанской юридической научной школы Дмитрий Иванович Мейер, известный как один из основателей университетских «юридических клиник», преподававший в Казанском университете с 1845 по 1855 г., привлек многих ярких ученых-правоведов, скрепивших связь двух научных школ.

К числу таких ученых можно отнести Семена Викентьевича Пахмана, выпускника Московского университета 1845 г., который в 1851 г. защитил в Московском университете магистерскую диссертацию на тему «О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии» и был приглашен Д. И. Мейером на кафедру законов государственного благоустройства Казанского университета. В 1852 г. он получил степень доктора юридических наук, а в 1856 г. был возведен в звание ординарного профессора кафедры гражданского права и судопроизводства и с 1856 по 1859 г. вел лекции по гражданскому судопроизводству.

Примером обратной взаимосвязи выпускника и состоявшегося ученого является выпускник Казанского университета 1853 г. Александр Иванович Вицын. После завершения обучения был направлен для написания магистерской диссертации в Москву, где в 1856 г. защитил диссертацию на тему «Третейский суд по русскому праву». С 1857 г. начал преподавательскую стезю в Казанском университете, а уже в 1860 г. был возведен в звание исполняющего должность экстраординарного профессора по кафедре гражданских законов и судопроизводства. С 1866 г. в Москве, где занял место члена Московского окружного суда. В 1868 г. стал присяжным поверенным округа Московской судебной палаты и параллельно читал в Московском университете курс гражданского судопроизводства. В 1875 г. стал председателем Московского коммерческого суда.

Яркий представитель науки гражданского процессуального права, выпускник юридического факультета Московского университета 1875 г. Нефедьев Евгений Алексеевич начал свою академическую карьеру в Казанском университете в 1882 г. в должности приват-доцента кафедры. В 1887 г. защитил магистерскую диссертацию «Устранение судей в гражданском процессе» и с 1888 г. исполнял должность экстраординарного профессора. В 1892 г. защитил докторскую диссертацию «К учению о сущности гражданского процесса» и после утверждения в степени доктора в апреле 1892 г. был утвержден ординарным профессором кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства юридического факультета Казанского университета. Был также присяжным поверенным окружной казанской судебной палаты.

С 1896 г. перешел в Московский университет на должность ординарного профессора кафедры торгового права и торгового судопроизводства юридического факультета. Читал общий курс лекций по гражданскому судопроизводству. С 1907 г. заслуженный профессор Московского университета.

В казанский период творчества Е. А. Нефедьевым подготовлены основные его работы в области гражданского процесса: «О способах освобождения недвижимого имущества от описи их третьими лицами» (1881);

«Задачи и элементы науки гражданского процесса» (1882); «Устранение судей в гражданском процессе» (1885); «Склонение сторон к миру в гражданском процессе» (1890); «К учению о сущности гражданского процесса», «Соучастие в гражданском процессе» (1891); «Единство гражданского процесса» (1892); «Производство в коммерческих судах» (1893); «Исполнение судебных решений» (1893); «Учение об иске»; (1895); «Основные начала гражданского судопроизводства» (1895).

Другим ярким представителем науки гражданского процессуального права, связавшим две научные школы, является Евгений Владимирович Васьковский, который при поддержке Габриэля Феликсовича Шершеневича (выдающегося профессора Казанского, а в последующем Московского университетов) в 1894 г. был допущен к публичной защите на соискание магистерской степени на юридическом факультете Казанского университета. В 1897 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Организация адвокатуры», а уже в 1901 г. в Казанском университете защищает докторскую диссертацию на тему «Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов».

Большая часть его творческой жизни прошла в г. Одессе и Новороссийском университете, после 1912 г. – в Московском университете, где в 1914 г. издается его основной труд – «Учебник гражданского процесса» (М., 1914). Интересной деталью, характеризующей востребованность данного учебника и его фундаментальное значение, являются учебные пособия, составленные в тяжелые для нашей отечественной юридической науки годы. Так в 1919–1920 гг. в качестве рекомендуемой литературы по судоустройству и судопроизводству (19 августа 1919 г.) указаны:

- Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса, 1917.
- Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Т. I–II (Изд. Министрством юстиции), 1914.

Примером взаимодействия двух научных школ императорского периода как уходящей эпохи является выпускник Московского университета — заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор Дмитрий Михайлович Генкин, который завершил подготовку магистерской диссертации в Казанском университете, после чего он получил звание магистра и в последующем работал Московском университете.

К сожалению, советский период развития нашего государства начался для юридического факультета Казанского университета с череды преобразований, сведших на нет преемственность и, как следствие, развитие и взаимодействие с другими научными школами. Юридический факультет упраздняется, и на его смену с 1919 по 1922 г. приходит факультет общественных наук. Вместо которого в 1923 г. учреждается двухгодичная юридическая школа, просуществовавшая до 1925 г. С 1925 г. в составе уни-

верситета учреждается факультет советского права, а с 1928 г. факультет советского строительства и права. С 1931 г. происходит реорганизация факультета советского строительства и права в Казанский институт советского права, переименованный сначала в Правовой институт, а в 1936 г. в Юридический институт, просуществовавший до 1952 г.

Множество изменений и преобразований не могло не сказаться на учебном процессе и на развитии науки. Так, до начала 40-х гг. XX в. в стенах Казанского университета не было создано ни одной работы в области гражданского процесса. Вероятно, это обусловлено тем, что преподавание осуществлялось в основном не специалистами в области гражданского процессуального права¹, а в отдельные периоды должности преподавателей процессуального права оставались вакантными.

В 1952 г. произошло восстановление юридического факультета в Казанском университете, что сразу же сказалось на восстановлении научной школы гражданского процессуального права, которое происходило при активном взаимодействии с представителями научной школы Московского университета.

Так, после восстановления юридического факультета в Казанском государственном университете гражданский процесс начинает преподавать Юрий Иванович Гринько. Выпускник Казанского юридического института 1950 г., который с 1951 г. принимается на кафедру гражданского права и процесса для преподавания гражданского процесса. С 1 сентября 1959 г. Ю. И. Гринько был прикомандирован на годичное обучение в аспирантуру Московского университета. Под руководством профессора А. Ф. Клеймана он подготавливает и в 1961 г. успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Исполнение судебных решений в советском гражданском процессе».

После долгого перерыва представителями Казанской научной школы издаются специальные исследования по вопросам гражданского судопроизводства. К числу основных работ Ю. И. Гринько можно отнести «Исполнительное производство как стадия гражданского процесса», «Некоторые вопросы исполнительного производства», «Проект ГПК в сфере дальнейшего укрепления социалистической законности», «Некоторые вопросы проведения судебных заседаний по гражданским делам», 1 монография «Исполнение судебных решений» (1969) и Сборник задач по гражданскому процессу (в соавторстве с Я. Ф. Фархтдиновым, 1981).

В дальнейшем взаимодействие двух научных школ было продолжено Ягфаром Фасхтдиновым Фархтдиновым, выпускником Казанского уни-

---

¹ Специалистами в области гражданского права (В. Г. Барышников, сер. 1930-х–1952; Г. С. Певзнер, 1949) и даже специалистами в области уголовного судопроизводства (А. В. Шишков, 1918–1922; М. А. Сегаль, 1928–1930).

верситета 1963 г., который в 1974 г. в диссертационном совете Московского университета защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

После того как гражданским процессом стал заниматься Я. Ф. Фархтдинов, значительно оживляется научная работа в области цивилистического процесса. Например, под его руководством было подготовлено коллективное учебное пособие «Особенности рассмотрения в суде отдельных категорий гражданских дел».

Под научным руководством Я. Ф. Фархтдинова были подготовлены ряд кандидатских диссертаций ныне ярких представителей казанской научной школы гражданского процессуального права Дамира Хамитовича Валеева и Марата Рашидовича Загидуллина, которые продолжают традиции научной школы Казанского университета и взаимодействие с научной школой Московского университета.

*С. М. Петрова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия,
судья Высшего Арбитражного Суда
Российской Федерации в отставке,
svmpetrova@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе правовое государство предоставляет заинтересованному лицу возможность выбора способов и формы защиты нарушенного права. Обращение юридических и физических лиц в суд с иском или заявлением о защите своих прав и охраняемых законом интересов является наиболее эффективной формой восстановления нарушенного и оспоренного права. Преимущество судебного порядка защиты очевидно: суд независим и подчиняется только закону.

Одним из условий реализации права на обращение в суд с иском или заявлением является соблюдение досудебного порядка, в том числе административного порядка, т.е. рассмотрение споров вышестоящим органом, если это предусмотрено законом (ст. 11 ГК РФ). Проблема совершенствования досудебного порядка разрешения споров всегда находится в центре внимания, что позволяет снизить судебную нагрузку и улучшить качество судебных решений по делам. Как отмечает Т. Е. Абова, альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров важны прежде всего для удовлетворения различных интересов самих сторон¹.

В качестве мер по предупреждению чрезмерной нагрузки на суды, а также необходимости содействовать дружественному урегулированию споров вне судебной системы в налоговом законодательстве был установлен внесудебный порядок взыскания санкций, а с 1 января 2009 г. решение

---

¹ Абова Т. Е. Альтернативные формы разрешения споров нужны для сторон, а не ради снижения нагрузки для судей // Арбитражная практика. 2011. № 3.

о привлечении к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения или об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения может быть обжаловано в судебном порядке лишь после его обжалования в вышестоящем налоговом органе.

Практика рассмотрения жалоб, рассмотренных УФНС и ФНС, показала, что 40% жалоб удовлетворяется в пользу налогоплательщика. В связи с этим с 1 января 2014 г. было установлено общее правило обязательного досудебного административного обжалования. Также обязательный досудебный (административный) порядок был введен в других государственных органах, например, антимонопольных.

Правовые нормы о введении досудебного административного порядка свидетельствуют о смежной форме разрешения административно-правовых дел: административной юрисдикции. Поскольку практикой доказана эффективность разрешения споров в административном порядке, то налоговые органы разработали упрощенный порядок рассмотрения споров в налоговых органах, которых будет введен в действие с 1 января 2025 г. ФЗ от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ. Следует отметить, что такое новшество было апробировано компанией «Пепеляев Групп». Результаты опроса о формах и методах налогового контроля были представлены на сессию ПМЮФ-2022. По результатам опроса было установлено, что 87% компаний было предложено инспекцией вне рамок проверки добровольно уточнить налоговые обязательства и доплатить налоги. Результатом диалога с инспекцией явилось следующее: у 40% компаний часть претензий инспекцией были сняты, а компании доплатили налоги в оставшейся части; у 16% компаний инспекция сняла свои претензии; у 6% — инспекция не приняла пояснения, была назначена выездная налоговая проверка¹.

Упрощенный порядок заключается в том, что жалобу рассматривает непосредственно территориальный налоговый орган. Если конфликт не урегулирован в течение 7 дней, эта жалоба отправляется на рассмотрение в вышестоящий налоговый орган. Выбор упрощенного порядка зависит от волеизъявления налогоплательщика и распространяется на все споры, за исключением обжалования решений, принятых по итогам проверок и решений о привлечении к ответственности, вынесенных вне проверок. Это свидетельствует о том, что нередко эффективнее сразу обратиться внимание администратора на требование закона (превышение полномочий). Часто конфликты возникают из-за неправильного понимания законодательства или хозяйственной ситуации госорганом или самим налогоплательщиком.

Упрощенный порядок рассмотрения жалоб впервые вводит в официальную практику горизонтальный способ коммуникации для разрешения

---

¹ Развитие форм и методов налогового контроля // Налоговед. 2022. № 8.

или предотвращения налоговых конфликтов, т.е. фактически речь идет о примирении сторон. В связи с чем интересным является введение в Китае народных примирительных комиссий для разрешения споров. Следует отметить, что эти комиссии являются специфическими органами КНР по разрешению споров между гражданами.

Повешение эффективности процессуальной деятельности в рамках судебного (административного) порядка должно осуществляться за счет четкой регламентации процедуры рассмотрения: а именно определения предмета доказывания сторонами; пересмотра решений в пределах доводов жалобы; установления санкций за нарушение сроков и совершения обязательных процедур в процессе рассмотрения жалобы; предоставления возможности участвовать в рассмотрении жалобы заявителю. В результате рассмотрения жалобы не может быть принято решение, ухудшающее положение заявителя.

С учетом сказанного целесообразно принять единый законодательный акт, в котором следует закрепить процессуальные действия, способствующие эффективному рассмотрению в административном порядке. Указанный документ должен быть общим для всех государственных органов.

Следует учесть, что в административном порядке имеются позитивные моменты для рассмотрения дел судом. Если стороны не удовлетворены разрешением конфликта в административном порядке, то он будет способствовать выяснению сути конфликта судом, обеспечивает процесс доказательствами, тем самым облегчает суду подготовку дела к судебному разбирательству.

Принятие ФЗ «Об альтернативной процедуре регулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» позволило соотнести публичные государственные процессуальные механизмы разрешения гражданских дел с частноправовыми способами, поскольку появился новый самостоятельный институт медиаторов. Как показывает практика, по результатам медиации мало заключается мировых соглашений. Если в судах общей юрисдикции в 2021 г. было заключено 256 мировых соглашений, то в арбитражных судах — 2, в 2022 г. — 7. Вместе с тем технология медиации в разрешении споров имеет определенное преимущество. Она более гибка, не ограничивается нормативной базой, работает с интересами всех участников спора, используя моральные и психологические аспекты.

Так почему же институт медиации не получил распространения? В связи с чем хотелось бы обратить внимание на реализацию научно-практического проекта «Примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве» в Подольском городском суде. Научно-практический проект утвержден кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия. В целях развития практики применения медиации в По-

подольском городском суде регулярно присутствуют медиаторы и проводят примирительные процедуры. В ходе реализации выяснилось, что граждане обладают низкой информированностью о медиации и ее возможностях. Медиаторы отмечают слабую инициативу и поддержку со стороны суда. Вместе с тем следует обратить внимание на два выявленных аспекта деятельности медиаторов в Подольском городском суде. Первый — медиаторы работают без оплаты. Второй — медиация наиболее эффективна в конфликтах, связанных с разводом супругов, с проживанием детей, участием в их воспитании, об определении порядка пользования жилым домом или его долей.

Исходя из перечня этих споров, медиация эффективна там, где имеется интенсивное и близкое общение, а также неприязненные отношения. Люди не желают огласки в этих спорах и дорожат репутацией.

В арбитражных судах медиация может применяться по делам, возникающим из договоров строительного подряда, участия в долевом строительстве. Таких дел в судах не просто много, а достаточно много отмен решений по ним в апелляции и кассации. Как показывает практика, в основе этих споров лежат не вопросы применения права, а конкретные обстоятельства дела: стоимость работ, их количество и качество, т.е. по этой категории дел можно и нужно договариваться.

С учетом изложенного можно сделать вывод о целесообразности введения обязательной процедуры медиации по некоторым видам гражданско-правовых, семейных споров.

Надо понимать, что система современного судоустройства далека от идеальной, а судебные тяжбы могут длиться годами. В целях снижения судебной нагрузки, повышения качества работы судей необходимо активное внедрение медиации в сегменте тех дел, на которые указывает судебная практика. Требуется внесение изменений в законодательство об обязательной процедуре медиации по некоторым делам.

*В. А. Подейко,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника юридического управления
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
v.podeiko@mail.ru*

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ ДЛЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО (на примере Австрии)

В российской юридической науке существует несколько различных концепций административного процесса. Исторически первой из них была так называемая управленческая концепция, в рамках которой административный процесс понимается как деятельность органов публичной администрации (административных органов) по разрешению индивидуальных юридических дел¹. Позже появилась концепция, которую в настоящее время принято называть юстициарной; в ее рамках административный процесс по существу отождествляется с административным судопроизводством². Наконец, наиболее новая концепция получила название интегративной и стремится объединить две названные выше; она исходит из того, что административный процесс представляет собой как деятельность административных органов, так и деятельность судов по разрешению индивидуальных юридических дел³.

Интегративное понимание административного процесса, сформировавшееся в современной российской юридической науке, очень напоминает концепцию административного процесса, сложившуюся в Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в. Важнейшей ее чертой является широ-

---

¹ См., например: Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. СПб., 2004.

² См., например: Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. М., 2009.

³ См., например: Стахов А. И., Кононов П. И., Ландерсон Н. В., Порываев С. А. Судебное административно-процессуальное право России. М., 2023. Краткое и весьма емкое изложение интегративной концепции: Стахов А. И. Интегративная теория административного процесса — единственно верная основа построения модели административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3.

кое использование в административном процессе институтов и подходов, выработанных в гражданском процессе.

Если специалистам по гражданскому процессу хорошо знаком знаменитый австрийский процессуалист *Ф. Кляйн (F. Klein)*¹, то сопоставимое значение для науки административного процесса имеет его современник и соотечественник *Э. Бернатцик (E. Bernatzik)*, основные взгляды которого изложены в его книге «Юрисдикция и материальная законная сила»². Большое влияние на взгляды *Э. Бернатцика*, очевидно, оказало то, что он был судьей. Возможно, именно этим обусловлена его основная мысль, в значительной мере сформировавшая австрийскую модель административного процесса как таковую: при осуществлении юрисдикции между судом и административным органом в действительности нет принципиального различия, поскольку и тот и другой — правоприменители. Осуществлять юрисдикцию — значит «применять абстрактную правовую норму к фактическим обстоятельствам таким образом, что тем самым устанавливается конкретное правоотношение»³.

В целом основные выводы *Э. Бернатцика* таковы. Предпосылка осуществления юрисдикции (в том числе административной) — наличие такого процессуального порядка, который обеспечивал бы защиту правовых интересов участников процесса. Этот процессуальный порядок должен обеспечивать, с одной стороны, установление фактических обстоятельств дела (*Feststellung des Tatbestandes*), а с другой — заслушивание участников процесса (*Gewährung des rechtlichen Gehörs*). При этом в качестве юрисдикционного органа может выступать как суд, так и административный орган; важно лишь, чтобы он обладал публично-властными полномочиями (*obrigkeitlicher Gewalt*) в целом и был наделен компетенцией по разрешению конкретного вопроса в частности. Такой орган может быть даже наделен государством определенной автономией (в качестве примера приводятся, в частности, общины, органы церковного управления, а также адвокатские и нотариальные палаты). Осуществление административным органом юрисдикционных полномочий нельзя смешивать ни с подзаконным нормативным регулированием, ни с непосредственным административным принуждением (хотя как административный, так и судебный акты могут возлагать определенные обязанности). Это ка-

---

¹ Наиболее значимая для понимания австрийского гражданского процесса его работа: Klein F. Pro futuro. Betrachtungen über Probleme der Civilprozeßreform in Oesterreich. Leipzig—Wien, 1891.

² Bernatzik E. Rechtsprechung und materielle Rechtskraft. Verwaltungsrechtliche Studien. Wien, 1886.

³ «Eine abstrakte Rechtsnorm auf ein konkretes Tatbestand in einer Weise anwenden, dass dadurch ein konkretes Rechtsverhältnis festgestellt wird» (Bernatzik E. Op. cit. S. 63).

сается и производства по делам об административных правонарушениях (*Verwaltungsstrafverfahren*). Обжалование решений административных органов также возможно как в административном, так и в судебном порядке¹.

Многое из изложенного выше сегодня покажется вполне тривиальным, но необходимо помнить о том, что книга Э. Бернатцика опубликована в 1886 г., т.е. почти полтора столетия назад. Свое дальнейшее развитие эти идеи получили в работах других представителей сформированной Э. Бернатциком научной школы, среди которых следует особо отметить Ф. Тецнера (*F. Tezner*)² и Р. Херрнитца (*R. Herrnritt*)³.

В Австрии⁴ достаточно поздно (в 1895 г.) была проведена современная кодификация гражданского процессуального законодательства, в результате которой был принят действующий до настоящего времени Гражданский процессуальный устав (*Zivilprozessordnung* – *ZPO*). Однако уже в 1911 г. началась работа над кодификацией административно-процессуального законодательства, прерванная Первой мировой войной. После окончания последней работа была возобновлена, и Австрия, одной из последних получившая кодификацию гражданского процесса, первой – в 1925 г. – получила полноценную кодификацию процесса административного. При этом первая из этих кодификаций ощутимо повлияла на вторую, особенно с учетом того, что их разделяет всего тридцать лет.

Наиболее важной частью этой кодификации, охватившей большинство видов административных производств, стал Общий закон об административном производстве (*Allgemeines Verwaltungsverfahrensgesetz* – *AVG*). Помимо него были приняты Закон об административных наказаниях (*Verwaltungsstrafgesetz* – *VStG*), содержащий правила производства по делам об административных правонарушениях, и Закон об исполнении административных решений (*Verwaltungsvollstreckungsgesetz* – *VVG*), регулировавший исполнительное производство. Австрийские административно-процессуальные законы действуют до настоящего времени (любопытно, что их действие не прерывалось даже в 1938–1945 гг.); дважды, в 1950 и 1991 гг., принимались новые их редакции.

Основными принципами, предусмотренными австрийским Общим законом об административном производстве (§ 37, 39, 45 *AVG*), стали:

¹ Bernatzik E. Op. cit. S. 64–80.

² Tezner F. *Handbuch des österreichischen Administrativverfahrens*. Wien, 1896.

³ Herrnritt R. *Das Verwaltungsverfahren. Systematische Darstellung auf Grund der neuen österreichischen und ausländischen Gesetzgebung*. Wien, 1932.

⁴ Не во всей Австро-Венгрии, а именно в землях австрийской короны (в Цислейтании), к которым помимо большей части современной Австрии также относились территории современных Чехии, Словении и частично Северной Италии.

1) возбуждение дела *ex officio* (*Offizialmaxime*), т.е. по инициативе административного органа, не исключающее принципиальной возможности возбуждения дела по инициативе заинтересованного лица; 2) принцип быстроты производства (*Grundsatz der Raschheit des Verfahrens*); 3) принцип материальной истины (*Grundsatz der materiellen Wahrheit*); 4) принцип свободной оценки доказательств (*Grundsatz der freien Beweiswürdigung*) и 5) принцип заслушивания сторон (*Grundsatz des Parteiengehörs*)¹. Из всех перечисленных процессуальных принципов лишь первый не имеет отношения к гражданскому процессу; все остальные же в той или иной степени присущи как административному процессу, так и гражданскому. И более того, сама их формулировка именно в таком виде свидетельствует о влиянии кодификации гражданского процесса на кодификацию административного процесса. Гражданский процессуальный устав не был и не мог быть воспроизведен в Общем законе об административном производстве непосредственно, но стал своего рода источником вдохновения для последнего.

Австрийская кодификация административного процесса повлияла на все государства, территории которых входили в состав Австро-Венгрии или находились под ее влиянием. Принятые в этих государствах административно-процессуальные законы (в Чехословакии и Польше в 1928 г., в Югославии в 1930 г., в Венгрии — в 1957 г.) были написаны по австрийской модели, как и последующие акты административно-процессуального законодательства в этих странах.

В России до сих пор нет единого административно-процессуального закона², хотя неоднократно предлагались его проекты³. Однако такой закон действительно необходим: он позволит упорядочить административно-процессуальную деятельность как административных органов, так и судов. И при его разработке опыт Австрии может оказаться полезным, в том числе и в части использования кодификации гражданского процесса как источ-

---

¹ Австрийская литература, раскрывающая значение этих принципов, весьма обширна; в качестве примера: Hengstschläger J., Leeb D. *Verwaltungsverfahrenrecht. Verfahren vor den Verwaltungsbehörden und Verwaltungsgerichten*. 5. Aufl. Wien, 2014. Существует достаточно лаконичное описание этих принципов и в англоязычной литературе: Storr S. *The Structure and Main Features of the Austrian General Administrative Procedure Act (AVG)* // *The Austrian Codification of Administrative Procedure. Diffusion and Oblivion (1920–1970)* / Ed. G. della Cananea, A. Ferrari Zumbini, O. Pfersmann. Oxford, 2023.

² В этом есть некоторое упущение отечественного законодательства, но, к примеру, и во Франции такой закон появился совсем недавно — лишь в 2016 г.

³ См., например: Стахов А. И., Кононов П. И. О проекте Федерального закона «Об административном производстве в Российской Федерации». Проект Федерального закона «Об административном производстве в Российской Федерации» // *Журнал административного судопроизводства*. 2017. № 3.

ника вдохновения для административно-процессуальных законов. Применительно к российскому правопорядку должен учитываться, конечно, опыт всех кодификаций имперского и советского времени, а не только последней, современной кодификации. Учитывая, что в некоторых актах административно-процессуального законодательства подобный подход уже прослеживается¹, к дальнейшей работе в этом направлении следует относиться с осторожным оптимизмом.

---

¹ Например, в гл. 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

*Е. Г. Потапенко,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Саратовского национального исследовательского
государственного университет имени Н. Г. Чернышевского,
egprotapenko@rambler.ru*

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ОБНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Обновление является закономерностью развития права как надстроечного явления. Право следует за социальным развитием в целом. Е. Г. Стрельцова справедливо указывает, что «организация гражданского процесса должна соответствовать уровню социально-экономического развития общества: именно тогда гражданский процесс становится максимально приспособленным не только к задачам и целям государственного управления как такового, но и к нуждам конкретного человека»¹. Однако главной функцией права, определяющей смысл его существования как особой нормативной системы, является функция правового регулирования². Право обеспечивает стабильность общественной жизни, поэтому оно также должно обладать стабильностью и относительной статичностью.

Борьба двух противоположностей в цивилистическом процессуальном праве (изменчивости и стабильности) является одним из проявлений известного закона диалектики (единства и борьбы противоположностей) и характерна для развития самого права. С одной стороны, чтобы быть эффективными, цивилистический процесс и регламентирующая его система норм должны соответствовать социально-экономическому развитию общества, что предопределяет наличие у цивилистического процессуального права свойства изменчивости. С другой стороны, постоянное следование за динамично изменяющимися внешними условиями подрывает

---

¹ Стрельцова Е. Г. Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительного исполнения исполнительных документов в социальном государстве: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 31.

² См.: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 139–140.

социальное назначение права как регулятивного элемента общественной системы. В этой связи цивилистический процесс и право должны соответствовать только масштабным (существенным) изменениям общества и государства, следовательно, обладают свойством стабильности. Чрезмерная и даже высокая интенсивность обновления цивилистического процессуального права нарушает стабильность и предсказуемость цивилистического процесса, значительно снижает эффективность правового регулирования. Этими общими размышлениями обосновываются пределы темпа обновления цивилистического процессуального права.

Ограничения обновления цивилистического процессуального права обосновываются также с содержательной точки зрения. Стабильность, присущая цивилистическому процессуальному праву в целом, тем не менее по-разному проявляется в отраслевой системе права. Очевидно, что принципы цивилистического процессуального права обладают большей стабильностью и статичностью, нежели рядовые процессуальные нормы. Для принципов цивилистического процессуального права свойство стабильности является более значимым, поскольку именно принципы определяют сущностную характеристику цивилистического процесса (например, как следственного или состязательного). Определяя принципы цивилистического процессуального права в качестве своеобразного барьера его обновления, следует сделать несколько оговорок.

Во-первых, не все то, что часто именуется принципами, является таковыми в действительности. А. Ф. Воронов справедливо указывает, что принципы гражданского процессуального права должны иметь законодательную форму. «Одну из задач науки гражданского процесса следует определить как четкое формулирование названия и содержания принципов гражданского процессуального права, а также, с нашей точки зрения, как нормативное закрепление принципов»¹. В последнее время в литературе наблюдается некий тренд искусственного расширения системы принципов цивилистического процесса. Статусом принципа наделяются различные процессуальные явления, например, процессуальная экономия, исполнимость решения суда, процессуальная добросовестность и т.д. Представляется, что такая тенденция выхолащивает суть категории принципов как онтологических начал цивилистического процессуального права².

---

¹ Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 21.

² Проблема состава системы принципов гражданского процессуального права дискутируется достаточно давно. По справедливому замечанию И. М. Зайцева, в литературе по состоянию на конец 80-х гг. прошлого века насчитывалось порядка двадцати принципов гражданского процессуального права, что создавало достаточно громоздкую и противно-

Во-вторых, хотя принципы обладают более высокой степенью статичности, нельзя не видеть, что такой статичностью не обладает система средств их гарантирования. Это особенно четко проявляется в связи с современной тенденцией цифровизации цивилистического процесса. В. В. Ярков в этой связи отмечает, что тенденции «деритуализации» и «дематериализации» судебного процесса неизменно затрагивают принципы гражданского процессуального права, которые требуют нового взгляда и новых средств обеспечения¹.

В-третьих, принципы, несмотря на статичность, все же не являются полностью застывшими процессуальными явлениями. История развития цивилистического процессуального права позволяет проследить эволюционное развитие системы принципов и их содержания. Например, в современный период нечасто можно услышать о принципе процессуального формализма, принципе концентрации процессуального материала, о которых в свое время писал Е. В. Васьковский². Данные принципы получили новое выражение в других элементах процессуальной системы либо были заменены другими принципами (например, принцип процессуального формализма во многом обозначен в современном принципе законности). Соответственно, с исторической точки зрения нет никакого основания отрицать изменчивость и эволюцию принципов цивилистического процессуального права. Смысл рассмотрения принципов как неких пределов обновления отраслевой системы заключается не в таком отрицании, а в проблеме замещения «старого» принципа «новым». В. М. Шерстюк при рассмотрении парных категорий в гражданском процессуальном праве справедливо отмечает, что «природу принципа права как закрепленного в праве основной, руководящей идеи можно понять только в ракурсе его связи с антипринципом»³. Нельзя просто отменить какой-либо принцип, не предоставляя взамен иную базовую идею, которая должна иметь более прогрессивный характер, обеспечивая эффективную судебную защиту. В противном случае, видимо, «побеждает» антипринцип (так произошло, на наш взгляд, с принципом непрерывности судебного разбирательства).

речивую систему. См.: Зайцев И. М. «А. Т. Боннер. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: учебное пособие. М., ВЮЗИ. 1987. 78 с.» // Правоведение. 1989. № 3. С. 105.

¹ См.: Ярков В. В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 3–6.

² См.: Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 350–352, 381–391.

³ Шерстюк В. М. Категории диалектики в гражданском и арбитражном процессуальном праве. М., 2022. С. 91.

Наконец, в-четвертых, представляется, что не все принципы имеют для цивилистического процессуального права одинаковое экзистенциальное значение, определяющее сущность цивилистического процесса. Несмотря на то что принципы выражают начала правового регулирования соответствующей сферы общественной жизни, их значение для отраслевой системы неодинаково¹. В зависимости от последнего принципы условно можно ранжировать на фундаментальные принципы, без которых современный цивилистический процесс не был бы самим собой, и иные принципы цивилистического процесса. К фундаментальным следует отнести, видимо, принцип диспозитивности, являющийся движущим началом судопроизводства², состязательности, процессуального равноправия, гласности судебного разбирательства и некоторые другие. Менее значимыми являются с точки зрения раскрытия сущности современного цивилистического процесса принципы единоличного и коллегиального рассмотрения дела, устности и др. Содержательные пределы обновления цивилистического процессуального права связаны прежде всего с фундаментальными принципами, изменение которых приведет к изменению сущности цивилистического процесса.

Таким образом, обновление цивилистического процессуального права имеет как темпоральные (интенсивность), так и содержательные ограничения. Темпоральные пределы обновления связаны со свойством стабильности цивилистического процессуального права, призванного обеспечить эффективное и прогнозируемое регулирование судопроизводственной деятельности и соответствующих правоотношений. Содержательные ограничения детерминированы сущностными признаками современного цивилистического процесса, концентрированно выраженными в системе фундаментальных принципов цивилистического процессуального права.

---

¹ Возможно, это связано с достаточно широким составом самой системы принципов, в которую довольно часто включаются процессуальные начала, характеризующие отдельные стороны (или части) цивилистического процесса, а не весь процесс в целом. Поэтому из данной ситуации возможны два логических выхода. Первый – сужение системы принципов за счет установления фундаментальных процессуальных начал, которые характеризуют процесс как «вещь в себе». При этом все остальные принципы не будут являться таковыми. Второй – ранжирование принципов цивилистического процессуального права по их экзистенциальному значению для цивилистического процесса на фундаментальные и иные принципы.

² См.: Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: учебное пособие / отв. ред. М. С. Шакарян. М., 1987. С. 35–38.

*И. А. Приходько,
доктор юридических наук,
адвокат Первой коллегии адвокатов города Москвы,
igor.prihodko@yahoo.com*

ПЕРЕНОС ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ В СФЕРУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

На текущий момент перевод гражданско-правовых споров в уголовно-процессуальную плоскость продолжает оставаться злободневной проблемой¹.

Как отмечает Д. И. Степанов, сегодня нередко все начинается в гражданском процессе, а заканчивается уголовным².

Основная причина переноса экономических споров в сферу уголовного судопроизводства видится в том, что, как показывает судебная практика, в рамках уголовного судопроизводства могут быть удовлетворены такие требования, которые не имели бы шансов на успех в арбитражном суде.

Почему это становится возможным? Ведь уголовный суд при разрешении гражданского иска применяет те же нормы гражданского права, что и арбитражный, однако результат этого правоприменения оказывается противоположным.

Одна из причин такого положения состоит в несогласованности норм УК с нормами ГК даже на понятийном уровне³.

Так, с точки зрения как гражданского, так и гражданско-процессуального права является аксиоматичным, что если оспоримая сделка, в частности, совершенная под влиянием обмана, не признана недействительной по иску потерпевшего, то она действительна и создает для ее сторон предусмотренные сделкой правовые последствия.

---

¹ См.: Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 108–126.

² См.: Верещагин А., Румак В. Принцип ограниченной ответственности у нас фактически упразднен [Интервью с Д. И. Степановым] // Закон. 2020. № 11. С. 8–19.

³ См.: Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Уголовное преследование как средство разрешения экономического спора: что не так в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах // М.: Международные отношения, 2021. 912 с.

Следовательно, реституция по такой сделке невозможна, а значит, полученное потерпевшим по обманной сделке, не признанной недействительной, остается у него.

Каким же образом может быть удовлетворено в уголовном процессе по делам о мошенничестве, которое наиболее часто вменяется предпринимателям, требование потерпевшего о взыскании вреда, составляющего стоимость имущества, переданного потерпевшим во исполнение его собственного обязательства, возникшего на основании сделки?

С точки зрения гражданского права это невозможно, и не только потому, что сделка действительна, но также и в силу того, что удовлетворение такого требования влекло бы возникновение на стороне потерпевшего неосновательного обогащения: ведь за ним остается все полученное по сделке, а стоимость переданного им по сделке другой стороне взыскивается в пользу потерпевшего в качестве вреда, причиненного преступлением.

В уголовном же судопроизводстве невозможное становится возможным.

Как разъяснено в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, при установлении размера похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты судам надлежит иметь в виду, что хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества.

Иначе говоря, при нарушении эквивалентности взаимных предоставлений похищенным считается все, что предоставлено потерпевшим во исполнение его обязательств, без учета полученного по сделке.

Уголовное, как и уголовно-процессуальное, законодательство этого очевидного противоречия не замечает, как справедливо отмечает К. И. Скловский, авторы УК и УПК и не пытались согласовать свои конструкции с ГК¹.

Далее, вполне очевидно, что применение исковой давности как института гражданского права не может зависеть от того, в каком судопроизводстве рассматривается исковое требование.

Между тем, как показывает практика², в уголовном процессе исковая давность не применяется вовсе, что мотивируется тем, что в силу ч. 2 ст. 42 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве дан-

¹ См.: Скловский К. И. Повседневная цивилистика. М.: Статут, 2017.

² См.: Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Применение исковой давности при предъявлении иска в уголовном деле и вне его // М.: Международные отношения, 2020. 888 с.

ного уголовного дела в суде первой инстанции, что, как понятно, никакого отношения к моменту начала течения срока исковой давности не имеет.

Соответствующая практика позволяет рассчитывать на удовлетворение даже явно заданных требований, что и является одной из причин массового возбуждения уголовных дел в качестве способа разрешения экономических споров.

В уголовном праве судебной практикой сконструированы неизвестные гражданскому праву понятия «фактический собственник» и «бенефициарный владелец», что позволяет возбуждать уголовные дела по заявлениям таких лиц, признавать их потерпевшими, взыскивать в их пользу ущерб, причиненный юридическому лицу, при этом промежуточные (номинальные) юридические лица игнорируются при определении потерпевшего от преступления¹, что противоречит нормам гражданского законодательства о правосубъектности юридического лица и о правах его участников, которые могут выступать в защиту интересов юридического лица и требовать возмещения ему, а не себе, убытков, причиненных юридическому лицу действиями его органов.

Далее, в уголовном судопроизводстве является фактически обязательным арест имущества обвиняемого и третьих лиц в целях обеспечения гражданского иска. Как результат при наложении ареста на время расследования и рассмотрения уголовного дела парализуется работа бизнеса лица, на чье имущество наложен арест, при этом гражданский истец не несет никакой ответственности за убытки, причиненные наложением ареста при предъявлении необоснованного гражданского иска.

При этом такие предусмотренные арбитражным процессуальным законодательством институты, как отзыв на иск, встречный иск, встречное обеспечение, возмещение ущерба, причиненного обеспечением иска при отказе в иске, вступление в дело третьего лица, уголовному процессу неизвестны.

Неприменим в уголовном процессе даже внесудебный зачет встречных требований, что прямо противоречит нормам ГК о прекращении обязательств зачетом.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» подробно изложены правила о зачете пассивного требования, который возможен и после предъявления иска, однако в этих разъяснениях о возможности зачета требований, заявленных в гражданском иске, даже не упоминается.

---

¹ Сергеев А. П. Об ошибочном понимании гражданско-правовых норм в уголовном судопроизводстве // Закон. 2020. № 1. С. 139–148; Есаков Г. А. Пределы гражданско-правовых конструкций в уголовном праве // Закон. 2020. № 2. С. 125–131.

Требования о возмещении ущерба, предъявляемые в гражданском иске к обвиняемому, действовавшему от имени юридического лица, с которым потерпевший состоял в гражданско-правовых отношениях, в уголовном процессе удовлетворяются независимо от того, предъявлялись ли потерпевшим требования к самому юридическому лицу, и независимо от того, утрачена ли возможность получения с последнего исполнения по договору, возмещения убытков или неосновательного обогащения.

Любое неисполнение договорных обязательств юридическим лицом перед его контрагентом, признанным потерпевшим в уголовном деле, автоматически рассматривается как вред, причиненный потерпевшему руководителем или участником этого юридического лица. При этом вопросы о наличии оснований субсидиарной ответственности руководителя юридического лица по обязательствам последнего перед кредиторами и условий, при которых возможно применение такой ответственности, судами общей юрисдикции даже не обсуждаются.

Итак, можно констатировать, что только в рамках уголовного дела можно получить удовлетворение абсолютно абсурдных требований, с которыми обращаться в арбитражный суд бессмысленно. Только в уголовном процессе возможно удовлетворение давно «протухших» требований с истекшим сроком исковой давности, не опасаясь встречного иска, не неся издержек по предоставлению встречного обеспечения при принятии обеспечительных мер, и только в уголовном процессе можно посчитать величину «реального» ущерба как стоимость переданного по сделке без учета полученного по ней же или, по крайней мере, вменить контрагенту причинение несуществующего ущерба в качестве криминообразующего или квалифицирующего признака отсутствующего преступления с последующим обсуждением суммы компенсации как условия освобождения.

Таким образом, очевидна необходимость масштабной реформы соответствующего законодательства, главными целями которой в сфере уголовного права являются согласование его норм и институтов с нормами и институтами гражданского права, разграничение гражданско-правовых отношений и уголовно наказуемых деяний, устранение избыточной репрессии за преступления в сфере экономики, а в сфере уголовного процесса — его приближение к арбитражному процессу, в котором, в отличие от уголовного, привлечение лиц к публично-правовой ответственности за вменяемые им правонарушения осуществляется без ущерба принципам состязательности и равноправия сторон, правам и законным интересам лиц, вовлекаемых в сферу судопроизводства¹.

---

¹ См.: Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство современной России. Векторы модернизации // М.: Международные отношения, 2024. 944 с.

В частности, проектируется установить, что в уголовном процессе суд вправе взыскать сумму ущерба лишь при отсутствии спора. Споры же о возмещении имущественного ущерба и морального вреда разрешаются судом в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства. Аналогичный порядок возмещения соответствующего вреда в настоящее время предусмотрен КоАП (ст. 4.7).

Исходя из изложенного предлагается установить, что взыскание с подсудимого вреда, причиненного преступлением, может осуществляться в уголовном процессе на основании не гражданского иска, а простого ходатайства потерпевшего, заявленного в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела, что предполагает упразднение гражданского иска и соответственно упразднение его обеспечения в виде ареста имущества гражданского ответчика.

Также проектируется изменить порядок конфискации имущества, приобретенного в результате преступных действий и переданного осужденным другому лицу, установив, что такое имущество может быть конфисковано по решению суда, принимаемому по иску (заявлению) прокурора к этому лицу, предъявленному в суд, арбитражный суд.

Детальный анализ обозначенных выше и ряда иных проблем, связанных с перманентным перемещением гражданско-правовых споров в сферу уголовного судопроизводства, а также возможные способы решения этих проблем приведены в коллективной монографии И. А. Приходько, А. В. Бондаренко, В. М. Столяренко «Уголовное право и уголовный процесс: проект реформы», которая, будем надеяться, в этом году выйдет в издательстве «Международные отношения».

В данной монографии приведены разработанные ее авторами проекты федеральных законов, предусматривающие внесение поправок в 152 статьи УК и в 324 статьи УПК, кроме того, корреспондирующие изменения проектируется внести еще в 21 федеральный закон, в том числе в 95 статей АПК РФ, и в 3 федеральных конституционных закона.

*Е. С. Раздьяконов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
E.Razdyakonov@gmail.com*

ПРИМИРЕНИЕ ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ: В ПОИСКАХ НЕРЕШЕННЫХ ВОПРОСОВ

Институт примирения в целом и мирового соглашения в частности является, безусловно, тем межотраслевым институтом, который имеет важное значение для решения задач судопроизводства в арбитражных судах. Несмотря на проведенную несколько лет назад реформу данного института в рамках отраслей гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства (речь идет о Федеральном законе от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), до настоящего времени остаются нерешенными многие процессуальные вопросы применительно к процедуре рассмотрения судами дел по корпоративным спорам. Наиболее важными из таких вопросов автору представляются следующие.

1. Вопрос о наличии процессуальной обязанности информировать суд о принятых мерах примирения в контексте досудебных уведомлений. Обязанность информировать суд о совершенных действиях, направленных на примирение, закреплена в п. 8.1 ч. 2 ст. 125 АПК РФ и п. 7.1 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ. Нужно ли на основании указанных норм права информировать суд о досудебных уведомлениях, предусмотренных по корпоративным спорам? Такие уведомления закреплены в п. 2 ст. 65.2 ГК РФ (уведомление о намерении обратиться в суд с иском о возмещения причиненных корпорации убытков либо признания сделки корпорации недействительной или применения последствий недействительности сделки) и в п. 6 ст. 181.4 ГК РФ (уведомление лица, оспаривающего решение собрания, о намерении обратиться в суд с таким иском). Прямого ответа на поставленный вопрос действующее законодательство не содержит, поскольку досудебные уведомления не указаны в числе возможных видов примирительных процедур и не упоминаются законом в качестве

процессуального действия в той или иной примирительной процедуре. Ответ может быть получен путем анализа целей примирительных процедур и досудебных уведомлений. В первом случае целью является регулирование спора волей участников процесса, а во втором случае — лишь информирование участников многосубъектного корпоративного правоотношения о предстоящем судебном разбирательстве с той целью, чтобы они приняли в нем участие, высказались по поводу заявляемого в суд иска. В частности, можно утверждать, что через направление досудебного уведомления о намерении оспорить в суде сделку корпорации (п. 2 ст. 65.2 ГК РФ) невозможно договориться о признании такой сделки недействительной. Следовательно, досудебные уведомления не являются действиями, направленными на примирение, а значит, у обращающегося в суд лица нет процессуальной обязанности сообщать суду о совершенных досудебных уведомлениях в порядке п. 8.1 ч. 2 ст. 125 АПК РФ и п. 7.1 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ.

2. Вопрос об отнесении юридического лица (корпорации) к субъектам примирительных процедур. Упомянутый выше Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ, значительно изменивший правовое регулирование примирения, не внес никаких изменений в ст. 225.5 АПК РФ, посвященную особенностям примирения по корпоративным спорам. Так же как и ранее, в общей части ГПК РФ и АПК РФ речь идет о примирении исключительно сторон (ст. 138 АПК РФ, ст. 153.1 ГПК РФ) с возможностью участия в мировом соглашении третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (ч. 1 ст. 139 АПК РФ, ч. 1 ст. 153.8 ГПК РФ). Юридическое лицо (корпорация) может выступать стороной по делу лишь в части корпоративных споров, например, по иску о выплате действительной стоимости доли участником корпорации (ООО), выходящим из числа участников.

Вместе с тем в процессе по корпоративному спору принимают участие и иные субъекты, не являющиеся сторонами и третьими лицами. Так, по правилам ч. 2 ст. 225.4 АПК РФ суд извещает юридическое лицо (корпорацию), из деятельности которого или в связи с участием в котором возник корпоративный спор, о принятии искового заявления, заявления по корпоративному спору к производству, об изменении основания или предмета иска, но процессуального статуса стороны такое юридическое лицо не приобретает. Вместе с тем участие корпорации в примирительных процедурах способствовало бы более эффективному разрешению корпоративных споров не судебным императивом, а волей участников спорного корпоративного правоотношения.

3. Вопрос об участии в примирительных процедурах иных субъектов корпоративных правоотношений, которые не приобрели статус стороны по делу. В первую очередь речь идет о случаях предъявления производных (кос-

венных) исков, по которым статус участников процесса был определен в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Истцом в таком случае выступает корпорация, а участник, заявивший производный (косвенный) иск в суд, — законным представителем. По общему правилу, представитель не может быть участником мирового соглашения, поскольку в нем происходит распоряжение материальными правами доверителя. Однако в корпоративном споре, для разрешения которого был заявлен производный (косвенный) иск, участник корпорации является участником спорного корпоративного правоотношения, а значит, имеются предпосылки для участия такого участника в мировом соглашении не просто как представителя, транслирующего волю доверителя, а как самостоятельного участника спорного материального правоотношения, который может иметь материально-правовой интерес в завершении дела мировым соглашением.

После указанного Пленума были внесены соответствующие поправки в арбитражное процессуальное законодательство. С 1 октября 2019 г. по корпоративным спорам применяется правило, согласно которому по отдельным видам корпоративных споров участник корпорации вправе по своему усмотрению не присоединяться к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, а самостоятельно вступить в дело на стороне истца, что закреплено в ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ (введена Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ). Данное правило действует по следующим видам корпоративных споров:

- а) споры о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу;
- б) споры о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок;
- в) споры об обжаловании решений органов управления юридическое лица.

Что означает указание закона «самостоятельно вступить в дело на стороне истца»? Возможно предположить несколько вариантов: в качестве соистца, в качестве третьего лица, в качестве нового представителя. Возможный статус соистца необходимо исключить, поскольку позиция Верховного Суда РФ, который, собственно, и выступал инициатором принятия Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ, о том, что по таким искам истцом является корпорация, не менялась. Следовательно, участников корпорации, самостоятельно вступивших в процесс по указанным спорам, можно рассматривать в качестве третьих лиц или в качестве новых представителей. При признании за такими участниками статуса третьих лиц их участие в заключении мировых со-

глашений по корпоративным спорам возможно в рамках действующего законодательства на основании ч. 1 ст. 139 АПК РФ, ч. 1 ст. 153.8 ГПК РФ. При признании статуса нового представителя вопрос остается нерешенным и требует решения через формирование новой правовой позиции Верховного Суда РФ или внесения изменений в законодательство.

*В. И. Решетняк,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского института кооперации (филиала)
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
судья, заместитель председателя
Севастопольского городского суда (в отставке),
resh42@yandex.ru*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»¹ предусматривает в целях повышения качества осуществления правосудия и совершенствования судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций осуществление комплекса мероприятий по дальнейшей информатизации судебной системы и внедрению современных информационных технологий в деятельность судебной системы.

В настоящее время все суды Российской Федерации обеспечены средствами компьютерной автоматизации судопроизводства, аппаратными и программными средствами, позволяющими участникам процесса работать с цифровыми данными, всем судам предоставлен доступ к справочным правовым системам и сети Интернет.

Особое значение в гражданском судопроизводстве придается внедрению и развитию элементов электронного правосудия: возможность подачи в суд документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет, автоматическое распределение дел, извещение сторон о месте и времени судебного заседания путем использования информационных технологий, таких как направление СМС-сообщений, размещение информации на внедряемых в судебной системе электронных сервисах, обязательная аудиозапись судебных заседаний, участие сторон в судебном разбиратель-

---

¹ Утверждена Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. (в ред. от 14 октября 2023 г.) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

стве путем использования систем видео-конференц-связи или посредством веб-конференции, возможность принятия судом процессуального решения по уголовному делу в электронной форме.

До конца 2024 г. планируется запустить суперсервис «Правосудие онлайн», который позволит участникам судопроизводства реализовать в дистанционной форме (через Единый портал госуслуг Российской Федерации) весь объем процессуальных действий, включая подачу документов в суд, уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами дела в электронном виде, участие в судебном заседании посредством веб-конференции и получение судебного акта¹.

Большинством юристов-практиков, в том числе судьями, информационные технологии рассматриваются прежде всего как средство оптимизации судопроизводства, упрощающего и ускоряющего его.

Однако дальнейшее использование цифровых технологий для совершенствования организационных аспектов судебной деятельности, на наш взгляд, способно привести к серьезной трансформации судопроизводства по гражданским делам.

Более того, А. В. Незнамов, рассматривая возможную модификацию действующего российского приказного производства, полагает, что создание полностью автоматизированного порядка рассмотрения и разрешения условно бесспорных гражданских дел может привести к «локальному видоизменению роли человека как главного действующего лица аналитической составляющей правоприменения на роль субъекта, лишь осуществляющего контроль над правильностью деятельности программно-аппаратных средств анализа информации»². Автор высказывает идею формирования «суррогатного правосудия», при котором анализ и принятие процессуального решения производятся без непосредственного участия человека, но под его контролем.

Полагаем, что принятие судебных решений как актов правосудия в отличие от судебных приказов³ не может быть автоматизировано, поскольку в правовых нормах много оценочных понятий, рассчитанных на их при-

---

¹ URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/30377/?ysclid=lslsar8wpj753359142 (дата обращения – 17 января 2024 г.).

² Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам: монография / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М., 2022. С. 214 (автор параграфа — А. В. Незнамов).

³ Как справедливо указывает И. И. Черных, большинством ученых судебный приказ не относится к порядку осуществления правосудия, поскольку в нем отсутствуют обеспечивающие его гарантии. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова, А. В. Чайкина и др. отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М., 2022. С. 44.

менение с опорой на судебское усмотрение и собственное понимание судьей справедливости.

В последнее время широкую дискуссию в процессуальной науке вызывает идея так называемого предиктивного (прогностического, предсказательного) правосудия.

Е. А. Кабацкая, анализируя имеющийся зарубежный опыт, считает, что «прогностическое правосудие, используя алгоритмы искусственного интеллекта, производя анализ действующей судебной практики по аналогичным спорам, позволяет прогнозировать наиболее вероятное решение по делу в короткие сроки»¹.

Однако возникает вопрос: кем, по каким основаниям будет отбираться судебная практика по аналогичным делам для последующего ее анализа программно-аппаратным комплексом (искусственным интеллектом), кем и руководствуясь какими критериям, будут разрабатываться алгоритмы для установления правовой и фактической основ гражданского дела.

Как справедливо указывает А. В. Нестеров, прогностическая аналитика (синтез экстраполяции) базируется на больших данных, которые фактически являются неструктурированными и неполными данными, а потому могут представлять собой нерепрезентативную выборку, не соответствующую действительности и правовым принципам².

Ю. С. Харитоновна и Т. Ян полагают, что если обучение программы производится определенной компанией, то в ее сфере контроля окажется «возможная вольная или невольная манипуляция мнением суда, которое априори должно быть независимым и непредвзятым. В том числе предвзятость может появляться в результате вмешательства в работу алгоритма со стороны разработчиков или субъектов, представляющих данные»³.

На наш взгляд, указанные опасения не лишены оснований, поскольку принцип независимости судей является основополагающим, фундаментальным в гражданском судопроизводстве, и его нарушение не может быть допущено ни при каких модификациях цивилистического процесса, поскольку влияет на законность, объективность и справедливость решений суда.

---

¹ Кабацкая Е. А. Использование искусственного интеллекта как средства оптимизации судебной деятельности // Российский судья. 2023. № 10. С. 53.

² Нестеров А. В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 47–48.

³ Харитоновна Ю. С., Ян Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 203–235.

Важное значение имеет определение «статуса» вероятного решения, выведенного программой из проанализированной по заложенным в нее алгоритмам судебной практики, будет ли оно источником права, может ли на него судья ссылаться при постановлении решения или, наоборот, должен ли он в своем решении приводить мотивы, по которым спрогнозированное «эталонное» (среднее) предложенное ему программой решение было им отвергнуто? Наше мнение носит категоричный характер – нет, судьей такое вероятное решение может быть проигнорировано без каких-либо для него последствий, в противном случае нарушается его независимость, он лишается права на судебское усмотрение, что недопустимо и не может быть оправдано никакими соображениями модернизации процесса. Соответственно, и вышестоящие судебные инстанции не вправе требовать от судьи, разрешившего дело по существу, каких-либо пояснений или обоснований.

Е. В. Бурдина и М. В. Чижов обращают внимание, что технологии закрепляют алгоритмизированные действия, не допускающие реальных альтернатив, не оставляют места судебному усмотрению, основанному на обстоятельствах дела, жестко определяют последовательность движения и обработки поступающих материалов и в конечном счете могут угрожать своей алгоритмической предопределенностью основному предназначению судов – целям справедливости¹.

На наш взгляд, такая трансформация гражданского судопроизводства вряд ли соответствует ожиданиям российских граждан от правосудия.

Разделяя позицию и запросы гражданского общества, X Съезд судей Российской Федерации, не отрицая использования систем искусственного интеллекта, принимающего на себя обширную часть аналитической работы судьи, его отдельных элементов в судопроизводстве и дальнейшего развития в этой части процессуального законодательства, тем не менее считает невозможным полную замену судьи искусственным интеллектом, поскольку ряд оценочных категорий, таких как справедливость, соразмерность и др., не могут быть доверены компьютерному алгоритму².

Таким образом, полагаем, что цифровые технологии в правосудии по гражданским делам на современном этапе развития российского государства и общества должны применяться только в случаях, предусмотренных процессуальным законом, с соблюдением фундаментальных принципов

---

¹ Бурдина Е. В., Чижов М. В. Организационно-правовые модели судебной деятельности в условиях платформизации правосудия: опыт России и других стран БРИКС // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 116–129.

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300254865?ysclid=lslihtjcf6367429> (дата обращения – 18 января 2024 г.).

пов гражданского процесса, а также этических принципов использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия и носить характер «вспомогательного инструмента» в руках судебной власти.

При этом полагаем, что цифровые технологии, и прежде всего искусственный интеллект, имеют огромный потенциал для использования в гражданском судопроизводстве, для достижения целей судебной защиты, и разделяем позицию К. Л. Брановицкого и В. В. Яркова о том, что продолжающийся курс на цифровизацию правосудия ведет к неизбежной трансформации последнего¹, в связи с чем требуется проведение междисциплинарных и сравнительно-правовых исследований, а также фундаментальное осмысление в рамках отраслевого подхода².

---

¹ Брановицкий К. Л., Ярков В. В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 7–13.

² Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам. С. 5.

В. О. Робышев,
кандидат юридических наук,
начальник отдела претензионной
и исковой работы юридического управления
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
v.robyshev@yandex.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В АНГЛИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Характерной особенностью английского гражданского процесса является отнесение экспертов, наравне с лицами, которым могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, к категории свидетелей.

В соответствии с правилом 32.5 Правил гражданского судопроизводства¹ 1998 г. (далее — ПГС) экспертом является лицо, которому поручено подготовить экспертное заключение для правильного рассмотрения и разрешения спора. Законодательство не раскрывает понятия «эксперт», однако, как было указано в решении по делу *Liddell v Maddleton*, данное лицо должно обладать умениями и знаниями, относящимися к определенной сфере, которыми не обладает суд². Последнее условие является важным аспектом, оказывающим влияние на разрешение судом вопроса о необходимости привлечения в процесс эксперта.

Основная обязанность эксперта — содействие суду в осуществлении правосудия, и данная обязанность не ставится в зависимость от того, по просьбе какой из сторон эксперт был привлечен в процесс и кто оплачивает проведение экспертизы.

Согласно правилу 32.4 ПГС сторона вправе привлечь в процесс эксперта или представить письменное экспертное заключение (*expert report*) только с дозволения суда. При этом тяжущийся, ходатайствующий о проведении экспертизы, должен указать на расходы, связанные с проведением экспертизы, сформулировать вопросы, которые необходимо поставить

---

¹ Civil procedure rules (1998) URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules> (дата обращения — 16 января 2024 г.).

² См.: *Liddell v Maddleton* (1996) PIQR 36.

перед экспертом, и, если возможно, предложить суду кандидатуры экспертов. Вопросы, сформулированные стороной, не являются обязательными для суда и могут быть скорректированы последним.

По общему правилу, если суд не укажет иначе, эксперт обязан подготовить заключение письменно. Заключение должно содержать ответы на вопросы, поставленные перед экспертом, указания на квалификацию эксперта, использованную литературу или методы, с помощью которых эксперт проводил исследование. В силу правила 35.10 ПГС в конце заключения обязательно содержится заявление о том, что эксперт осознает лежащую на нем обязанность содействовать осуществлению правосудия и надлежащим образом исполняет ее.

При рассмотрении гражданского спора допустимо участие в процессе как эксперта, привлеченного по ходатайству одной из сторон, так и эксперта, совместно определенного сторонами. Стороны могут самостоятельно прийти к соглашению об участии в деле совместно определенного эксперта, либо на такую необходимость вправе указать суд. Если в последнем случае стороны не смогли согласовать кандидатуру эксперта, то эксперт выбирается судом из кандидатур, предложенных сторонами, либо иным способом, который суд сочтет предпочтительным.

Процессуальный оппонент стороны, по ходатайству которой была назначена экспертиза, или обе стороны, если в деле участвует эксперт, привлеченный сторонами совместно, вправе после получения письменного заключения направить эксперту письменные вопросы с целью прояснения содержания заключения.

Согласно правилу 35.6 ПГС, если эксперт не смог ответить на вопросы, сформулированные стороной, не ходатайствующей о проведении экспертизы, то суд по своему усмотрению может либо запретить стороне обосновывать свои доводы выводами такого эксперта, либо освободить сторону, не ходатайствующую о проведении экспертизы, от обязанности возместить судебные расходы, связанные с проведением экспертизы.

В деле *Daniels v. Walker* лорд Вульф указал, что в большинстве гражданских дел, при рассмотрении которых возникает потребность в участии эксперта, первым и желательным последним шагом должно быть привлечение совместно определенного сторонами эксперта¹.

Если к участию в деле привлечено несколько экспертов и при этом выводы каждого из них разнятся, то суд вправе на основании правила 35.12 ПГС вызвать указанных экспертов для совместного обсуждения их экспертных заключений в судебном заседании (*discussion between experts*). По результату обсуждения эксперты либо приходят к общему выводу,

---

¹ См.: *Daniels v. Walker* (2000) 1 WLR 1382.

либо конкретизируют сферы, в которых у них возникли разногласия, и обозначают причины данных разногласий.

Наравне со свидетелями эксперт может быть подвергнут процедуре перекрестного допроса, что также оказывает непосредственное влияние на оценку данного доказательства. Как отметил лорд Вульф, при нормальном ходе процесса не должно возникать ситуаций, при которых перекрестному допросу подвергается совместно привлеченный сторонами эксперт. По словам юриста, только в случае крайней необходимости совместно привлеченный сторонами эксперт должен быть вызван в судебное заседание для дачи устных пояснений. Однако в деле *R and R¹* суд апелляционной инстанции указал, что перекрестный допрос является эффективным способом исследования и проверки заключения совместно привлеченного сторонами эксперта.

Заключение эксперта, как и любое другое доказательство, должно соответствовать критериям относимости и допустимости. Суд принимает заключение эксперта только по тем вопросам, которые имеют значение для правильного разрешения дела. В соответствии с правилом 35.1 ПГС суд вправе ограничить возможность сторон прибегать к помощи эксперта, принимая экспертное заключение только по тем вопросам, по которым действительно требуется мнение эксперта для правильного разрешения спора.

Правило о допустимости заключения эксперта сформулировано частью 3 Закона о доказательствах в гражданском процессе² 1972 г. следующим образом: если эксперт привлекается в процесс в качестве свидетеля, его мнение по любому вопросу, входящему в сферу компетенции данного лица, является допустимым доказательством.

Если заключение эксперта не было раскрыто в надлежащем порядке, то сторона, допустившая подобное процессуальное нарушение, лишается права ссылаться на нераскрытое доказательство. Однако стоит отметить, что в соответствии с правилом 35.11 ПГС раскрытое своевременно и в надлежащем порядке экспертное заключение может быть использовано как доказательство не только стороной, представившей данное заключение, но и ее процессуальным оппонентом.

Правила гражданского судопроизводства не содержат норм, регулирующих оценку судьей допустимости заключения эксперта. Вместе с тем процессуальный закон предоставляет суду широкую возможность для исключения доказательств, т.е. признания конкретного доказательства в определенных случаях недопустимым.

---

¹ См.: *R and R* (2002) EWCA.

² См.: Civil Evidence Act (1972) section 3 // URL: http://www.worldheritage.org/articles/eng/Civil_Evidence_Act_1972 (дата обращения — 17 января 2024 г.).

Наличие у суда данных полномочий явилось результатом реформирования английского процессуального законодательства, одной из причин которого было злоупотребление сторонами правом обращаться в процессе доказывания к помощи экспертов. Лорд Вульф при проведении данной реформы отмечал, что часто таким образом сторона приобретает преимущество над другой стороной за счет недостатка ресурсов у процессуального оппонента¹. В результате проведения реформы суду были предоставлены более широкие полномочия по контролю за привлечением в процесс экспертов и представлением экспертных заключений в качестве доказательств.

Представленное суду заключение эксперта подлежит оценке на предмет соответствия его содержания законодательным требованиям. Несоответствие заключения эксперта данным требованиям влечет за собой признание данного доказательства недопустимым².

Несмотря на то что суд не должен сомневаться в понимании экспертом своей обязанности беспристрастно помогать осуществлению правосудия, наличие заинтересованности лица в исходе дела не влечет для него невозможность быть привлеченным в процесс в качестве эксперта. В каждом конкретном случае вопрос о степени и характере заинтересованности и, следовательно, возможности эксперта участвовать в процессе подлежит рассмотрению и разрешению судом. Характер и степень заинтересованности эксперта в исходе спора учитываются судом при осуществлении оценки заключения эксперта.

Заключение эксперта оценивается судом по внутреннему убеждению на основе принципа свободной оценки доказательств. Английское законодательство заранее не устанавливает конкретных правил определения веса данного вида доказательств.

Таким образом, несмотря на ограничения, которым была подвергнута возможность сторон в процессе доказывания прибегать к помощи экспертов, заключение эксперта остается в английском гражданском процессе востребованным источником сведений о фактах, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

---

¹ См.: Woolf, Lord (1994) Access to Justice: Interim Report to the Lord Chancellor on the Civil Justice System in England and Wales, ch 23 // URL: www.lcd.gov.uk/civil/interim/chap23.htm. (дата обращения – 15 января 2024 г.).

² См.: *Stevens v. Gullis* (2000) 1 All ER 688.

*О. М. Роднова,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
юридического факультета
Ярославского государственного университета
имени П. Г. Демидова,
Rodnova1401@yandex.ru*

ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ О ДОСРОЧНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ЧЛЕНОВ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАЦИЙ

В юриспруденции отсутствует единообразие по вопросу о подсудности требований об оспаривании решений о досрочном прекращении полномочий членов исполнительных органов управления корпораций.

Статья 225.1 АПК РФ споры, связанные с прекращением полномочий лиц, входящих в состав органов управления юридического лица корпоративного типа, относит к числу корпоративных споров, которые независимо от субъектного состава подсудны арбитражным судам.

Глава 43 ТК РФ закрепляет особенности регулирования труда руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации. Соответственно, иск об оспаривании решения о прекращении их полномочий будет квалифицирован как индивидуальный трудовой спор, который подсуден суду общей юрисдикции (ст. 382 ТК РФ).

Обозначенное противоречие обусловлено отсутствием единой отраслевой квалификации отношений между корпорацией и членами ее исполнительных органов, что сказывается и на правовых позициях высших судебных инстанций.

Арбитражные суды руководствуются постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», которое исходит из гражданско-правового характера рассматриваемых отношений. Соответственно, спор, вытекающий из прекращения таких отношений, относится к подсудности арбитражных судов.

Верховный Суд РФ неоднократно высказывался о трудовправовой природе данных отношений и о подсудности споров из таких отношений судам общей юрисдикции¹.

Все разнообразие научных взглядов по рассматриваемой проблеме можно объединить в три точки зрения: корпоративно-правовую, трудовую и смешанную (альтернативную).

Представители первой позиции принимают во внимание характер и содержание деятельности членов органов управления — больше отвечающие признакам предпринимательской деятельности, чем трудовой. Указывают на особенности субъектов, которыми могут быть представлены члены органов управления, — функции единоличного органа управления может выполнять юридическое лицо, что не допускает статус работника. Подчеркивают специфику оснований возникновения и прекращения полномочий членов органов управления — необходимым и достаточным основанием является решение общего собрания членов корпорации либо совета директоров, наличие или отсутствие трудового договора является юридически безразличным для возникновения статуса члена органа управления корпорации. Соответственно, спор, вытекающий из прекращения полномочий членов органов управления корпорации, подсуден арбитражным судам².

Представители трудовправового направления полагают, что рассматриваемым отношениям присущи все признаки трудовых правоотношений: личностный, организационный и имущественный³. Решение корпорации о прекращении полномочий, например, директора влечет невозможность осуществления им трудовой функции. Соответственно, проверка закон-

---

¹ См.: п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие ГПК РФ»; п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. № 17 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел по трудовым спорам с участием акционерных обществ, иных хозяйственных товариществ и обществ»; ответ на вопрос № 1 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2010 г., утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 г.; п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации».

² Уксусова Е. Е. Категория «корпоративные споры» в арбитражном процессуальном законодательстве: проблемы применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 71–79.

³ Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учебник: В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. М., 2009. С. 711–712.

ности прекращения полномочий членов органов управления организации должна осуществляться судом общей юрисдикции¹.

Представители смешанного, или альтернативного, подхода полагают, что в случаях, когда расторжению трудового договора с руководителем предшествует ничтожное решение, суд общей юрисдикции самостоятельно может прийти к выводу о недействительности решения и восстановить работника на работе. Если в основе прекращения полномочий руководителя корпорации лежит оспоримое решение, то предварительно необходимо обратиться в арбитражный суд с иском о признании недействительным такого решения. И только в случае его удовлетворения возможно обращение в суд общей юрисдикции с требованием о восстановлении на работе².

Согласно ст. 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Можно с уверенностью сказать, что вопрос определения подсудности рассматриваемой категории дел не является праздным.

Кроме того, за правильным определением подсудности стоит много последствий практического характера. Вот некоторые из них. В арбитражный суд с иском об оспаривании решения общего собрания или совета директоров может обратиться только участник юридического лица, иск об оспаривании законности увольнения может быть подан работником независимо от наличия статуса члена корпорации. Иск об оспаривании решения корпорации подается в арбитражный суд по месту нахождения юридического лица (ст. 38 АПК РФ), в то время как работник может обратиться в суд как по месту нахождения ответчика, так и по месту своего жительства (ст. 29 ГПК РФ). Работник, обращающийся в суд общей юрисдикции, освобожден от судебных расходов (ст. 393 ТК РФ). Суд общей юрисдикции, принимая решение по рассматриваемой категории споров, обращает его к немедленному исполнению (ст. 396 ТК РФ). Корпоративный спор может рассматривать как арбитражный суд, так и третейский.

Для определения подсудности обозначенной категории споров необходимо обратиться к понятию и назначению института подсудности.

---

¹ Лушников А. М., Князькова М. А. Рассмотрение трудовых споров в арбитражных судах: к проблеме определения подведомственности отдельных видов индивидуальных трудовых споров // Вестник Ярославского государственного ун-та им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 4. С. 53–54.

² Андреев П. В. Проблемы судебной практики по трудовым и корпоративным спорам руководителей организаций: монография. М., 2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Болдырев В. А. Статус руководителя организации: корпоративные и трудовые споры // Адвокат. 2015. № 5; Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Комментарий к изменениям, внесенным в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ. М., 2010. С. 29.

Е. В. Васьковский отмечал, что разграничение дел, предоставленных ведению разнородных судов, и установление функций каждого суда обусловливаются соображениями публично-правового характера относительно наилучшей организации судебной власти¹. Институт подсудности служит целям эффективной организации правосудия, немаловажное место среди которых занимает цель формирования единообразной судебной практики. Поэтому говорить в данном случае о смешанной или альтернативной подсудности недопустимо.

Под подсудностью следует понимать свойство определенной категории гражданских дел, обусловленное природой (характером) спорного материального правоотношения, в соответствии с которым они подлежат рассмотрению в том или ином суде по первой инстанции.

В чем же особенность отношений между корпорацией и членами ее органов управления? Члены исполнительных органов управления одновременно являются субъектами корпоративных и трудовых отношений. В рамках корпоративных отношений они выполняют функцию члена исполнительного органа юридического лица, в рамках трудовых — трудовую функцию наемного работника. Особенность их правового статуса видят в «двуединой природе»², «двойственной и сложной правовой природе»³, отмечают, что «единоличный исполнительный орган выступает в качестве некоего двуликого Януса»⁴. С. П. Маврин, Б. Ф. Карабельников указывали, что руководитель не просто работник, выполняющий определенную трудовую функцию, а в первую очередь орган управления, выступающий от имени юридического лица. В этом контексте можно говорить и о гражданском правовом аспекте регулирования⁵.

На особенности правового положения руководителя юридического лица обращал внимание Конституционный Суд РФ в постановлении от 15 марта 2005 г. № 3-П, где указал, что «правовой статус руководителя организации (права, обязанности, ответственность) значительно отличается от статуса иных работников, что обусловлено спецификой его трудовой деятельности, местом и ролью в механизме управления организацией...».

¹ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 132.

² Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2018. Т. 2. (раздел 5.3 Главы XII) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Андреев П. В. Проблемы судебной практики по трудовым и корпоративным спорам руководителей организаций: монография. М., 2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М., 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Маврин С. П., Карабельников Б. Ф. Прием и увольнение руководителя хозяйственного общества // Закон. 2004. № 1. С. 75–76.

Мы полагаем, что корпоративно-правовое начало превалирует в отношениях между корпорацией и членами ее исполнительных органов. Расторжение трудового договора не является основанием прекращения полномочий членом органов управления организации, единственным таким основанием является решение уполномоченного органа корпорации. При этом суть решения о прекращении полномочий членом исполнительных органов заключается в его управленческом, предпринимательском, коммерческом характере, т.е. в целом несет в себе экономическую нагрузку, а не трудовую. Мы не можем лишить корпорацию права самостоятельно, без оглядки на интересы иных лиц, принимать судьбоносные для себя решения, в частности решение «кто будет ею управлять». А значит, рассматриваемый спор носит исключительно экономический характер и относится к подсудности арбитражных судов.

*Е. В. Салогубова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
esalogubova@mail.ru*

ЧЕРТЫ ФОРМАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РУССКОМ ПРАВЕ

На определенных этапах исторического развития отдельные черты системы формальных доказательств встречались в законодательстве практически всех стран, и Россия не являлась исключением.

В России отсчетной точкой развития системы доказательств можно считать начало XI в. Отход от родового строя стал предпосылкой разработки системы доказательств¹. С уменьшением роли общины и увеличением количества споров условием справедливости разбирательства теперь становятся не только показания истца о нарушении его права, но и иные представляемые сведения о фактах. С увеличением количества культурных и торговых контактов с Византией процессуальное право того времени стало заимствовать и западные наработки, особенно в части доказательственного права.

Как и в иных странах, самым сильным из фактов, влияющих на усмотрение суда в оценке доказательств, считалось признание ответчика, которое исключало дальнейшее движение гражданского дела. Безусловная сила признания стала причиной практически полного отсутствия его регламента в древних юридических памятниках, потому что это было чем-то само собой разумеющимся². При отсутствии признания появляется потребность в судебных доказательствах.

Свидетельские показания являются самым древним и простым доказательством. Показаниям свидетелей, например, в Русской правде посвящена большая часть текста. Наличие свидетелей было необходимо практически во всех делах: по взысканию суммы займа, возврата вещи из чужого

---

¹ См.: Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву. М., 1851. С. 13.

² Пахман С. В. Указ. соч. С. 37; Калачев Н. О судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. Т. 1. М., 1841. С. 129.

владения и др. Уже в те времена к свидетелям предъявлялся ряд требований: свободное происхождение, высокая нравственность, отсутствие личного интереса в деле. Кроме того, был установлен и минимальный порог количества свидетелей — от двух до семи в зависимости от категории дела. Исключения составляли лишь княжеские люди и мытники — показаний лишь одного такого человека было достаточно для установления факта.

В силу объективной невозможности установления некоторых обстоятельств, как в западноевропейских государствах, получают свое развитие Суды Божьи, или ордалии. В рамках указанных действий, по мнению законодателя, происходило вмешательство высших сил, которые и указывали на правоту истца или ответчика. Ордалии были крайней мерой в процессе, поэтому они допускались только при отсутствии иных доказательств¹. Применение того или иного испытания зависело от цены иска: при цене иска не менее полугривны золота применялось испытание железом, при цене не менее двух гривен серебра — испытание водой, а менее двух гривен — присяга².

Под присягой (ротой) в самом широком смысле понимается подтверждение истинности показания, которое сопровождается обрядом религиозного значения. Присяга требовалась при неполноте иных доказательств и обычно имела дополняющий для позиции сторон характер³. За редким исключением, присяга имела силу первоначального доказательства и могла потребоваться в исках, по которым свидетели не требовались, например о взыскании по договору займа между торговцами, исках, связанных с поклажей, а также исках с ценой до трех гривен.

Таким образом, до XV в. в российском законодательстве были сформированы отдельные черты системы формальных доказательств — определена сила отдельных доказательств и указаны необходимые способы доказывания.

Наибольший интерес с точки зрения изучения теории формальных доказательств представляет Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г.⁴ Указанный акт перенял из западноевропейского законодательства основные принципы гражданского процесса и закрепил окончательный отказ от состязательных элементов судопроизводства. Впервые в истории отечественного законодательства была сформулирована норма, установившая перечень средств доказывания. К последним были

---

¹ Молчанов В. В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: учебное пособие. М., 2012. С. 23.

² Пахман С. В. Указ. соч. С. 128.

³ Пахман С. В. Указ. соч. С. 91.

⁴ Аргунов В. В., Салогубова Е. В. Развитие теории формальных доказательств и ее влияние на современное гражданское судопроизводство // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1.

отнесены следующие: собственное признание, свидетельские показания, документы и присяга.

Привилегированное положение в системе средств доказывания занимало собственное признание. Значительному изменению подверглись свидетельские показания. Теперь они ранжировались и имели разный статус. Полным доказательством считались показания двух свидетелей. Показание одного свидетеля равнялось половине доказательства, а иногда, в зависимости от социального положения или пола свидетеля, одной трети¹.

Самостоятельными доказательствами признавались документы. Различаются два вида документов: официальные документы и частная переписка. В отличие от предыдущего законодательства Краткое изображение процессов или судебных тяжб отдает письменным доказательствам приоритетное значение. При этом если документ решает вопрос об основном предмете спора, то в случае признания его достоверности противоположной стороной необходимость дальнейшего доказывания отпадала.

Впервые в качестве доказательства стали рассматриваться торговые книги, которые имели силу половины доказательства. Однако при подтверждении купцом истинности записей в торговой книге присягой она становилась полноценным доказательством. Если в торговой книге имелись не только кредиторские, но и дебиторские записи, то ее достоверность не оспаривалась.

Приверженность теории формальных доказательств прослеживалась и в дальнейших актах вплоть до издания Судебных уставов в 1864 г. Например, в Наказе Екатерины II Уложенной комиссии от 30 июля 1767 г. и Своде законов Российской империи 1832 г. говорится, в частности, о возможности представления нескольких несовершенных доказательств для получения истинного вывода об обстоятельстве (ст. 175, 176 Наказа) и признания иска как совершенного доказательства (ст. 1735 Свода).

Переход от теории формальных доказательств к свободной оценке произошел в России в ходе Судебной реформы 1864 г., приведшей к отмене арифметической оценки доказательств и значительному смягчению формализма.

Хотя российское дореволюционное законодательство до XIX в. и испытало на себе некоторое влияние теории формальных доказательств, однако никогда не доходило до тех тонкостей в теории законных доказательств, какие существовали в средневековой Европе².

---

¹ См.: Развитие русского права второй половины XVII — XVIII в. / под ред. Е. А. Скрипилева. М., 1992. С. 233.

² См.: Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е. А. Борисовой. М., 2014. С. 219.

З. З. Саттарова
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина
zsat@yandex.ru*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТОРОН И ТРЕТЬИХ ЛИЦ

В ряде случаев в силу тех или иных обстоятельств объяснения от имени и в интересах юридически заинтересованного в исходе дела участника процесса дает его представитель. В частности, письменные объяснения от имени и в интересах лиц, участвующих в деле, чаще всего формулируют их представители — адвокаты или иные профессиональные юристы. Нередко в судебном заседании от имени юридически заинтересованных в исходе дела субъектов они же дают и устные объяснения.

Вопрос о доказательственном значении объяснений представителей, юридически заинтересованных в исходе дела участников процесса, по существу, является открытым и дискуссионным. Как писал А. Т. Боннер, можно предположить, что полное отсутствие в процессуальной литературе исследований обсуждаемого нами вопроса во многом связано со следующим. Чаще всего объяснения представителя заинтересованного в исходе дела лица имеют достаточно сложную структуру. Они могут включать в себя ссылки на нормы права и их анализ, возражения против доводов других лиц, участвующих в деле, и их представителей и т.д. Но, как правило, в них содержится и информация, имеющая доказательственное значение. Обычно в качестве источника своей информированности о том или ином факте представитель ссылается на своего доверителя. Поскольку в такой ситуации представитель очевидцем описываемых им событий не являлся, то речь идет о производных доказательствах¹.

По мнению И. Р. Медведева, представители помогают узнать сведения о фактах, крайне важно и заслушивание их доводов, в том числе мне-

---

¹ Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М., 2013. С. 61.

ний по правовым вопросам. Раз в объяснениях представителя могут быть сведения о фактах, откуда бы он их ни получил, а также важная юридическая квалификация, они должны иметь возможность попасть в доказательственную базу на законных основаниях. Это достижимо несколькими способами, наиболее простым из которых является включение в перечень доказательств их самостоятельного вида — «объяснений представителя»¹.

Согласно п. 17 Ответов Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ на вопросы судов по применению норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 24 марта 2004 г.: «Сегодня суды общей и арбитражной юрисдикции при исследовании, а также при оценке доказательств в большей степени связаны объяснениями стороны (представителя), обращенными против собственного процессуального интереса»².

На вопрос: вправе ли суд удовлетворить иск на основании признания представителем ответчика обстоятельств дела, положенных истцом в основание иска? — Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ был дан ответ, что «в соответствии со ст. 48 и 53 ГПК РФ граждане и организации вправе вести свои дела в суде лично или через представителей, полномочия которых должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом.

Специального указания в доверенности о праве представителя на признание им обстоятельств дела ст. 54 ГПК РФ не требует. Признание стороной (ее представителем) обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств; признание заносится в протокол судебного заседания (ч. 2 ст. 68 ГПК РФ).

Поскольку признание обстоятельств, являющееся видом объяснений сторон, выступает на основании ч. 1 ст. 55 ГПК РФ одним из средств судебного доказывания, суд решает вопрос о его относимости и допустимости по правилам ст. 67 ГПК РФ и оценивает данное признание в совокупности и взаимосвязи с другими доказательствами.

Таким образом, суд вправе удовлетворить иск на основании признания представителем ответчика обстоятельств дела, положенных истцом в обоснование иска, если этого признания достаточно для принятия судебного решения».

---

¹ Медведев И. Р. Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе. СПб., 2010. 208–237.

² Ответы СК по гражданским делам Верховного Суда РФ на вопросы судов по применению норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 24 марта 2004 г. // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1677437/#review> (дата обращения — 3 марта 2024 г.).

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» от имени сторон и третьих лиц объяснения могут давать их представители (ст. 48 ГПК РФ)¹.

В процессуальной литературе встречаются суждения о праве сторон и третьих лиц давать объяснения через своих представителей по делу².

В этой связи представляет интерес регламентация порядка дачи объяснений лиц, участвующих в деле, в ст. 159 КАС РФ, согласно которой после доклада административного дела суд заслушивает объяснения административного истца, административного ответчика и заинтересованного лица, их представителей.

Отметим, что объяснения представителя по существу дела не подменяют, а дополняют позицию и аргументацию представляемого с учетом юридического опыта и квалификации профессионального представителя. При ведении дела через представителя без участия, представляемого в судебном заседании, суд получает информацию фактического и правового характера, имеющего отношение к стороне или третьему лицу, только от представителя, которому предоставляется слово. Это имеет особую актуальность при законном представительстве и представительстве по назначению суда, а также при ведении дел организаций представителями.

Исходя из вышесказанного, полагаем, что отсутствие легального закрепления объяснений представителей дискриминирует роль и полномочия любого представителя в судебном процессе, что, по нашему мнению, требует изменения законодательства. В целях обеспечения принципа состязательности, устности обосновывается необходимость включения объяснения представителя в перечень средств доказывания, так как использование объяснений представителя как доказательства распространено в судебной практике.

Считаем, что данные изменения в процессуальном законодательстве позволят в большей мере раскрыть объем полномочий профессиональных представителей и расширить возможности процедур доказывания, что, в свою очередь, увеличит инструментарий защиты прав представляемого.

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10.

² Гражданское процессуальное право: учебник: [в 2 т.] / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. С. 201.

*А. Л. Саченко,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург),
alex_sachenko@list.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ БЕССПОРНОГО ХАРАКТЕРА

Расширение сферы применения современных технологий в зарубежном судопроизводстве неизбежно затрагивает систему осуществления правосудия в нашей стране. И хотя осторожность использования нововведений, характерных для западной модели рассмотрения дел различных категорий, налицо, в теории отечественного процессуального права данная тенденция находит отражение в трудах таких ученых, как А. А. Алексеев, М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцова, П. М. Морхат, Т. П. Подшивалов, и многих других.

Рассматривая различные теоретико-правовые воззрения, имеющие место в настоящее время, стоит отметить, что современная гражданско-правовая наука лишена единообразной позиции того, как воспринимать искусственный интеллект как таковой, не говоря о том, какие проблемы может повлечь за собой применение технологий искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении дел в гражданском судопроизводстве. Целиком и полностью поддерживая тенденцию к унификации процессуального законодательства, предложенную П. В. Крашенинниковым, Решетниковой И. В., Рузаковой О. А., Петровой Т. А., по нашему мнению, стоит рассматривать единообразие гражданского и арбитражного процесса в части реализации основных принципов цивилистического процесса в целом. Данное явление во многом позволяет, во-первых, расширить границы правоприменения разнообразных цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, а во-вторых, обеспечивать судопроизводство по гражданским делам в рамках принципов, установленных действующим процессуальным законодательством. Очевидно то, что будущее применение технологий искусственного интеллекта позволит оптимизировать физический труд работников судебных учреждений, в том

числе высвободит время непосредственно у судьи при рассмотрении дела. Некоторые явления применения цифровых технологий и искусственного интеллекта дают свои положительные результаты уже сегодня. Это, в частности, затрагивает процесс электронной подачи документов в суд, дистанционное ознакомление с материалами дела, возможность получения судебных актов без непосредственного обращения в судебное учреждение. Представляется и то, что широкие возможности применения технологий искусственного интеллекта не останутся незамеченными при рассмотрении гражданских дел бесспорного характера, например гражданских дел, рассматриваемых в порядке приказного производства.

Как известно, при рассмотрении дел бесспорного характера стороны как таковые отсутствуют, а следовательно, процесс состязательности сторон в данных категориях дел сводится к минимуму или отсутствует вовсе. Подобное положение дел, по нашему убеждению, позволяет использовать технологии искусственного интеллекта намного шире, нежели в том виде, в котором они используются в настоящее время. Во многом деятельность суда при рассмотрении и разрешении дел бесспорного характера сводится к легализации имеющихся юридических фактов с целью реализации возникающих в связи с этим субъективных прав граждан и юридических лиц.

В связи с этим функции суда, рассматривающего конкретное дело бесспорного характера, являются такими же и тогда, когда суд рассматривает дело в порядке искового производства. Но в данном случае стоит выделить ключевую особенность рассматриваемых категорий дел, а именно отсутствие спора о праве. Именно в связи с этим уместно рассматривать возможность применения технологий искусственного интеллекта как инструмент технического оформления деятельности суда, например при рассмотрении дел в порядке приказного производства. В частности, вполне допустима правовая модель, когда соответствующая информационная система уже содержит некую форму, запускающую автоматический алгоритм выдачи судебного приказа. При этом, конечно же, эта система не должна работать автономно, а соотносится как минимум с теми информационными системами, которые идентифицируют личность субъекта, включая идентификацию электронной цифровой подписи и тому подобное. После соответствующих технических проверок со стороны различных систем осуществляется идентификация субъекта, которая предоставляет ему доступ к заполнению соответствующей формы электронного документа. Впоследствии данный электронный документ с помощью автоматизированной системы преобразовывается в форму судебного приказа, поступающего конкретному мировому судье, осуществляющему своего рода судебный контроль над данным процессом. При этом право заинтересованной стороны на отмену судебного приказа, равно как и на обжалование любого судебного акта, является его абсолютным правом и применением техноло-

гий искусственного интеллекта, конечно же, не ограничивается, поскольку затрагивает лишь техническую сторону оформления судебного приказа.

Ввиду этого технологии искусственного интеллекта выступают исключительно в качестве вспомогательного инструмента, чье активное и более углубленное участие в судопроизводстве пока недопустимо даже с позиции действующего законодательства. Однако взгляд в будущее все же позволяет рассматривать возможность более содержательного участия искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве. В данном случае стоит предположить возможность применения деятельности искусственного интеллекта наряду с деятельностью судьи при рассмотрении конкретного гражданского дела. Естественным образом говорить о таком явлении возможно только в перспективе с определенными условностями, поэтому стоит придерживаться мнения о том, что искусственный интеллект может быть законодательно наделен функциями исключительно технического помощника судьи. Только непосредственно судья является и должен являться безусловным руководителем процесса применения элементов искусственного интеллекта, определяя границы его допустимого участия и осуществляя контроль над его деятельностью по конкретному делу.

Дискуссия о правосубъектности искусственного интеллекта как участника процессуальных отношений в значительной степени разрешена исследованиями П.В. Морхатом, который склонен рассматривать искусственный интеллект в качестве квазиправового субъекта, электронного помощника, чья правосубъектность не очевидна, но отдельные элементы, характерные для субъекта права, лежат в плоскости юридической фикции.

Таким образом, оценивая общую тенденцию расширения сферы применения искусственного интеллекта как крайне положительную, стоит отметить особую значимость применения технологий искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве. Так, по нашему мнению, допустимость применения искусственного интеллекта может быть расширена в процессе разрешения дел, рассматриваемых в порядке приказного производства, а также по иным категориям дел неискового производства.

В любом случае ведущая роль судьи как ключевого участника отношений, в том числе по построению алгоритма использования отдельных компонентов искусственного интеллекта, является безусловной и высоко значимой, в том числе и при рассмотрении гражданских дел бесспорного характера.

*Р. Б. Ситдиков,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры экологического, трудового права
и гражданского процесса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Ruslan.sitdikov@gmail.com*

РЕГИСТРИРУЮЩИЙ ОРГАН КАК ТРЕТЬЕ ЛИЦО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ (на примере Роспатента и дел об оспаривании правовой охраны товарного знака)

В отношении некоторых споров, связанных с защитой интеллектуальных прав, в частности по делам о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака (знака обслуживания), сложилась правоприменительная практика, следуя которой Суд по интеллектуальным правам привлекает Роспатент в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора¹. Данный подход отражен в том числе в п. 9 Справки по результатам обобщения судебной практики по рассмотрению споров о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием (утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2015 г. № СП-23/20)².

Нельзя сказать, что такой подход является чем-то новым. Практика привлечения судами в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, регистрирующих государственных органов не нова и встречается в других категориях дел³.

Между тем с таким взглядом судов не всегда можно согласиться, и в частности его правильность вызывает сомнение в отношении дел о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

---

¹ См.: например: решение Суда по интеллектуальным правам от 27 февраля 2024 г. по делу № СИП-380/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Суда по интеллектуальным правам от 7 марта 2024 г. по делу № СИП-648/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Суда по интеллектуальным правам от 11 августа 2022 г. по делу № СИП-285/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2015 г. № СП-23/20 // URL: https://ipc.arbitr.ru/storage/sites/ipc/files/288/spravka_nonuse.pdf

³ См.: например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2022 г. № 5-КГ22-2-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

Как известно, третьи лица (как заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, так и не заявляющие их), так же как стороны, участвуют в арбитражном процессе с целью защиты своих личных прав и законных интересов. В этом их ключевое отличие от ряда других лиц, участвующих в деле с целью защиты публичных, общественных или чужих прав и интересов, от лиц, содействующих правосудию, и лиц, обязанных реагировать на судебные акты. Другим связанным с вышеизложенным ключевым признаком третьих лиц как субъектов арбитражного процесса является наличие у них интереса/заинтересованности в исходе дела, причем заинтересованность эта личная. Это хрестоматийный постулат.

Рассмотрим же, в чем заключается участие Роспатента в делах о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака на примере нескольких дел, так как все такие дела в этом плане однотипны. В таких делах фактические процессуальные действия Роспатента сводятся к представлению письменных пояснений об актуальном состоянии правовой охраны оспариваемого товарного знака (притом что данная информация общедоступна на официальном сайте Федерального института промышленной собственности). Других пояснений Роспатент не представляет, в судебном заседании не участвует и просит провести судебное разбирательство в отсутствие представителя с его стороны. На представленные сторонами доказательства Роспатент также никак не реагирует. Не наблюдается со стороны Роспатента даже выполнения такой обычной процессуальной обязанности, как заблаговременное направление другим лицам, участвующим в деле, копий своих пояснений и доказательств. Роспатент не подает жалобы на судебные решения по таким делам. Такая ситуация устраивает и стороны, и Суд по интеллектуальным правам.

Несложно заметить, что вышеуказанная ситуация и процессуальное поведение Роспатента больше соответствуют иному процессуальному статусу — лицу, обязанному давать ответ на запрос или определение об истребовании доказательств суда.

Процессуальный статус Роспатента как третьего лица создает не только теоретическую проблему, но и практические процессуальные неудобства, а именно: необходимость совершения лишних процессуальных действий судом и лицами, участвующими в деле, в том числе Роспатентом, по судебному извещению и направлению копий процессуальных документов, что нарушает принцип процессуальной экономии.

Теоретический аспект проблемы также не стоит недооценивать. Несмотря на то что, как было отмечено выше, привлечение регистрирующих государственных органов в качестве третьих лиц встречается в правоприменительной практике, такой подход не преобладает и редко встречается, в том числе на уровне разъяснений Верховного Суда РФ и ранее функци-

онировавшего Высшего Арбитражного Суда РФ. Однако его сохранение может повлечь его распространение и на иные категории дел, в том числе, например, на споры по поводу недвижимого имущества. Катастрофические последствия для Росреестра и судебной системы от этого очевидны.

Таким образом, вышеизложенное в достаточной степени доказывает необходимость прекращения практики привлечения Судом по интеллектуальным правам Роспатента как регистрирующего органа в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, по спорам о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием, равно как и необходимость прекращения аналогичной практики судами и по другим аналогичным категориям дел не только в сфере защиты интеллектуальных прав, но и в других делах искового производства.

В. П. Скобелев
*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана по учебной работе
и образовательным инновациям юридического факультета
Белорусского государственного университета,
s_v_p@tut.by*

К ВОПРОСУ О НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ДУБЛИРОВАНИЯ ПРОВЕРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Наличие дублирования в любой сфере деятельности, тем более в такой важной, как правосудие, представляет собой нежелательное явление, которое может быть чревато рядом неблагоприятных последствий. Тем не менее в сфере судопроизводства такое явление можно наблюдать, в частности, применительно к деятельности по проверке судебных постановлений. В советский период развития нашего государства основания к отмене судебных постановлений в кассационном порядке и в порядке надзора фактически совпадали друг с другом, что на практике приводило к дублированию проверочной деятельности, осуществлявшейся судами кассационной и надзорной инстанций. Закономерным следствием этого было то, что, как отмечалось исследователями, центр тяжести контроля за правильностью вынесенных судебных решений подчас переносился в область надзорного производства¹, и в порядке надзора судебных решений проверялось не меньше, а иногда и больше, чем в кассационном порядке².

С приобретением Республикой Беларусь независимости и принятием Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – ГПК) ситуация в данной области практически не изменилась³, потому что в ГПК в своих основных чертах были заимствованы прежние со-

---

¹ Лесницкая Л. Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. М.: Юрид. лит., 1974. С. 51–52.

² Ванеева Л. А. Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. С. 61, 75; Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Изд. дом «Городец», 2006. С. 211.

³ Забара А. Гражданское судопроизводство: состояние и перспективы его совершенствования // Судовы веснік. 2010. № 3. С. 4.

ветские кассационная и надзорная формы проверки судебных постановлений. Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З раздел VIII ГПК, посвященный традиционным формам пересмотра судебных постановлений, был изложен в новой редакции, в результате чего кассация была заменена на апелляционное производство, а в числе оснований к отмене или изменению судебных постановлений в надзорном порядке были оставлены только существенные нарушения законности (т.е. необоснованность из числа данных оснований была исключена).

Тем не менее в настоящее время продолжает сохраняться дублирование проверочной деятельности судов апелляционной и надзорной инстанций в части проверки ими законности судебных постановлений. Так, исходя из содержания ч. 2—4 ст. 424 ГПК, основаниями для отмены (изменения) судебных постановлений в апелляционном порядке ввиду нарушения требования законности выступает самый широкий спектр допускаемых судами ошибок в применении норм материального и (или) процессуального права. В соответствии же с ч. 3 ст. 436, ч. 1 ст. 448 ГПК поводами к отмене (изменению) судебных постановлений в порядке надзора могут служить только существенные нарушения норм материального и (или) процессуального права, т.е. пределы проверочной деятельности судебно-надзорных инстанций, казалось бы, существенно сужены.

Вместе с тем постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. №7 «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке судебного надзора» (далее — Постановление № 7) фактически приравнивает основания для отмены (изменения) судебных постановлений в надзорном порядке к основаниям для отмены (изменения) судебных постановлений, применяемым в апелляционном производстве (в обозначенной части Постановление № 7 сохраняет свою актуальность и после того, как Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З раздел VIII ГПК был изложен в новой редакции, поскольку ч. 1 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2018 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 4» предписывает применять Постановление № 7 в части, не противоречащей ГПК).

Согласно ч. 1 п. 3 Постановления № 7 «существенными нарушениями норм материального права, влекущими отмену судебных постановлений, являются нарушения, предусмотренные ст. 403 ГПК, если они привели к неправильному разрешению дела по существу» (положения прежней редакции ст. 403 ГПК теперь отражены в ч. 2 ст. 424 ГПК). А как указано в п. 5 Постановления № 7, «существенными нарушениями норм процессуального права являются нарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 404 ГПК,

поскольку они связаны с несоблюдением конституционных прав граждан на судебную защиту и основных принципов гражданского судопроизводства. Другие нарушения норм процессуального права признаются существенными и влекут отмену судебных постановлений, если они привели или могли привести к неправильному разрешению дела» (нарушения, которые прежде были перечислены в ч. 2 ст. 404 ГПК, в настоящее время предусмотрены ч. 4 ст. 424 ГПК, второе же предложение п. 5 Постановления № 7 воспроизводит правило, которое раньше содержалось в ч. 1 ст. 404 ГПК, а теперь закреплено в ч. 3 ст. 424 ГПК).

Негативные последствия подобного дублирования вполне очевидны. Для надзорных инстанций они заключаются в том, что в ходе своей проверочной деятельности данные судебные органы вынуждены реагировать на ошибки, которые могли и должны были быть выявлены (а по возможности и исправлены) судами апелляционной инстанции. В итоге надзорное производство, изначально задуманное как исключительная проверочная форма (к слову, в п. 2 Постановления № 7 прямо зафиксировано, что «пересмотр в порядке надзора является исключительным порядком проверки законности»), трансформируется (по крайней мере с точки зрения последствий его применения) в обычный (ординарный) способ пересмотра судебных постановлений. Отрицательный эффект не миновал и апелляционные суды: дублирование в проверочной деятельности демобилизует, «расхолаживает» судей второй инстанции, снижает их персональную ответственность за поиск судебной ошибки и в конечном итоге формирует неправильный психологический стереотип, что, мол, «пропуск» судебной ошибки не является серьезной проблемой, так как дублирующие надзорные инстанции всегда имеют возможность потом во всем «разобраться».

Помимо отмеченного выше можно привести и другие случаи нежелательного дублирования судебной проверочной деятельности. Например, согласно ч. 2 ст. 334-5, ч. 3 ст. 334-6 ГПК ответчик вправе требовать отмены заочного решения от вынесшего это решение суда первой инстанции на том основании, что имеются доказательства, которые могут оказать влияние на результаты разрешения спора, а неявка ответчика в судебное заседание была вызвана уважительными причинами, о которых он не имел возможности суду своевременно сообщить. Но по точно таким же основаниям ответчик может требовать отмены заочного решения и в апелляционном порядке.

Так, новые доказательства, на которые ссылается ответчик, могут свидетельствовать о наличии одного или нескольких оснований для отмены судебного решения, предусмотренных ч. 1 ст. 424 ГПК (в частности, свидетельствовать о том, что судом не учтены все факты, входящие в предмет доказывания, или что положенные в основу решения суда факты не под-

тверждены достаточными и достоверными доказательствами), а указание на уважительность причин неявки ответчика в судебное заседание суда первой инстанции будет говорить о соблюдении зафиксированного в п. 4 ч. 1 ст. 405, п. 3 ч. 3 ст. 415, ч. 3 ст. 418 ГПК условия для принятия новых доказательств апелляционной инстанцией – если данные доказательства не были исследованы судом первой инстанции по причинам, не зависящим от ссылающегося на эти доказательства лица.

В итоге ответчик получает возможность дважды оспаривать заочное решение по одним и тем же основаниям, что не только ведет к затягиванию процесса выяснения действительного материально-правового положения истца и ответчика, но и (потенциально) к злоупотреблениям со стороны последнего (даже полностью осознавая свою неправоту в споре, ответчик все равно может воспользоваться обоими способами оспаривания решения исключительно для того, чтобы затянуть процесс вступления заочного решения в законную силу и, соответственно, как можно дальше отдалить во времени момент начала его принудительного исполнения). В этой связи представляются несколько умозрительными и недостаточно продуманными суждения сторонников института заочного решения, высказанные ими накануне введения данного института в белорусское судопроизводство, о том, что «заочное производство ускоряет судебный процесс, содействует эффективному осуществлению правосудия, повышению ответственности сторон за свое процессуальное поведение»¹, что «введение заочного производства обусловлено необходимостью закрепления дополнительных гарантий реализации конституционного права граждан на судебную защиту, обеспечения принципа процессуальной экономии, а также предотвращения злоупотребления участниками разбирательства дела своими процессуальными правами»².

Изложенное говорит не столько о том, что ответчика следует лишить права на апелляционное обжалование заочного решения, сколько о том, что стоит серьезно задуматься о целесообразности отказа от заочного производства. Причем в подобном мнении мы не одиноки, аналогичной точки зрения, только по отношению к российской правовой системе, придерживается Л. А. Терехова, указывая, что заочное производство всегда порождало больше проблем, нежели приносило реальной пользы судам и участвующим в деле лицам, в реальности оно удлиняет процедуру рассмотрения дела фактически вдвое (рассмотрение дела судом первой инстанции, отмена заочного решения, новое рассмотрение дела этим же судом, обжалование решения и рассмотрение дела судом второй инстанции) и никак

¹ Забара А. Указ. соч. С. 6.

² Бодакова О., Самолюк В. Заочное производство в гражданском процессе // Судовы веснік. 2011. № 1. С. 75.

не может быть названо санкцией для ответчика, посредством заочного производства ответчику скорее предоставляется некий льготный режим¹.

Да, собственно, и никаких объективных причин для введения в свое время заочного производства не было (данный институт был введен Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З). Так, норма первоначальной редакции ч. 6 ст. 286 ГПК позволяла суду рассматривать дело в отсутствие не явившегося в судебное заседание ответчика, если причины неявки ответчика известны не были и он надлежащим образом был извещен о времени и месте судебного заседания, а защищать свои интересы (связанные с наличием доказательств, способных повлиять на разрешение спора) ответчик мог путем обжалования решения в кассационном порядке, тем более что правила кассационного производства не закрепляли никаких ограничений на представление участниками процесса в суд второй инстанции любых новых доказательств, в том числе и тех, которые без проблем могли быть предъявлены ими суду первой инстанции.

Можно привести и еще один пример дублирования проверочной деятельности. Как известно, дела о признании граждан безвестно отсутствующими или об объявлении их умершими, к сожалению, далеко не всегда готовятся судьями к судебному разбирательству надлежащим образом. Вкупе со злоупотреблениями, допускаемыми заявителями по таким делам, своим следствием это имеет то, что иногда решение о признании безвестно отсутствующим или об объявлении умершим выносится судом в отношении гражданина, который находится в живых и никуда не пропал. Данные обстоятельства обычно обнаруживаются вскоре после вынесения решения, и в связи с этим возникает вопрос: подобное решение подлежит отмене в порядке судебного надзора (по причине допущенных судом в ходе производства по делу ошибок) или же в порядке ст. 372 ГПК (в связи с явкой или обнаружением места пребывания гражданина)? Со строго юридической точки зрения более правильным здесь, наверно, является применение надзорного порядка, хотя соображения практической целесообразности подсказывают, что проще всего подобное решение отменить в порядке ст. 372 ГПК. Правда, стоит подчеркнуть, что причиной возникновения дублирования в проверочной деятельности здесь выступают не недостатки правового регулирования (как это место применительно к заочному производству), а огрехи, допускаемые в ходе самой правоприменительной деятельности судов.

---

¹ Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 71, 117, 128–129.

*Е. С. Смагина,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процессуального
и трудового права Южного федерального университета
(г. Ростов-на-Дону),
esmagina@yandex.ru*

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ (ЭТАПНОСТЬ) РАССМОТРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Проблематика последовательности (этапности), или, в иной терминологии, каскадности, рассмотрения исковых требований достаточно актуальна для материального права и цивилистического процесса, имеющих неуклонную тенденцию к усложнению, вариативности. Различие материально-правовых требований, возникающих как из частных, так и из публичных правоотношений, неумолимо влечет масштабирование форм их защиты. Практической редкостью является заявление, в котором содержится лишь одно требование, не взаимосвязанное ни с чем, без взаимоисключений и альтернативности.

О необходимости поэтапного рассмотрения требований и, соответственно, доказывания можно найти упоминания в специальной литературе. В. В. Попов пишет, что желательно, чтобы судья в подготовительном судебном заседании совместно со сторонами составлял план проведения разбирательств по делу, определял время, необходимое для выяснения позиций сторон, время для раскрытия доказательств, для вынесения решения. Кроме того, судья может установить график предоставления сторонами необходимых доказательств¹. Правда, автор считает, что эти действия не являются процессуальными, с чем можно поспорить, ибо они и есть действия по распределению бремени доказывания. А. А. Карпова отмечает, что нормами АПК РФ не предусмотрено наличие такого процессуального инструмента, как поэтапное рассмотрение иска (соединяющего несколько взаимосвязанных, не выделенных в отдельное производство исковых требований) в рамках одного судебного производства

---

¹ См.: Попов В. В. Проблемы взаимосвязи процессуальных институтов раскрытия доказательств и встречного иска // Журнал российского права. 2006. № 5.

с вынесением нескольких судебных решений (так называемое промежуточное решение). Однако необходимость в таком регулировании автор подчеркивает на примере обеспечения защиты прав, предусмотренных п. 3 ст. 431.1 ГК РФ¹.

В соответствии с п. 3 ст. 431.1 ГК РФ допускается заключение соглашения об иных последствиях недействительности оспоримого договора, исполнение которого связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, после признания данного договора недействительным (при условии, что указанное соглашение не затрагивает интересов третьих лиц, а также не нарушает публичных интересов). Возникает закономерный вопрос о реализации данной материальной нормы в контексте норм процессуальных, прежде всего о том, каким образом и на каком этапе можно заключить названное соглашение? С одной стороны, мировое соглашение должно быть преимущественно заключено сразу же, как только достигнута договоренность, в приоритете — в суде первой инстанции. С другой стороны, иск о признании оспоримой сделки недействительной должен быть в начале удовлетворен, а затем заключено соглашение. А. А. Карпова рассматривает возможность его заключения в проверочных инстанциях², что не исключено. Но проблема заключается в том, что в складывающейся ситуации интереса в обжаловании решения суда по иску о признании оспоримой сделки недействительной может не возникнуть ни у одной из сторон, напротив, они с ним согласны, если решились заключить мировое соглашение по последствиям.

В. В. Витрянский допускает поэтапное рассмотрение иска в обозначенном случае: по результатам рассмотрения дела суд вправе вынести решение об удовлетворении иска в части признания договора недействительным, а в части применения последствий — отложить рассмотрение дела с вынесением в дальнейшем отдельного решения об удовлетворении или об отказе в удовлетворении требований³.

Аналогичная указанной в ст. 431.1 ГК РФ ситуация наблюдается и в случае предъявления иска о признании условия наступившим, ненаступившим и взыскании по сделке, заключенной под условием. Согласно п. 3 ст. 157 ГК РФ если наступлению условия недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие признается наступившим. Если наступлению условия недобросовестно

---

¹ См.: Карпова А. А. Процессуальные проблемы реализации прав сторон оспоримой исполненной сделки на заключение соглашения об иных последствиях ее недействительности // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4.

² Там же.

³ См.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017.

содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим. Здесь также имеет место поэтапное (каскадное) заявление требований и доказывание, ибо взыскание по сделке может быть произведено, только если обосновано наступление или ненаступление условия.

Думается, этапность (каскад) требований коренится в особой их взаимосвязи: удовлетворение одного из требований создает основание для самого существования и рассмотрения второго, по принципу — «если, то».

Предвидим возражения о том, что определенная этапность наличествует во многих исках, например о взыскании задолженности и обращении взыскания на предмет залога. Однако, на наш взгляд, есть принципиальная разница между приведенными примерами и иными исками с соединенными требованиями. В названных случаях первое требование не просто является основанием второго, но и не может быть защищено самостоятельно — предъявление иска о признании оспоримой сделки недействительной или о признании условия наступившим само по себе не обеспечивает защиту прав заинтересованного лица и соответственно отдельному предъявлению не подлежит.

Этапность рассмотрения требований имеет место и в случае с оспариванием сделки прокурором применительно к ч. 1 ст. 52 АПК РФ, в соответствии с которой прокурор может обратиться с иском о признании недействительными сделок, совершенных в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством Российской Федерации, правом Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, и о применении последствий недействительности таких сделок. Здесь, очевидно, в первую очередь подлежит доказыванию цель злонамеренных действий сторон, а затем основания недействительности сделки. Мы осознаем, что это пример не совсем точный, но этапность здесь наблюдается достаточно выражено.

Каскад требований мы получаем и при объединении требований, возникающих из административных, иных публичных правоотношений и частных правоотношений в порядке ст. 33.1 ГПК РФ и ст. 16.1 КАС РФ (попутно отметим, что названные статьи имеют один серьезнейший недостаток — определение о переходе к рассмотрению требований по правилам гражданского или административного судопроизводства является необжалуемым, здесь процессуальной экономии вновь уступили конституционные постулаты состязательности). Применительно к арбитражному процессу, в котором сложности такого объединения познали гораздо

раньше, ВАС РФ разъяснил, что в соответствии с ч. 1 ст. 130 АПК РФ требование о признании ненормативного правового акта недействительным и требование о возмещении вреда, основанное на ст. 1069 ГК РФ, могут быть соединены в одном исковом заявлении, если они связаны между собой по основаниям возникновения или представленным доказательствам, и к участию в деле привлечены соответственно государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо этих органов, а также публично-правовое образование, ответственное за возмещение вреда. При необходимости дело может быть рассмотрено по правилам, предусмотренным ст. 160 АПК РФ¹.

Нормами ГПК РФ и АПК РФ напрямую не предусмотрено поэтапное рассмотрение иска, в котором объединены несколько требований, не выделенных в отдельное производство.

В то же время процессуальное законодательство не чуждо этапности как таковой в отношении разных исков.

Самый явный пример — приостановление производства по делу при невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в гражданском, административном или уголовном производстве, а также дела об административном правонарушении (ст. 215 ГПК РФ, ст. 143 АПК РФ). Прямо закреплена в ГПК РФ и АПК РФ последовательность рассмотрения требований об оспаривании решения третейского суда и о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда в случае, если они поданы в разные суды в один и тот же день (ч. 6 ст. 425 ГПК РФ, ч. 6 ст. 238 АПК РФ). В названных случаях мы имеем дело с последовательностью рассмотрения в зависимости от сути требований.

Имеет место и сочетание оснований для последовательного рассмотрения — сути требований и времени их принятия к рассмотрению. Например, приостановление производства по самостоятельному иску предусмотрено при рассматриваемом групповом иске, причем поданном ранее (ч. 5, 6 ст. 225.16 АПК РФ, ч. 5, 6 ст. 244.25 ГПК РФ). Часть 6 ст. 130 АПК РФ: дела, находящиеся в производстве арбитражного суда первой инстанции, в случае объединения их в одно производство передаются судье, который раньше других судей принял исковое заявление к производству арбитражного суда. Статья 151 ГПК РФ менее скрупулезна по отношению к объединению требований, в ней не содержится указаний на то, какой именно судья должен принять к рассмотрению объединенное дело, — все решается по принципу, кто быстрее успел передать, в то время как потребность в последовательности имеется.

---

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22 декабря 2005 г. № 99 (ред. от 01.07.2014) «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Наиболее же близка к искомому порядку поэтапного (каскадного) рассмотрения требований в гражданском процессе ст. 160 АПК. В соответствии с этой статьей в случае, если в одном заявлении соединены требование об установлении оснований ответственности ответчика и связанное с ним требование о применении мер ответственности, арбитражный суд вправе с согласия сторон рассмотреть такие требования в отдельных судебных заседаниях. О рассмотрении дела в отдельных судебных заседаниях выносится определение. При отказе в удовлетворении требования об установлении оснований ответственности ответчика арбитражный суд не рассматривает связанное с ним требование о применении мер ответственности и второе судебное заседание не проводит. В случае удовлетворения требования об установлении оснований ответственности ответчика арбитражный суд сразу же или после перерыва, срок которого не может превышать пять дней, вправе провести второе судебное заседание и в этом судебном заседании рассмотреть требование о применении мер ответственности, в том числе определить размер взыскиваемой суммы. По результатам рассмотрения арбитражный суд принимает решение по всем заявленным требованиям. В случае если в судебном заседании объявлялся перерыв, во время которого стороны достигли договоренности или урегулировали спор в части требований о применении мер ответственности, арбитражный суд не рассматривает эти требования и прекращает производство по делу в части требований о применении мер ответственности при условии, что истец обратился с отказом в письменной форме от иска или стороны заключили мировое соглашение в этой части требований и отказ принят либо мировое соглашение утверждено судом, на что указывается в судебном акте арбитражного суда.

Следует заметить, что норма ст. 160 АПК РФ существует в кодексе с момента его принятия. Появление ее, мы убеждены, было связано с сочетанием рассмотрения в рамках арбитражного процесса дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, дел о привлечении к административной ответственности и дел, возникающих из частных правоотношений, но, как нельзя кстати, она пришлась и в делах о банкротстве.

Статья 160 АПК РФ могла бы выглядеть перспективно с точки зрения этапности (каскадности) рассмотрения исковых требований, в том числе и будучи заимствованной в ГПК РФ, если бы не ряд проблем.

Прежде всего, применение указанной нормы является правом, а не обязанностью суда, на этот выбор стороны не могут никак повлиять или обжаловать соответствующее определение. Как отмечается в постановлении ФАС Московского округа от 19 февраля 2013 г. по делу № А40-11501/11-132-61, ст. 160 АПК РФ предоставляет суду право выбора порядка рассмотрения таких требований, но не возлагает на него обязанность по прове-

дению отдельных заседаний и не связывает такую возможность с ходатайствами сторон.

Далее, не вполне ясен посыл ч. 2 ст. 160 АПК РФ: при отказе в удовлетворении требования об установлении оснований ответственности ответчика арбитражный суд не рассматривает связанное с ним требование о применении мер ответственности и второе судебное заседание не проводит. То есть помимо отказа в иске, удовлетворения иска, прекращения, оставления без рассмотрения есть и еще одна форма окончания процесса — не рассматривает требование. Что означает «не рассматривает»? По всей видимости, исходя из немногочисленной практики, суд выносит решение об отказе в удовлетворении иска полностью без рассмотрения второй части требований вообще, соответственно без мотивов.

В связи с последним возникает и еще одна проблема — апелляционного обжалования решений, принятых в порядке ст. 160 АПК РФ. При отмене решения суд апелляционной инстанции не имеет возможности вернуть дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции и сам перейти к рассмотрению по правилам первой инстанции (полная апелляция). Представляется, что эта особенность статьи порождает немногочисленную практику по ней, судьи весьма настороженно относятся к «нерассмотрению» требований, понимая, что в случае отмены решения его ждет неопределенная участь. Статья 160 АПК РФ требует в этом отношении доработки — указания на последствия нерассмотрения требований и предоставления апелляционной инстанции, хотя бы на уровне разъяснений ВС РФ, права вернуть дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по аналогии с разъяснениями по поводу отмены решений, принятых с указанием лишь на пропуск срока исковой давности.

При этом, как демонстрируют приведенные примеры и пишут апеллянты в своих жалобах, потребность в применении ст. 160 АПК РФ в целях достижения правовой определенности и процессуальной экономии присутствует. Разумная этапность помогла бы добиться столь вожделенной экономии времени, средств, структурировать доказывание, обеспечить необходимую концентрацию, наконец, разгрузить суды.

*А. Р. Султанов,
кандидат юридических наук,
руководитель представительства «Пепеляев групп»
в Республике Татарстан,
заслуженный юрист Республики Татарстан,
a.sultanov@pgplaw.ru*

МОТИВИРОВАННОСТЬ ОТКАЗНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время существующее правовое регулирование для кассационного обжалования, обязывающее мотивировать отказы в передаче дел для кассационного рассмотрения, отнюдь не защищают от получения определения, в котором будет указано:

«Доводы кассационной жалобы не подтверждают наличие оснований, предусмотренных статьями 291.6, 291.11 АПК РФ, для передачи жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии ВС РФ и пересмотра обжалуемых судебных актов, поскольку не позволяют сделать вывод о том, что при рассмотрении дела допущены нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, приведшие к судебной ошибке существенного и непреодолимого характера».

Количество судебных актов ВС РФ, в которых вместо мотивировки использовано вышеуказанное клише, уже превышает несколько тысяч, и, похоже, их количество будет расти.

При этом п. 5 ст. 291.8 АПК РФ обязывает судью Верховного Суда РФ указать в определении об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании коллегии Верховного Суда РФ мотивы такого отказа. То есть мы наблюдаем прямое нарушение процессуального закона, которое является также игнорированием правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Впрочем, это не только нарушение процессуального закона, но является и игнорированием принципа уважения достоинства личности. Принцип уважения достоинства личности всегда обязывал все государственные органы, включая суды, быть в такой коммуникативной связи с гражданами и их объединениями, которая включает в себя соблюдение и внешней уважительности, и свидетельствует о наличии желания быть понятым. Конечно же, игнорирование общения и формальное общение, не содержащее в себе реального понимания и не создающее его, почти

не отличаются друг от друга: и то и другое — нарушение принципа уважения достоинства личности.

Использование клише вместо мотивирования противоречит принципу уважения личности, поскольку не создает понимания у лица, обратившегося в высшую судебную инстанцию, что его аргументы были услышаны, воспроизведены, а также почему были отклонены.

Еще до того, как надзорные инстанции были «преобразованы» во вторые кассации, Конституционным Судом РФ были выработаны правовые позиции, согласно которым *«...при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для истребования дела, так и при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для передачи дела в суд надзорной инстанции для рассмотрения по существу — необходимо вынесение мотивированного определения»*¹.

В последующем Конституционный Суд РФ в своих определениях неоднократно указывал, что *«законоположения, регламентирующие рассмотрение судей жалоб и представлений на вступившие в законную силу судебные постановления, не допускают произвольного отказа в их рассмотрении, поскольку обязывают его при наличии предусмотренных законом оснований для отмены или изменения обжалуемого судебного постановления во всяком случае передать их для рассмотрения по существу коллегиальным составом судей и исключают вынесение немотивированных решений по результатам рассмотрения жалобы, представления — как при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для истребования дела, так и при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для передачи дела в суд кассационной инстанции для рассмотрения по существу»*.

Эффективность судебной коммуникации оценивается через достижение цели коммуникации, т.е. понятный всем участникам процесса и закономерный, т.е. соответствующий логике состоявшегося судебного разбирательства результат рассмотрения дела, отраженный в судебном акте². Справедлив вопрос, есть ли смысл в «праве на коммуникацию», если тебя никто не слушает... для успешной реализации оно должно сопровождаться «правом на понимание»³.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что *«Конституция РФ гарантирует каждому право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные*

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П.

² Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный процесс. Воронеж. 2017. С. 10.

³ Downing J. Grassroots Media: Establishing Priorities for the Years Ahead // Global Media Journal (Australia Edition). 2007. Vol. 1. №1. P. 99 / Цит. по: Добсон Э. Почему мы говорим о слушании? // Логос. 2015. № 6. С. 253.

органы и органы местного самоуправления (ст. 33), защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45, ч.2), в том числе путем обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц. Указанные права, по смыслу Конституции РФ, в частности ее ст. 21 (ч.1), которая, как указал КС РФ в постановлении от 03.05.1995 № 4-П... требует рассматривать гражданина не как объект государственной деятельности, а как равноправного субъекта, могущего защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, предполагают не только право подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на это обращение адекватный ответ»¹.

Проблема гарантий права на получение обоснованного и мотивированного решения по обращению, направленному в суд или иной правоприменительный орган, была много раз предметом рассмотрения КС РФ, правовые позиции которого должны учитываться правоприменителями.

Так, в определении от 8 июля 2004 г. № 237-О КС РФ отметил, что «...положения ст. 388 и 408 УПК РФ в единстве с ч.4 его ст. 7 не предоставляют суду кассационной или надзорной инстанции возможность игнорировать или произвольно отклонять доводы жалобы, не приводя фактические и правовые мотивы отказа в удовлетворении заявленных требований, поскольку мотивировка решения суда во всяком случае должна основываться на рассмотрении конкретных обстоятельств, нашедших отражение в материалах дела и дополнительно представленных сторонами материалах, а также на нормах материального и процессуального права, — иначе не может быть обеспечено объективное и справедливое разрешение уголовного дела. Конституционно-правовой смысл предписаний УПК РФ, обязывающих мотивировать судебные решения, в том числе подтверждающие законность и обоснованность обжалованных судебных актов, применительно к обвинительному приговору и подтверждающим его обоснованность судебным решениям обусловлен также взаимосвязанными конституционными принципами состязательности, равноправия сторон в судопроизводстве и презумпции невиновности, из которых следует, что эти решения могут быть вынесены только после рассмотрения и опровержения доводов, выдвигаемых стороной защиты, в том числе в жалобах на состоявшийся приговор; неопровергнутые же доводы против обвинительных судебных решений могут толковаться только в пользу обвиняемого. Отказ от рассмотрения и оценки обоснованности доводов защиты в жалобах на судебные решения в этом случае создает преимущества для стороны обвинения, искажает содержание ее обязанности по доказыва-

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42-О.

нию обвинения и опровержению сомнений в виновности лица, позволяя игнорировать подтверждающие эти сомнения данные».

Предупреждая возражения, что данные правовые позиции имеют отношение к положениям УПК РФ, отметим, что в данном Определении КС РФ распространил правовые позиции не только на жалобы по уголовным делам: **«Приведенная правовая позиция в полной мере относится ко всем иным, помимо выносимых соответствующими судами по кассационным и надзорным жалобам на приговор, решениям, принимаемым в ходе уголовного судопроизводства компетентными органами и должностными лицами по любым обращениям граждан»**¹.

Применительно к АПК РФ и ГПК РФ, КС РФ, оценивая положения ст. 170 АПК РФ и ст. 198 ГПК РФ, признал их важными, закрепляющими **одну из фундаментальных процессуальных гарантий реализации права на судебную защиту — мотивированность судебного постановления**².

Использование «универсального клише», позволяющего менять только в начале и резолютивной части сведения о заявителе, — это игнорирование процессуального закона и правовых позиций КС РФ или намеренное движение к реализации плана по немотивированию судебных актов, получившее несколько лет назад отпор научной общественности и практиков?

Однако только наличие мотивированного судебного акта является единственной возможностью для общественности проследить отправленные правосудия. Подобная возможность при использовании клише отсутствует — у общества исчезла возможность проследить за обоснованностью отказов в передаче дел для рассмотрения в кассационной инстанции. При этом игнорирование норм закона и правовых позиций КС РФ не может быть оспорено в КС РФ, который полагает, что проверка правильности применения норм права с учетом фактических обстоятельств конкретных дел, предполагающая их исследование и оценку, не относится к его компетенции.

Но столь большое количество отказных определений с использованием не мотивировки, а лишь клише все же может свидетельствовать о сложившемся толковании правоприменительной практики процессуального кодекса, толковании *contra legem*, которое может быть предметом обжалования в КС РФ. При этом предметом обжалования будет норма, в толковании правоприменительной практикой допускающая вместо надлежащей мотивировки использовать клише.

Требование мотивированности судебных актов является требованием должной правовой процедуры, которая является одним из оснований

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42-О.

² Определения Конституционного Суда РФ от 25 мая 2017 г. № 1091-О и от 29 марта 2016 г. № 661-О.

правового государства, провозглашенных нашей Конституцией. Требование надлежащей правовой процедуры означает, что все действия властей должны соотноситься с требованиями закона, иногда его называют принципом «естественного правосудия». Он является наиболее важной защитой против произвола и самоуправства властей¹, требует, чтобы для любого действия государственной власти существовала надлежащая правовая процедура².

Для того чтобы сделать правосудие соответствующим общепризнанным стандартам справедливого правосудия, нужно решить проблему немотивированности судебных актов как основную проблему нашего правосудия³. Только мотивированное правосудие заменяет грубую силу произвола логикой права и делает акт суда актом правосудия, актом, показывающим справедливость и законность принятого судебного постановления⁴. *«... Суть функционирования судебной ветви государственной власти состоит в том, что в этом функционировании логика силы заменена силой логики. Убеждающая сила правого обоснования принимаемых решений... суть принципа верховенства права, суть правового государства»⁵.*

Право граждан на мотивированность ненормативных актов государственных органов (в том числе и судов) происходит даже не столько из права быть услышанным, что тоже имеет место, — в основе права на мотивированный ответ лежит обязанность уважать достоинство личности. Право быть услышанным — это лишь одно из проявлений обязанности уважать достоинство личности, эта обязанность значительно шире и не ограничена демонстрацией того, что гражданин был заслушан и услышан⁶.

Принцип должной правовой процедуры, так же как и многие другие конституционно-правовые принципы, такие как принцип правовой определенности, принцип защиты правомерных ожиданий, принцип уважения личности и многие другие, имплицитно содержатся в Конституции РФ, и КС РФ осуществляется выявление и конкретизация имплицитного содержания Конституции, скрытого под покровом собственно ее тек-

---

¹ Султанов А. Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского Суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2013. № 1(2). С. 62–65.

² Ильин А. В. Конституционное право России. М. 2022. С. 124.

³ Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // Закон. 2014. № 8. С. 114–118.

⁴ Султанов А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! // Закон. 2018. № 1. С. 46–58.

⁵ Боштян Зупанчич. Об универсальной природе прав человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2007. № 6. С. 26.

⁶ Султанов А. Р. Правовые последствия немотивированности ненормативных правовых актов при их оспаривании в судах // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 221–231.

ста, способствуя постепенному преобразованию Конституции на основе углубления и развития ее ценностно-нормативного потенциала под влиянием социально-политических, экономических и иных обстоятельств¹. «Конституционные имплицитные принципы являются стандартом (критерием) оценки конституционности нормативного акта или его положений. При этом реальное действие Конституции РФ проявляется не только в непосредственном применении КС РФ конституционных имплицитных принципов, которые встроены в ткань Конституции посредством его интерпретационной деятельности, но и в возможности субъектов обращения с конституционной жалобой ссылаться на нарушение конституционных имплицитных принципов для защиты своих прав в рамках процедур конкретного нормоконтроля»².

Должная правовая процедура в процессуальном ее значении представляет собой систему процессуальных гарантий, которые обеспечивают право быть выслушанным, услышанным и право на адекватный ответ от судебных органов.

---

¹ Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционное правосудие как институт обеспечения прямого действия Конституции РФ / Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева М. 2017. 432 с.

² Трошкина А. А. Конституционные имплицитные принципы: к вопросу о понятии и значении // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 7–14.

*Н. Н. Ткачева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
nntkachewa@yandex.ru*

ИНСТИТУТ ОСТАВЛЕНИЯ БЕЗ ДВИЖЕНИЯ: ПРЕВЕНТИВНАЯ ГАРАНТИЯ ИЛИ ПРЕПЯТСТВИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

На этапе возбуждения искового производства важную роль в системе гарантий защиты прав и интересов в исковом производстве играют превентивные гарантии, направленные на защиту прав лиц от незаконных исковых требований, поданных в суд, проверку годности предоставляемого стороной материала¹, реализуемые, в частности, посредством оставления искового заявления без движения.

Попробуем разобраться, действительно ли институт оставления без движения выступает превентивной гарантией или препятствует судебной защите.

Изучение и обобщение правоприменительной практики позволило выявить следующие нарушения.

Суды широко трактуют положения ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, оставляя исковое заявление без движения, выходя в некоторых случаях за рамки исковых требований.

Суд оставил исковое заявление без движения, обязав истца доработать его и указать дополнительных ответчиков, статус которых не был обозначен в исковом заявлении². В ином случае суд оставил исковое заявление без движения из-за того, что истцом заявлены требования только к С., тогда как инициаторами собрания являлись также К. и Т., к которым Б. требования не предъявил³. Оба определения суда первой инстанции были отменены как незаконные.

---

¹ См.: Малинин М. И. Труды по гражданскому процессу. М., 2014. С. 122.

² См.: Апелляционное определение Курского областного суда от 7 ноября 2019 г. № 33-3668/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 26 февраля 2020 г. № 33-2018/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Произвольное толкование положений ч. 1 ст. 136 ГПК РФ выражается в требованиях суда о соблюдении правил, не предусмотренных законом, например в требованиях, относящихся к написанию текста искового заявления (его структуре, стилю изложения, запрету на использование разговорной речи, ненормативной лексики и т.д.). В таких случаях суды нередко оставляют исковое заявление без движения, ограничиваясь общей фразой «несоответствие искового заявления требованиям ст. 131 и 132 ГПК РФ»¹. Л. А. Грось делает справедливое замечание о том, что заинтересованное лицо не в каждом случае может понять, какие недостатки ему необходимо устранять и как ему следовало поступить, чтобы его исковое заявление было принято к производству, в случаях использования судом общей формулировки².

Суды выходят за рамки стадии возбуждения искового производства. Суд при принятии искового заявления в некоторых случаях ошибочно отождествляет задачи стадии возбуждения искового производства с задачами стадии подготовки дела к судебному разбирательству и оставляет исковое заявление без движения.

К. обратилась с иском о признании за ней права собственности на гаражный бокс, земельный участок не был оформлен в собственность. Суд оставил без движения исковое заявление, обязав истца предоставить сведения о возведении строения в границах земельного участка, принадлежащего на каком-либо праве истцу, а также другие требования. Вышестоящий суд, отменяя определение суда первой инстанции, отметил, что действующее законодательство не допускает осуществления судом оценки достаточности доказательств, представленных при подаче иска, на стадии принятия заявления к производству суда³.

Применение судом закона, не подлежащего применению. Помимо приведенных ранее случаев из судебной практики, можно выделить случаи допущения ошибок процессуального и материального характера, обусловленных некомпетентностью судьи.

Исковое заявление Х. А. об установлении факта принятия наследства, было оставлено без движения, поскольку истец не представила документ о стоимости спорного имущества. Суд апелляционной инстанции отменил определение, указав, что хотя иск и является имущественным, он не подлежит оценке, поэтому государственная пошлина составляет 300 руб-

---

¹ См.: Гражданское дело № 9-38/2020 // Архив Фрунзенского районного суда г. Саратова.

² См.: Грось Л. А. О проблемах «прозрачности» правосудия в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 5. С. 2–4.

³ См.: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 25 февраля 2020 г. № 33-1496/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

лей, которые были уплачены истцом при предъявлении искового заявления в суд¹.

Увеличение процессуальных сроков. Как справедливо констатирует В. А. Пономаренко, судебная защита должна быть осуществлена в разумный срок (ст. 6.1 ГПК РФ), иное представляется неприемлемым, ничто не должно влиять на качество судебной защиты и затруднять к ней доступ².

С момента обращения в суд, вынесения определения об оставлении искового заявления без движения и до фактического возвращения искового заявления истцу или принятия искового заявления к производству суда может пройти две недели³, а в некоторых случаях более одного месяца⁴. Как справедливо отмечается, в последние годы оставление искового заявления без движения является «очень действенным средством для затягивания процесса», кроме того, суды, как общей юрисдикции, так и арбитражные, «слишком часто стали пользоваться правовой нормой об оставлении искового заявления без движения» в своих интересах, даже в тех случаях, когда оно подано с соблюдением требований процессуального закона⁵. Злоупотребляя данным институтом, заинтересованное лицо стремится использовать его как инструмент для получения более выгодных условий в сложившихся спорных правоотношениях⁶.

Изучив и обобщив правоприменительную практику, а также теоретические положения процессуального института оставления искового заявления без движения, следует констатировать следующие присущие ему отрицательные черты:

- 1) дублирующие основания для оставления искового заявления без движения с основаниями для возвращения искового заявления;
- 2) наступление аналогичного процессуального последствия в виде возвращения искового заявления, в случае если после оставления искового заявления без движения не устранены его недостатки;

---

¹ См.: Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 11 марта 2020 г. № 33-3522/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Пономаренко В. А. О доступе к гражданскому судопроизводству по принципу «одного окна» // Lex Russica. 2013. № 1. С. 95.

³ См.: Гражданское дело № 9-42/2020 // Архив Фрунзенского районного суда г. Саратова.

⁴ См.: Гражданское дело № М 4047/2023 // Архив Волжского районного суда г. Саратова.

⁵ См.: Качмазова Д. М., Хубецов М. Я., Колобов В. В. Оставление искового заявления без движения и возвращение искового заявления как результат нарушения порядка предъявления иска // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1(217). С. 153.

⁶ См.: Загидуллин М. Р. Вопросы юридической ответственности при защите общих интересов в гражданском, арбитражном и административном процессе // Администратор суда. 2018. № 4. С. 17.

3) многочисленные судебные ошибки:

- широкое и произвольное толкование судами оснований для оставления искового заявления без движения;
- отождествление задач стадии возбуждения искового производства с задачами подготовки дела к судебному разбирательству;
- нарушение разумного срока судебной защиты.

Таким образом, институт оставления без движения не обеспечивает доступность и эффективность правосудия, поскольку не гарантирует своевременность получения судебной защиты лицом, нуждающимся в ней, в порядке искового производства, соответственно, не может рассматриваться ни как эпилитическая гарантия, обеспечивающая законное возбуждение искового производства, ни как превентивная гарантия, обеспечивающая защиту от незаконных исковых требований на этапе возбуждения искового производства, в связи с чем полагаем необходимым упразднить данный институт ввиду его нерезультативности, а также создания препятствий, тормозящих процесс реализации конституционного права на судебную защиту.

Предлагаем во всех случаях несоответствия искового заявления требованиям ст. 131 и 132 ГПК РФ возвращать его заинтересованному лицу с указанием конкретных замечаний, послуживших основанием для возвращения, со ссылками на процессуальные нормы.

Е. С. Трезубов
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса юридического института
Кемеровского государственного университета,
egortrezubov@mail.ru

О ПРАВЕ АРБИТРАЖНОГО СУДА ИСТРЕБОВАТЬ ОТ ИСТЦА ВСТРЕЧНЫЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО СОБСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ

В соответствии с ч. 1 ст. 94 АПК РФ первичное встречное обеспечение может быть предоставлено истцом по собственной инициативе, по ходатайству ответчика или по инициативе суда. Согласно ч. 4 ст. 93 АПК РФ в обеспечении иска не может быть отказано, если лицо, ходатайствующее об обеспечении иска, предоставило встречное обеспечение. Несмотря на такую категоричную формулировку приведенной нормы, Пленум Верховного Суда РФ, сохраняя прежнюю позицию ВАС РФ¹, в п. 45 постановления от 1 июня 2023 г. № 15² разъяснил, что предоставление заявителем встречного обеспечения в отсутствие оснований принятия обеспечительных мер не может являться самостоятельным основанием принятия таких мер. На практике встречные обеспечительные меры предоставляются истцом с целью увеличения своих шансов на принятие судом мер по обеспечению иска, которые в арбитражном процессе применяются крайне редко и с особой осторожностью. Меры по обеспечению иска устанавливают ограничения для ответчика еще до признания его должником в установленном правоотношении, поэтому при разрешении требования истца о принятии основных обеспечительных мер суд должен установить как фактические основания принятия этих мер (вероятность удовлетворения иска, риск неисполнения или затруднения исполнения будущего решения), так и юридические условия приемлемости испрашиваемой

---

¹ Абзац 2 п. 11 постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

меры — ее соразмерность и связь с предметом иска. Коль скоро соразмерность обеспечительной меры рассматривается как критерий установления баланса интересов сторон, не допускающий необоснованное причинение убытков ответчику¹, предоставление истцом встречного обеспечения является механизмом управления риском отказа в удовлетворении его заявления об обеспечении иска. Первичное встречное обеспечение, по сути, повышает шансы истца на принятие мер по обеспечению иска, выступает дополнительной гарантией для установления условия их соразмерности.

Что же касается права ответчика и суда инициировать предоставление истцом встречного обеспечения, то кауза такого процессуального действия не вполне понятна. К тому же степень дискреции суда в вопросе истребования от истца встречного обеспечения, кажется, ничем не ограничена и способна свести на нет потенциал института обеспечения иска² как механизма ускоренной защиты прав и законных интересов кредитора. Первичное встречное обеспечение предоставляется с целью возмещения возможных для ответчика убытков от принятия мер по обеспечению иска и призвано, таким образом, стать гарантией реализации правил ст. 98 АПК РФ о возмещении убытков или выплате компенсации потерпевшему в случае проигрыша истца. Первичное встречное обеспечение направлено на гарантирование исполнения будущего решения по иску ответчика о возмещении ему убытков, причиненных обеспечительными мерами, установленными в текущем деле³.

Таким образом, первичное встречное обеспечение являет собой уникальный симбиоз процессуальных и материальных институтов — обеспечительных мер и способов обеспечения обязательств⁴. Рассматриваемый институт призван создавать охранительное правоотношение на случай возникновения у ответчика права требования к истцу о возмещении убытков от мер по обеспечению иска.

В пп. 46 и 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 обращено внимание на необходимость оценить соразмерность предоставляемого встречного обеспечения, его надлежащий вид и форму, реальность гарантийной функции обеспечения. Каузальность первичного встречного обеспечения, равно как и любой иной обеспечи-

---

¹ Штанкова Н. В. Обеспечительные меры в арбитражном процессе Российской Федерации: проблемы доказывания оснований применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 9, 20–21.

² Стариков М. Ю. Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. С. 175.

³ Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном праве России и Англии. М.: Статут, 2020. С. 65.

⁴ Калинин В. Н. Частноправовые начала встречного обеспечения в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 29–30.

тельной меры, будь то в цивилистическом процессе или в частном материальном праве, является его базовым, конституирующим признаком — встречное обеспечение должно создавать условия для реального восстановления права ответчика от вероятного нарушения. Поэтому ответчик, ходатайствующий об истребовании встречного обеспечения от истца, должен доказать вероятность причинения ему убытков и их размер. Кроме того, ответчик должен зародить в глазах судьи сомнения в вероятности удовлетворения первоначального иска, поскольку право на возмещение убытков от примененных обеспечительных мер появится у ответчика лишь в случае проигрыша истца.

Таким образом, в локальный предмет доказывания при рассмотрении ходатайства ответчика об истребовании от истца встречного обеспечения должны входить: вероятность проигрыша истца в деле (обратное доказывает истец при подаче заявления об обеспечении иска), вероятность причинения ответчику убытков от принятых мер по обеспечению иска (суть несоразмерность меры по обеспечению иска), размер возможного вреда ответчику от обеспечительных мер, а одним из юридических условий будет выступать вид и гарантийный потенциал испрашиваемой обеспечительной меры. В такой связи близкими по своей сути способами защиты интересов ответчика можно считать заявление ходатайства об отмене мер по обеспечению иска (ч. 7 ст. 93 и ст. 97 АПК РФ) и истребование первичного встречного обеспечения. С учетом каузы первичного встречного обеспечения существует тонкая грань между отменой основных обеспечительных мер и истребованием встречного обеспечения от истца, которое может стать лишь первым этапом на пути отмены примененных мер по обеспечению иска. Не вызывает сомнений, что соответствующее право ответчик должен реализовать в условиях состязательности, активно доказывая обоснованность своего ходатайства.

В этой связи открытым остается вопрос о праве суда истребовать от истца встречное обеспечение. Действительно ли суду нужно это право и не будет ли его дискреция в этом вопросе чрезмерна? Такое право предоставлено арбитражному суду при рассмотрении заявления о принятии мер по обеспечению иска (ст. 94 АПК РФ) и применении предварительных обеспечительных мер (ч. 4 ст. 99 АПК РФ).

Как было указано выше, локальный предмет доказывания при рассмотрении заявления о принятии мер по обеспечению иска и истребованию первичного встречного обеспечения отчасти зеркален. Принимая обеспечение иска, суд должен рассматривать иск как подлежащий удовлетворению (хотя бы с пониженным стандартом доказывания), а испрашиваемые меры признать соразмерными (с обычным стандартом доказывания), а истребуя встречное обеспечение — учитывать вероятность проигрыша истца в деле и возможность причинения ответчику убытков от обеспечения иска, т.е. полагать устанавливаемые меры по обеспечению иска несораз-

мерными. Такая противоречивость оснований едва ли уместна в ситуации, когда процессуальное решение должен принять уполномоченный орган. Если суд сомневается в соразмерности испрашиваемой меры по обеспечению иска или предварительной обеспечительной меры — необходимо отказать в удовлетворении заявления. В этом случае заявитель вправе будет повторно обратиться с соответствующим заявлением, усилив свои аргументы и, при необходимости, предоставив встречное обеспечение по собственной инициативе. Если сомнения у суда отсутствуют, иные обстоятельства и условия заявителем доказаны — меры необходимо применить. Куда как более эффективно будет предоставить ответчику возможность ходатайствовать об отмене примененных мер, поскольку такое ходатайство подлежит рассмотрению в пятидневный срок, в судебном заседании, с учетом мнения сторон и иных участников процессуальных отношений.

Обеспечительные меры являются ускоренным и предварительным средством защиты, их срочный и временный характер предопределяет оперативность разрешения заявления о принятии обеспечительных мер в условиях, когда истец убежден в наличии рисков неисполнения или затруднения исполнения будущего решения суда. Однако истребование судом встречного обеспечения от истца неизбежно приводит к затягиванию сроков предварительной защиты. Согласно ч.ч. 3–5 ст. 94 АПК РФ, истребуя встречное обеспечение, суд предоставляет истцу срок в пределах 15 рабочих дней для внесения соответствующей гарантии и не рассматривает заявление до реализации истцом возложенной на него обязанности или истечения предоставленного ему срока. Очевидно, что в указанный период у недобросовестного ответчика, знающего об угрозе применения в отношении него обеспечительных мер, будет еще больше желания сокрыть имущество и отдалить перспективу исполнения будущего решения суда. Несмотря на правило ч. 5 ст. 94 АПК РФ о незамедлительном (не позднее следующего дня) рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер в случае предоставления встречного обеспечения, риски увеличения сроков применения мер предварительной защиты серьезно увеличиваются. В условиях реального риска неисполнения будущего решения суда оставление заявления об обеспечении иска без движения и предоставление заявителю срока на представление встречного обеспечения явно не отвечают критериям срочности. В итоге право арбитражного суда истребовать первичное встречное обеспечение по собственной инициативе не только ограничивает реализацию принципа состязательности, но и из-за чрезмерной дискреции суда порождает правовую неопределенность и способствует затягиванию сроков рассмотрения заявления. Будучи избыточным, право истребования судом первичных встречных обеспечительных мер должно быть исключено.

*Д. А. Туманов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры процессуального права
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития
Российской Федерации,
dtum@mail.ru*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУЩЕСТВЕ ПРАВОСУДИЯ

Известно, что в научной литературе дискутируется вопрос о существовании правосудия. Иногда даже выдвигается тезис, что никому точно не известно, что, собственно, правосудие собой представляет. В конечном итоге подобные рассуждения могут даже привести к выводу, что правосудие вообще понять и, соответственно, определить — *невозможно*.

Такой подход мы считаем абсолютно непродуктивным. То обстоятельство, что разные авторы под правосудием понимают порой неодинаковые феномены, отнюдь не превращает его в нечто совершенно неопределяемое. Так, например, абсолютно бесспорно, что правосудие осуществляют суды. В его ходе происходит правоприменение, а его результатом становится защита прав и интересов различных субъектов права.

Тем не менее очевидно также, что правоприменение и защиту прав и интересов осуществляют не только суды, но и многие иные субъекты, в том числе и те, которые не входят в систему органов государственной власти.

Следовательно, возникает закономерный вопрос: в таком случае в чем ценность правосудия — если его сущность состоит лишь в том, что правоприменение осуществляют именно суды, хотя оно ничем не отличается от правоприменения, которое осуществляют иные субъекты?

В связи с этим нередко поясняют, что в ходе судебного правоприменения (осуществления правосудия) — в отличие от любого иного — правовой спор разрешается окончательно и тем самым создается определенность в материальных правоотношениях.

Однако тогда получается, что на месте суда может действовать абсолютно любой субъект, осуществляющий правоприменение и защиту прав и интересов, при условии, что его акты разрешают спор окончательно. Но в чем же ценность провозглашаемого во многих правовых актах, вклю-

чая Конституцию РФ, положения, согласно которому правосудие осуществляет только суд?

Здесь следует напомнить, что правовая определенность, возникающая в результате окончательного разрешения спора, безусловно полезна обществу и отдельным лицам. Но надо понимать: когда тот или иной субъект вступает в материальные правоотношения, он рассчитывает, что его субъективное право реально, что на него можно положиться, а значит, исходит из определенности субъективного права именно с момента его возникновения, а вовсе не в связи с судебным решением. Соответственно, в случае возникновения спора и его окончательного разрешения в судебном акте должны констатироваться и защищаться те права и интересы, которые существуют в действительности, т.е. в подавляющем большинстве случаев возникли до обращения в суд. И именно благодаря их точному выяснению судом материальным правоотношениям придается окончательная определенность — беспорность. В противном случае — т.е. если бы суды определяли те права и интересы, которые существовали до обращения к ним, лишь от случая к случаю — само по себе материальное право и соответствующее ему правоотношение, в которое вступили лица до суда, были бы эфемерными, на них попросту нельзя было бы положиться, а значит, они сами по себе не представляли бы, во всяком случае, значительной ценности.

В связи с этим, думается, понятно, что возникающая в результате судебного постановления определенность права должна быть следствием такого разрешения спора, при котором возникает уверенность в том, что права и обязанности, вопрос о которых ставился перед судом, определены правильно. Безусловно, из этого, в свою очередь, следует, что именно порядок, в результате которого выносится окончательно разрешающее правовой спор решение, в максимально возможной степени должен обеспечивать указанную цель.

Все мировое сообщество в настоящее время признает, что из всех возможных форм защиты наивысшее ее качество обеспечивает именно суд. Но так происходит лишь потому, что судебная деятельность осуществляется в режиме действия особой системы принципов. Без них такое качество защиты попросту невозможно. В связи с этим есть все основания полагать, что упомянутое выше положение, согласно которому только суд осуществляет правосудие, означает, что правосудием является не любая его правоприменительная деятельность, а только такая, которая происходит в режиме действия таких принципов. О каких принципах в данном случае идет речь? Разумеется, в первую очередь о тех, которые провозглашены в 10-й статье Всеобщей декларации прав человека.

В ней установлено, что каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уго-

ловного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом¹. Заметим также, что сходные по смыслу положения закреплены в конституциях многих стран мира, включая и Россию (ст. 121–123 Конституции РФ).

Надо учитывать, что система таких принципов стала признаваться основной судебной деятельностью по осуществлению правосудия в значительной мере в связи с развитием идеи, в соответствии с которой наивысшей правовой ценностью является человек. Именно на том основании, что каждый человек — это высшая ценность, ему, конечно же, должна быть гарантирована максимально качественная защита его прав и свобод от любых нарушений, совершаемых как частными, так и публичными субъектами. В силу этого право на судопроизводство, обеспеченное указанными принципами, относят к правам человека первого поколения.

Непонимание того, что вне действия как минимум названных принципов правосудие невозможно, чревато опасными последствиями. Речь идет, в частности, о том, что абсолютно не исключено, что порядком осуществления правосудия окажется признанной и такая конструкция, которая вовсе не будет обеспечивать защиту. Она просто будет произвольно происходить вне всякой зависимости от этого порядка. И тогда случится возврат к тому судопроизводству, которое существовало до воцарения идеи о человеке как высшей ценности. А это, мы уверены, будет означать не что иное, как, по сути, отказ от правосудия и ничего, кроме вреда как отдельным лицам, так и обществу в целом, конечно же, не принесет. Искренне надеемся, что такого все-таки никогда не произойдет.

---

¹ См. также ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.).

*И. В. Уткина,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель председателя Коллегии посредников «Ц. С. Б.»,
преподаватель Академии практической медиации и права,
iutkina2011@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ УТВЕРЖДЕНИЯ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МИРОВОГО И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (по материалам судебной практики)

Применение процедуры медиации в гражданском и арбитражном процессе вызывает немало вопросов, хотя Закон о медиации¹ вступил в силу с 1 января 2011 г.

Анализ судебной практики позволил выявить ряд нюансов, которые необходимо учитывать сторонам и медиатору при проведении медиации после передачи спора в суд.

Прежде всего нужно помнить, что при рассмотрении дела в суде действуют нормы процессуального права.

1. Особенности оформления результата медиации в процессе.

В соответствии с ч. 4 ст. 153.2 ГПК РФ и ч. 4 ст. 138.1 АПК РФ в ходе использования примирительной процедуры (в том числе медиации) стороны могут достичь результатов примирения, установленных ГПК РФ и АПК РФ.

Результатами примирения лиц, участвующих в деле, в соответствии с ч. 1 ст. 153.7 ГПК РФ и ч. 1 ст. 138.6 АПК РФ могут быть, в частности: 1) мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований; 2) частичный или полный отказ от иска; 3) частичное или полное признание иска; 4) полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления); 5) признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения.

Помимо этого, в арбитражном процессе возможны еще соглашение по обстоятельствам дела и подписание письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака.

---

¹ Здесь и далее – Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ.

Системное толкование норм права позволяет сделать вывод о том, что результатом проведения процедуры медиации и заключения медиативного соглашения может быть не только мировое соглашение, но и отказ истца от иска, а также признание иска ответчиком.

Важно помнить, что суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

В соответствии с Законом о медиации, медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда, может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством (п. 3 ст. 12 Закона о медиации). Именно – может быть утверждено, а не утверждается автоматически, т.е. подписанное медиативное соглашение не всегда может привести к нужному результату.

Если в судебном заседании суд установит, что отказ истца от иска или признание иска ответчиком, сделанные на основе медиативного соглашения, либо представленное мировое соглашение противоречат закону или нарушают права и интересы других лиц, суд продолжит рассмотрение дела по существу.

Так, в одном из дел суд отказал в утверждении медиативного соглашения в качестве мирового, так как располагал только материалами выделенного спора и у него отсутствовала возможность проверить, не нарушаются ли указанным медиативным соглашением права и законные интересы иных участвующих в деле о банкротстве лиц¹.

Закон о медиации устанавливает, что медиативное соглашение может быть утверждено в качестве мирового. А в соответствии с процессуальными кодексами – результатом примирительной процедуры может быть мировое соглашение.

На практике даже у судей возникает вопрос: так должно ли в обязательном порядке представляться медиативное соглашение в суд?

Полагаю, что нет. Системное толкование норм права позволяет сделать вывод о том, что возможны два варианта: 1) стороны вправе представить в суд медиативное соглашение и ходатайствовать перед судом об утверждении его в качестве мирового соглашения или 2) стороны на основе медиативного соглашения составляют мировое соглашение, где указывают, что оно составлено на основе медиативного, и представляют суду только текст мирового соглашения.

---

¹ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 июня 2016 г. по делу № А40-48355/2011.

Оба варианта будут правильными, поскольку закон это позволяет. Обязанности представлять медиативное соглашение в материалы дела у сторон нет.

2. Явка в суд – обязательна ли?

Согласно ГПК РФ и АПК РФ вопрос об утверждении мирового соглашения рассматривается судом в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания. В случае неявки в судебное заседание лиц, заключивших мировое соглашение и извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, вопрос об утверждении мирового соглашения не рассматривается судом, если от этих лиц не поступило заявление о рассмотрении данного вопроса в их отсутствие (ч. 2 и 3 ст. 153.10 ГПК и ч. 2 и 3 ст. 141 АПК РФ).

Иногда на практике стороны «забывают прийти в заседание». Это не позволяет им утвердить свои договоренности.

Так, по одному из дел суд кассационной пришел к выводу о невозможности утверждения мирового соглашения, поскольку, несмотря на представленное истцом медиативное соглашение, ответчик в заседание не явился, ходатайство о рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу по этому основанию не заявлял, о рассмотрении дела в судебном заседании не просил. Иное привело бы к нарушению требований ч. 2 ст. 173 ГПК РФ. У суда нет возможности разъяснить ответчику последствия заключения мирового соглашения и установить действительную волю ответчика на заключение мирового соглашения¹.

Таким образом, после заключения медиативного соглашения сторонам необходимо явиться в суд. А в случае невозможности явки — направить в суд заявление о рассмотрении дела в отсутствие стороны. Иначе суд дело не прекратит.

3. Медиативное соглашение без утверждения судом не влечет юридических последствий.

В соответствии с ч. 4 ст. 12 Закона о медиации медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон.

Однако, когда спор уже передан в суд, действуют положения ч. 3 ст. 12 Закона о медиации.

---

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2023 г. № 88-29558/2023.

Иногда на практике стороны толкуют закон иначе, что приводит к порере времени сторон и медиатора, но не приводит к необходимому результату. В деле о банкротстве стороны заключили медиативное соглашение. Спустя некоторое время один из кредиторов отказался от медиативного соглашения и всех об этом уведомил. Должник, тем не менее, обратился в суд с иском о прекращении производства по делу по результатам заключенного медиативного соглашения.

Отказывая в утверждении медиативного соглашения в качестве мирового, суд указал, что медиативное соглашение не порождает для его участников последствий гражданско-правовой сделки, поскольку оформлено после передачи спора на рассмотрение в арбитражный суд. Такие последствия могли наступить только после утверждения соглашения судом в качестве мирового в деле о банкротстве при явном добровольном волеизъявлении сторон на его дальнейшее исполнение. В ином случае такое соглашение, по сути, является лишь намерением сторон. Часть 4 ст. 12 Закона о медиации не подлежит применению¹.

4. Проверка на соответствие нормам материального права.

Суд проверяет мировое соглашение и на соответствие нормам материального права.

По одному из дел суд кассационной инстанции указал на формальный подход суда первой инстанции при утверждении мирового соглашения. Одной из сторон по договору займа является юридическое лицо. Соответственно, необходимо было проверить обстоятельства отсутствия ограничений на заключение мирового соглашения, исходя из критериев крупной сделки и сделки с заинтересованностью².

Также согласно разъяснениям Верховного Суда РФ судам необходимо отказывать в утверждении мирового соглашения, основанного на мнимой (притворной) сделке, совершенной в целях придания правомерного вида передаче денежных средств или иного имущества³.

При наличии у сделки признаков мнимости или притворности суд вправе исследовать данный вопрос независимо от того, заявлены ли об этом возражения.

Какой **вывод** можно сделать по результатам анализа судебной практики?

Проведение медиации по спорам, находящимся на рассмотрении суда, требует от медиатора более глубоких знаний процессуального за-

---

¹ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2018 г. по делу № А33-23579/2015.

² Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2022 г. № 88-36149/2022.

³ Пункт 7 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 8 июля 2020 г.).

кона и норм материального права и более высокой компетенции. Знания эти необходимы с тем, чтобы разъяснить сторонам порядок их действий после заключения медиативного соглашения. В противном случае высока вероятность, что процесс не будет прекращен по «техническим причинам» и будет лишь «видимость» урегулирования конфликта, а через некоторое время возможно его возобновление. Это не исключено, если суд не будет рассматривать дело по существу, а оставит заявление без рассмотрения.

Какие **пути решения** можно предложить:

- 1) Необходимо изменение и повышение стандартов образования медиаторов. Помимо базовых навыков целесообразно включать в курс подготовки медиаторов тему об особенностях проведения процедуры медиации в суде.
- 2) В курсах повышения квалификации судей также необходимо уделить внимание этому вопросу. С тем, чтобы суд при вынесении определения об отложении судебного разбирательства разъяснял сторонам порядок их действий в случае успешного завершения процедуры медиации и заключения сторонами медиативного соглашения.

Повышение правовой грамотности граждан и предпринимателей — одно из необходимых условий для урегулирования спора посредством медиации и прекращения дела в суде.

*М. А. Фокина,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия,
fok_mar@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ

Потребности установления фактических обстоятельств дела порождают проблемы не только доктринального уровня, но и прикладного характера. Причем последним уделяется значительно меньше внимания. Последнее предметное исследование в данном направлении датируется 1984 г. (В. Г. Тихиня, Минск). Определенный интерес к цивилистическому процессу последние годы проявляют ученые-криминалисты (М. В. Жижина). Исследования в этом направлении показывают, что в современном доказывании применение криминалистических методов значимо, но этим не исчерпывается прикладной аспект доказательственной деятельности субъектов процесса. Прежде всего, это связано с многообразием специальных методов, применяемых в ходе доказательственной деятельности по гражданским и административным делам.

О методе можно говорить двояко: как о совокупности способов действий по достижению поставленной цели и как о совокупности инструментов. Определение методов доказывания позволяет ответить на вопрос о том, какими способами субъекты доказывания устанавливают фактические обстоятельства дела.

В процессе доказывания применяется широкий спектр методов: диалектический; логические; психологического воздействия; криминалистические; кибернетические; методы, используемые для анализа экономического положения юридического лица; методы, относящиеся к компетенции специалистов соответствующего медицинского профиля, и многие другие. Это позволяет говорить о прикладных аспектах доказательственного права.

Методы доказывания применяются в пределах, специально регламентированных законом. Нормы процессуального права являются определяющим фактором в применении методов доказывания. Во-первых, АПК РФ,

ГПК РФ и КАС РФ устанавливают общий порядок рассмотрения гражданских дел в суде общей юрисдикции и арбитражном суде. В зависимости от стадии процесса и вида судопроизводства, категории дела определяется система применяемых методов доказывания. Например, по делам о возмещении вреда действует презумпция вины причинителя вреда, перераспределяющая обязанности по доказыванию, что, в свою очередь, влияет на методы доказывания, применяемые сторонами. Во-вторых, названные кодексы исчерпывающе определяют круг процессуальных действий, с помощью которых осуществляется процесс доказывания. Большинство процессуальных действий происходят по усмотрению субъектов доказывания. В отношении некоторых (например, психиатрическая экспертиза) закон содержит императивные указания. Доказывание ведется только с помощью тех средств, которые допускает закон. В-третьих, в законе содержится общая характеристика предмета доказывания, на основе которой определяются обстоятельства, подлежащие установлению по делу (категории дел), и система соответствующих методов.

Методы доказывания не всегда и не в полной мере устанавливаются законом. Наряду с непосредственно закрепленными в процессуальном законе, есть методы, не регламентированные процессуальным законодательством, которые и составляют прикладную составляющую доказательственной деятельности. Эти методы включаются в механизм доказывания посредством процессуальных действий, осуществляемых участниками доказательственной деятельности. Поэтому методы доказывания, непосредственно закрепленные в процессуальном законе, выступают в качестве процессуальной формы, в рамках которой применяются методы, не регламентированные процессуальным законодательством. К ним относятся логические, психологические, экономические, криминалистические и другие методы.

В ГПК РФ и АПК РФ отчасти определяются процессуальные формы применения этих методов. Так, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право в общих чертах регламентирует порядок допроса свидетеля, однако в законе ничего не говорится о том, в какой последовательности целесообразно задавать ему вопросы. ГПК РФ предусматривает возможность осмотра вещественных доказательств по месту их нахождения. При этом применяется метод наблюдения.

На формирование цивилистической методологии как раздела теории доказывания большое влияние оказывает судебная практика. Она выбирает из всего многообразия существующих методов те, которые являются необходимыми для установления обстоятельств дела по той или иной категории дел. В то же время применение в судебной практике определенного метода является показателем его эффективности для установления фактических обстоятельств дела.

В иерархии методов, не регламентированных процессуальным законодательством, базовым является диалектический метод, который был и есть ориентир на пути познания. Процессуальные кодексы включают в себя логические действия субъектов доказывания, образующие в совокупности их логическую деятельность, которая представлена индуктивным и дедуктивным методами.

Среди логических методов представляется актуальным для гражданского и арбитражного процессов метод аргументации. В логике доказательство рассматривается как одна из разновидностей аргументации¹. Понятие «аргументация» является более широким (родовым), нежели понятие «доказательство»². Через тактику аргументации «активная» сторона реально актуализирует собственное видение рассматриваемого вопроса, осуществляет передачу не только идей, но и манер, привычек, стиля мышления³. В состязательном судопроизводстве сторона должна убедить суд в обоснованности своей позиции. При этом могут использоваться не только логические, но и психологические приемы воздействия, представление и оперирование доказательствами по собственному усмотрению в рамках гражданской (арбитражной) процессуальной формы.

Методы дедукции и индукции, аргументации и доказательства не исчерпывают многообразия логических методов, применяемых в судебном доказывании. В доказывании получили применение и общенаучные методы — такие как наблюдение, описание, сравнение, математические методы, моделирование⁴.

В судебной практике неоднократно обращалось внимание на недопустимость игнорирования метода описания при установлении фактических обстоятельств дела⁵.

Первоначально идентификация как метод раскрытия и расследования преступлений был разработан криминалистической наукой. Как спра-

¹ См.: Михалкин Н. В. Логика и аргументация в судебной практике. М., СПб., 2004. С. 207–250.

² В специальной литературе высказывается мнение о том, что доказательство не является разновидностью аргументации. Это сужает область аргументации (см.: Perelman Ch. *The New Rhetoric and the Humanities*. Dordrecht, 1979. P. 10).

³ См.: Михалкин Н. В. Указ. соч. С. 228.

⁴ О применении названных методов в доказывании см.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 89–90; о применении метода сравнения в арбитражном процессе см.: Амосов С. М. Судебное познание в арбитражном процессе. С. 124–131.

⁵ Под описанием понимается указание признаков объекта. Для описания объекта могут отмечаться все признаки объекта — существенные и несущественные, чтобы дать наиболее полное представление об объекте, либо могут указываться только некоторые, наиболее существенные, с точки зрения данного исследования (см.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 35–36).

ведливо отметил В. П. Верин, «в настоящее время метод криминалистической идентификации перешел в новое качество и трансформировался в систему универсальных технологий юридического доказывания (установления и верификации юридических фактов)»¹.

Судебная идентификация применяется в гражданском и арбитражном процессах для установления подлинности договоров, бухгалтерских документов, факта родственных отношений, причинных связей между действиями участников правоотношений и причинением вреда, а также в других случаях.

Вопрос о роли и значении идентификации был предметом дискуссии в науках уголовного процесса и криминалистики. Полагаю, что идентификация является элементарным актом отождествления, выделяемым в процессе доказывания. Идентификация не может отождествляться с процессуальным доказыванием, осуществляемым с помощью средств доказывания. Объекты исследуются посредством идентификации. Процесс идентификации происходит на основе самостоятельных методик научно-технического исследования, предполагает выделение и оценку идентификационных признаков и средств сравниваемых объектов на основе использования современных научно-технических, аналитических и оценочных методов. В то же время в ходе идентификации объекта используются общенаучные методы, такие как сравнение, анализ и синтез.

Среди проблем, связанных с идентификацией в гражданском и арбитражном процессах, можно выделить следующие:

- 1) представление сторонами доказательств, которые не позволяют идентифицировать объект;
- 2) игнорирование сторонами возможностей частных методик экспертных исследований с целью установления тождества объектов;
- 3) необоснованный отказ суда в назначении экспертизы для установления подлинности представленных сторонами доказательств, игнорирование значимости экспертизы для идентификации объектов.

В условиях состязательного судопроизводства большое значение в доказывании приобретают психологические методы. Так, наиболее распространенным психологическим методом является метод убеждения, который в сочетании с логическим методом аргументации дает в условиях состязательного процесса достаточно большой эффект в отстаивании субъектом доказывания своей позиции в деле.

Значимым для судопроизводства может стать исследование проблем внушающего воздействия паравербальных средств: пауз, интонации, жестикюляции. Более того, современной психотехнологией разработана система приемов скрытого управления и манипулирования человеком про-

---

¹ См.: Верин В. П. Предисловие к кн.: Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2003. С. 9.

тив его воли, применение которых приносит инициатору одностороннее преимущество. Использование таких технологий лицами, участвующими в деле, и их представителями не исключает замаскированного управляющего воздействия на суд. Соответственно, для судей актуальным становится знание практических рекомендаций по защите от несанкционированного воздействия.

Среди значимых для гражданского процесса методов следует назвать метод вопросов и ответов, метод опровержения.

При рассмотрении споров экономического характера большое значение для установления фактических обстоятельств дела имеют экономические методы. К их числу можно отнести расчетно-аналитические методы: экономического анализа, аналитические расчеты, экономико-математические методы. Среди бухгалтерских методов наибольший интерес представляют встречная проверка документов, выборочная проверка, сопоставление бухгалтерского и оперативного учета. Находят применение и традиционно относящиеся к приемам криминалистического анализа документов формальная и арифметическая проверка.

Для практики гражданского судопроизводства весьма актуальной является разработка тактики совершения отдельных процессуальных действий. Криминалистической тактикой детально проработан порядок допроса — основного и перекрестного. При этом перекрестный допрос применяется не только к свидетелям, но сторонам и третьим лицам. Тактика получения сведений о фактах должна базироваться на данных криминалистики с учетом процессуального порядка совершения этих действий в гражданском процессе. По справедливому мнению М. В. Жижиной, применение тактических приемов при получении сведений из объяснений сторон и третьих лиц должно осуществляться с учетом той или иной судебной ситуации (неполная и недостаточная убедительность предоставленной информации о фактических данных; добросовестное заблуждение стороны; заведомо ложная позиция в отношении фактической ситуации и ее квалификации). Тактика допроса свидетелей должна учитывать как объективные, так и субъективные факторы, влияющие на достоверность свидетельских показаний¹.

Методы, применяемые в доказывании по гражданским делам, очень разнообразны. Они, как правило, представлены в каждом деле не изолированно, а в определенном сочетании. Методы доказывания, являясь одним из элементов механизма доказывания, требуют дальнейшего исследования в рамках самостоятельного научного направления теории доказывания — методологии доказывания по гражданским делам.

---

¹ См.: Жижина М. В. Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 13.

*И. И. Черных,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
ch6363@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ¹

Общественное сознание может функционировать как информационная система, способная обеспечивать обмен информацией, ее обогащение, коррекцию, регулирование социальной системы, ее благополучное и устойчивое развитие. Особенное значение информации обусловлено тем, что человек постоянно испытывает потребность участия в информационном процессе, формируя на этой основе мотивы своего социального поведения. Сама нравственно-ценностная основа общества имеет информационную природу, и императивное воздействие органов власти на социальные отношения осуществляется за счет создания норм права, соответствующих ценностно-нравственной основе общества. Задача государства — найти баланс в регулировании информационного обмена, с одной стороны, исключить неоправданное публично-правовое вмешательство в него, с другой стороны, не устранившись от его регулирования, чтобы исключить критические угрозы безопасности общества, среди которых пропаганда различного рода экстремизма, введение общественности в заблуждение и т.п.

Особенную роль в этом инфообмене играет судебная информация. Это обусловлено тем, что всегда, и особенно в настоящее время, в условиях формирования многополярного мира, судебная информация как исходящая от органа, способного укреплять и поддерживать общественный порядок, законность государственного управления, содействовать развитию демократии, защищать политическую стабильность, играть иде-

---

¹ Подготовлено с использованием СПС «КонсультантПлюс».

ологическую роль, воспитывая уважение к принятым в нашем обществе стандартам поведения, патриотизм, не имеет конкурентов по своей общественной значимости.

Очень важно сейчас отыскать баланс информационного взаимодействия суда и общества, решить практические задачи по вовлечению различной социальной информации в деятельность по осуществлению правосудия по гражданским делам. Сегодняшний мир характеризуется высоким уровнем открытости социальной информации во всем ее разнообразии. Под такой информацией подразумевается вся совокупность знаний, сведений, данных и сообщений, которые формируются и воспроизводятся в обществе и используются индивидами, группами, организациями, различными социальными институтами для регулирования социального взаимодействия, общественных отношений и процессов. В социальной философии социальную информацию предлагают представлять как единство социальной энтропии и социальной негэнтропии. Здесь социальная энтропия — это мера отклонения социальной системы либо ее подсистемы от эталонного состояния, когда отклонение проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы. Негэнтропия — модели, будучи реализованными, представляют собой в общем виде «технологии» жизни социума, наполненную техническими средствами обеспечения жизненных потребностей людей и моделями их управления¹. Приходится констатировать, что в системе государственного механизма суд занимает место ответственного за негэнтропию, но при этом сам испытывает значительное давление объема социальной информации.

В связи с этим надо поставить два взаимосвязанных вопроса:

1. Где грань между приемлемыми общественными дебатами, с одной стороны, и, с другой стороны, воздействием общества, которое угрожает независимости судебной власти и общественному доверию к ней?

2. Существенно ли противоречие между независимостью от социального давления и необходимостью для судей понимать сообщество и быть его частью?

Рассуждая о первой проблеме, в качестве отправной точки для поиска баланса целесообразно избрать идею о свободе выражения мнений. Общественность имеет право свободно участвовать в публичных дебатах о судебной системе, и ее участие способствует повышению доверия общества к системе правосудия, а не ее подрыву. Открытое правосудие предоставляет возможность обеспечить своеобразный общественный контроль за судебной властью. И вот здесь можно увидеть две «окраины» всего спектра об-

---

¹ См. например: Воробьев Г. А. Социальная энтропия в пространстве воспроизводства социальной реальности: траектории репрезентации в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 56 с.

мена информацией «суд — общество». На одном краю мы можем обозначить такие варианты воздействия на судебную власть, которые являются проявлением недопустимого давления, явно заслуживающего соответствующего ответа в соответствии с уголовным законодательством. Примером может служить недавняя история с адвокатом, у которого, по образному выражению журналистов, случился «срыв ментальных покровов». В результате несдержанности в судебном заседании, в котором адвокат разразился рядом неприятных высказываний в адрес судьи и граничащих с незаконностью фактических действий, юрист обеспечил себе уголовное дело¹. Понятно, что вопросы, рассматриваемые в судах, обычно являются спорными, поэтому понятны и повышенные эмоции, но не оправданна несдержанность в выражениях и тем более оказание открытого и враждебного давления на суд. Реакция системы в данном случае представляется совершенно адекватной.

На другом краю спектра — безусловно приветствуемое взвешенное обсуждение судебных решений со стороны общественности и ученых-экспертов, которое способствует конструктивному обсуждению и улучшению результатов и законодательства.

Теперь нужно выстраивать баланс с учетом понимания, что свобода выражения мнений является ценностью, судебная власть должна быть непредубежденной, надежной и устойчивой перед общественной критикой, даже если она не обоснована. Публичные дебаты демонстрируют интерес, а не безразличие. Судебная власть также должна быть осторожной и учитывать, перешла ли критика границу, где она угрожает независимости судебных органов и доверию общественности. Важно также, что даже выходящая за пределы критика должна преодолеваться конструктивными способами, среди которых карательные меры рассматриваются только как крайние. Иначе общество может воспринять их как нахождение судебной системы в отстраненной по отношению к нему оборонительной позиции.

Одним из средств обеспечения доверия к судебной системе нужно признать механизм обеспечения транспарентности². Под ней подразумевается доступность информации о самом широком спектре деятельности суда — от порядка формирования суда, предоставляя информацию о процессе назначения судей на должности, прекращения их полномочий, до порядка принятия и опубликования для широких масс судебных решений и иных актов³.

¹ URL: <https://dzen.ru/a/ZUdp0I1h5mX2fKPd>

² Пальянова Е. В. Транспарентность в гражданском процессе. Соотношение понятий транспарентности, гласности, открытости // Вестник магистратуры. 2014. № 2(29). С. 117.

³ В 2018 г. по инициативе ряда молодежных правозащитных организаций проводилась кампания «Суд глазами граждан». В качестве цели кампании обозначались: мониторинг

Суды должны делать все возможное для обеспечения полной понятности их действий и чтобы все стороны чувствовали, что они провели действительно справедливое слушание.

Это включает в себя обеспечение того, чтобы ко всем относились с уважением, как в преддверии любого слушания и на самом слушании, и чтобы ход разбирательства объяснялся в терминах, понятных лицам, незнакомым с законом и судебными процессами. Судебное решение должно показать сторонам и всем другим лицам, участвующим в слушании, что они были выслушаны и что сказанное ими было должным образом рассмотрено и оценено. В нем должно быть четко объяснено, почему был достигнут результат и почему выдвинутые аргументы были приняты или отклонены.

Полагаем, прозрачность и открытость нужны суду, возможно, даже в большей мере, чем другим властям, иначе суд утратит связи с обществом, самоизолируется. И здесь мы переходим ко второму срезу проблематики.

Должны ли суды быть независимыми от общества, быть «изолированными от противоречий дня»? Считается, что греки скрыли глаза у изображения богини Фемиды, чтобы показать ее неподкупность и беспристрастность в судебных решениях. Повязка на глазах символизирует то, что Фемиды не обращает внимания на внешние детали и факторы. Она обладает особым внутренним видением, которое позволяет ей уловить суть событий. Традиционное зрение считалось помехой, отвлекающей внимание на несущественные детали. Сегодня этот образ не так однозначен. Вряд ли суд имеет возможность абстрагироваться от текущей трактовки социальных и экономических условий. Глядя «в себя», суд не сможет найти основания для адаптации законодательства, где это необходимо, к новым условиям и потребностям гражданского оборота. И это не единственное направление судебной деятельности, на которое влияет разнообразная социальная информация, исходящая от общества. Считаем очень важными также и социальный аспект гражданского судопроизводства, находящийся выражение в учете разнообразия индивидов в обществе и различий, возникающих из различных источников, включая, но не ограничиваясь этим, расу, цвет кожи, пол, религию, национальное происхождение, образованность, инвалидность, возраст, сексуальную ориентацию, социальный

проблем, связанных с доступом в суд и на судебные заседания, с различными ограничениями для посетителей, отсутствием базовой (и понятной) информации о работе суда и т.п.; сделать проверки открытости и доступности судов простыми и массовыми. В результате наблюдений проводились обучающие мероприятия для граждан по получению судебной информации. Следует отметить, что одна из организаций — инициаторов кампании, Московская Хельсинкская группа, ликвидирована по решению суда в январе 2023 г. по инициативе Министерства юстиции РФ, в числе нарушений, допущенных организацией, обозначено наблюдение за судами вне пределов региона, где зарегистрирована организация.

и экономический статус и другие подобные причины. Задача суда в аспекте учета этой информации должна выражаться в стремлении к обеспечению фактического равенства сторон процесса, защите слабой, находящейся в жизненно уязвимой социальной ситуации. Это может быть обозначено неправовой характеристикой, над содержанием которой необходимо работать в науке, — суд должен понимать свое общество.

Для сохранения роли суда в обществе необходимо продолжить поиск теоретико-правовых основ информационного взаимодействия судов, осуществляющих правосудие по гражданским делам с социальной информацией, исходящей от общества. Нужно глобальное междисциплинарное исследование как текущего состояния институциональных и неинституциональных практик судебной-общественной коммуникации, так и формулирование предложений по принятию мер, настраивающих диалог между обществом и судебной властью.

*Р. В. Шакирьянов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры экологического, трудового права
и гражданского процесса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
судья Верховного Суда Республики Татарстан в отставке,
заслуженный юрист Российской Федерации,
rakat51@mail.ru*

ВЫПОЛНЕНИЕ СУДАМИ САМОКОНТРОЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Совершение судами действий по самоконтролю основано на предусмотренных законом полномочиях судов, которые помогают наиболее эффективно и своевременно устранить допущенные недостатки в работе самим судом без вмешательства в дело вышестоящих судебных инстанций.

Возможность инициирования вопросов самоконтроля самим судом, принявшим решение, является особенностью функции самоконтроля и основана на относительной самостоятельности каждой из стадий гражданского судопроизводства, инициирование может исходить также и от лиц, участвующих в деле. Это обстоятельство, в свою очередь, соответствует принципу процессуальной экономии, способствует более эффективной, своевременной защите прав и интересов граждан, юридических лиц путем оперативного реагирования суда, принявшего тот или иной судебный акт, на допущенные при его принятии какие-либо упущения или неточности, уменьшению нагрузки в судах вышестоящих инстанций.

В доктрине под самоконтролем суда понимается способность суда в предусмотренных законом случаях контролировать (проверить) свои действия для выявления и устранения в них дефектов, упущений, недостатков, явившихся следствием неправильности действий самого суда или в связи с изменением обстановки¹.

Эти самоконтрольные полномочия (судебный самоконтроль) может выполнить и суд, рассматривавший дело, после в ином составе судей.

---

¹ Зайцева Ю. А. Самоконтроль арбитражного суда первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2011. С. 8.

В этой связи мы не поддерживаем точку зрения некоторых процессуалистов о том, что самоконтрольные полномочия суда вправе реализовать только состав суда, принявший решение по делу¹.

Так, реализация подобной точки зрения сузила бы сферу действия самоконтрольных полномочий суда, а в конечном счете не отвечала бы и интересам правосудия.

Вместе с тем представляется, что разрешение данного вопроса зависит и от конкретного вопроса, подлежащего разрешению путем реализации самоконтрольных полномочий суда.

Так, например, дополнительное решение по восполнению его недостатков и по своей инициативе вправе принять только тот состав суда, которым было принято решение по делу, об этом указывается в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении».

Представляется, что проблема по расширению самоконтрольных полномочий суда любого уровня всегда является актуальной как для законодателя, так и правоприменителя.

Представляют определенный интерес вопросы о выполнении судами первой инстанции самоконтрольных полномочий на основании ст. 200–203 ГПК (устранение описок, явных арифметических ошибок, дополнительное решение, разъяснение решения суда) в отношении собственных решений.

В настоящее время судами первой инстанции производится процессуальный самоконтроль при рассмотрении жалоб на определения о наложении штрафа (ст. 159, 105), об оставлении заявления без рассмотрения при повторной неявке сторон по делу (ст. 223 ГПК), судебные приказы (ст. 121 ГПК), об обеспечении иска (ст. 144 ГПК).

Суды первой инстанции в порядке судебного самоконтроля занимаются и пересмотром собственных решений (заочного (ст. 237 ГПК), о признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим (ст. 280 ГПК), решений по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 393 ГПК).

Необходимо учесть, что вопрос по расширению самоконтрольных функций суда любого уровня всегда стоит как перед законодателем, так и правоприменителем.

В этой связи следует отметить, что имеются большие резервы для расширения самоконтрольных полномочий судов первой инстанции.

Так, в этой связи необходимо рассмотрение всех частных жалоб, представлений прокурора на определения суда первой инстанции, за исключением определений, указанных в ч. 3 ст. 333 ГПК, путем расширения

---

¹ Тришина Е. Г. Судебный контроль в гражданском судопроизводстве как одна из функций суда первой инстанции. Саратов. 2004. С. 90; Зайцева Ю. А. Указ. соч. С. 18.

функций самоконтроля передать судам первой инстанции, что также будет способствовать упрощению судопроизводства, его ускорению.

Так, для судов первой инстанции, которые в порядке самоконтрольных полномочий пересматривают указанные выше собственные решения, рассмотрение этих частных жалоб, представлений не представляет больших затруднений.

Изложенное, в свою очередь, требует внесения соответствующих изменений в ГПК — ст. 202.1 следующего содержания:

Статья 202.1 ГПК

Рассмотрение частной жалобы, представления прокурора судом первой инстанции

1. Частная жалоба, представление прокурора на определение суда первой инстанции, за исключением определений о приостановлении производства по делу, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения, об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, о принудительном исполнении или об отказе в принудительном исполнении решения иностранного суда, о признании или об отказе в признании решения иностранного суда, о признании и исполнении или об отказе в признании и исполнении решений иностранных третейских судов (арбитражей), об отмене решения третейского суда или отказе в отмене решения третейского суда, рассматриваются судом, принявшим определение по делу.

Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к рассмотрению частной жалобы, представления прокурора.

2. На определение суда о рассмотрении частной жалобы, представления прокурора суда может быть подана частная жалоба, представление.

При подаче лицами апелляционных жалоб, представлений прокуроров инициирование этих вопросов самоконтроля может иметь место и по инициативе суда апелляционной инстанции, так как рассмотрение самим судом апелляционной инстанции вопросов, связанных с недостатками судебных постановлений судов первой инстанции, лишало бы лиц, участвующих в деле, их права обжаловать судебные постановления в этой части после рассмотрения этих вопросов.

Поэтому представляется, что в случае наличия в апелляционной жалобе, представлении указаний на недостатки в решении суда, которые на основании положений ст. 200–203-1 ГПК подлежат исправлению или рассмотрению самим судом первой инстанции.

В этой связи, если эти функции не реализованы, апелляционная инстанция возвращает дело в суд первой инстанции для выполнения этих действий.

Так, например, если в апелляционной жалобе ставится вопрос о разъяснении решения, этот вопрос должен быть рассмотрен, разрешен самим судом первой инстанции, эти действия основаны и на принципе процессуальной экономии.

В этой связи необходимо отметить, что самоконтрольные полномочия суда по своему содержанию могут иметь технический или сущностной характер.

Так, если выполнение действий, указанных в ст. 200, 203 ГПК, по своему содержанию носит технический характер, эти действия при определенных условиях могут выполнить как суд первой инстанции, так и апелляционная инстанция при обнаружении этих недостатков в деятельности судов первой инстанции лишь при рассмотрении апелляционных жалоб.

Между тем выполнение действий, указанных в ст. 201, 202, 106, 223, 129 ГПК, носит сущностный характер, они могут быть выполнены лишь судом, принявшим эти судебные постановления.

Суд апелляционной инстанции при вынесении определений также может допустить отдельные ошибки, которые хотя и не влияют на содержание решения, однако могут затруднить его своевременное исполнение.

Так, с учетом того, что суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции, на него распространяются также самоконтрольные полномочия, аналогичные полномочиям суда первой инстанции.

Согласно действующему законодательству апелляционное определение должно быть четким, понятным и не допускающим затруднений, разночтений при его исполнении. Если при вынесении нового решения (апелляционного определения) допущены отдельные ошибки, не влияющие на суть решения, они могут быть исправлены путем разъяснения определения суда (ст. 202 ГПК), исправления опечаток и явных арифметических ошибок в решении суда (ст. 200 ГПК). По заявлению лиц, участвующих в деле, суд апелляционной инстанции рассматривает вопросы о пересмотре апелляционного определения по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (гл. 42 ГПК).

При наличии обстоятельств, предусмотренных в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 201 ГПК, суд апелляционной инстанции вправе по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, вынести дополнительное апелляционное определение.

В связи с этим нельзя согласиться с распространенным мнением о том, что суд апелляционной инстанции не вправе вынести дополнительное решение. Как правило, при этом ссылаются на то, что определение апелляционной инстанции вступает в законную силу со дня его принятия, следовательно, по мнению сторонников подобной точки зрения, принятие дополнительного решения по делам, рассмотренным в апелляци-

онном порядке, невозможно (ч. 5 ст. 329 ГПК). Так, на взгляд сторонников этой точки зрения, принятие дополнительного апелляционного определения возможно лишь до вступления в законную силу решения суда. С этим согласиться нельзя: подобные упущения, ошибки апелляционной инстанции должны быть исправлены самой апелляционной инстанцией. Кроме того, рассмотрение дела судом апелляционной инстанции проводится по правилам производства в суде первой инстанции (ст. 327 ГПК), эти правила допускают совершение указанных выше процессуальных действий.

Суды апелляционной инстанции в своей работе это учитывают.

Так, судом апелляционной инстанции было рассмотрено дело по иску Общественной организации «Всероссийское общество автомобилистов» к Михайловой Ю. Т. о возмещении ущерба, а также по встречному иску Михайловой Ю. Т. к Общественной организации «Всероссийское общество автомобилистов» о возмещении ущерба, причиненного в связи с нарушением прав потребителей.

Апелляционной инстанцией по делу было принято новое апелляционное определение. Однако при этом судом был оставлен без рассмотрения вопрос о распределении между сторонами судебных расходов, понесенных ими в связи с нарушением прав потребителей. Поэтому судом по ходатайству указанной организации в дополнительном решении был разрешен этот вопрос, необходимая сумма путем взаимозачетов была взыскана с организации.

Обсуждая вопрос о преодолении законной силы апелляционного определения (определение вступило в законную силу), необходимо отметить, что законодателем этот вопрос регулирован лишь в некоторых случаях.

Так, в ст. 330.1 ГПК предусмотрен порядок рассмотрения апелляционных жалобы, представления, поступивших в суд апелляционной инстанции после рассмотрения дела, т.е. после вступления определения апелляционной инстанции в законную силу.

При этом указывается, что в случае, если апелляционная жалоба, представление, поданные в установленный срок или после восстановления пропущенного срока, поступят в суд апелляционной инстанции после рассмотрения дела по другим жалобам, суд обязан принять такие жалобу, представление к своему производству.

В случае если в результате рассмотрения указанных в части первой настоящей статьи апелляционных жалобы, представления суд апелляционной инстанции придет к иному результату рассмотрения дела, ранее вынесенное апелляционное определение отменяется и выносится новое апелляционное определение.

В этой связи представляет определенный интерес рассмотрение следующего вопроса.

Так, при установлении факта, что дело районным судом рассмотрено с нарушениями основополагающих положений судопроизводства, суд апелляционной инстанции принимает определение о переходе на рассмотрение дела по правилам производства в суде первой инстанции.

Вместе с тем судам апелляционной инстанции, как указывалось, следует учесть, что доводы, послужившие основанием для перехода и содержащиеся в самом определении судебной коллегии, подлежат повторной проверке при новом, после перехода, рассмотрении дела и при этом само разбирательство дела состоит из двух этапов.

Первый этап – это проверка обоснованности принятого определения о переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции путем реализации функций по самоконтролю.

В этой связи следует отметить, что результат проверки – обоснованность или ошибочность перехода – не влияет на дальнейшее движение дела, на последующий режим работы суда апелляционной инстанции.

Так, на втором этапе во всех случаях дело рассматривается по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства, принятие определения о переходе создает условия для правильного разрешения спора, решение по делу принимается в зависимости от установленных обстоятельств дела.

Совершение судом второй инстанции этих действий основано на предусмотренных законом полномочиях суда апелляционной инстанции по реализации функций по самоконтролю, которые помогают наиболее эффективно и своевременно устранить допущенные погрешности и упущения самой апелляционной инстанцией.

Так, судебной коллегией определение о переходе было принято с учетом доводов ответчика о том, что он не был извещен районным судом о времени и месте судебного заседания.

Однако, если при проверке обоснованности перехода выяснится, что ответчик о рассмотрении дела был извещен надлежащим образом, однако в суд не явился по своему усмотрению, решение суда не может быть отменено по основаниям п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК.

Из этого следует, что переход к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, установленных главой 39 ГПК, сам по себе не означает необходимости обязательной и безусловной отмены решения суда первой инстанции после рассмотрения дела.

Так, неподтвержденность оснований, послуживших причиной для перехода, свидетельствует об отсутствии оснований для отмены решения суда по причине нарушения судом первой инстанции основополагающих правил судопроизводства, указанных в ч. 4 ст. 330 ГПК.

Иное решение вопроса означало бы, что судебные постановления могут быть отменены и в случаях отсутствия указанных в ч. 4 ст. 330 ГПК оснований.

Суды в своей работе придерживаются аналогичной позиции.

Так, определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 28 мая 2013 г. был произведен переход к рассмотрению дела по иску С. к Совету муниципального района «Салаватский район» Республики Башкортостан об оплате времени вынужденного прогула по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, установленных гл. 39 ГПК РФ. При этом в определении было указано, что судом первой инстанции при принятии решения было нарушено правило о тайне совещания судей при принятии решения.

Однако при рассмотрении дела после перехода 1 июля 2013 г. было установлено, что судом первой инстанции не допущено нарушения правила о тайне совещания судей при принятии решения.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции оснований для отмены решения суда по мотиву нарушения правила о тайне совещания судей при принятии решения не усмотрел, решение суда первой инстанции как основанное на законе было оставлено без изменения.

В своем определении суд второй инстанции обоснованно указал на недоказанность обстоятельств, послуживших основанием для перехода к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, установленных гл. 39 ГПК.

Вместе с тем, по мнению некоторых процессуалистов, после перехода к повторному разбору дела исход процесса его участникам заранее известен — отмена постановленного судебного решения¹.

Однако, как нам представляется, с подобной точкой зрения согласиться нельзя.

Так, принятие определения о переходе является лишь процессуальным действием, а потому оно не может препятствовать, применительно к данному случаю, действию конституционных норм, гарантирующих право граждан на справедливый суд, право на разрешение спора с соблюдением правил судопроизводства.

В этой связи в определении о переходе необходимо использовать критерий предположительности, указать не о доказанности факта нарушения основополагающих правил судопроизводства, а лишь о том, что имеющиеся в материалах дела данные (например, о нарушении правил о языке,

---

¹ Афанасьев С. Ф. К проблеме существенных процессуальных ошибок или безусловных оснований к отмене судебных решений по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 58.

на котором ведется судопроизводство) свидетельствуют о наличии оснований для перехода.

Представляется, что в этом случае мотивировочная часть определения о переходе на рассмотрение дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства должна выглядеть следующим образом:

«Из показаний ответчика А. Б. Иванова следует, что он о времени и месте судебного заседания надлежащим образом не был извещен. В подтверждение своих доводов А. Б. Иванов представил также судебную повестку, свидетельствующую о том, что он ее получил позже даты рассмотрения дела.

При таких данных судебная коллегия считает, что имеется достаточно данных для перехода на рассмотрение дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей апелляционного производства».

В настоящее время в ГПК рассмотренный нами вопрос законодателем не урегулирован, не содержится ответа на этот вопрос и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

В этой связи ч. 5 ст. 330 ГПК следует дополнить, признав существующую часть этой статьи, пункт 1, пунктом 2 следующего содержания:

При рассмотрении дела в случае установления необоснованности перехода, при отсутствии других оснований для отмены решения суда, судебное постановление оставляется без изменения.

Представляется, что учет изложенных выше обстоятельств законодателем, правоприменителями будет способствовать дальнейшей оптимизации апелляционного производства, защите прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

В. В. Ярков,
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса
Уральского государственного юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
профессор Уральского филиала
Исследовательского центра частного права
имени С. С. Алексеева,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
yarkov5995@gmail.com*

ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОНЯТИЙ ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

За последние десятилетия существенно обновился и изменился понятийный аппарат процессуального права. В процессуальном законодательстве и правоприменительной практике стали активно использоваться понятия из материального права, которые ранее не употреблялись в процессуальном праве. Многое зависит от правовых квалификаций, которые осуществляет правоприменитель в лице суда, арбитража, нотариуса, иного органа или лица.

В условиях, когда недостаточно норм процессуального законодательства для правоприменения, восполнение пробелов осуществляется путем использования аналогии права или закона, в рамках судебного усмотрения¹. Новые правоотношения нуждаются в некоторой правовой типиза-

---

¹ Данная тема глубоко разработана в доктрине. См. например: Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в гражданском процессе // Сов. государство и право. 1969. № 4; Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980; Кац А. К. Советский закон и судебное усмотрение // Практика применения гражданского процессуального права. Свердловск, 1984; Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма. 1999; Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002; Папкова О. А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005; Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект). Екатеринбург, 2008; Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008; Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М.: Норма, 2008; Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011.

ции, и ввиду отсутствия процессуальных понятий мы используем понятия других отраслей права.

Также важно иметь в виду, что многие юридические факты и фактические составы не имеют ярко выраженной отраслевой принадлежности и их правовые эффекты зависят от того, в какую систему координат они попадают. Ведь законодатель не может предрешить и предугадать — какие правовые последствия повлечет включение той либо иной нормы в российскую правовую систему и какие правовые эффекты в дальнейшем она вызовет. В самом деле, насколько точен был Ф. И. Тютчев, писавший: «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...»

Многозначность правовых понятий давно известна доктрине и правоприменению. Например, как известно, М. А. Гурвич рассматривал право на иск как понятие либо процессуального, либо материального права¹, в то время как А. А. Добровольский, наоборот, различал в едином понятии иска две стороны — процессуально-правовую и материально-правовую². Подобное смешение материального и процессуального права отмечалось и в доктрине гражданского права. Так, В. Ф. Яковлев отмечал проникновение черт гражданско-правового метода в метод гражданского процессуального права³. Именно на этой доктринальной основе диспозитивность гражданского процесса нередко выводится из диспозитивного характера гражданских прав, хотя есть и иные взгляды на решение данного вопроса⁴.

Однако есть и другой подход, подчеркивающий необходимость строгого определения правовых понятий и их отраслевого разграничения. Так, К. И. Комиссаров писал, что «для научно обоснованного определения природы того либо иного юридического института наряду с взаимосвязью права и процесса нужно обязательно учитывать их отраслевую самостоятельность. Только при этом условии можно избежать смешения материально- и процессуально-правовых свойств и значений, искусственного слияния их в некие совокупные, на самом деле невозможные материально-процессуальные понятия»⁵. Представляется, что в этих

¹ Гурвич М. А. Право на иск. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 45, 145.

² См. подробнее: Клейнман А. Ф. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессе. М., 1959. С. 5–22; Добровольский А. А. Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). М.: Изд-во МГУ, 1965. Глава 1.

³ См.: Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 151, 152.

⁴ См. обзор: Плешанов А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2002.

⁵ Комиссаров К. И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданского процессуального права // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Сборник ученых трудов. Выпуск 27. Свердловск, 1973. С. 85.

словах содержится очень важный смысл, заключающийся в том, что при использовании одноименных правовых понятий из иных отраслей права, чем процессуальное, их следует наполнять собственным содержанием, отвечающим отраслевой принадлежности.

С другой стороны, отрицать отсутствие двойственной характеристики у ряда правовых понятий достаточно сложно, поскольку они могут существовать одновременно в разных правовых плоскостях, соединяя в себе черты как материального, так и процессуального права, вызывая самые разные правовые эффекты.

В качестве такого характерного примера выступает судебная неустойка, основанная на институте *l'astraite* из гражданского процесса и исполнительного производства Франции¹. По своей правовой природе она (судебная неустойка) является санкцией процессуального характера и может применяться на основании ст. 308.3 ГК РФ и ч. 4 ст. 174 АПК РФ, которые совпадают практически полностью текстуально и содержательно. В доктрине гражданского права Б. М. Гонгало точно определил правовую природу санкции ст. 308.3 ГК РФ как «процессуальный штраф»².

При этом судебная неустойка имеет ряд гражданско-правовых характеристик, поскольку принципы присуждения судебной неустойки, определенные в п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 (не действующего на сегодня), а затем подтвержденные в ст. 308.3 ГК РФ и 174 АПК РФ, относятся не только и не сколько к процессуальному, но к гражданскому праву: справедливость, соразмерность и недопустимость извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Затем Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 сквозь гражданско-правовую призму интерпретировал целый ряд вопросов применения судебной неустойки.

Что здесь имеет место — различие правовых квалификаций одного и того же правового понятия или применение к процессуальным понятиям некоторых характеристик из иных отраслей права по аналогии, когда они, попадая в систему координат процессуального права, меняют свою сущность и становятся сугубо процессуальными понятиями? Ведь в любом случае судебная неустойка остается санкцией процессуального ха-

---

¹ См. о *l'astraite*: Кузнецов Е. Н. Астрэнт (*aistrainte*) как способ принуждения должника в исполнительном производстве Франции // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002–2003. № 2 / под ред. В. В. Яркова. СПб., 2004. С. 430–445; Кузнецов Е. Н. Исполнительное производство Франции. СПб, 2005. С. 133–153.

² Гражданское право: учебник. В 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2021. Т. 1. С. 125. Т. 2. С. 36.

рактера, в то же время побуждая к исполнению судебного акта в рамках гражданских правоотношений, т.е. побуждая к совершению как процессуальных действий по исполнению судебного акта, так и действий гражданско-правового характера, которые обязанное лицо должно совершить во исполнение судебного акта.

Таким образом, каждый из изложенных подходов имеет свои преимущества и недостатки. Тому достаточно примеров из современной судебной практики. Например, в судебной практике ст. 10 ГК РФ используется для понимания злоупотребления не только в материальном, но и процессуальном праве, для оценки последствий процессуального поведения стороны — добросовестное или недобросовестное¹.

Другой пример — это известное правило ст. 162 ГК РФ, согласно которому несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства. Здесь имеет место дискуссия о том, это процессуальная или материально-правовая норма. Многие ученые рассматривают ее как процессуальную, и вполне правомерно, оценивая ее влияние на процесс доказывания и правила допустимости доказательств².

С другой стороны, в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» дана иная правовая квалификация ст. 162 ГК РФ: «Несмотря на то что правило пункта 1 статьи 162 ГК РФ в случае несоблюдения простой письменной формы сделки предусматривает последствия процессуального характера (лишение стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания), **данная норма является нормой материального права** (пункт 1 статьи 1187 ГК РФ), а потому она не препятствует применению судом в соответствии со статьей 1209 ГК РФ иностранных норм, содержащих иные правила о форме сделок и последствиях их несоблюдения».

На мой взгляд, правы все, поскольку оценка нормы и ее квалификация как процессуальной или материальной зависят от фактического со-

---

¹ См. например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 ноября 2013 г. по делу № А40-153965/2012; постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2019 г. по делу № А58-5313/2016; постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 февраля 2017 г. по делу № А40-89736/2016; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 апреля 2018 г. по делу № А75-12441/2016.

² См.: Треушников М. К. Судебные доказательства / изд. 3-е, исправ. и доп. М.: Городец, 2004. С. 130, 131.

става, в который она включена в конкретной юридической ситуации, и последствий, которые она вызывает в процессуальных либо материальных правоотношениях. То же самое можно отнести и к таким правовым понятиям, как арбитражное соглашение, публичный порядок, взаимность, и целому ряду других, правовые квалификации которых зависят от того, какие последствия они вызывают и для разрешения какого характера вопросов они используются.

Некоторые правовые понятия материального права стали использоваться как понятия процессуального права, в связи с чем возникает вопрос об их толковании и правильном применении. Например, ст. 1192 ГК РФ о нормах непосредственного применения (или сверхимперативных нормах) стала использоваться для обоснования исключительной компетенции российского суда в области международного гражданского процесса. Согласно п. 1 ст. 1192 ГК РФ «правила настоящего раздела не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения)».

Как отмечалось комментаторами ст. 1192 ГК РФ: «Норма права является императивной, если в ней сказано, что «она регулирует соответствующие отношения независимо от подлежащего применению иностранного права». Кроме того, суд может сам дать квалификацию норме как императивной, если законодатель подчеркнул «особое значение» императивной нормы, которое, в частности, может быть выражено в направленности нормы на «обеспечение прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота»¹.

В судебной практике обращалось внимание, что «арбитражный суд применяет к спорным правоотношениям сверхимперативные нормы (статья 1192 ГК РФ) независимо от права, избранного сторонами в качестве применимого» (п. 16 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц»).

Аналогичное положение подчеркнуто в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»: «Суд обязан

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014 // СПС «Консультант плюс».

применить российскую норму непосредственного применения, если сфера действия такой нормы охватывает спорное правоотношение (пункт 1 статьи 1192 ГК РФ)».

При этом среди сверхимперативных норм, подлежащих безусловному применению, выделяются нормы как материальные, так и процессуальные. В частности, «среди сверхимперативных норм российского законодательства можно выделить в первую очередь те, которые содержат указание на это». Так, например, в соответствии с п. 2 ст. 404 ГПК РФ «подсудность дел с участием иностранных лиц, установленная статьями 26, 27, 30 и 403 настоящего Кодекса, не может быть изменена по соглашению сторон»¹.

Следовательно, ввиду отсутствия в процессуальном праве понятия сверхимперативных норм представляется вполне правильным применение по аналогии правил ст. 1192 ГК РФ, выделяя такие же нормы в процессуальном праве, например в ст. 248 и 248.1 АПК РФ. Именно поэтому среди прочих аргументов достаточно установления факта введения и/или применения ограничительных мер в отношении российского лица для обращения в арбитражный суд с заявлением по правилам исключительной компетенции, по делу с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, в соответствии со ст. 248.1 АПК РФ. Применение ст. 248.2 АПК РФ как сверхимперативной нормы позволяет также ограничительно толковать компетенцию иностранных арбитражей.

Или совсем далекие от процесса понятия – стратегические отрасли экономики. Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» установил необходимость предварительного согласования соответствующих сделок и их ничтожность в качестве последствия несоблюдения этого требования. Поэтому нормы данного закона признаются сверхимперативными. При этом нормы ФЗ № 57 об обязательном предварительном согласовании сделок обязательны для соблюдения любыми лицами, которые так или иначе оказались в сфере его действия и поэтому имеют трансграничное действие. Ключевое значение имеет предмет будущей сделки, подпадающей под объект правового регулирования по ФЗ № 57.

Также необходимо обратить внимание на то, что российская судебная практика рассматривает в качестве одного из элементов исполнения сделки приведение в исполнение решения арбитража. Таким образом,

---

¹ См.: Международное частное право: учебник. В 2 т.: Т. 1 / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М., Статут, 2011. С. 331.

в случае если решение арбитража основано на недействительной сделке, такое исполнение арбитражного решения будет незаконным.

Но всегда ли есть действительные проблемы в праве, которые требуют применения права по аналогии либо таких правовых квалификаций, которые превращают материальное в процессуальное? Вопрос не имеет четкого ответа. Всегда ли мы обогащаем наш понятийный аппарат или утрачиваем его и замещаем иными понятиями чужеродного характера, которые не вписываются в наши процессуальные правовые режимы и саму методологию гражданского процессуального права? Приведем два примера.

Согласно ст. 165.1 ГК РФ «Юридически значимые сообщения» заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю. Сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним.

В п. 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «статья 165.1 ГК РФ подлежит применению также к судебным извещениям и вызовам, если гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрено иное».

В п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» подход более радикальный: «По смыслу пункта 1 статьи 165.1 ГК РФ, извещения, с которыми закон связывает правовые последствия, влекут для соответствующего лица такие последствия с момента доставки извещения ему или его представителю. Извещение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним. Изложенные правила подлежат применению в том числе к судебным извещениям и вызовам (глава 9 КАС РФ), если законодательством об административном судопроизводстве не предусмотрено иное. Бремя доказывания того, что судебное извещение или вызов не доставлены лицу, участвующему в деле, по обстоятельствам, не зависящим от него, возлагается на данное лицо (часть 4 статьи 2, часть 1 статьи 62 КАС РФ)».

Но есть ли здесь пробел, который надо восполнить путем применения норм гражданского законодательства как к гражданскому, так и админи-

стративному судопроизводству, в особенности по делам с участием иностранных лиц? В процессуальном праве как праве публичном институты извещений не случайно называются соответствующим образом: «Судебные извещения и вызовы» (гл. 10 ГПК РФ и гл. 9 КАС РФ) или «Судебные извещения» (гл. 12 АПК РФ)¹.

Порядок судебных извещений в арбитражных судах и судах общей юрисдикции имеет общие принципы, поскольку основан на международных договорах Российской Федерации, с учетом отдельных отличий в вопросах регулирования. Поэтому процессуальное законодательство в развитие п. 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 как раз содержит иное, поскольку, например, в арбитражном процессе согласно ч. 1 ст. 121 АПК РФ направление извещений участникам судебного разбирательства относится к компетенции соответствующего суда, а в ч. 5 ст. 121 АПК РФ подчеркнуто, что иностранные лица извещаются арбитражным судом по правилам, установленным в гл. 12 АПК РФ, если иное не предусмотрено АПК РФ или международным договором Российской Федерации. Поэтому обоснованность такого применения ст. 165.1 ГК РФ применительно к судебным извещениям вызывает вопросы.

Вызывает также сомнение возможность применения ст. 86 Основ законодательства РФ о нотариате для целей извещения о судебном процессе за рубежом. Будет ли надлежащим извещением и вручением судебных документов в соответствии российским законодательством передача документов, связанных с судебным процессом на территории иностранного государства, одним из участников судебного дела через нотариуса?

Полагаю, что приведенный способ вручения судебных документов также не является надлежащим по целому ряду причин, как ранее изложенных, так и связанных с применением законодательства о нотариате.

Во-первых, такое вручение посредством нотариуса не предусмотрено международными договорами и применимым российским процессуальным законодательством. Подобные действия иностранного истца нарушают суверенитет Российской Федерации, поскольку он будет заниматься

---

¹ См. подробнее: Ярков В. В. Надлежащее извещение как одно из условий признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса: Liber Amicorum в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук Н. И. Марышевой. ИздСП / составители и отв. редакторы В. М. Жуйков и А. И. Шукин. М.: Проспект, 2020. С. 418–427.

деятельностью по вручению судебных документов вопреки нормам международного и российского права.

Во-вторых, совершение такого нотариального действия в виде передачи судебных документов от имени иностранного суда выходит за рамки компетенции нотариуса и не влечет за собой правовых последствий, связанных с пониманием надлежащего извещения.

Согласно ст. 86 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате «нотариус передает заявления и (или) иные документы физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам. В состав передаваемых документов включается сопроводительное письмо нотариуса».

Таким образом, нотариус передает документы от одного физического и юридического лица другим физическим и юридическим лицам в рамках гражданского оборота. Вручение любых судебных документов осуществляется от имени суда — российского или иностранного — и не тождественно передаче документов между участниками коммерческих отношений. Смещение передачи судебных документов и переписки в рамках взаимодействия участников гражданского оборота через нотариуса недопустимо, поскольку противоречит правилам гл. 12 АПК РФ, устанавливающим порядок «Судебных извещений». Нотариусы не входят в судебную систему и не являются должностными лицами или иными сотрудниками судов, уполномоченными на совершение подобных действий.

Ни один из двух авторитетных комментариев Основ законодательства РФ о нотариате, другие авторитетные книги по нотариату¹ не упоминают о таком правомочии нотариуса по передаче документов от имени иностранного суда, поскольку оно противоречит самой сути данного нотариального действия.

Таким образом, в судебной и в целом юридической практике возникает ряд интересных вопросов о возможности и пределах использования понятий из других отраслей права для целей применения в рамках процессуальных правоотношений. Важно увидеть либо различие правовых квалификаций одного и того же правового понятия межотраслевого характера, либо применение к процессуальным понятиям права по аналогии из других отраслей права для целей восполнения пробелов или применять

---

¹ Нотариальное право: учебник / Б. М. Гонгало, Т. И. Зайцева, И. Г. Медведев и др.; под ред. В. В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2017; Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / А. А. Анисимова, Р. С. Бевзенко, В. А. Белов и др.; под ред. Д. Я. Малешина. М.: Статут, 2018; Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / под ред. К. А. Корсика. М., Фонд развития правовой культуры, 2018; Настольная книга нотариуса: В 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. И. Г. Ренца. М.: Статут, 2022.

нормы процессуального права, не усматривая в конкретной ситуации наличия пробелов в праве.

В заключение остается только привести прекрасное латинское выражение, которое как нельзя лучше передает значение понятийного аппарата и точность его использования для всех сфер человеческих знаний, включая право: «Ignoratis terminis artis ignoratur et ars» («Если терминология предмета неизвестна, неизвестен и сам предмет»)¹.

---

¹ См.: Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / автор-составитель М. Гамзатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 13.

**220-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
И 70-ЛЕТИЕ НОВОЙ ИСТОРИИ
КАФЕДРЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА**

**ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Сборник докладов
на международной научной конференции**

Москва, 7 февраля 2024 г.

ИКД «Зерцало-М»

Подписано в печать 12.06.2024.

Формат 60×90/16. Печ. л. 22,0.

Тираж 200 экз.

Заказ № 1955

